

Джон Перкинс

Тайная история американской империи

Экономические убийцы
и правда о глобальной коррупции

От автора бестселлера
«Исповедь экономического
убийцы»

 АЛЬПИНА БИЗНЕС БУКС

*The Secret History
of the
American Empire*

JOHN PERKINS

---

*The Secret History
of the
American Empire*

*Economic Hit Men, Jackals,
and the Truth About Global Corruption*

ДЖОН ПЕРКИНС

*Тайная история
американской
империи*

*Экономические убийцы
и правда о глобальной коррупции*

Перевод с английского

Москва
2008

УДК 327.8
ББК 67.408.122;66.041.33
П26

Редактор П. Суворова
Перевод Н. Зарахович

П26 **Перкинс Дж.**

Тайная история американской империи: Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции / Джон Перкинс ; Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. — 445 с.

ISBN 978-5-9614-0768-6

Финансовые манипуляции, ведущие к обогащению немногих и обнищанию большей части населения страны, коррупция, терроризм — не правда ли, нам это знакомо? Такое происходит не только в России, но и во многих государствах мира. По утверждению Джона Перкинса, автора бестселлера «Исповедь экономического убийцы», за этим стоят интересы корпоратократии (союза правительств, банков и корпораций), в первую очередь американской.

Мир, который мы создали, опасен для человечества. Как такое могло случиться? Кто несет за это ответственность? Что надо сделать в интересах будущих поколений? Как изменить существующий порядок вещей? Автор не только задается этими вопросами, но и предлагает план действий, который поможет изменить мир к лучшему.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 327.8

ББК 67.408.122;66.041.33

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-9614-0768-6 (рус.)
ISBN 978-0-525-95015-8 (англ.)

© John Perkins, 2007
© Издание на русском языке, перевод, оформление
ООО «Альпина Бизнес Букс», 2008

*Вам, преданным делу построения стабильного,
жизнеспособного мира, свободного от войн и насилия*

Содержание

<i>Благодарности</i>	11
<i>Несколько слов от автора</i>	13
Пролог	15

Часть I. Азия

1. Таинственная незнакомка из Джакарты	29
2. Обиравший прокаженных	36
3. Гейши	43
4. Бугийцы	49
5. Страна коррупции и жестокости	55
6. Потогонная система	60
7. Массовые убийства с благословения Штатов	68
8. Цунами как источник наживы	74
9. Плоды коррупции	79
10. Жертвы насилия в Индонезии	85
11. Не становитесь буддистом!	89
12. Биологические императивы	95
13. Диктатура финансов	102
14. Молчаливый гигант	107

Часть II. Латинская Америка

15. Наемники в Гватемале	115
16. Охваченные яростью	120
17. Кандидат в президенты Bolivia Power	129

18. Меня приглашают в Ла-Пас максимизировать прибыли.	135
19. Изменить свою мечту	142
20. Чавес, сын Венесуэлы	150
21. Эквадор: страна, которую предал президент.	155
22. Боливия: Bechtel и водные бунты.	163
23. Бразилия: скелеты в шкафу.	173
24. Прекрасная кариока	181
25. Бросая вызов империи	186
26. Родственные чувства.	190
27. История убийств	195
28. Какие уроки преподала Латинская Америка	208

Часть III. Ближний Восток

29. Обанкротившиеся Штаты	217
30. Король доллар	222
31. Манипулируя правительствами.	227
32. Ливан. «Они абсолютно сумасшедшие».	233
33. От имени Агентства международного развития.	239
34. Египет: контроль над Африкой	247
35. Собаки неверные	253
36. Иран: автострады и крепости	259
37. Израиль: пехотинец Америки.	266
38. Ирано-иракская война: еще одна победа экономических убийц.	270
39. Катар и Дубай: Лас-Вегас на земле, где правят бал муллы	277
40. В бездну	281

Часть IV. Африка

41. Современные конкистадоры	289
42. Сидящий у Америки на коленях	294
43. Рождение «шакала»	297
44. «Не-люди» с острова Диего-Гарсия	303

45. Принято решение убить президента	308
46. Угон Boeing-707 авиакомпании Air India	312
47. Казнь защитника окружающей среды	316
48. Самый непонятый континент	320
49. Неправительственные организации: ставка на консервацию бедности Африки	325
50. Компьютеры, мобильные телефоны и автомобили	330
51. Бывшие волонтеры Корпуса мира дарят надежду	335
52. Решено: пора изменить мир к лучшему	342

Часть V. Меняя мир

53. Четыре ключевых вопроса	349
54. Перемены возможны	353
55. Современные ополченцы	358
56. Развенчивая миф	364
57. Новый капитализм	368
58. Перечень претензий к корпоратократии	373
59. Глядя в лицо нашим страхам	380
60. Финансовый рычаг для воздействия на Уолл-стрит	385
61. Выкупая долги стран третьего мира	390
62. Пять элементов общности	395
63. Времена, когда открываются возможности	398
64. Самый главный вопрос нашего времени	404
65. Час пробил	410

Приложение А: Организации, упомянутые в тексте	421
--	-----

Приложение В: Отправной пункт подхода к живой демократии	423
---	-----

Приложение С: Список рекомендуемой литературы	437
---	-----

<i>Об авторе</i>	439
----------------------------	-----

<i>Предметный указатель</i>	440
---------------------------------------	-----

Благодарности

Эта книга никогда бы не была написана, если бы те, кто в свое время служил в рядах экономических убийц и «шакалов», не проявили мужество и не поведали мне свои истории. Эти люди не только подвергали опасности свою жизнь, но и раскрыли передо мной самые темные, тайные аспекты своей деятельности. Я выражаю им глубокую благодарность.

Эта книга никогда бы не была написана и без тех людей, под чьим руководством живут и действуют неправительственные организации, благодаря которым корпорации вынуждены менять свою политику в лучшую сторону. Такие организации, их сотрудники и активисты-добровольцы своей деятельностью освещают дорогу, которой следует идти всем нам. Некоторым из них отведено большое место в моем повествовании, но многие так и остались неназванными, как и люди, которые жертвуют средства на столь важную для нас сегодня работу неправительственных организаций. Всем им я говорю спасибо.

Я благодарю всех людей во всем мире, которые не боятся противостоять корпоратократии: и тех немногих, чьи имена попадают в новостные разделы СМИ, и множество остальных, кто стоит в пикетах, развешивает плакаты на зданиях, высказывает свое мнение, посылает электронные письма, баллотируется на выборные должности и голосует за позитивные перемены. Они — истинные герои современной истории, которая рождается сегодня, на наших глазах.

Если бы не Пол Федорко, человек, который вдохновлял и поддерживал меня, ни эта книга, ни «Исповедь экономического убийцы» (*Confessions of an Economic Hit Man*) никогда бы не увидели свет. Помимо того что Пол работает моим литературным агентом, он всегда «прикрывает» меня с тыла: это мое доверенное лицо и мой рупор.

Выражаю благодарность моему редактору Эмили Хайнес. Ее дельные советы и неустанное внимание помогли превратить черновой вариант рукописи в книгу, которая стала ответом на просьбу двух сотрудников Всемирного банка и их сыновей: пролить свет на *тайную историю американской империи* и указать пути решения наших проблем. Я глубоко признателен и Эмили, и другим сотрудникам издательства Penguin Group, которые преданно работали над этим проектом, особенно Брайану Тарту, Трене Китинг, Бет Паркер, Лайзе Джонсон и Мелани Голд.

Хотелось бы высказать слова признательности Пег Бут, моему агенту по рекламе, Дебби Кеннеди из Global Dialogue Center, Дэвиду Такеру из The Pachamama Alliance, Ллин Робертс из Dream Change, Стиву Пьерсанти из издательства Berrett-Koehler, Стивену Рехтшаффену из Omega Institute, Эми Гудман из программы Democracy Now!, Сабрине Бологни, Джан Коулман, Джошу Мейлману, Ричарду Перлу, Ховарду Зинну, Джону Маку и многим другим людям, которые возвысили свой голос ради того, чтобы сделать мир стабильным, жизнеспособным и свободным от войн.

Выражаю глубокую благодарность моей семье — Уинифред, Джессике и Дэниелу — за любовь, поддержку и умение меня вдохновить. Спасибо и коту Сноуболлу, которого я немножко забросил из-за своих писательских трудов.

Несколько слов от автора

Все люди и события, описанные в этой книге, реальны. Я постарался изобразить их настолько точно, насколько это позволяют сделать личные записи, заметки, письма, электронные послания, воспоминания и опубликованные документы. В ряде случаев, чтобы сохранить анонимность, я менял имена действующих лиц и конкретные детали событий; иногда, подобно беллетристу, вставлял придуманные мною, но гипотетически возможные диалоги, однако прибегал к этому приему только в интересах гладкости повествования и никогда — в ущерб правдивости изложения.

Какаясь исторических событий, я руководствовался обязательством как можно точнее излагать их суть, местами сопровождая реплики действующих лиц ссылками на официальные источники (они приводятся в сносках к тексту). При этом я бережно воспроизвел все истории, которые доверили мне другие люди, не меняя ни единой детали и не выверяя их точность.

О чем бы мне ни рассказывали — об угоне коммерческого авиалайнера, вооруженном вторжении в какую-нибудь страну с целью устранения ее президента, подкупе руководителей государства или о том, как ловко они наживались на природных катастрофах, о шантаже и подкупе демократически избранных государственных деятелей или о других эпизодах их тайной деятельности, — я считал своим долгом передать каждую историю как есть, не беря на себя смелость вмешиваться в трактовку событий, комментарии и выводы рассказчиков.

Еще раз хотел бы подчеркнуть, что все события, к которым я был причастен, происходили в действительности, они описаны в работах других авторов, историков, журналистов или оставили след в архивах таких крупных международных организаций, как Всемирный банк; и если вся эта история рассказана с моей точки зрения, то конкретные ее эпизоды имеют документальное подтверждение.

Пролог

Свой рассказ я начинаю именно с того момента, которым завершается моя первая книга, «Исповедь экономического убийцы». Тогда, в 2004 году, дописывая последние строки, я не имел ни малейшего представления о том, заинтересует ли кого-нибудь история жизни экономического убийцы. Мною двигало желание выговориться, во всеуслышание рассказать правду о событиях, к которым я приложил руку.

Жизнь подтвердила правильность моего порыва. Поездив с лекциями по Америке и другим странам, отвечая на вопросы и просто беседуя с людьми, которых действительно заботит будущее, я имел возможность убедиться в их горячем желании узнать реальную подоплеку событий, происходящих в современном мире. Все мы хотим обладать способностью читать между строк скупых газетных сообщений и без назойливых подсказок со стороны открывать истину, завуалированную корыстными заявлениями тех, кто держит в своих руках нити управления бизнесом, правительствами и средствами массовой информации (эта сила называется корпоратократией).

В предисловии к «Исповеди» я уже рассказывал, что несколько раз брался за написание этой книги. Я обратился к другим экономическим убийцам и «шакалам» (состоящим на жалованье у ЦРУ подручным), которые в нужный момент выступают из тени, чтобы довершить дела, начатые экономическими убийцами, — используя давление и шантаж, лезть и подкуп, а то и физическое устранение неудобных. Я хотел, чтобы их истории тоже вошли в мою книгу. Очень скоро молва об этом распространилась, и я сам превратился в объект угроз и шантажа. Мне пришлось отступить от своего замысла.

Но настал день 11 сентября, и перед лицом этой трагедии я поклялся себе, что на сей раз меня уже ничто не остановит и я расскажу миру о том, о чем так долго вынужден был молчать. Чтобы избежать давления, я решил держать в тайне подготовку книги до того момента, пока

она не будет опубликована. Такая политика была на тот момент самой безопасной. «Шакалы» хорошо понимали: случись со мной какое-нибудь несчастье, и продажи моей книги взлетят до небес.

Конечно, в одиночку, без помощи тех, кто тоже варился в этом котле, подобную вещь писать было трудно, но только это могло обеспечить мне хоть какую-то безопасность. Но вот моя книга увидела свет, и для многих из тех, кто приводил в движение тайные пружины событий, о которых я рассказывал, это послужило толчком, чтобы выйти из тени. Экономические убийцы, «шакалы», журналисты, волонтеры Корпуса мира, руководители крупных корпораций, Всемирного банка, Международного валютного фонда (МВФ), государственные чиновники — все потянулись ко мне со своими собственными признаниями. Их истории, рассказанные на этих страницах, раскрывают тайную подоплеку событий, формирующих облик того мира, который мы оставляем в наследство нашим детям, и подводят к неизбежному выводу: мы обязаны действовать, мы обязаны измениться.

Хочу особо подчеркнуть: я не собираюсь погружать читателей в мрачную безысходность и пессимизм. Я по натуре оптимист и как никто другой понимаю, что при всей своей серьезности проблемы нашего мира созданы нами же, людьми, которые в нем живут. Нам не угрожает гигантский метеорит, и Солнце пока не собирается погаснуть. Поскольку мы сами создали эти проблемы, то лучше нас их никто не решит. Изучение мрачных тайн нашего прошлого помогает высветить будущее, которое ждет нас, и — изменить его к лучшему.

Дочитав до конца «Тайную историю американской империи», вы — я в этом бесконечно убежден — обретете абсолютную уверенность, что правильный путь будет найден. Каждый из вас сам определится с планом действий. Все вместе мы сможем использовать плоды прозрений, полученные в ходе исследования прошлого, чтобы построить гармоничное общество, отвечающее самым высоким нашим идеалам.

Я уже несколько месяцев разъезжал по стране с презентацией моей «Исповеди», когда однажды вечером оказался в книжном магазине в Вашингтоне (округ Колумбия). Мне предстояло и там провести

презентацию, которую, как меня уведомили, собирались посетить несколько сотрудников Всемирного банка.

Созданный в 1944 году в городке Бреттон-Вудс, что в моем родном штате Нью-Хэмпшир, Всемирный банк должен был обеспечить восстановление хозяйства стран, пострадавших во время Второй мировой войны. Очень скоро, однако, его миссия трансформировалась в задачу обоснования превосходства капиталистической системы над той, что была создана в Советском Союзе. Для удобства реализации этой задачи сотрудники Всемирного банка наладили тесные связи с главными проводниками капитализма — транснациональными корпорациями.

Таким, как я, экономическим убийцам это открывало простор для организации многомиллиардных финансовых афер. Их механизм был таков: мы направляли средства Всемирного банка и родственных ему организаций в проекты, на бумаге поддерживающие интересы бедных слоев населения, тогда как на деле они обогащали лишь кучку самых богатых. Начинались подобные проекты всегда одинаково: мы выбирали развивающуюся страну, ресурсы которой (скажем, запасы нефти) жаждали получить наши корпорации, и убеждали ее руководство взять крупный заем, который далее переправлялся в руки наших же инженерных и строительных компаний, а также горстке местных коллаборационистов. На эти деньги разворачивались масштабные инфраструктурные проекты вроде строительства электростанций, аэропортов или промышленных парков.

Правда, они редко приносили пользу населению страны — получателю кредита: большинство ее жителей были слишком бедны и не могли пользоваться благами электрификации, не имели возможности летать самолетами и не обладали нужной квалификацией, чтобы получить работу в промышленных парках. Затем проходило какое-то время и мы, экономические убийцы, вновь возвращались в страну, которая считала себя нашим должником, — на сей раз чтобы выколотить то, что причиталось нам по праву: поставку дешевой нефти, или удобное нам голосование по критически важным вопросам в ООН, или вооруженную поддержку наших войск в любой интересующей нас точке мира, например в Ираке.

Беседуя с читателями, я всегда акцентирую их внимание на одном моменте, очевидном для меня, но, как показала практика, неявном для большинства: в действительности Всемирный банк вовсе не все-

мирный — скорее это чистой воды американской банк. Таков же и его ближайший собрат — Международный валютный фонд.

В правлении каждого из этих международных финансовых институтов по 24 директора, при этом за восемью странами — Соединенными Штатами, Японией, Германией, Францией, Великобританией, Саудовской Аравией, Китаем и Россией — закреплено по индивидуальному представителю, тогда как остальные 16 директоров представляют интересы 184 стран — участниц МВФ и Всемирного банка. При этом США контролируют примерно 17% голосов в МВФ и 16% — в правлении Всемирного банка; второй по влиянию является Япония, имея соответственно 6% и 8% голосов; далее следуют Германия, Великобритания и Франция, каждая из этих стран контролирует примерно по 5% голосов. США обладают правом вето на негодные им решения Всемирного банка, а его президента напрямую назначает президент Соединенных Штатов.

Когда официальная часть моей презентации закончилась, я перешел к небольшому столику, чтобы подписывать экземпляры своей книги. Читатели уже выстроились в длинную очередь, извивавшуюся между стеллажами. Судя по всему, вечер обещал затянуться — впрочем, я уже начал к этому привыкать. Удивляло, правда, что на презентации было так много публики в деловых костюмах — судя по всему, сотрудников офисов и учреждений. Они все подходили и подходили, сменяя друг друга и вручая мне свои визитные карточки. Их обладатели занимали высокие посты в иностранных посольствах, а также во Всемирном банке. Оказывается, меня почтили своим присутствием несколько послов, а двое даже попросили подписать экземпляры не только для себя, но и для президентов своих стран.

Замыкали очередь четверо мужчин: двое постарше, в строгих деловых костюмах и при галстуках, а двое совсем молодых, одетых более демократично, в джинсы и спортивные рубашки поло.

Джентльмены постарше вручили мне визитные карточки сотрудников Всемирного банка, а один из тех, что помоложе, сказал: «Наши отцы разрешили передать вам следующее. Каждое утро мы видим, как они, одевшись точно так, — он указал на одного из мужчин постарше, — направляются на работу в офис Всемирного банка. Но когда в Вашингтоне собралась демонстрация протестующих против этого учреждения, наши отцы присоединились к ней, правда,

стараясь остаться неузнанными — в каком-то старье вместо деловых костюмов, да еще в бейсболках и темных очках. И все же они не могли не поддержать демонстрантов, потому что верили в свою — и вашу — правоту».

Мужчины постарше энергично пожали мне руку. «Побольше бы нам таких борцов за справедливость, как вы», — сказал один из них.

«Напишите еще одну книгу, — с горячностью поддержал его второй. — Подробнее расскажите о том, о чем сегодня говорили нам. Покажите, что стало со странами, в которых вы действовали, разъясните, какой огромный ущерб, якобы во имя прогресса, наносят им такие, как мы. Покажите лицо этой империи, выгашите на свет ее методы — как в Индонезии, где статистические данные указывают на рост и прогресс, а жизнь простых людей становится все хуже и хуже. Это даст нам хоть какую-то надежду. Предложите нашим сыновьям альтернативы, благодаря которым они смогут сделать свою работу лучше нас».

Мне оставалось только пообещать, что я напишу такую книгу.

Но прежде чем перейти к основному изложению, мне хотелось бы поподробнее исследовать слово, которое употребил мой собеседник из Всемирного банка, — «империя». В последние годы оно довольно часто звучит и в СМИ, и в аудиториях, и в местных пабах. Но каково точное значение этого слова? Какой смысл вкладывают в него сегодня? Неужели Америка с ее величественной конституцией, «Биллем о правах» и громкими заявлениями о необходимости защищать демократию заслуживает подобного ярлыка, который на протяжении всей истории человечества символизировал жестокий и своекорыстный режим правления?

Итак, **империя** — это государство, доминирующее над другими государствами и характеризующееся одним или несколькими из следующих признаков: 1) эксплуатирует ресурсы территорий, над которыми доминирует; 2) потребляет огромное количество ресурсов — непропорционально много в пересчете на душу населения по сравнению с другими странами; 3) имеет мощные вооруженные силы, используя их как инструмент политики, когда не оправдывают себя другие, более завуалированные методы; 4) стремится насаждать свой национальный язык, свои культуру,

искусство и традиции на всей территории своего влияния; 5) облагает налогами не только собственное население, но и жителей других стран; 6) насаждает свою национальную валюту на контролируемой территории.

Это определение слова «империя» сформулировано мною в ходе многочисленных встреч с университетской молодежью, которые проходили в рамках презентаций моей книги в 2005 и 2006 годах. Оказалось, что почти все студенты, за редким исключением, согласны со следующим выводом: Соединенные Штаты обладают всеми характеристиками глобальной империи. Убедимся в этом, последовательно рассматривая каждый из указанных признаков применительно к Америке.

Пункты 1) и 2): население США составляет менее 5% от общего числа жителей планеты; при этом американцы потребляют более 25% мировых ресурсов. Это во многом обеспечивается за счет эксплуатации других стран, в основном развивающихся.

Пункт 3): США располагают самыми мощными и самыми технически оснащенными вооруженными силами в мире. Хотя Америка создала свою империю в основном экономическими методами — т. е. стараниями экономических убийц, — руководители всех стран нисколько не сомневаются в том, что, если эти методы вдруг дадут сбой, последует немедленное вмешательство американских военных, как это случилось в Ираке.

Пункт 4): в мире доминируют английский язык и американская культура.

Пункты 5) и 6): хотя США напрямую не облагают налогом другие страны и американский доллар на их внутренних рынках не заменяет национальную валюту, корпоратократия внедряет завуалированное налогообложение, а доллар давно стал общепринятой валютой при международных расчетах. Этот процесс начался в конце Второй мировой войны, с очередным видоизменением золотого стандарта — с того момента, когда право обмена доллара на золото сохранилось только у государств, а частные лица его лишались.

В 1950–1960-е годы США делали крупные зарубежные займы, чтобы финансировать поднимающееся в Америке общественное движение в защиту прав потребителей (консьюмеризм), войны

в Корее и Вьетнаме, а также строительство провозглашенного президентом Линдоном Джонсоном «Великого общества». Но когда пришло время платить по кредитам и иностранные бизнесмены попытались получить американские товары и услуги в обмен на свои доллары, вдруг оказалось, что инфляция съела значительную часть их стоимости — это ли не косвенный налог? Их правительства требовали оплаты американских долгов золотом — и что же? 15 августа 1971 года администрация президента Никсона похоронила их надежды сполна вернуть вложенные в американскую экономику средства запретом на золотой стандарт.

Впоследствии в Вашингтоне лезли из кожи вон, убеждая остальной мир продолжать принимать доллар как стандартную мировую валюту. В рамках проекта SAMA (Saudi Arabian Money-laundering Affair) — так у нас называлась тайная афера по отмыванию денег Саудовской Аравии, к которой я приложил руку в начале 1970-х, — Королевский дом Саудов взял на себя обязательство продавать нефть только за доллары США. А поскольку эта страна контролировала мировые рынки нефти, остальным членам ОПЕК не оставалось ничего другого, как присоединиться к этому обязательству. И пока нефть сохраняет за собой статус наиважнейшего стратегического ресурса, доллару обеспечено доминирование на мировом валютном рынке, а тем самым гарантирована выплата всеми странами косвенного налога Соединенным Штатам.

В ходе дальнейших обсуждений «Исповеди» в студенческих аудиториях выявился и еще один, седьмой, признак империи: ею управляет император или правитель, который осуществляет контроль над государственными структурами и средствами массовой информации, не избирается народом и не подчиняется его воле; власть такого правителя не ограничена законом.

На первый взгляд это в корне отличает США от других империй. Но только на первый. Если вдуматься, то это лишь иллюзия отличия. Империей Соединенных Штатов управляет группа лиц, коллективно действующих почти так же, как единоличный правитель. Эти люди стоят во главе крупнейших корпораций, что дает им возможность контролировать наше правительство. Они сами, их воля и их идеи свободно циркулируют через «вращающиеся двери» между бизнесом и правительством. Посредством финансирования политических кампаний и СМИ они обеспечивают себе рычаги давления

на избираемых нами представителей власти и контролируют информацию, которую мы получаем. Эта группа лиц (мужчин и женщин, входящих в корпоратократию) всегда остается у власти, независимо от того, представители какой партии — республиканской или демократической — доминируют в данный момент в Белом доме или конгрессе. Они неподвластны воле народа и не ограничены в своих действиях законами.

Эта современная империя строилась скрытно, исподволь. Большинство ее граждан до сих пор не подозревают о том, что она существует; однако это хорошо прочувствовали на себе те, кого она, эта империя, эксплуатирует и кто продолжает влачить нищенское существование. Каждый день от голода и болезней, вызванных систематическим недоеданием, умирают примерно 24 тысячи человек. Более половины населения планеты продолжает жить меньше чем на два доллара в день — зачастую этого недостаточно для удовлетворения самых насущных потребностей человека, и если пересчитать в реальных показателях, то окажется, что за 30 последних лет этот доход ничуть не увеличился.

Проще говоря, миллионы людей платят слишком высокую цену за то, чтобы мы, граждане империи, могли жить с привычным комфортом, ни в чем себе не отказывая. И хотя мы теперь так озабочены ущербом, который наносит окружающей среде наш безудержный меркантилизм, многие не отдают себе отчета или просто не желают знать, какими людскими страданиями он оплачен. Мы не оставляем выбора нашим детям — хотят они того или нет, им придется держать ответ за вопиющие социальные различия и неравенство, порожденные нашим поколением.

Складывая по кирпичику эту империю, мы, с гордостью носящие звание граждан США, умудрились растерять те фундаментальные духовные ценности, которые в прошлом составляли самую сердцевину понятия «американец». Своими руками мы лишили основных гражданских прав, столь пафосно провозглашенных Декларацией независимости, и себя, и тех, кто попал в орбиту наших колониальных притязаний. Мы больше не можем претендовать на звание нации, соблюдающей универсальные принципы равенства, справедливости и всеобщего благополучия.

Однако век империй недолог — так свидетельствует история. Всем когда-либо существовавшим империям был уготован траги-

ческий конец — одни приходили в упадок, другие были низвергнуты завоевателями. На их руинах бушевали войны и возникали новые империи, чтобы ненадолго заполнить образовавшийся вакуум. Нам необходимо помнить об этом предостережении. Мы должны измениться. Мы не можем позволить истории вновь преподать нам этот горький урок.

Оплот корпоратократии, ее силу и мощь составляют крупнейшие корпорации. Кто, как не они, определяют облик нашего мира? Взгляните на глобус — причудливые переплетения линий отмечают границы не более чем двухсот ныне существующих государств. Рубежи многих из них были проложены по воле колониальных держав прошлого и мало отвечают интересам населяющих их народов — бывшие колониальные владения зачастую почти не имеют авторитета и влияния в своих регионах.

Геополитическая модель мира безнадежно устарела; реалии его современного устройства куда лучше отобразили бы огромные ступки туч, нависших над всей планетой и олицетворяющих сферы влияния транснациональных гигантов. Ни одна страна не избежала их железной хватки. Их щупальца проникли и в самые непроходимые джунгли экваториальных лесов, и в самые отдаленные уголки пустынь. Нет на земле такого места, до которого не дотянулась бы корпоратократия.

Она активно действует, потому что достаточно поднатрела в постановке шоу под названием «демократия и прозрачность» и с успехом воспроизводит их на подмостках многих государств мира. Но это не меняет существа корпораций, а лишь маскирует их имперский диктат, когда горстка келейно избранных принимает решения и направляет в свои карманы львиную часть прибыли. Достаточно посмотреть на наш электоральный процесс — основу основ нашей демократии — чтобы понять, что нам подсовывают в качестве кандидатов только тех, у кого полна предвыборная кубышка. Так что на деле мы выбираем между теми, кто куплен корпорациями, и теми, кто владеет ими. Империя, попирающая наши высокие идеалы, построена на жадности, умении тайно проворачивать свои делишки и безмерном меркантилизме.

Корпоративные монстры, однако, плохи не во всем. За многие годы они продемонстрировали умение эффективно мобилизовать и использовать ресурсы, поддерживать дух коллективного

творческого созидания, расширять информационную и дистрибутивную сеть, способную охватить самые отдаленные уголки мира. Именно они, крупнейшие корпорации, способны дать все то, что могло бы спасти от голодной смерти те 24 тысячи страждущих, что продолжают гибнуть каждый день. Благодаря стараниям корпораций мы располагаем и знаниями, и технологиями, и действенными системами для того, чтобы построить на нашей планете стабильный, жизнеспособный и справедливый мир.

Отцы-основатели нашего государства хорошо понимали, что революция не должна привести к анархии. Избавляя свою страну от тирании метрополии, они одновременно закладывали основы коммерческих и законодательных механизмов наподобие тех, что эффективно действовали в Британии. Теперь нам предстоит сделать нечто похожее — взять у построенной нами же империи все самое лучшее и направить на благое дело объединения народов мира, сгладить наиболее острые противоречия, залечить раны и сократить разрыв между богатством и бедностью.

Как когда-то наши отцы-основатели, мы должны проявить гражданское мужество и со всей решительностью покончить со старыми шаблонами устройства общественной жизни, которые обрекали целые народы на страдания и нищету. Наша задача — трансформировать империю в модель общества, где достойные руководители мудро управляют достойными гражданами.

Чтобы добиться этой цели и передать нашим детям в наследство мир, который они почтут за честь унаследовать, надо начать с главного — трансформировать опоры, на которых покоятся власть и сила корпоратократии, — корпорации. Менять предстоит буквально все: и их самоидентификацию, и то, как они определяют свои цели, как разрабатывают методы управления и критерии для отбора топ-менеджеров.

Корпорации во всем зависят от нас, людей, ведь именно мы — строительный материал для наращивания их интеллекта и мускулов. Мы же и их рынок: мы покупаем то, что они производят, и своими деньгами финансируем реализацию их идей и устремлений. В то же время, как показано в этой книге, мы способны добиваться поразительных успехов, если ставим себе целью изменить пагубные привычки корпораций — нам, например, удастся заставить их очищать загрязненные промышленными отходами реки, прекра-

щать производство средств, разрушающих озоновый экран, избавляться от постыдной практики дискриминации. Теперь настало время извлечь уроки из наших побед и подняться на более высокий уровень.

Мы должны предпринять действия — те, о которых говорится на этих страницах, — чтобы довершить дело, начатое в 1770-х годах нашими предшественниками и до сих пор не невыполненное. Сама жизнь призывает нас принять эстафету у отцов-основателей нашей страны и у всех тех мужчин и женщин, кто следовал завещанным ими курсом, у тех, кто не щадя себя боролся против рабства, кто не дал стране погибнуть в тяжелые годы Великой депрессии и победил Гитлера; у тех, кто, спасаясь от угнетения, устремлялся к нам в поисках пристанища или лучшей жизни, кому даровали надежду величайшие общечеловеческие принципы, закрепленные в священных для каждого американца документах.

Пробил час, когда мы должны мобилизовать все свое мужество и выполнить миссию, которую они нам завещали. Во имя их памяти мы обязаны не допустить, чтобы эта новоявленная империя рухнула и ей на смену пришла другая. Давайте же преобразуем ее, пока не поздно!

После той памятной презентации в Вашингтоне я часто мысленно возвращался к просьбе двух сотрудников Всемирного банка и своему обещанию написать еще одну книгу, которая показала бы губительные последствия деятельности таких, как я, экономических убийц и указала бы всем неравнодушным путь к надежде на лучший мир и лучшую долю. Я понял, что обязан сделать это. Так я понимал свой долг перед теми, кто прочитал и прочувствовал мою первую книгу, перед сыновьями тех двоих мужчин, перед моей 23-летней дочерью и перед всем молодым поколением, которое они олицетворяют. Для всех них — и для себя самого — я обязан сделать следующий шаг.

Часть I

АЗИЯ

Таинственная незнакомка из Джакарты

Направляясь в 1971 году в Азию, я чувствовал себя как завоеватель, готовый предать разорению и насилию стан поверженного противника. Мне было 26, и я чувствовал себя обманутым жизнью. Душа жаждала реванша.

Теперь, оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что своей работой я обязан именно ярости, кипевшей у меня в душе. Психологические тесты, с помощью которых меня долгими часами проверяли в Агентстве национальной безопасности (NSA), показали, что во мне сокрыт потенциал экономического убийцы. Иными словами, самая засекреченная шпионская организация страны сочла, что, если направить в должное русло одолевающие меня бурные страсти, я окажусь полезным для выполнения ее миссии расширения империи. Так я получил работу в международной консалтинговой фирме Chas. T. Main (MAIN) — одной из тех, что выполняла для корпоратократии грязную работу. Меня рассматривали как идеального кандидата на роль разорителя третьего мира.

В «Исповеди» я достаточно подробно рассказал о причинах ярости, которая сжигала мне душу. Впрочем, могу повторить их еще раз — эти объяснения уложатся в несколько предложений. Родители мои работали учителями в привилегированной частной средней школе и имели весьма скромный достаток, однако вырос я в окружении обучающихся там отпрысков богатых семейств.

С ранних лет меня одновременно пугали и притягивали представительницы прекрасного пола — видимо, как раз по этой причине они всегда сторонились моего общества. Я от души ненавидел колледж, который вынужден был посещать только потому, что так хотели мои родители. Впервые восстав против их диктата, я бросил

учебу и устроился в крупную городскую газету курьером — это было как раз по мне.

Правда, через некоторое время вернулся, поджав хвост, назад, в колледж, чтобы избежать призыва на военную службу. Женился я рано, и то только потому, что так хотела моя избранница — единственная особа женского пола, которая в конце концов снизошла до меня. Потом три года, опять же движимый стремлением избежать армейской службы, я провел в Амазонии и Андах нищим волонтером Корпуса мира.

Я всегда считал себя истинным патриотом, преданным своей стране, что только распаяло мою ярость. Еще бы, мои предки участвовали в Войне за независимость и почти во всех войнах, которые вели США. Моя семья всегда поддерживала консервативные идеи республиканцев. Почерпнув первые уроки гражданственности в трудах Томаса Пейна и Томаса Джефферсона, я всегда считал консерваторов людьми, верившими в идеи, которые легли в основу построения моей страны, я верил в справедливость и равенство для всех.

Меня не могло не возмущать, когда эти идеи предавали во Вьетнаме, когда их порочили тайные сделки правительства с крупной нефтяной компанией — мне довелось увидеть своими глазами, как из-за этого безжалостно истребляют леса Амазонки и порабащают племена, населяющие эту местность.

Почему же я избрал путь экономического убийцы? Разве это не означало предать свои идеалы? Сейчас, положив руку на сердце, могу признаться, что эта работа сулила осуществление многих моих мечтаний: она обещала деньги, власть, прекрасных женщин, да еще и путешествия первым классом в самые экзотические уголки мира. Конечно, меня уверили, что ничего противозаконного мне делать не придется. В сущности, исполняя я свою работу на отлично — и мне были бы обеспечены почет и уважение, приглашения читать лекции в университетах Лиги плюща и царский прием везде, где бы я ни появился.

Так говорил разум, а сердце шептало, что путь этот исполнен опасностей и невзгод, так что, убеждая себя в прелестях этой работы, я будто играл сам с собой. Но во мне жила вера, что я стану счастливым исключением. Так что, направляясь в Азию, к месту своего назначения, я планировал сначала в течение нескольких лет попользоваться всеми благами, которые мне давала работа, а после разоблачить эту порочную систему и выбиться в герои.

Должен заметить, что немалую роль в решении сыграло мое давнее детское восхищение пиратскими историями и приключениями авантюристов, однако в реальной жизни, делая все то, чего от меня требовали, я обрекал себя на прозябание. Я же всегда был идеальным сыном — за исключением факта побега из колледжа. А сейчас — я это чувствовал! — для меня настало время силой взять у жизни то, в чем она до сих пор мне отказывала.

Моей первой жертвой должна была стать Индонезия...

Самое крупное в мире островное государство, Индонезия раскинулась на архипелаге из более чем 17 тысяч островов, разбросанных на огромном пространстве от Юго-Восточной Азии до Австралии. Страну населяют около трех сотен различных этнических групп, говорящих более чем на 250 местных языках и диалектах. Среди населения преобладают мусульмане — доля представителей этого вероисповедания в Индонезии выше, чем в какой-либо другой стране мира. В конце 1960-х годов уже было известно о ее богатейших запасах нефти.

Президент Джон Кеннеди отводил Азии роль бастиона антикоммунизма и помогал руководителям азиатских государств строить на этом принципе свои империи. С этой целью он поддержал переворот в Южном Вьетнаме, лишивший власти президента Нго Дин Дьема, впоследствии убитого, как считали многие, по прямой указке ЦРУ. Позже это ведомство приложило руку к свержению правительства Мохаммеда Моссадыка в Иране, правительства генерала Абделя Керима Касема в Ираке, Арбенса Хакобо в Гватемале и Патриса Лумумбы в Конго. Падение правительства Дьема позволило США сосредоточить в Юго-Восточной Азии большие военные силы, а впоследствии развязать вьетнамскую войну.

Жизнь, однако, опрокинула планы Кеннеди. Еще задолго до убийства самого президента вьетнамская война обернулась для США катастрофой. В 1969 году президент Ричард Никсон начал частичный вывод войск из Южного Вьетнама — его администрация взяла на вооружение более изощренную стратегию, призванную не допустить эффекта домино: лавинообразного перехода государств Юго-Восточной Азии в коммунистический лагерь. Индонезии в этой стратегии отводилась ключевая роль.

Определяющим фактором для выбора этой страны стало то, что глава государства, президент Хаджи Мохаммед Сухарто, завоевывал

репутацию непреклонного антикоммуниста, который не гнушался самых жестоких методов проведения своей политики. Он прославился тем, что, находясь во главе индонезийской армии, в 1965 году жестоко подавил инспирированный коммунистами мятеж.

Последовавшая за этим кровавая бойня унесла жизни от 300 до 500 тысяч индонезийцев, которых подозревали в связях с коммунистами — это было одно из самых кровавых массовых убийств века, которое можно смело поставить в один ряд с политическими репрессиями Адольфа Гитлера, Иосифа Сталина и Мао Цзэдуна. Еще примерно миллион жителей страны были брошены в застенки и тюремные лагеря. На волне антикоммунистических настроений в 1968 году Сухарто стал президентом Индонезии.

К моменту моего прибытия в страну цели американской внешней политики в отношении Индонезии уже четко оформились: поставить заслон распространению коммунизма и всячески поддерживать президента Сухарто. Считалось, что он будет служить интересам Вашингтона примерно так же, как это делал шах Ирана. Эти два политических деятеля были во многом схожи: оба алчные, тщеславные, жестокие. Мы же не только жаждали индонезийской нефти, но и хотели сделать эту страну образчиком успешного антикоммунистического режима для остальной Азии, да и всего исламского мира.

В задачу консалтинговой фирмы, которая была моим работодателем, входила разработка проекта интегрированных энергетических систем, что позволило бы самому Сухарто и его друзьям из правительства поскорее развить индонезийскую промышленность, еще больше набить карманы, ну и, конечно, на долгие годы сохранить в стране американское господство. Моя собственная задача заключалась в том, чтобы подготовить экономическое обоснование для получения Индонезией кредитов у Всемирного банка, Азиатского банка развития и американского Агентства международного развития (USAID).

Вскоре после моего приезда в Джакарту команда MAIN в полном составе собралась в элегантном ресторане на последнем этаже отеля Intercontinental Indonesia. Слово взял руководитель нашего индонезийского проекта Чарли Иллингуэрт, который в двух словах резюмировал нашу главную задачу: «Мы здесь для того, чтобы — ни много ни мало — вырвать эту страну из тисков коммунизма». И добавил: «Все мы знаем, насколько наша собственная страна зави-

сит от поставок нефти. Индонезия может стать нам мощным союзником. Не забывайте об этом, претворяя в жизнь наш генеральный план. Делайте все возможное, чтобы нефтяная промышленность и все обслуживающие ее отрасли — порты, нефтепроводы, строительные компании — в отношении энергетики были бы обеспечены всем тем, что им может понадобиться, на протяжении всех 25 лет действия нашего плана».

По существовавшему в те годы в Джакарте обычаю большинство правительственных учреждений открывалось рано, уже в семь утра, и работало до двух часов пополудни. Примерно в середине дня чиновники делали перерыв, чтобы немного перекусить, выпить кофе или чай, а обедать предпочитали без спешки, уже после того как кончался официальный рабочий день.

Я взял себе за правило к этому времени быстренько возвращаться в отель, переодеваться в плавки и спускаться в бассейн, где заказывал в баре сэндвич с тунцом и кружку охлажденного местного пива Bintang Baru. И хотя я исправно таскал за собой кейс, набитый деловыми бумагами, скапливающимися после многочисленных деловых встреч, это было чистой уловкой, чтобы обмануть самого себя. Меня гораздо больше занимали иные занятия — я совершенствовал свой загар и вожделенно разглядывал юных красоток в соблазнительных бикини. Это были в основном американки, скупающие жены рабочих и инженеров, дни напролет пропадавших на отдаленных стройках, или менеджеров, просиживающих в офисах в самой Джакарте.

Очень скоро меня очаровала одна из этих прелестниц, примерно моих лет и явно с примесью восточных кровей. Она выделялась не только грациозным, изящным телом, но и удивительно дружелюбным видом. В том, как она держалась, кокетливо потягивалась, ныряла в воду или посылала мне улыбку, заказывая бармену на английском какую-то еду, мне чудилось что-то завлекающее, словно она приглашала меня к флирту. А я, как дурак, в смущении отворачивался и, наверное, даже краснел, кляня в душе слишком пуританское воспитание, которое дали мне родители.

Как я вскоре заметил, примерно в четыре, примерно через час-полтора после того как я занимал свой пост на бортике бассейна, к ней присоединялся мужчина. Уверен, это был японец. Он всегда появлялся в строгом деловом костюме, что было несколько неужи-

данно в стране, где требования к официальному виду ограничивались брюками свободного покроя и отутюженной рубашкой навыпуск, обычно из батика местного производства. Немного поболтав о чем-то, эта парочка обычно исчезала, а я, как ни искал, никогда не встречал их ни вместе, ни поодиночке — ни в баре отеля, ни в ресторане, ни где-либо еще. Казалось, они бывали в бассейне и нигде больше.

Как-то днем, спускаясь в лифте на первый этаж отеля, я призвал всю свою решимость и дал себе слово, что сегодня непременно подойду к девушке и даже заговорю с ней. В самом деле, думал я, что я теряю? Известно ведь, что она замужем за тем японцем, но я-то ведь ни на что и не претендую — скажу, мол, соскучился по родному языку и просто хочу поболтать с соотечественницей. Ей и возразить будет нечего. Приняв твердое решение, я возликовал.

Направляясь к бассейну и предвкушая разговор с моей красавицей, я испытывал приятное волнение и даже мурлыкал под нос какую-то славную песенку. Но вот незадача! Подойдя к бассейну, я обнаружил, что ее привычное место пусто. Смущенный и сбитый с толку, я застыл возле входа. Потом завертел головой во все стороны в отчаянной надежде ее увидеть. Но очаровательницы нигде не было.

Бросив кейс возле ближайшего шезлонга, я устремился в прилегающие к бассейну сады. Раньше я как-то не интересовался ими, а тут обнаружил, что они довольно-таки обширны. Райские сады, да и только — море восхитительных цветов всех мыслимых и немыслимых расцветок, все благоухает, тут и там на ветках сидят сказочно красивые птички. Мне попались на глаза заросли бромелий — я вспомнил, что видел точно такие же на Амазонке, — но сейчас, глядя на них, испытывал только острое сожаление об утраченной возможности полюбоваться ими вместе с ней.

Пальмы и экзотические кустарники сплетались, образуя множество укромных уголков. Я подумал, что она могла скрыться от посторонних глаз по ту сторону живой изгороди, и представил, как она лежит на полотенце среди изумрудной травы. Я рванулся огибать чертову изгородь, но лишь вспугнул своим топотом какую-то женщину, которая, видимо, устроилась там позагорать. Она приподнялась, судорожно натянув на грудь спущенный верх бикини, и грозно уставилась на меня, будто уличая в подглядывании. Видимо, нечто подобное содержалось и в словах, что она прокричала мне в лицо на непонятном языке. Я извинился со всей учтивостью, на ка-

кую был способен, и ретировался в сторону бассейна, где валялся мой брошенный впопыхах кейс.

Дождавшись, когда ко мне подойдет официант, я жестом указал на пустовавшее кресло, которое она обычно занимала. Официант услужливо закивал, улыбнулся, показывая, что понял меня, и схватился за кейс, видимо, намереваясь поставить его на пустое кресло.

«Нет, нет, *tidak*, — энергично запротестовал я. — Женщина, что сидела здесь. Где она?»

Я полагал, что официант бара при гостиничном бассейне должен бы знать своих постоянных клиентов и их привычки, тем более когда речь шла о даме, у которой был такой приметный спутник — японец в строгом офисном костюме.

«Нет, нет, *tidak*», — бодро повторил он за мной.

«Да, так куда она ушла?» — при этом я энергично воспроизвел руками и плечами вопросительный жест, который, как я полагал, должен был быть понятен любому человеку.

Официант исправно скопировал мою нехитрую пантомиму и с идиотской улыбкой повторил мои слова: «Так куда она ушла?»

«Да, — подтвердил я. — Так куда?»

«Да, так куда», — вновь как попугай повторил он. Затем вопросительно пожал плечами, и на его лице расплылась загадочная улыбка чеширского кота из «Алисы в Стране чудес». Решив усилить впечатление, официант щелкнул пальцами и сказал: «Да». Ему, видите ли, было смешно.

Мне не оставалось ничего другого, как подавить тяжелый вздох и смириться с полным провалом моей теории о всезнайстве официантов при гостиничных бассейнах.

«Сэндвич с тунцом и кружку Bintang Baru?» — озвучил бармен мой всегдашний заказ.

Вдохнув, я лишь кивнул ему в ответ. Довольный достигнутым наконец пониманием, он рысью удалился.

Тем временем наступило четыре часа пополудни — время, когда к прелестной незнакомке всегда присоединялся ее спутник, — потом полпятого, пять. Однако ни она, ни он так и не появились. До крайности разочарованный, я поплелся в свой номер, принял душ, оделся и вышел. Я ощущал непреодолимое желание вырваться из отеля. Мне казалось, что, окунувшись в атмосферу города, я немного отвлекусь и развеюсь.

Обирающий прокаженных

Стоял жаркий душный вечер, какие в Джакарте не редкость. Небо было сплошь заложено грозовыми тучами, угрожавшими каждую минуту пролиться обильным ливнем. Окунувшись в липкую духоту, я с интересом озирался — до этого мое пребывание на улице ограничивалось временем, необходимым для того, чтобы дойти до стоянки перед отелем, где я садился в закрепленный за мною джип, или вернуться в номер. Теперь же с непривычки к сутолоке оживленной улицы я первым делом чуть не попал под колеса бечака — трехколесного экипажа велорикши.

Я часто и много ездил по городу на служебном автомобиле, направляясь на деловые встречи, всегда с интересом разглядывал небольшие ящикообразные пассажирские кабины бечаков, разрисованные всеми цветами радуги, и находил их весьма колоритными. Это утверждало меня в мысли, что Индонезия — страна одаренных умельцев. Теперь же, терзаемый собственными переживаниями, я смотрел на них другими глазами.

Я вдруг заметил, что велорикша, чуть не сбивший меня, и его собратья по профессии — одетые в лохмотья бедняки, которые отчаянно конкурируют друг с другом за клиентов. Оглушая звоном колокольчиков, велорикши устремились ко мне в надежде привлечь к себе внимание. Опасаясь, что они и в самом деле меня собьют, я отступил на дальний край тротуара, вплотную приблизившись к темной и мрачной, как деготь, сточной канаве, забитой отбросами и издающей отчетливый запах мочи.

Присмотревшись, я заметил, что канава круто сбегает вниз, к одному из тех многочисленных каналов, которые построили еще в давние времена колонизаторы-голландцы. Вода в канале была стоячая, покрытая вязкой пленкой мерзкого зеленого оттенка, который ассоциируется с гниением и распадом; вонь от нее поднималась непередаваемая.

Глядя на эти застойные воды, я подумал, как нелепо, что такой изобретательный народ, как голландцы, сумевшие превратить топкие прибрежные земли у себя на родине в тучные пастбища, задались целью воспроизвести в этих широтах свой любимый Амстердам с его каналами. Здешний, джакартский канал был переполнен мусором и нечистотами.

Я даже почувствовал, что эти два элемента дренажной системы, канава и канал, различаются по запахам. Если сточная канава издавала стойкий «аромат», в котором кисловатый душок гниющих фруктов смешивался со стойким запахом мочи, то от канала шел более густой тягучий смрад, в котором преобладали невыносимая вонь человеческих экскрементов и миазмы гниения.

Я медленно пошел вдоль улицы, временами уворачиваясь от бекаков, снующих по краям проезжей части. Середина улицы была наводнена автомобилями и мотоциклами. Тут и там слышались пронзительные вопли клаксонов, чихали неисправные моторы, визжали тормоза, перекрывая остальной шум, ревели лишенные глушителей двигатели. Над разогретым асфальтом проезжей части улицы поднималась едкая вонь не до конца выгоревшего бензина, а над тротуаром во влажном воздухе висели клубы выхлопных газов. Весь этот уличный ад своим шумом и вонью начинал физически давить на меня.

Чувствуя себя окончательно разбитым, я на минуту остановился, чтобы перевести дух. Вдруг страшно захотелось, бросив свои дурацкие поиски, вернуться в тишину и благодать отеля. Но я собрал волю в кулак и напомнил себе, как многие недели жил в самой глуши амазонских джунглей, а потом еще в глинобитных хижинах крестьян на склонах Анд. Мне припомнились эти простые, неприхотливые, задавленные постоянной нищетой люди, чей дневной рацион ограничивался несколькими клубнями картофеля и горсткой бобов. Говоря о своих детях, они всегда упоминали не только живых, но и умерших, причем первых зачастую бывало куда меньше, чем вторых.

Потом мои мысли обратились к тем, кто делил со мной тяготы тех поездок, и, наконец, ко всем американцам, посещающим разные страны мира. Большинство из них, размышляя я, намеренно не желали видеть другие страны глазами тех, кто живет там всю жизнь. Внезапно меня пронзила мысль, что работа волонтера Корпуса

мира — вернее, узы, что связали меня с людьми, которые щедро открывали мне душу, делились скудным достатком, с радостью принимали меня и дарили тепло своей привязанности и даже любви, — все это оставило глубокий след в моей душе.

Одинокое стояние на улице Джакарты в жару сгущающихся сумерек, я засомневался: неужели я и впрямь уродился экономическим убийцей? Как я мог соблазниться столь жестокой ролью, беззащитно грабить всех этих бедняков — велорикш, выбивающихся из сил за кусок хлеба, молодых девушек и парней, прислуживающих мне в отеле, в офисах фирм и госучреждений, бедняков-крестьян, поливающих потом свои рисовые поля, рыбаков, швей, плотников, хозяев мелких магазинчиков?

Одно дело — быть благородным Робин Гудом, грабить богатых и раздавать все беднякам или, скажем, бесстрашным пиратом и охотиться за испанскими галеонами, трюмы которых ломятся от золота для королевской казны. Но обирать бедных?! А между тем именно в этом и состояла в конечном итоге моя задача: меня учили грабить бедных, чтобы передать награбленное богатым и получить за это щедрые комиссионные. Как же я мог этим заниматься? Как Чарли Иллингвэрту и всем ему подобным удавалось жить в мире со своей совестью?

В тот момент я ощутил личную ответственность за все, что мы делали. Мне пришлось признать, что годы, проведенные в Эквадоре, изменили мое мировоззрение, которое теперь резко отличалось от взглядов моих коллег — как, впрочем, и от мнения американских граждан, чьими налогами оплачивался труд мне подобных. Не знаю, хорошо это или плохо, но мне было ниспослано прозрение, которым обладали лишь немногие американцы.

Каждый живущий как-то оправдывает для себя свою жизнь. Чарли, например, поставил себе целью бороться с распространением коммунизма. Другие же зачастую лукавят перед собой. «Мир жесток, — говорят они. — Своя рубашка ближе к телу». Некоторым удобно считать, что представители других рас или социальных слоев изначально ниже по развитию или от природы ленивы, по каковой причине и заслуживают свалившихся на них бед и невзгод. Есть, наверное, и такие наивные, кто искренне верит, будто проблемы мира можно решить, понастроив энергосетей и повсеместно проведя электричество. Но только не я. Мне, я почувствовал, еще только

предстояло решить, чем оправдать свое существование в этом мире. Внезапно я почувствовал себя древним стариком.

Все это время я продолжал в задумчивости пялиться на канал. Как мне хотелось, чтобы под рукой оказался экземпляр «Здорового смысла» Томаса Пейна! Я бы с удовольствием швырнул его в зловонные тухлые воды.

Вдруг мой взгляд привлекло нечто, чего я до сих пор не замечал. Валявшаяся у самой кромки стоячей воды огромная картонная коробка, скособоченная и изломанная, как выдавший виды головной убор попрошайки, вдруг задвигалась, зашевелилась. Я невольно стал следить за ее судорожными подергиваниями, которые напоминали агонию смертельно раненного животного.

На долю секунды мне показалось, что это просто бред воспаленного воображения — из-за духоты, вони и уличного грохота. Я решил двинуться дальше, но прежде чем отвернуться от канала, заметил, как из коробки выпросталось нечто напоминающее человеческую руку или то, что прежде могло быть рукой, а теперь представляло собой жуткую окровавленную культю.

Коробка между тем все содрогалась. Культя прошла по ее краю и замерла у верхнего угла. Из коробки появилась копна черных волос, спутанных и грязных. Они торчали во все стороны, как змеи на голове Медузы Горгоны. Голова затряслась, и следом за ней из коробки стало вылезать тело, доселе спрятанное в ее глубинах.

Приглядевшись, я почувствовал, как по спине прокатилась дрожь отвращения и ужаса. Это было человеческое существо, согбенное и искореженное, — судя по всему, женского пола. Она тяжело плюхнулась на землю у самой воды. Я вдруг понял, что вижу то, о чем много слышал, но с чем до этого ни разу не сталкивался: эта женщина — если только я не ошибся в определении ее пола — была прокаженной. Впервые мне приходилось видеть человека, чья плоть гнила заживо.

Пристроившись у воды, вернее, облокотившись на кучу мусора, женщина другой рукой, которая раньше была скрыта коробкой, принялась полоскать в зловонной жиже канала какую-то тряпку, затем медленным движением стряхнула с нее воду и обмотала культю, скрывая зияющие на месте пальцев страшные раны.

Мне послышался стон, и я не сразу понял, что он исходил из моей груди. Ноги стали как ватные. Я с трудом подавил острое же-

лание бегом броситься назад в отель и призвал все свое самообладание, чтобы остаться на месте. Я должен был пройти через это испытание — наблюдать агонию человеческого существа, сердцем чувствуя, что любое другое действие было бы неверным. Эта женщина постоянно терпела такие мучения, одна лицом к лицу со своей ужасной долей. Сколько же таких несчастных, отверженных и заброшенных душ каждый божий день в одиночестве обреченно свершают подобные жуткие ритуалы здесь, в Джакарте, по всей Индонезии, в Индии, в Африке, думал я.

Вдруг стенки коробки вновь начали подрагивать. Прокаженная медленно повернула голову в сторону шороха и устала на коробку запавшими глазами. Ее лицо, как я заметил, представляло собой сплошное месиво из жутких язв, а губ не было вообще.

Над кромкой коробки появилась голова ребенка. Я уже больше не мог выносить безмолвного ужаса этого зрелища, но шея будто окостенела, и я стоял застыв, не в силах двинуться, замороженный и парализованный. Так бывает, когда человек становится свидетелем убийства, но не только ничем не может помочь жертве, но и не может оторвать взгляда от ужасного зрелища. Ребенок между тем вылез из своего убежища и пополз к матери. Привалившись к ней, он принялся плакать. Вернее, я подумал, что он плачет — из-за шума улицы плача было совершенно не слышно. Это было, как в немом кино: широко открывающийся рот и конвульсии слабого детского тельца.

Прокаженная вдруг заметила, что за ней наблюдают. На мгновение наши глаза встретились. Плюнув на землю, она тяжело поднялась на ноги, замахала культей в мою сторону, а потом, подхватив ребенка, с неожиданным проворством забралась обратно в коробку.

Продолжая глядеть на место, где она только что была, я почувствовал, что меня что-то вдруг будто толкнуло в спину. Судорожно обернувшись, я рефлекторно схватился за карман брюк, проверяя, не пропал ли бумажник. Убедившись, что он на месте, я испытал некоторое облегчение, перешедшее в заинтересованность, когда заметил чуть поодаль на тротуаре двух симпатичных девушек, идущих в мою сторону. Они хихикали и зазывно улыбались. На одной были джинсы в обтяжку, на другой — коротенькая юбочка. Обе на высоких острых каблучках и в легких топиках. Подойдя поближе, девушки остановились и заулыбались мне еще шире. «Не бояться за карманы, мистер, — проговорила та, что в мини-юбке. — Мы не

воровать... мы любить...» Тут она поманила меня пальчиком: «Идите к нам, полюбите нас». Я отрицательно покачал головой. «О-о-о! Он любить мальчиков», — прокомментировала девушка мой отказ, и они продолжили свой путь.

Прямо перед ними находился пешеходный переход в виде мостика, перекинутого поперек улицы над бешеным транспортным потоком. Девицы направились к переходу. Они выступали, словно пара тигриц, рыскающих в поисках добычи. Плавно покачивая бедрами, они словно распространяли вокруг себя флюиды острой сексуальности. Прежде чем шагнуть на ступеньку мостика, девица в мини-юбочке обернулась в мою сторону, ухмыльнулась и помахала мне рукой. Затем обе стали подниматься вверх.

Я снова взглянул на картонку, лежащую внизу. Она не шевелилась. Налетел легкий ветерок, вызвав на воде легкую рябь. Я уж было совсем решил спуститься к берегу и отдать несчастной, которая затаилась в своем жалком убежище, всю наличность из бумажника. Но, заметив рядом с коробкой забытые при спешном бегстве тряпки, служившие ей одеждой, счел за лучшее не травмировать ее достоинство. Отвернувшись, я поспешил на мостик, слабо представляя, куда он меня приведет.

В экваториальных странах закат обычно недолог. Солнце быстро скатывается за горизонт, сверкая и переливаясь. Красивейшее зрелище. Но в тот день было пасмурно, и это ввело меня в заблуждение. Рассеянный дождевыми облаками свет будто задержался, чтобы потом резко и неожиданно погаснуть, словно кто-то резко нажал на выключатель. За те недолгие минуты, что заняла у меня дорога до лестницы переходного мостика, быстро стемнело. Лишь на противоположной стороне улицы, за мостом, вспыхнула неоновая надпись на английском языке — «Ресторан». Тяжело вздохнув, я начал подниматься по ступенькам.

Посреди моста, облокотившись на перила, стояла какая-то женщина, довольно рослая. В неверном свете почти ушедшего дня она показалась мне необычайно красивой. Однако, поравнявшись с ней, я услышал неожиданно, низкий с хрипотцой, голос: «Я тебя развлечь. Будем трах-трах», — тут она подвигала пальцем кадык на шею, указывая на свою принадлежность к Адамову племени, потом указала на свой зад, намекая, какого рода развлечение готова предоставить, и расплылась в улыбке. Только тут я заметил густой слой грима на ее лице

и понял, кто передо мной. Отшатнувшись, я поспешил продолжить свой путь.

Фонари на мосту вдруг стали оживать, но как-то неохотно и вразнобой, с шипением зажигаясь и распространяя зловещий мутно-желтый свет. В один миг мост превратился в мрачное, гиблое место, откуда захотелось немедленно сбежать. Пересилив себя, я остановился у одного из фонарей, решив, что моя миссия электрификатора предполагает знакомство с подобными элементами энергосети, тем более что мне предстояло составить прогноз потребностей этой страны в электроэнергии. Бетонная мачта фонаря была сплошь в трещинах и щербинах, поверхность ее покрывали многочисленные пятна жирной плесени. Я поостерегся прикоснуться к этой гадости.

Продолжая путь по переходу, я глядел под ноги, на бетонное покрытие, тоже выщербленное, неровное, сплошь в глубоких извилистых трещинах. Кое-где из бетона торчали куски проржавевшей стальной арматуры; в зловещем тусклом свете фонарей они напоминали щупальца смертоносного болотного гада. Я постарался представить, сколько же лет этому сооружению, по которому я шел, как выглядели те, кто его строил, однако это так и не отвлекло меня от мыслей о прекрасной незнакомке. Ее образ накрепко засел у меня в голове. С одной стороны, это позволяло не замечать кошмарной действительности, в которую я окунулся, а с другой — вызывало сильнейшее смятение. Мне уже казалось, будто я чуть ли не влюблен и безжалостно отвергнут предметом моей страсти. Ускоряя шаг, я попытался убедить себя, что эти мысли — полный абсурд и нелепость.

Между тем я уже почти достиг противоположного края перехода. Теперь неоновые английские буквы, которые складывались в слово «Ресторан», находились прямо передо мной — достаточно было спуститься по ступенькам, чтобы оказаться перед входом. Ресторан притулился к длинному низкорослому комплексу зданий в некотором удалении от широкого уличного тротуара. Ниже на вывеске более мелкими буквами было написано: «Блюда китайской кухни». Тут я заметил, как от уличного потока отделился элегантный седан со сверкающими черным лаком боками — вроде тех, что можно видеть у нашего посольства, — и подкатил к дверям ресторана. Среди суеты и шума улицы он, одиноко маячивший перед входом, казался инородным телом.

Гейши

Я начал спускаться по ступенькам. Автомобиль тем временем поравнялся с дверями ресторана, на мгновение замер, а потом медленно пополз вдоль фасада, как будто человек за рулем искал кого-то, взглядываясь в окна. Я хотел заглянуть внутрь проплывавшего автомобиля, но у меня ничего не вышло, потому что его стекла отражали лишь блики неоновой вывески ресторана. Водителю между тем поиски явно не принесли успеха, так как автомобиль вдруг взревел мотором и влился в поток машин.

Теперь и я более внимательно рассмотрел фасад здания и заметил на окнах легкие портьеры, пропускающие свет, но не позволяющие увидеть, что делается внутри. Прильнув к стеклу, я сумел разглядеть лишь мерцающие световые пятна, которые принял за зажженные свечи. Я решительно направился к входу.

Дверь открывалась прямо в ресторанный зал — небольшое помещение, освещенное лишь блеклым светом круглых фонариков, расставленных на столах. Одного беглого взгляда мне хватило, чтобы оценить национальное и культурное разнообразие посетителей ресторана — здесь были и европейцы, и азиаты, и американцы.

Едва я перешагнул порог, как ко мне, кланяясь на ходу, устремилась китаянка, видимо хозяйка этого заведения. «Добро пожаловать, добрый вечер. Обед на одну персону?» — затараторила она, приглашая меня пройти в зал. Судя по выговору, уроки английского она брала у подлинного британца. Я последовал за ней, а когда глаза привыкли к полумраку зала, вдруг увидел нечто невероятное, во что не в силах был поверить. Я просто остолбенел.

Через пару столиков от меня в компании молодой женщины, тоже азиатско-европейского происхождения, сидела та самая таинственная незнакомка из бассейна, *девушка моей мечты*, которую я так отчаянно искал! Она преспокойно, почти в упор, разглядывала

меня. Поняв, что я узнал ее, красавица заулыбалась и махнула мне рукой. «Ваши знакомые?» — спросила китайка, заметив это, и сделала приглашающий жест в сторону их столика. «Да, — кивком подтвердила та, о которой я грезил, и обратилась ко мне: — Не желаете ли присоединиться к нам?» Я желал.

Китайка ловко отодвинула для меня стул, снова поклонилась и исчезла.

Я же замер в полнейшем замешательстве, не зная, что сказать, что сделать. «А где же ваш муж?» — наконец выдавил я.

Молодые женщины переглянулись и весело расхохотались. «Я не замужем», — отсмеявшись, ответила незнакомка.

— А тот джентльмен в бассейне?

— Просто деловой партнер. Да садитесь же, — подавив смехок, она указала на стул. — Мы уже сделали заказ, всего полно, для начала хватит на всех. Или вы предпочитаете обедать в одиночестве? — ее английский был почти безупречен, лишь с легким намеком на акцент.

Я наконец уселся за стол, пытаюсь разобраться в обуревавших меня чувствах. Одна половина моей души пела от радости, не в силах переварить свалившуюся на меня удачу, другая же подавала сигналы тревоги, будто я делал что-то запретное.

— Саке? — незнакомка из бассейна указала на маленькую фарфоровую чашку, которую поставил передо мной незаметно подошедший официант. — Догоняйте, мы уже взяли неплохой темп — сегодня вечер наш, гуляем. Здесь очень недурное саке, знаете ли.

Она наполнила мою чашечку.

— Будем здоровы!

Соприкоснувшись, три чашечки тихо звякнули. Мы дружно выпили. Тут незнакомка, будто опомнившись, воскликнула:

— Ой, как некрасиво получилось! Мы же не представились, — она промокнула губы белейшей льняной салфеткой. — Меня зовут Нэнси, а это — Мэри, — жестом указала она на свою спутницу.

— Джон, — я по очереди пожал протянутые мне ладошки.

— Я наблюдала за вами в бассейне при отеле, Джон, и все ждала, когда же вы подойдете. Вы выглядели таким одиноким и таким симпатичным. Но мне казалось, что вы ужасно стеснительный. Или, может быть, — она подалась ко мне через стол и оказалась так близко, что я ощутил легкий запах алкоголя в ее дыхании, — или, может быть, вы до смерти влюблены в свою жену?

Теперь настала моя очередь рассмеяться.

— Я разведен.

— За здоровье всех разведенных! — подняла тост до этого не проронившая ни слова Мэри. Ее английский был столь же правильным, как и у Нэнси, только акцент ощущался сильнее.

Между тем подоспел официант, неся груды тарелок с разнообразной едой. Мы приступили к трапезе, попутно рассказывая друг другу о себе. Второй за этот вечер шок я испытал, когда услышал, что чудесные девушки, сидящие напротив меня, — *гейши*. Они так и сказали, гейши. А я-то всегда считал, что гейши — это нечто из далекого прошлого, однако девушки дружно разуверили меня.

— Нефть, — молвила Мэри, — вот что возродило это древнее искусство, конечно, не в том виде, как раньше, но оно и сегодня живо и процветает.

Истории Нэнси и Мэри были схожи и, увы, типичны. Каждая родилась от внебрачной связи своей матери-китайки с офицером из американского военного контингента, размещенного здесь после Второй мировой войны. Бедные женщины, не имея средств на содержание новорожденных дочек, передали их одному японскому бизнесмену. Он взял на себя все заботы о воспитании девочек, дал им неплохое образование — в числе прочего, они усиленно изучали английский язык, а также историю и культуру Соединенных Штатов. Позже, когда девочки достигли совершеннолетия, они начали работать на японца.

— Вам же приходилось видеть уличных девиц — здесь их пруд пруди, — Нэнси указала на зашторенное окно, напротив которого находился тот самый пешеходный переход. — Мы ведь тоже могли быть одними из них, но нам повезло, очень повезло.

Дальше она принялась рассказывать, что их благодетель, японский бизнесмен, щедро платил им и лишь изредка давал жесткие указания, как им следует действовать или что конкретно предпринимать.

— Его интересовал только результат, и более ничего. Мы сами должны были придумывать, как заполучить нужного человека, — она снова наполнила фарфоровые чашечки саке.

— Какой же именно результат? — спросил я.

— Боже, какой наивный, — удивилась Мэри, — верно, он здесь новичок.

Да, согласился я, это моя первая командировка, первое самостоятельное задание, и я горю желанием разузнать как можно больше.

— Что ж, будем счастливы просветить вас, — объявила Нэнси несколько торжественно. — Вы и представить себе не можете, как редко попадаются такие вот наивные. Вы — прелесть! Только мы непременно что-нибудь потребуем от вас взамен — разумеется, не сегодня. Может быть, когда-нибудь потом.

— К вашим услугам, — как можно беспечнее ответил я.

Далее последовала целая лекция. Меня забавлял менторский тон моих новых знакомых, более подобающий уважаемым преподавателям колледжа, нежели двум гейшам, объясняющим мне, неискушенному, что власть имущие всегда стремились вверх, не гнушаясь идти по головам и жертвовать чужими жизнями, чтобы приумножить свои власть и богатство.

Молодые женщины говорили с поражающей прямоотой, что я частично отнес за счет выпитого саке, а в остальном их речи были связны, а формулировки точны. Они свободно рассуждали о большом значении торговли специями во времена великих европейских путешественников и о той огромной роли, которую на протяжении веков играло в мире золото.

— Сегодня этим золотом стала нефть, — продолжала Нэнси, — теперь это ценнейший ресурс. В современном мире именно нефть правит бал. Специи и золото, так ценимые нашими предками, были роскошью, и в сущности, их реальная ценность не столь уж высока. Что такое были специи? Не более чем изысканный вкус блюд, средство консервации. А золото? Просто материал для украшений и искусных поделок. А нефть... Нефть — это жизнь, именно она заставляет вращаться колеса современного мира. Это самый ценный ресурс в истории человечества. Во всех делах, связанных с нефтью, ставки чрезвычайно высоки. Так стоит ли удивляться, что ради контроля над ней люди готовы пойти на все? Во имя этой цели они будут лгать, грабить, убивать. Они строят корабли и делают ракеты, посылают тысячи, сотни тысяч молодых солдат на смерть — и все ради того, чтобы владеть нефтью.

А мне на память вдруг пришла напутственная речь Чарли в ресторане на верхотуре отеля Intercontinental Indonesia в первый вечер после нашего приезда. Помнится, он призывал нас спасти Индонезию от коммунистической заразы и сохранить ее нефтяные богат-

ства для Соединенных Штатов. Тут я по ассоциации вспомнил мою бостонскую знакомую Клодин, наставника на пути моего становления как экономического убийцы. Меня осенило, что и Клодин, и эти молодые женщины, по сути, служительницы одной древнейшей профессии.

Интересно, размышляя я, а Клодин не приходило в голову, что ее тоже можно считать в своем роде гейшей? Любуясь смеющимися девушками, такими юными, свежими, но уже познавшими жестокую изнанку жизни, я вдруг мысленно увидел в них Клодин и на миг испытал глубокую тоску по ней. Как мне не хватает тебя, Клодин! Кто знает, может, моя безрассудная одержимость этой юной женщиной, что сидит напротив, вызвана как раз тем, что подсознательно, инстинктивно я сразу почувствовал некую таинственную связь между ней и моей бостонской знакомой?

Сделав над собой усилие, я отогнал мысли о Клодин и обратился к Нэнси:

— А какова ваша роль во всем этом?

— Мы? Мы — простые солдаты в этой битве; мы дорого обходимся, но чрезвычайно полезны. Мы служим императору.

— И кто же, позвольте спросить, этот император?

Нэнси бросила взгляд на Мэри.

— А мы никогда не знаем кто. Всякий раз это тот, кто предлагает нашему боссу самую высокую цену.

— Тот мужчина, который приходил к вам в бассейн?

— Нет, это мой здешний импресарио, так сказать. Он отвозит меня к клиентам.

— В Intercontinental Indonesia?

— Ну да, в апартаменты для молодоженов, — Нэнси хихикнула, но подавила смехок. — Извините, мы с Мэри всегда говорим, что иногда нуждаемся в настоящем медовом месяце в этих апартаментах. — Она перевела взгляд на занавешенное окно, и я тут же вспомнил черный седан, который заметил возле ресторана. Может быть, он был послан разыскать кого-то из девушек?

— Вы работаете только в Intercontinental Indonesia?

— Ну что вы, конечно, нет. Загородные клубы, круизные лайнеры, Гонконг, Голливуд, Лас-Вегас... Любое значное место, которое придет вам на ум. Мы работаем везде, во всех местах, где частые гости — политики и нефтяные короли.

Только сейчас мне до конца открылся смысл того, чем занимались сидящие напротив меня девушки. Я переводил взгляд с одной на другую, снова поражаясь несоответствию их юного возраста и горькой умудренности жизнью, что светилась в их глазах. Мне 26, размышлял я, а из их рассказов можно заключить, что они лет на пять моложе.

— Так кто же ваши клиенты?

Нэнси прижала изящные пальчики к губам и стала встревоженно озираться. В этот момент она очень напоминала испуганную лань, встрепенувшуюся на далекий собачий лай, — эту картинку я когда-то в далеком детстве видел в Нью-Хэмпшире.

— Никогда, — в ее голосе зазвенели нотки торжественности, — никогда не задавайте этого вопроса.

Бугийцы

В течение нескольких последующих лет я часто бывал в Индонезии. Видимо, готовность MAIN стряпать доклады, подтверждающие основания для выделения гигантских кредитов, на которых могли бы неплохо нажиться американские корпорации и индонезийская верхушка, произвели-таки должное впечатление на Всемирный банк, его компаньонов и правительство Сухарто. А то, что это ввергало страну в долговую пучину, мало занимало «щедрых помощников». Для банков это было лишь частью их плана. Что же касается самого Сухарто, то, приумножая свою зарубежную славу истинного борца с коммунизмом, он создавал себе надежную защиту на будущее, когда страна неизбежно придет к банкротству.

Во время командировок судьба забрасывала меня в самые разные уголки этой удивительной страны. Я побывал в идиллических деревушках, спрятавшихся в горах острова Ява, на диких пляжах, протянувшихся вдоль морского побережья, и на экзотических островах. Я быстро освоил индонезийский язык (Bahasa Indonesia), разработанный лингвистами после Второй мировой войны, чтобы объединить представителей многочисленных культур, живущих на островах.

Это очень простой язык, в основу которого положен малайский, и его изучение не составило для меня труда. Во время этих поездок я с наслаждением погружался в изучение местного колорита, общался с местными жителями, пытаясь понять их культуру и традиции. Большим подспорьем для меня стал опыт работы в составе Корпуса мира — я научился отклоняться от маршрутов, наезженных иностранными бизнесменами, дипломатами и туристами.

Я предпочитал знакомиться и беседовать с местными крестьянами, рыболовами, студентами, владельцами мелких магазинчиков, уличными мальчишками. Вместе с радостью познания чего-то нового эти встречи бередили мою совесть, вызывая неотступное чув-

ство вины за тот громадный ущерб, который, как я хорошо понимал, наносила простому народу Индонезии деятельность таких, как я, экономических убийц.

Возвращаясь в промежутках между местными командировками в Джакарту, я старался как можно больше времени проводить в Intercontinental Indonesia, точнее, в бассейне при отеле. К глубокому моему разочарованию, я больше ни разу не встретил ни Нэнси, ни Мэри. Зато часто наблюдал их сестер по цеху за работой и даже сблизился с одной из них, славной молодой девушкой из Таиланда. Как я обнаружил, гейшами как инструментом проталкивания бизнеса пользовались не только японцы. У нас, американцев, равно как у европейцев и представителей других азиатских культур, были свои разновидности этой профессии, но, по общему мнению, японцы все же оставались лучшими «работодателями» — им, как никому другому, удалось поднять этот бизнес на вершины совершенства, что более чем оправданно, учитывая их многовековую историю и культуру.

Эта милая тайка общалась со мной не потому, что хотела что-то от меня получить, и не по указке хозяина, интересующегося компроматом, — в конце концов, я уже был куплен и не представлял для подобной публики никакого интереса. Ее симпатия ко мне скорее объяснялась внутренней добротой, желанием иметь подле себя близкого человека вроде меня; не последнюю роль в этом желании, думаю, сыграла и та искра взаимного влечения, которая проскочила между нами в первую встречу. Впрочем, это были лишь предположения. Я так и не мог до конца понять движущих мотивов ее поведения, и воспринимал эту девушку как доброго друга и компаньона, восхитительную возлюбленную и наперсницу.

Она, как и Нэнси в свое время, продолжила просвещать меня насчет тайных механизмов большого международного бизнеса и дипломатии. «Имейте в виду, что в комнате любой женщины, которая пытается вас соблазнить, всегда найдутся спрятанные видеокамеры и диктофоны, — как-то сказала она и со смущенным смешком добавила: — Причина не в том, что вы непривлекательны как мужчина, а в том, что на деле многое выглядит совсем не так, как вам кажется». В продвижении крупнейших в мире сделок, учила меня тайка, такие женщины, как она, гейши, играют чуть ли не главную роль.

Через пару лет после первого задания, выполненного мной в Индонезии, меня на три месяца направили на остров Сулавеси, расположенный к востоку от острова Борнео (Калимантан). Из-за причудливой формы индонезийцы в шутку называют Сулавеси «спотыкающимся пьяным жирафом». Именно этот остров индонезийского архипелага был избран как полигон для создания образцовой модели сельскохозяйственного развития.

Будучи в далекие времена одним из главных источников специй во всей Ост-Индии, в XX веке остров захирел, превратившись в отсталую окраину. Теперь же правительство страны вознамерилось превратить Сулавеси в символ прогресса. Американцы тоже давно засматривались на этот остров как на привлекательный район для крупных инвестиций в горнодобывающую, лесную и сельскохозяйственную отрасли.

Несколько международных корпораций-гигантов возжелали поживиться за счет богатых запасов золота, медных руд и ценнейших сортов древесины. Владелец крупнейшего техасского ранчо уже купил на острове несколько тысяч акров лесов и даже успел вырубить их, намереваясь превратить этот заповедник дикой природы в пастбища для крупного рогатого скота, чтобы на огромных, величиной с футбольное поле, баржах поставлять говядину на высокоприбыльные рынки Сингапура и Гонконга.

Кроме того, правительство рассматривало остров Сулавеси как краеугольный камень программы переселения, аналогичной той, что привела к колонизации Амазонии и больно ударила по местным жителям, с которыми я трудился бок о бок во времена работы в Корпусе мира. Программа была разработана с целью перемещения городской бедноты из задыхающихся от перенаселения городов острова Ява (где, как известно, в то время отмечалась самая высокая в мире плотность населения) в малонаселенные районы страны.

Программа финансировалась, как и ее латиноамериканский аналог, международными агентствами развития и рассматривалась как метод рассредоточения многочисленных жителей городских трущоб на неосвоенных сельских землях, что по большому счету уменьшало вероятность антиправительственных мятежей в крупных городах.

Ее начали внедрять несмотря на то, что уже в полной мере проявились пагубные последствия такого рода затей, — к моменту,

когда я покинул Корпус мира, эксперты вынесли вердикт о разрушительности таких программ для всех, кто был в них вовлечен. Такие же последствия имела эта программа и в Индонезии. Переселенцы из городов, в основном мусульмане, сгоняли местные племена с возделываемых ими земель, что ломало веками сложившийся уклад их жизни, уничтожало уникальную местную культуру и фактически обрекало этих людей на гибель.

Нередко возникали кровавые межэтнические конфликты. Сами же «завоеватели», в силу крайней бедности и отсутствия каких-либо навыков, как правило, отчаянно и безуспешно пытались наладить хозяйство, урывая у истощенных почв крохи, едва достаточные для того, чтобы выжить. Неумелая хозяйственная деятельность, помимо всего прочего, нарушала хрупкий природный баланс.

Прибыв на Сулавеси, я получил казенный особнячок в пригороде старого португальского города Макасар (в качестве реверанса в сторону националистов властитель Сухарто переименовал его в Уджунгпанданг) и целый штат прислуги: у меня были горничная, садовник, повар и водитель — последний в придачу к джипу.

Как и всегда, моя работа заключалась в том, чтобы посетить все районы, перспективные с точки зрения ресурсов для транснациональных корпораций, встретиться с главами местных властей, собрать как можно больше полезной информации и написать оптимистический отчет, доказывающий, что мощные финансовые вливания в развитие местной электроэнергетики и прочие инфраструктурные проекты в одночасье превратят хилую местную экономику в образчик экономического роста и процветания.

Местом возможного размещения электростанции был выбран городок, называвшийся Батсвилл, — с намеком на то, что там много летучих мышей, и расположенный неподалеку от скотоводческой фермы какого-то предприимчивого техасца. Туда я и направился одним ранним утром, разглядывая из окна служебного джипа живописный берег, пока шофер вез меня в сторону портового города Парепаре. Оттуда мы повернули в сторону гор, в один из глухих районов острова. Теперь джип еле полз по едва намеченной дороге, более напоминавшей чуть заметный след, проложенный в густых зарослях джунглей. Мне показалось, что я вновь вернулся в леса Амазонии. Когда джип наконец достиг деревушки Пинранг, водитель объявил: «Вот он, Батсвилл, это здесь».

Я быстро огляделся. Еще перед поездкой название этой деревушки заинтриговало меня, и теперь я надеялся найти ему подтверждение, однако в первый момент ничего интересного не заметил. Шофер же медленно поехал вдоль деревенской площади, напоминающей те, что я видел в других городках Индонезии: пара скамеек да несколько деревьев, правда, с их ветвей свисали грозды огромных темных шаров, похожих на гигантские кокосы. Внезапно одна такая гроздь стала открываться. Я едва не лишился чувств от страха, когда до меня дошло, что это распрямляет крылья гигантская летучая мышь.

Шофер остановил машину и провел меня прямо к месту подожившей тварью. Она двигалась у нас над головами, вяло и как будто неохотно разворачивая огромные крылья; ее тело по размерам не уступало небольшой обезьяне, глаза были открыты. Крупная голова повернулась, и летучая мышь уставилась на нас в упор. Когда-то я слышал, что такие исполинские летуны способны вызвать замыкание в электропроводах и что размах крыльев у них достигает шести футов; однако то, что предстало передо мной сейчас, намного превосходило самые дикие фантазии — я и представить себе не мог чего-либо подобного.

Позже я встречался с мэром городка Пинранг и исправно задавал ему множество вопросов о ресурсах этого района, о том, как отнесется местная общественность к строительству здесь электростанции и промышленных предприятий, принадлежащих иностранным компаниям. Однако мыслями никак не мог отвлечься от гигантских летучих мышей. Наконец, не выдержав, я поинтересовался, не доставляют ли они беспокойства. «Ничуть, — отозвался мэр, — по вечерам они просыпаются и улетают прочь, в джунгли, поесть плоды фруктовых деревьев, а к утру возвращаются и никогда не трогают наших садов и плантаций». Тут он поднес к губам чашку с чаем и добавил с лукавой усмешкой: «Они совсем как ваши корпорации: улетают, поглощают ресурсы далеких стран, гадят там, куда обычно не ступает нога американского туриста, а потом возвращаются домой».

Эта тема не раз возникала настойчивым рефреном, когда я беседовал с индонезийцами. Впервые я начал понимать, что американцы в массе своей не отдают себе отчета, насколько привычный им стиль жизни основан на эксплуатации, а сами эксплуатируемые ими

народы, напротив, видят и понимают это очень отчетливо. Даже в 1970-е годы они воспринимали американские войска не как защитников демократии, а прежде всего как вооруженную охрану эксплуататорских корпораций и поэтому всегда относились к ним со страхом и неприязнью.

Сулавеси, помимо всего прочего, был родиной недоброй славы бугийцев — народа, населяющего юго-запад и запад острова. В период расцвета торговли специями их предки считались самыми жестокими и кровавыми пиратами в мире. В Европе ими даже пугали расшалившихся детей: «Если не прекратишь баловаться, тебя схватят бугийцы».

В 1970-е годы жизнь этого народа мало отличалась от той, что вели их предки столетия назад. Их великолепные *prahus* — маленькие грациозные шхуны — стали основой для развития межостровной торговли. Мореплаватели-бугийцы, которые ходят на них, по сей день носят длинные саронги, повязывают голову банданами яркой расцветки, а непременная золотая серьга в ухе так и рассыпает золотые искры во все стороны. Как и в далекие времена, эти потомки пиратов вооружены страшными мачете, висящими в ножнах на поясе, — словно бугийцы не могут отказаться от прежней репутации.

Я свел знакомство с одним из них, парнем по имени Були, который строил шхуны, в точности соблюдая все тонкости этого старинного искусства. Как-то раз за ланчем мы разговорились об истории его народа, и он заметил, что бугийцы никогда не считали себя пиратами, — по его словам, и в те далекие времена, и сегодня они только пытаются защитить свою страну от вторжения чужаков. «Сейчас, — продолжал Були, протягивая мне ломтик какого-то ароматного фрукта, — мы терпим поражение. Как может горстка людей на деревянных парусных суденышках воевать против американских подводных лодок, самолетов, бомб и ракет?»

Вопросы вроде этого уже некоторое время мучили меня самого и в конечном итоге убедили свернуть с того пути, которым я шел.

Страна коррупции и жестокости

После того разговора с корабелом-бугийцем прошло несколько лет, прежде чем я окончательно решил покончить с карьерой экономического убийцы. Как я уже говорил в «Исповеди», решение пришло ко мне во время, когда я отдыхал на Карибских островах — тех самых, что в давние времена были цитаделью пиратов, нападавших на груженные золотом галеоны короля Испании. Так вот, однажды, сидя в послеполуденный час в тени развалин одной из построек на заброшенной сахарной плантации и пытаясь вообразить все ужасы, выпавшие на долю рабов-африканцев, которые ее возводили, я вдруг подумал, что я, по сути, тоже раб.

Вот так, в одночасье, после нескольких лет моральных страданий ко мне наконец-то пришло решение. Вскоре, не дожидаясь окончания каникул, я вылетел в Бостон и сообщил, что хочу уволиться. Но, поддавшись угрозам и подкупу, так и не решился предать гласности ужасающие подробности деятельности империи, которой служил на протяжении многих лет.

Я решил на время затаиться и все годы, которые последовали за этим моим шагом, продолжал испытывать угрызения совести. Я сам обрек себя на эти муки. Но вот настал день национальной трагедии, 11 сентября 2001 года. Стоя на краю огромной дымящейся воронки, на месте которой совсем недавно высились башни Всемирного торгового центра, я понял, что ради памяти погибших обязан сделать следующий закономерный шаг в своей судьбе. Я принял решение покаяться. Результатом стала моя книга «Исповедь экономического убийцы».

После того как в 2004 году она была опубликована и мне пришлось отвечать на многочисленные вопросы радиокорреспондентов, я понял, что на самом деле очень слабо представляю себе механизм влияния своей деятельности экономического убийцы на экономику

стран, в которых я работал. Известно, что США приложили руку к развалу Советского Союза, благодаря чему превратились в первую в мире поистине глобальную империю, и нет в мире другой супердержавы, которая могла бы им угрожать.

Мы были теми, кто проповедовал идеалы «прогресса», «индустриализации», именно нашими стараниями в странах третьего мира образовалась целая прослойка местной элиты — верных прислужников корпоратократии. А что же простой народ стран, где мы разворачивали наши сомнительные операции? Как они отразились на его положении? Этот вопрос требовал уточнения. Желая обновить свои сведения, я решил вновь посетить страну, в которой начиналась моя карьера экономического убийцы.

В принципе, следя за СМИ, я и так имел общее представление о главных событиях, происходящих в Индонезии. Теперь же мне предстояло изучить информацию из достоверных источников, к которым я относил неправительственные организации, мнения ученых, а также публикации ООН, Всемирного банка и других организаций, с которыми сотрудничал в прошлом. Чем больше я углублялся в изучение обстоятельств, сопровождавших азиатский экономический кризис 1997 года, тем больше обострялось мое любопытство. Я уже знал, что его еще называли «кризисом МВФ». Бациллы кризиса зародились в азиатских странах, пагубно отразившись на судьбе сотен миллионов людей и отняв жизни у тысяч или даже миллионов! Подобно пандемии, кризис быстро распространился по всему миру.

Он явно показывал — тем, кто был способен воспринять этот сигнал, — в чем состоят истинные цели МВФ и Всемирного банка, и как НЕ надо управлять экономикой, если, конечно, вы не ставите своей целью еще больше обогатить корпоратократию за счет простых людей.

На первый взгляд официальная статистика указывала, что наша работа в Индонезии дала прекрасный экономический результат, по крайней мере до 1997 года. Цифры гордо свидетельствовали о снижении инфляции, наращивании запасов иностранной валюты до более 20 миллиардов долларов, активном сальдо торгового баланса в 900 миллионов долларов и укреплении банковского сектора. Экономический рост Индонезии (в процентах от прироста ВВП) в период 1990-х годов и вплоть до 1997 года достигал отметки

в 9% в год — впечатляющий результат, хотя и не та двузначная цифра, которую я прогнозировал, выполняя заказ моего работодателя. Опираясь на эту статистику, специалисты Всемирного банка, МВФ, международных консалтинговых фирм и представители академического сообщества с полным основанием утверждали, что политика экономического развития, которую продвигают представители моей профессии, приносит несомненный успех.

Я же очень скоро уяснил для себя, что вся эта блестящая статистика не отражает той высокой цены, которую индонезийский народ заплатил за так называемое «экономическое чудо». Весь выигрыш от него распределился только между теми, кто занимал верхушку экономической лестницы. Быстрый рост национального дохода был достигнут исключительно за счет жестокой эксплуатации дешевой и многочисленной рабочей силы.

Настоящая потогонная система выжимала из рабочих-индонезийцев все соки, обрекая их на многочасовой непосильный труд в тяжелейших условиях, без каких-либо гарантий охраны жизни и здоровья. А правительство между тем щедро раздавало иностранным корпорациям право на хищническое разграбление природных богатств, благословляя практику, давно признанную незаконной в странах так называемого первого мира и Северной Америки. И хотя официально минимальный размер заработной платы вырос до трех долларов в день, работодатели на практике часто игнорировали это условие.

В 2002 году примерно 52% населения страны было вынуждено жить менее чем на два доллара в день, что, с какой точки зрения ни посмотри, есть не что иное, как рабство, только современного типа. На самом деле даже трех долларов не хватает для обеспечения элементарных жизненных потребностей работника и членов его семьи.

Нет ничего удивительного в том, что Индонезия и не думала сопротивляться навязываемой извне экономической политике, которая лишь отягощала ее непомерным внешним долгом. Разбухавший ужасающими темпами национальный долг был своеобразной платой за жадное обогащение местной элиты, которую ничуть не беспокоило, что своей ненасытностью она ввергает страну в экономический штопор.

По данным доклада Всемирного банка о мировом финансовом положении (Global Development Finance report) и Международной

финансовой статистики МВФ, Индонезия неуклонно удерживала печальный рекорд страны с самым высоким в Азии внешним долгом (в процентном отношении к ВВП). В переломный период 1990–1996 годов, когда вызревал азиатский финансовый кризис, этот показатель стабильно держался на уровне не ниже 60% (по сравнению с показателем в 35% у соседнего Таиланда, 15% — у Китая и Гонконга и 10% — у Сингапура и Тайваня).

Показатель соотношения ВВП и расходов на обслуживание внешнего долга плюс краткосрочные долги (тоже в %) у Индонезии фиксировался на уровне 300% от ВВП, тогда как у Таиланда он составлял 120%, у Китая — 60%, а у Гонконга — так и вовсе 25% (данные по Сингапуру недоступны). Эти цифры свидетельствовали о том, что мы загнали Индонезию в такую долговую яму, из которой она не сможет вылезти самостоятельно, если, конечно, не будет во всем потакать желаниям наших корпораций. Что и говорить, мы, экономические убийцы, в данном случае сработали на совесть*.

Еще раз вынужден подчеркнуть, что парадность национальной статистики обманчива. Как и в случае со многими другими странами третьего мира, быстрый прирост валютных резервов, отличное состояние торгового баланса, низкий уровень инфляции и существенный темп экономического роста Индонезии свидетельствовали лишь о благополучии крайне малочисленной, наиболее богатой прослойки населения. Все остальные оказывались за бортом экономического благополучия, но именно они несли ужасное налоговое бремя.

Пожалуй, нигде больше так тесно не смыкаются мир бедности, умение корпораций выжимать все соки и благополучие западного потребителя, как на индонезийских «потогонных фабриках» (которые, впрочем, мало чем отличаются от тех, что существуют в других странах Азии).

Крупные международные корпорации при поддержке политики Всемирного банка и МВФ, рекомендующей странам третьего мира приватизацию и освобождение иностранного капитала от налогового бремени, выкупают или берут в аренду местные фабрики и создают

---

* По данным статистики World Bank и IMF-IFS; см. Giancarlo Corsetti, Paolo Pesenti, and Nouriel Roubini, "What Caused the Asian Currency and Financial Crisis", *Elsevier*, May 7, 1999, www.sciencedirect.com/science/article/B6Vfi-3XJSW8X-1/2/77bdde4277268f51bc3e813dec579a79 Table 23 (p. 335) and Table 27 (p. 337).

на них невыносимые условия. Помимо чудовищной недоплаты за тяжкий многочасовой труд там применяются зверские методы подавления сопротивления тех, кто вздумает протестовать против рабской эксплуатации, — нередко жестокие побои, зачастую смертельные. Выходит, что местное население обрекается на тяжкие страдания только во имя того, чтобы обыватель в странах первого мира мог недорого приобретать товары в магазинах.

Когда я путешествовал по Америке с презентацией своей книги «Исповедь экономического убийцы», ко мне часто подходили люди, чтобы рассказать о том, как такие ведущие компании, как Nike, Adidas, Ralph Lauren, Wal-Mart и the Gap, извлекают немалую прибыль из того, что иначе как рабским трудом и назвать нельзя. Два мужественных человека предложили мне подробно рассказать об их собственном ужасающем опыте в Индонезии.

Потогонная система

В 2005 году жизнь свела меня с двумя кинодокументалистами — Джимом Киди и Лесли Кретцу. Они обратились ко мне с предложением дать интервью для телевидения. Общаясь с ними по телефону и электронной почте, я заключил, что эти молодые люди — антиподы экономических убийц и общественные активисты новой волны.

«Мы хотим не только взять у вас интервью, но и пополнить ваши знания о том, что такое индонезийские потогонные фабрики», — заявила при встрече Лесли. Она пояснила, что в 2000 году они с Джимом некоторое время провели на фабрике Nike бок о бок с местными рабочими-индонезийцами, пытаясь, как и они, выжить в тех же самых ужасных условиях, на скудную зарплату, чтобы на своей шкуре испытать все «прелести» потогонной системы.

Я спросил, что же побудило их к этому шагу.

— О, кажется, что это было так давно, — начала рассказ Лесли. — Тогда я только вступила в Иезуитский волонтерский корпус. Вот когда мне довелось увидеть то, во что я раньше никогда бы не поверила: картины ужасающей нищеты и страданий людей. Я поняла, что увиденное перевернуло мою жизнь. Потом я работала в Индии, с продолжателями дела матери Терезы. Мне хотелось помогать тем, кого она при жизни окружала заботой, — «беднейшим из бедных». Однако стоит вам хоть чуть-чуть пожить с такими людьми — и вам уже никогда не вернуться к прежним привычкам и никогда не забыть увиденного. Это то, что переворачивает вашу жизнь и не позволяет вам сидеть сложа руки. Вы просто хотите действовать.

Я перевел взгляд на Джима.

— А я, — улыбаясь, включился он в разговор, — можно считать, был похищен Богом. И хотя это звучит смешно, я говорю абсолютно серьезно. Учась в университете, я думал о том, как бы найти работу на Уолл-стрит, сколотить миллионное состояние, а к 35 годам

уйти в отставку. Но в 1993-м, когда мне исполнился 21 год, я отправился в кругосветное путешествие и впервые посетил несколько развивающихся стран — Индонезию, Лаос, Вьетнам, Бирму, Непал и другие. Там я понял, что такое настоящая неприкрытая бедность.

Оказалось, что увиденные мною картины воплощают в себе все то, о чем мне твердили на протяжении 16 лет учебы в католической школе и позже, в университете Св. Иосифа. Я воочию увидел тех чад, за которых ратовал Господь. Так начиналось мое служение страждущим — всем тем, за кого просили Иисус, пророк Магомет, иудейские пророки, Будда и другие духовные вожди. Ведь если вдуматься, в основу всех мировых религий положена одна и та же идея социальной справедливости.

Я попросил Лесли и Джима записать свою историю.

Порядками на предприятиях корпорации Nike мы заинтересовались еще в 1998 году, когда Джим был помощником футбольного тренера в университете Св. Иосифа в Нью-Йорке. В то время он проходил курс магистрата по теологии и, работая над курсовой по католическому социальному учению, решил оценить с этой точки зрения рабочую практику на фабриках Nike.

Он только начал свои исследования, когда стало известно, что спортивный факультет ведет переговоры с этой компанией о 3,5-миллионной рекламной сделке, связанной с продвижением бренда Nike. Она предусматривала требование, чтобы все тренеры и студенты-спортсмены в рекламных целях носили спортивную одежду и аксессуары этой фирмы.

Тут Джим, который уже кое-что знал о методах работы Nike, сначала в разговорах с сокурсниками, а потом и в ректорате заявил, что по соображениям совести не желает становиться ходячей рекламой производителя, которого обвиняют в применении на своих предприятиях потогонной системы. В ответ один из крупнейших католических университетов страны выдвинул Джиму ультиматум: либо он прекращает нападки на миллионную сделку и, как все, безропотно носит одежду Nike, либо уходит. Джим выбрал последнее и в июне 1998 года навсегда покинул стены университета.

Желая иметь стопроцентную уверенность в своей правоте и обоснованности этого шага, Джим обратился в администрацию компании Nike с просьбой разрешить ему поработать на одной из ее фабрик

хотя бы в течение месяца, чтобы составить собственное представление о местных условиях труда. Ему ответили, что месяца будет недостаточно, тем более что он не владеет ни одним из южноазиатских языков; кроме того, из-за этого придется лишить места кого-то из рабочих.

Но Джим продолжал настаивать. «Ну что ж, — писал он, — если месяца недостаточно, я готов проработать полгода или даже год — столько, сколько понадобится, чтобы убедиться, действительно ли индонезийские предприятия компании оправдывают название потогонных фабрик». При этом Джим указал, что знает испанский, и Nike могла бы предоставить ему место на фабрике в какой-нибудь стране Центральной Америки. А о работнике, которого он должен будет заменить, сообщил Джим, готова позаботиться одна из неправительственных организаций в штате Орегон (где, кстати, располагается головной офис Nike). Она оплатит перелет этого человека в США, проживание, питание и даже отпуск на весь срок пребывания Джима на фабрике. В ответ компания Nike сообщила, что данное предложение ее не заинтересовало.

Убедившись в невозможности официально устроиться на фабрику Nike, мы прибегли к единственному альтернативному варианту, до которого смогли додуматься: отправиться вместе в Индонезию, поселиться с работниками одного из местных предприятий компании и попробовать прожить на средства, эквивалентные заработной плате. В 2000 году мы приехали в индонезийский городок Тангеранг близ Джакарты, чтобы попытаться прожить на 1,25 доллара в день — столько Nike платила рабочим.

За первый месяц эксперимента я потеряла около шести килограммов, а Джим — почти одиннадцать. Как и найковские рабочие, мы жили в маленькой бетонной клетушке площадью не более семи с половиной квадратных метров, где не было никакой мебели, не говоря уже о кондиционере — и это в тропической духоте загазованного города! Спать приходилось на тонких циновках, брошенных прямо на неровный бетонный пол, покрытый лишь оберточной бумагой, с которой никакими силами невозможно было удалить намертво въевшийся слой пыли и копоти, образовавшийся от сжигания мусора, промышленных выбросов и выхлопов городского транспорта. Нечистоты из туалета спускались в открытые сточные канавы, проложенные по обе стороны улицы. Неудивительно, что поселок заполнили огромные, размером чуть ли не с кулак, тараканы и гигантские крысы.

Некоторые люди нам говорили, что в такой стране, как Индонезия, на 1,25 доллара в день мы сможем жить, как короли. Такое, как мы убедились на собственном опыте, мог сказать только человек абсолютно несведущий. Такие вруны никогда сами не бывали в Индонезии. Нам с Джимом на эти нищенские деньги удавалось покупать лишь две крошечные порции риса с овощами и пару бананов — вот все, что составляло наш дневной рацион.

Если же нам нужно было купить мыла или зубную пасту, приходилось ограничивать себя в еде. Однажды Джим случайно перевернул бутылку с керосином, который мы держали для взятой с собой из дома маленькой плитки, и чтобы замазать пятно, нам пришлось потратить почти все мыло, предназначенное для стирки одежды. Тогда для нас это было почти трагедией. И вообще, вся та жизнь была непрерывной чередой страданий и унижений — не только финансовых, но и душевных.

Попробуйте представить себя на месте работника фабрики Nike в Тангеранге. Вам лет 20 или около того, и с восьми утра до восьми вечера вы вкальваете с понедельника по субботу, а иногда и по воскресеньям. Помимо этого вам еще надо каждый день добираться из дома на работу и обратно и хоть как-то обихаживать себя. На отдых или даже мелкие развлечения денег не хватает.

Вы не можете позволить себе купить подарок другу на день рождения или приобрести радио, чтобы скрасить вечерние часы. Телевизор же — вообще несбыточная мечта.

Одежду вы снашиваете до полной ветхости, позволяя себе обновки не чаще одного раза в два года, поэтому каждый вечер приходится тратить не меньше получаса, а то и все три четверти часа, чтобы вручную постирать свой ежедневный наряд — он ведь у вас один, и к вечеру от фабричной пыли и копоти становится совсем грязным.

А если вы — женщина, то критические дни становятся адскими муками. Вы обречены терпеть дискомфорт — никто не позволит лишний раз принять душ. Это разрешается делать лишь во время двух перерывов, которые предоставляются всем работникам независимо от пола. Вот и приходится обматывать вокруг бедер шарф или надевать длинную юбку, чтобы пятна крови были не так заметны.

Сил нет, и кажется, усталость намертво въелась в кости. Протестовать и требовать человеческих условий боишься — так можно и работу потерять. А транснациональная корпорация на весь мир

трубит о социальных благах, которыми она осчастливила своих работников, так что совестливому потребителю незачем беспокоиться. В общем, все довольны и счастливы.

К сожалению, такие нечеловеческие условия работы и такая зарплата — не только на фабриках Nike. Нам доводилось разговаривать с индонезийцами, которые работают на такие известные всему миру компании, как Adidas, Reebok, the Gap, Old Navy, Tommy Hilfiger, Polo/Ralph Lauren, Lotto, Fila, Levi's. Везде платят ту же нищенскую зарплату, везде работники живут в трущобах и везде их требования к работодателю одинаковы: достойная оплата труда и право организовывать независимые профсоюзы.

Большинство рабочих в Индонезии влчат жалкое существование, но в Штатах мало кто себе представляет, что это такое. А богатые индонезийцы, как и иностранцы, наслаждаются радостями жизни. В мою бытность экономическим убийцей в Джакарте был всего один отель, который удовлетворял взыскательным вкусам важных персон вроде меня, — Intercontinental Indonesia. Теперь же таких в городе не счесть: Four Seasons, Marriott, Hyatt, Hilton, Crowne Plaza, Sheraton, Mandarin, Le Meridien, Millennium, Ritz-Carlton и множество других.

Для американских корпоративных менеджеров они как дом родной — здесь создан привычный для них комфорт. В шикарных апартаментах дорогих отелей они потчуют местных чиновников и клиентов. Из окон зданий, вознесенных высоко над городом, им открывается вид на пригороды Джакарты вроде Тангеранга и других ее подобных «предместий», где живут простые работяги. Посланцы корпораций, конечно, всегда могут откреститься от любых обвинений в варварской эксплуатации рабского труда, заявляя, что их компания не владеет местными фабриками. Но не верится, чтобы они, хотя бы в глубине души, не чувствовали своей вины и ответственности за происходящее.

«Хозяев местных фабрик Nike тоже безжалостно прижимает, — рассказывал Джим. — Уж кто-кто, а ее сотрудники хорошо знают, почем каждая подметка и шнурок, потому что в их бухгалтерских книгах все это прописано до последнего цента. Они непрерывно давят на владельцев фабрик, заставляя их держать себестоимость на минимально возможном уровне. Так что владельцы — а это, как

правило, китайцы — вынуждены довольствоваться крохами прибыли».

«Владельцам, конечно, живется легче, чем их рабочим, — вздыхает Лесли, — но и они своего рода жертвы эксплуатации. Nike правит бал, раздает приказы и набивает мошну».

«Почему мы взяли за Nike, спросите вы, — продолжает Джим. — Да очень просто: это лидер отрасли, у них по сравнению с конкурентами самая большая доля рынка. Именно они задают тон. И если заставить Nike более человечно относиться к труду рабочих, за ними тут же последуют и остальные компании».

Другие «признаки прогресса» менеджеры иностранных корпораций могут наблюдать, едва покинув апартаменты роскошных отелей. На улицах индонезийской столицы больше не увидишь бечаков. Власти запретили велорикшам своими ярко раскрашенными повозками портить вид главных улиц Джакарты еще в 1994 году.

Президент Сухарто заявил, что они символизируют отсталость. К сожалению, тысячи бедных велорикш по его милости лишились средств к существованию и пополнили ряды безработных. Вместо них улицы заполнили *баджаджи (bajaj)* — небольшие трехколесные машины с мотоциклетным двигателем, водители и пассажиры которых сидят в тесных душных металлических кабинках ядовито-оранжевого цвета.

В этой шумной, душной, загрязняющей воздух и даже опасной для жизни машине, разработанной индийской компанией Vespa, президент Сухарто узрел символ модернизации. Кроме того, в отличие от бечаков, которые раньше радовали глаз многообразием радужно-ярких рисунков на кабинках для седоков, баджаджи унылы и однолики. Сейчас на улицах Джакарты тарахтят более 20 тысяч этих уродцев, а бывшие велорикши, которых никто не потрудился обучить управлять баджаджами, вынуждены гнуть спину на потогонных фабриках.

На протяжении многих лет каждая последующая президентская администрация США неизменно поддерживала диктатуру Сухарто. Однако неправительственные организации подвергали индонезийские власти острой критике, а независимые наблюдатели выдвигали обвинения в серьезных нарушениях международного и национального законодательства, в попрании прав человека и готовности поступиться любыми демократическими принципами в угоду

интересам международных корпораций и правящей клики. Как писала по этому поводу *New York Times*, «Индонезия регулярно оказывается в числе самых коррумпированных государств мирового сообщества»*.

«Я и не предполагал, что все так плохо», — заметил в беседе со мной бывший оперативный сотрудник ЦРУ Нэйл. Он посетил одну из презентаций моей книги, а потом предложил угостить меня пивом. Мы проговорили чуть ли не полночи. Еще раз мы встретились несколько месяцев спустя, когда я навещал родственников жены неподалеку от Сан-Франциско.

Нэйл тогда поведал мне свою историю: его родители, китайцы, воспитывали сына в духе стойкой ненависти к Мао. Неудивительно, что желание работать в ЦРУ в ту пору казалось ему вполне логичным. «Я был идеалистом и, прибыв в первый раз в Джакарту в 1981 году, искренне считал нашим долгом не допустить в Индонезии засилья “комми” (коммунистов)», — рассказывал Нэйл. Со своими иллюзиями он расстался лишь восемь лет спустя, в 1989 году, когда американские войска вторглись в Панаму. Эта акция, по его мнению, могла восстановить против Америки весь мир. По этим соображениям он оставил государственную службу и занялся «частной практикой».

В 2005 году он снова оказался в Индонезии; ему предстояло возглавить охрану одного из восстанавливающихся после удара цунами объектов на западном побережье острова Суматра, в провинции Ачех, от местных повстанческих групп. «Бог ты мой, в эту последнюю поездку у меня будто глаза раскрылись, — рассказывал Нэйл. — На первый взгляд Джакарта выглядит как типичный крупный современный город — небоскребы в огнях, шикарные отели и все такое. А стоит приглядеться — ужас берет от того, что творится вокруг... Все стало хуже некуда. Пышно расцвела коррупция. А ведь это наших рук дело».

Отвечая на мой вопрос, что же заставило его после ухода из ЦРУ посвятить себя сходной профессии, Нэйл сказал: «Это все, что я умею в жизни, — и прибавил второй довод, из тех, что мне часто приходилось слышать от бывших “шакалов”»: — И чем еще можно

---

* Associated Press, “Indonesia Admits ‘Support’ by U.S. Gold Company to the Military”, *The New York Times*, Dec. 30, 2005, www.nytimes.com/2005/12/30/international/asia/30indo.html.

пощекотать себе нервы? Я уже привык к выбросам адреналина, без этого жизнь пресна. Парашютисты и мотогонщики находят кайф в скорости — но это не идет ни в какое сравнение с тем, что ощущаешь, оказываясь лицом к лицу с противником, который хочет тебя убить».

От подобных рассуждений у меня холодок пробегает по спине. Мне сразу же вспоминаются отец и другие ветераны Второй мировой. Интересно, каково бы им было узнать, что наши процветающие корпорации и правительство толкают людей убивать себе подобных ради смертоубийства как такового? Во время написания «Исповеди» я содрогался от чувства вины и желания покаяться в содеянном. Теперь же мне открылось, что пагубные последствия этой грязной работы куда глубже и страшнее, чем я мог предположить.

Массовые убийства с благословения Штатов

События в Восточном Тиморе, которые разворачивались как раз в то время, когда я обживался в Уджунгпанданге, служат одним из самых ужасающих примеров попрания властями Индонезии прав человека и уничтожения окружающей среды. Восточный Тимор, как и Сулавеси, — одна из отдаленных провинций Индонезии, где помимо золота и марганца имеются богатые запасы нефти и природного газа.

Однако в отличие от того же Сулавеси, который всегда был индонезийской территорией, Восточный Тимор на протяжении четырех веков сохранял статус португальской колонии. Хотя в Индонезии 90% населения исповедуют ислам, жители Восточного Тимора в подавляющем большинстве принадлежат к римско-католической церкви.

28 ноября 1975 года Восточный Тимор объявил о своей независимости от Португалии, которой ему довелось попользоваться всего девять дней. На десятый Индонезия ввела на эту часть острова свои войска; жестокая оккупация сопровождалась массовыми расправами с местным населением. Всего погибло около 200 тысяч человек — треть населения Восточного Тимора*.

Согласно документам, преданным гласности архивами Агентства национальной безопасности, американское правительство не только поставляло режиму Сухарто оружие для массовой расправы над тиморцами, но и открыто одобряло агрессию. Как свидетельствуют документы, накануне операции по вторжению, 6 декабря 1975 года

---

* Goodman, Amy, with David Goodman. *The Exception to the Rulers: Exposing Oily Politicians, War Profiteers, and the Media That Love Them.* (New York: Hyperion, 2004), p. 1.

президент США Джеральд Форд и госсекретарь Генри Киссинджер встретились с Сухарто и одобрили его план операции, которая и началась на следующий день. Как стало известно, впоследствии, в 1977 году, администрация следующего президента, Картера, наложила запрет на рассекречивание этой информации.

Спустя 35 лет Джоао Карраскалао, брат бывшего губернатора Восточного Тимора и политический лидер, пребывающий все эти годы в ссылке, рассказал Эми Гудман, ведущей радиопрограммы *Democracy Now!*, что прибыл в Джакарту всего за час до того, как там приземлился самолет с президентом Фордом и госсекретарем Киссинджером. В ту же ночь один из высших чиновников администрации Сухарто, полковник Суйанто, сообщил ему, что США дали диктатору зеленую улицу для вторжения в Восточный Тимор.

Как рассказывал Эми доцент истории университета штата Мэриленд и научный сотрудник архива Агентства национальной безопасности Брэд Симпсон, «судьба этих документов — образчик бессознательного замалчивания, которое вот уже четверть века практикует каждая последующая администрация Белого дома. Любые подробности плана вторжения Индонезии на Восточный Тимор старательно скрывают от внимания американского народа и мировой общественности, систематически подавляя или дискредитируя любые достоверные сведения о массовых убийствах мирного населения Восточного Тимора в середине 1980-х. И с не меньшей активностью изыскивают возможности не допустить наложения конгрессом запрета на каналы поставки оружия в этот регион»*.

Через 20 лет после вторжения в Восточный Тимор мировая общественность воздала должное мужеству двух самых стойких и последовательных критиков репрессивного режима. В 1996 году архиепископ Карлос Фелипе Хименес Бело и Хосе Рамос-Орта стали лауреатами Нобелевской премии мира. Это буквально повергло в шок Джакарту и Вашингтон и посеяло панику в кулуарах Уолл-стрит.

Кровавая резня в Восточном Тиморе — далеко не единственный пример действий репрессивного государства, каким стала Индонезия при Сухарто. На протяжении 1970-х годов этот режим практиковал методы военного насилия, жестоко подавляя выступления

---

* «Thirty Years After the Indonesian Invasion of East Timor, Will the U.S. Be Held Accountable for Its Role in the Slaughter?» *Democracy Now!* December 7, 2005; www.democracynow.org/article.pl?sid=05/12/07/1519244.

провинций за независимость и неизменно оправдывая это необходимостью борьбы с засильем коммунизма. Однако ведущие американские издания упорно игнорировали тот факт, что лишь отчаянное желание сбросить ненавистный режим Сухарто заставляло повстанцев брать в руки оружие и что лишь от безысходности они обращали взоры в сторону таких стран, как Китай, видя в них последнюю надежду на военную и медицинскую помощь.

Точно так же игнорировался и тот факт, что поддержка режима Сухарто на руку корпоратократии и ее интересам. Желание этого диктатора насадить контроль над всем архипелагом, включая даже те районы, которые не обладали привлекательными для корпоратократии природными ресурсами, куда как серьезно воспринималось в Вашингтоне и на Уолл-стрит.

Корпоратократия хорошо уяснила, что только поддерживая амбициозную идею объединенной Индонезии и ее автора, диктатора Сухарто, она обеспечит себе право без стеснения хозяйничать везде, где есть вожаемые природные богатства.

С тех времен, когда мне довелось работать в провинции Ачех, расположенной на северной оконечности острова Суматра и наделенной богатыми запасами нефти и природного газа, от руки репрессивного режима Сухарто там погибло не менее 10 тысяч жителей. Еще тысячи были убиты при подавлении беспорядков на Молуккских островах, на Западном Калимантане (Борнео) и Ириан-Джая (Новая Гвинея). И всякий раз подоплекой кровавых расправ с населением было стремление защитить интересы транснациональных корпораций, которые по сути подпирали своими деньгами режим Сухарто.

Хотя тон всегда задавали нефтяные и горнодобывающие компании, в их фарватере неизменно следовали и прочие иностранные корпорации, которых привлекали дешевизна индонезийской рабочей силы, доступность природных ресурсов, а также то, что Индонезия считалась одним из наиболее емких рынков для проектов развития, равно как и для потребительских товаров. Индонезия в наши дни может служить лучшим примером экономики, вскормленной массивными инвестициями международных банковских и коммерческих сообществ.

Делая ставку на возможность оплатить займы своими изобильными ресурсами, Индонезия все глубже влезала в финансовые долги

по проектам развития инфраструктуры, что, в свою очередь, создавало обширный спрос на отели, рестораны, торговые центры, а также на услуги строительства, сервиса, банковского и транспортного секторов. Это обогащало местную элиту и иностранные компании, но множило страдания простого народа. А для борьбы с движениями сопротивления в провинциях центральные власти привлекали вооруженные силы.

Не менее чем простые индонезийцы, от такой экономической политики пострадала и окружающая среда. Ради развития горнорудного, целлюлозно-бумажного производства и других ресурсодобывающих отраслей в Индонезии уничтожались огромные площади одних из самых больших в мире тропических лесов. Реки загрязнялись токсичными отходами. Промышленные объекты и крупные города отравляли атмосферу тоннами вредных выбросов.

В 1997 году масштабное бесконтрольное выжигание лесов привело к тому, что над всей Юго-Восточной Азией навис густой вредоносный смог, о чем писали все ведущие мировые СМИ. Это еще одно следствие коррупции, культивируемой экономическими убийцами. Были и другие жертвы «экономического чуда» в Индонезии. Ее коренное население — бугийцы, даяки, меланезийцы и множество других местных племен; их исконные земли были украдены, а культура и традиции уничтожены.

Этот геноцид современного толка нельзя измерить только страданиями людей; это безжалостная атака на саму душу человечества, особенно циничная, если вспомнить о геноциде прошлых времен, когда США с такой же жестокой решимостью истребляли коренных жителей американского континента. И хотя тех, прежних, колонизаторов сегодня клеймят позором, сама эта модель, финансируемая деньгами американского правительства и американских корпораций, жива и поныне.

Когда же маховик экономического кризиса стал неудержимо раскручиваться, поражая все сферы жизни Индонезии, Сухарто «купился» на предложенный МВФ пакет мер по структурной перестройке — Structural Adjustment Package (SAP). В числе прочих там содержались рекомендации сократить субсидии на горючее и продукты питания, а также урезать расходы на многие другие социальные услуги — и все ради того, чтобы избавить государство от лишних расходов. Однозначно и открыто направленная на поддержку

интересов богатых, эта политика лишь усугубила такие социальные язвы, как голод и болезни среди беднейшего населения, и еще больше обострила общественный антагонизм.

В конце концов народное недовольство вылилось в массовые уличные беспорядки. Теперь уже и богатые, опасаясь социального взрыва, присоединились к требованиям перемен. В мае 1998 года, после 32 лет единоличного тиранического правления, Сухарто был вынужден подать в отставку. В сентябре 1999 года администрация президента Клинтона резко оборвала всякое военное сотрудничество с индонезийскими вооруженными силами.

Но все эти события никоим образом не означали краха корпоратократии. Напротив, в конечном итоге она только укрепила свои позиции. Правящая верхушка Индонезии быстро сориентировалась и, приписав себе в заслугу свержение диктатора Сухарто, стала выставлять себя радетелем народа. Американское правительство и транснациональные корпорации шумно приветствовали падение диктатуры Сухарто и выступили в поддержку нового режима. Потом настал день 26 декабря 2004 года, когда разыгравшаяся природная катастрофа открыла перед корпоратократией новые возможности еще больше укрепиться в Индонезии. На следующий день после Рождества на побережье обрушился мощный удар цунами.

От громадных океанских волн погибла почти четверть миллиона человек. Однако привлеченные для восстановления хозяйства пострадавших районов компании, в том числе многие американские фирмы, цинично усмотрели в этом отличную возможность набить карманы. Любой природный катаклизм — будь то землетрясение, ураган или цунами — убивает сотни тысяч людей и губит имущество на миллионы долларов, но при этом подталкивает рост ВВП. Конечно, смерть и разрушение сами по себе не вызывают роста экономических показателей, но зато обеспечивают приток миллиардных инвестиций на восстановление хозяйства, создавая обманчиво-позитивное впечатление о заботливости корпоратократии.

Многим американцам и невдомек, что с точки зрения большого бизнеса национальные катастрофы подобны войнам: они крайне прибыльны. Огромные средства, выделенные на восстановление разрушенного стихией, попадают в руки американских инжиниринговых компаний и транснациональных корпораций, владеющих цепочками отелей, ресторанов и крупных торговых центров,

Глава 7. Массовые убийства с благословения Штатов

коммуникационными и транспортными сетями, банковским, страховым и прочим корпоративным бизнесом.

Вместо того чтобы оказывать помощь тем, кто действительно в ней нуждается — крестьянам, рыбакам, владельцам семейных гостиниц и ресторанчиков и прочим мелким предпринимателям, «программы восстановления» становятся очередным передаточным механизмом, направляющим финансовые потоки в руки тех, кто возводит здание мировой империи.

Цунами как источник наживы

26 декабря 2004 года стало черным днем. И не только для несчастных жертв, которых в один миг убили огромные волны цунами, но и для всех нас, искренне верящих в сострадание, милосердие и добрую волю по отношению к тем, кто живет рядом с нами на этой планете. Трагическая история, стоящая за самой бессовестной эксплуатацией, началась еще за несколько месяцев до природной катастрофы 2004 года.

В сентябре того года Индонезия выбрала себе в руководители очередного военного. Новый избранник, генерал Сусило Бамбанг Йудхойоно, по отзыву *The New York Times*, «в период авторитарного правления генерала Сухарто быстро шагал вверх по государственной иерархической лестнице...»*

В 1976 году его направили на обучение в Форт-Беннинг, штат Джорджия, где находится пехотная школа Сухопутных войск, а потом еще дважды он посещал США в рамках программы международного военного образования и военной подготовки. После трагедии 26 декабря 2004 года генерал Йудхойоно отлично справился с задачей подавления выступлений за независимость в провинции Ачех.

Сепаратистское движение в провинции Ачех, как и большинство ему подобных, действующих на островах индонезийского архипелага, возникло из стремления к независимости от центральной власти, которая на местах воспринималась как средство экономической эксплуатации и жестокого подавления.

Хотя культура и экология провинции сильно пострадали от хищнических действий иностранных корпораций, жители Ачеха все же

---

* Jane Perlez, "A Cautious Reformer as Indonesia's Next President", *The New York Times*, Sept. 22, 2004, www.nytimes.com/2004/09/22/international/asia/22indo.html.

получили от этого некоторую выгоду. Здесь в рамках одного из крупнейших в Индонезии проектов освоения природных ресурсов был построен завод по производству сжиженного природного газа, который отчислял на нужды местного бюджета — поддержание школ, больниц и прочих объектов социальной инфраструктуры — часть своей прибыли, хотя, конечно, и весьма незначительную. Однако это хоть как-то могло поддержать тех, на ком этот проект сказался пагубнее всего.

«На протяжении пяти десятков лет жители провинции Ачех, славящейся богатством природных ресурсов, жаждали получить независимость от Индонезии», — так писала Мелисса Росси, журналистка, лауреат профессиональной премии, постоянный автор таких влиятельных изданий, как *Newsweek*, *Newsday*, *Esquire*, *George*, *The New York Observer*, а также канала MSNBC.

При случае она посылает мне электронные послания из горячих точек, в которые забрасывает ее профессия. «Правительство, как пиявка, вцепилось в эту провинцию, а все потому, что ее побережье изобилует запасами нефти»*. По той же причине власти всегда стремились замалчивать число жертв борьбы за независимость в этом регионе. Однако, по некоторым данным, за без малого 30 лет жестокого подавления национально-освободительной борьбы в провинции Ачех было убито от 10 до 15 тысяч человек. А в 2004 году волны цунами разорили земли провинции и унесли еще тысячи и тысячи жизней**.

А ведь именно в тот трагический год власти Индонезии начали переговоры с Движением за свободный Ачех (по-индонезийски — *Gerakan Aceh Merdeka*, GAM***). Более того, была уже достигнута договоренность о том, что жители провинции будут получать часть прибыли от разработки нефти, природного газа и других ресурсов; им также посулили некоторое самоуправление и другие права, которых десятилетиями добивался народ Ачеха. Но тут вмешалось цунами.

---

* Melissa Rossi, *What Every American Should Know About the Rest of the World* (New York: Plume, 2003), p. 32.

** NPR, “Interview: Sidney Jones on the Tsunami Easing Peace with Aceh Rebels”, *Morning Edition*, Dec. 27, 2005, http://nl.newsbank.com/nl-search/we/Archives?p_action=doc&p_docid=10EC735E901BD.

*** Там же.

Будучи местной организацией как раз в том районе, на который пришелся удар стихии, Движение за свободный Ачех сильно пострадало от воцарившегося хаоса. Некоторые из лидеров движения погибли или потеряли близких. Во всей провинции были разрушены транспорт и коммуникации. В итоге Движение за свободный Ачех было вынуждено на время ослабить сопротивление и отойти от переговорного процесса, сосредоточив все оставшиеся силы на помощи жертвам и восстановлении хозяйства.

Правительство же, со своей стороны, быстро разглядело все выгоды вновь создавшегося положения и на волне народных бедствий стало активно проталкивать свои интересы. В Ачех были переброшены свежие армейские подразделения с Явы и из других, не затронутых катастрофой районов, а вскоре к ним присоединились американский военный контингент и наемники вроде Нэйла. И хотя военные взяли ситуацию под контроль, чтобы оказать помощь жертвам стихии, за этим, кроме всего прочего, стояло и стремление подавить Движение за свободный Ачех.

Не теряла времени и администрация Буша. В январе 2005 года, менее чем через месяц после цунами, Вашингтон на 180 градусов развернул политику в отношении Индонезии, проводившуюся с 1999 года администрацией Клинтона, которая решительно порвала связи с репрессивным военным режимом. Белый дом тут же одобрил предоставление Индонезии военного снаряжения на миллион долларов.

Как писала 7 февраля 2005 года *The New York Times*, «Вашингтон ухватился за новые возможности, которые открылись из-за цунами. Госсекретарь Кондолиза Райс уже потребовала значительной активизации военной подготовки индонезийских военных. ... Сама индонезийская армия вновь всюду развернулась в провинции Ачех, где в течение 30 лет подавляла повстанцев, а теперь жестко сковывает оставшиеся силы Движения за свободный Ачех»*. В ноябре 2005 года Вашингтон отменил эмбарго на поставки вооружений в Индонезию и полностью восстановил былые тесные связи с военным режимом**.

* Jane Perlez, "U.S. Takes Steps to Mend Ties with Indonesian Military", *The New York Times*, Feb. 7, 2005, www.nytimes.com/2005/02/07/international/asia/07indo.html.

** *Democracy Now!*, www.democracynow.org/article.pl?sid=05/11/23/152214.

Ситуация вновь благоприятствовала противникам Движения за свободный Ачех, которое в условиях все усиливающегося давления со стороны индонезийской армии и поддерживающих ее военных сил США было истощено попытками помочь местным общинам восстановить нормальную жизнь. В результате его лидеры были вынуждены подписать весьма одностороннее, невыгодное для себя соглашение с правительством. И снова самый большой куш достался корпоратократии — цунами фактически обеспечило ей право продолжить ничем не ограниченное хищническое разграбление богатых ресурсов провинции Ачех.

Самым ярким примером того, какие горизонты открывались теперь перед корпоратократией, стала судьба уникальной экосистемы Лёсер. На протяжении трех десятилетий местные повстанцы не допускали в этот район богатейших в мире лесных угодий жадных дельцов из нефтяных и лесозаготовительных компаний. Теперь же, после того как Движение за свободный Ачех было фактически уничтожено, ничто не могло уберечь этот район от разграбления.

В 1994 году был создан Международный фонд сохранения Лёсера. Немалую роль в этом сыграл Майк Гриффитс, еще в середине 1980-х годов отказавшийся от доходного места топ-менеджера одной из нефтяных компаний, чтобы посвятить себя заботам о сохранении уникальной природы Суматры. Он вел одну из радиопрограмм Radio Expedition, организованную Национальным общественным радио США.

В 2006 году постоянный ведущий программы Майкл Салливан рассказывал о состоянии провинции Ачех после цунами. По его словам, «в мирное время давление на эти уникальные заповедные леса только усилится, и самой большой угрозой для них — причем даже большей, нежели сведение ценных тропических лесов и создание пальмовых плантаций, — является строительство дорог».

Затем он объяснил, что сразу после удара цунами 2004 года американские инжиниринговые и строительные компании лоббировали перед Всемирным банком и другими международными организациями проект финансирования строительства дорог в пострадавшей от цунами провинции Ачех, который в первую очередь служил интересам нефтяных и лесоперерабатывающих компаний.

Это хорошо понимал Майк Гриффитс, который говорил в эфире NPR: «Истребив экосистему Лёсер, вы лишаете шансов на выжива-

ние не только уникальную местную фауну — тигров, орангутангов, слонов, носорогов; вы подрываете основы существования местного населения — четырех миллионов человек, которых леса Лёсер обеспечивают питьевой водой и защитой от наводнений и почвенной эрозии»*.

Тесные узы, связывающие индонезийскую правящую элиту, американское правительство и международные корпорации, — характерный пример методов, взятых корпоратократией на вооружение в эпоху после Второй мировой войны. Те, кто строит глобальную империю, всегда предпочитают действовать тайно. Демократия же подразумевает широкую гласность и информированность электората, а это означает, что методы корпоратократии представляют прямую угрозу одному из самых выстраданных идеалов Америки.

Помимо всего прочего, в их контексте результаты моей собственной работы в качестве экономического убийцы, а также деятельности всевозможных «экспертов по развитию» вселяют настоящую тревогу. Пагубную сущность того, чем занимаются экономические убийцы, особенно ярко продемонстрировали мне три события, которые произошли после цунами 2004 года. Казалось бы, никак не связанные между собой, на самом деле все они уходили корнями в мое прошлое.

Первое из них касалось крупной консалтинговой фирмы, находившейся в Бостоне, а второе и третье имели отношение к индонезийским властям и армии, а также к американским горнодобывающим компаниям.

---

* Michael Sullivan, “The Green Heart of Sumatra”, *Morning Edition*, NPR, Aug. 14, 2006, www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=5611866.

Плоды коррупции

В «Исповеди экономического убийцы» я уже рассказывал, что в конце 1980-х и 1990-х годов был связан с фирмой Stone and Webster Engineering Company (SWEC), которая в те времена считалась одной из самых крупных и уважаемых консалтинговых и строительных компаний в стране. Я упоминал и о том, что SWEC заплатила мне около полумиллиона долларов в обмен на обещание воздержаться от публикации книги о моей деятельности в качестве экономического убийцы. И вдруг эта фирма вновь вспомнила обо мне и обратилась с просьбой кое-что сделать для нее.

Еще в 1995 году один из высокопоставленных сотрудников SWEC попросил меня о встрече. За ланчем он рассказывал о планах строительства в Индонезии крупного химического комплекса. Стоимость проекта составляла около миллиарда долларов. Это будет, уверял он, самый масштабный проект фирмы за всю ее столетнюю историю. «Я намерен во что бы то ни стало осуществить этот проект, — заявил он и, понизив голос, добавил: — Только никак не могу приступить к нему, пока не придумаю, как всучить 150 миллионов кое-кому из родни Сухарто».

«Взятку», — подсказал я.

Он кивнул: «Именно. Вы провели в Индонезии много лет. Не могли бы вы просветить меня, как там делаются такие вещи?»

В ответ я поделился с ним четырьмя известными мне способами дать «законную взятку». Во-первых, фирма может заключить с какими-нибудь местными компаниями, принадлежащими этому человеку или его ближайшим друзьям, лизинговое соглашение на поставку всевозможной строительной техники, скажем бульдозеров, подъемных кранов, грузовиков и прочего тяжелого оборудования, — разумеется, по завышенным ценам.

Во-вторых, можно организовать субподряд на какой-нибудь комплекс работ в рамках проекта для компании, аналогичной их соб-

ственной по сфере деятельности — опять же по вздутым ценам. Третий вариант — заключить договор на снабжение персонала строящегося объекта продовольствием, жильем, транспортом, горючим и прочим в том же роде. Последний вариант — предложить отпрыскам семейств из индонезийской правящей верхушки обучение в престижных университетах США с полным денежным содержанием, да еще и приплачивать им как консультантам или стажерам.

При этом я отметил, что для легализации столь крупной взятки могут потребоваться все четыре способа, но и это займет несколько лет, не меньше. Я также уверил своего собеседника, что все перечисленное — вполне законные методы подкупа, практикующиеся в стране и ни разу не вызвавшие ненужного внимания или судебных обвинений против американских компаний и ее сотрудников. Кроме того, я посоветовал обдумать, не следует ли подключить к этому щекотливому делу гейш.

Тут мой собеседник заговорщицки ухмыльнулся: «Они уже вовсю действуют». Что же касалось остального, то он с тяжелым вздохом посоветовал, что человек Сухарто потребовал «деньги вперед». Я вынужден был признаться, что мне неизвестен ни один способ повернуть такую вещь, как «плата вперед», по крайней мере, сколько-нибудь законный. На этом наш разговор окончился: мой собеседник поблагодарил меня, откланялся и с тех пор больше ни разу не дал о себе знать.

15 марта 2006 года мне на глаза попала газета *The Boston Globe* с жирным заголовком на первой странице бизнес-раздела: «Служебная записка о взятке и крах Stone & Webster». Я с интересом погрузился в статью. В ней рассказывалось о трагическом повороте в судьбе компании, славная история которой началась в 1889 году. Шесть лет назад она была вынуждена объявить о банкротстве, а теперь вот перешла в руки Shaw Group. Как уверяла *Globe*, «около тысячи сотрудников лишились рабочих мест и всех своих сбережений в акциях Stone & Webster».

Корреспондент газеты Стив Бейли высказывал предположение, что падение фирмы началось, судя по всему, «с пресловутой служебной записки, проливающей свет на тайную попытку в прошлом вручить одному из родственников президента Сухарто огромную взятку в 147 миллионов долларов, чтобы сохранить за компанией право на реализацию крупнейшего в ее истории проекта»*.

---

* Steve Bailey, “The Bribe Memo’ and Collapse of Stone and Webster”, *The Boston Globe*, March 15, 2006, p. E1. См. также: http://www.boston.com/business/globe/articles/2006/03/15/the_bribe_memo_and_collapse_of_stone__webster/.

Второе событие начиналось с того, что на мою электронную почту пришло письмо от сына одного из крупных госчиновников Индонезии, с которым я сталкивался по работе еще в далеких 1970-х. А теперь его сын просил меня о встрече. Эмил (сразу оговорюсь, что это вымышленное имя) предложил встретиться в одном тихом тайском ресторанчике в верхнем Вест-Сайде.

Он сразу заявил, что моя «Исповедь» произвела на него глубокое впечатление. Я помнил Эмила еще по Джакарте. Его отец познакомил меня с ним, когда он был десятилетним мальчишкой. В кругах, где вращался его отец, часто упоминали обо мне, сказал Эмил. Он знает, продолжал Эмил, что его отец и был одним из тех коррумпированных чиновников, о которых рассказывается в моей книге. Затем он посмотрел мне прямо в глаза и признался, что пошел по стопам отца. «Теперь же я хотел бы очиститься от всей этой грязи, покаяться, как вы» — такими словами завершил свой рассказ Эмил. Он смущенно улыбнулся: «Но у меня есть семья, которой я дорожу, и несколько важных незаконченных дел. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду».

Я уверил Эмила, что не собираюсь когда-либо упоминать его имя или раскрывать инкогнито.

История, поведанная мне Эмилом, была разоблачающим свидетельством. По его словам, индонезийская армия взяла за обыкновение обирать частный сектор ради финансирования своих расходов. Эмил попытался сказать это легко, как бы в шутку, добавив, что это общепринятая практика, давно прижившаяся в странах третьего мира. Затем он посерьезнел: «Но после падения режима Сухарто в 1998 году все стало намного хуже, чем было при нем. Как настоящий военный диктатор, он стремился держать под полным контролем свою мощную армию.

После Сухарто многие пытались, правда, тщетно, изменить законы моей страны, чтобы наконец поставить военных под контроль гражданской власти. Им казалось, что этой цели можно добиться за счет сокращения военного бюджета. Но не тут-то было! Генералы хорошо знали, к кому обратиться за помощью, — к иностранным горнодобывающим и энергетическим компаниям».

Тут я прервал Эмила, заметив, что его рассказ живо напоминает об аналогичной ситуации в таких странах, как Колумбия, Нигерия, Никарагуа и многих других, где помимо регулярных вооруженных

сил существуют финансируемые частным капиталом охранные подразделения.

«Да, — ответил молодой человек. — Вам ли не знать, как много у нас в стране наемников. Но сейчас я говорю о гораздо худших вещах. За последние несколько лет иностранные корпорации фактически прибрали к рукам нашу армию. И последствия такой ситуации действительно устрашают, ведь получается, что теперь иностранцы распоряжаются не только нашими ресурсами, но и нашими же собственными вооруженными силами!»

Когда я поинтересовался, зачем же он мне об этом рассказывает, Эмил замолчал и отвернулся, рассеянно глядя в окно на потоки машин. Молчание затянулось на несколько минут. Затем Эмил вновь обернулся ко мне: «Я — самый что ни на есть коллаборационист и пошел еще дальше отца. Я — один из тех, кто непосредственно договаривается об этих поборах, передаточное звено между корпорациями и военными. Мне очень стыдно. Единственное, что я еще могу в моем положении, — рассказать вам все как есть, а потом тешить себя надеждой, что вы найдете способ рассказать миру о том, что творится у нас в стране».

Через несколько недель после встречи с Эмилом на сайте *The New York Times* я наткнулся на статью, в которой подробно излагались факты, касающиеся деятельности базирующейся в Новом Орлеане компании Freeport-McMoRan Cooper and Gold. По данным газеты, «за последние семь лет она передала командованию подразделений индонезийской армии в одном из районов (Папуа) около 20 миллионов долларов в качестве платы за защиту своих промышленных объектов в этой отдаленной провинции».

Далее автор статьи утверждал, что «за счет государственного бюджета покрывается всего треть финансовых потребностей индонезийских вооруженных сил, тогда как остальное поступает из непрозрачных источников вроде “платы за защиту”, что позволяет местной военной верхушке действовать независимо и выводит ее из-под финансового контроля со стороны центрального правительства»*.

---

* Associated Press, “Indonesia ‘Admits Support’ by U.S. Gold Company to the Military”, *The New York Times*, Dec. 30, 2005, www.nytimes.com/2005/12/30/international/asia/30indo.html.

Ссылки, приведенные в этой статье, привели меня к двум другим, уже на сайте *The Times*, за сентябрь 2004 года. В них описывалось, как на острове Сулавеси, хорошо знакомом мне по прошлой работе, крупнейшая золотодобывающая компания Newmont Mining Corp., базирующаяся в Денвере, незаконно сливала в воды залива Байат промышленные отходы, содержащие мышьяк и ртуть. Меня вдруг осенило, что моя работа в тех местах — энергосистемы, дороги, порты и прочие инфраструктурные объекты, которые финансировались и возводились с помощью экономических убийц в 1970-х годах, — самым непосредственным образом способствовала созданию условий для компаний, подобных Newmont, которые теперь расхищают природные богатства чужих народов и отравляют воды океана.

Не говорил ли еще тогда руководитель проекта Чарли Иллингвэрт, что мы прибыли в Индонезию, чтобы создать нефтяным компаниям все необходимые условия? А вскоре я и сам понял, что наша миссия не ограничивалась только работой на нефтяные компании. Сулавеси был показательным примером того, как денежки, выделенные на экономическую помощь отсталым районам, перетекают в карманы транснациональных гигантов.

The Times подчеркивала, что «борьба против незаконных методов Newmont уверила общественность в том, что американские добывающие и энергетические компании держат мертвой хваткой хромающую законодательную систему Индонезии. Многие винили за это коррупцию, кумовство и неразвитость регулятивной системы, доставшиеся стране в наследство от генерала Сухарто, который всегда, до последних дней своего правления в 1998 году, с готовностью открывал двери иностранным инвесторам — естественно, не задаром»*.

Лишь только я углубился в чтение, виртуальный текст на экране заслонили давно забытые образы из прошлого: перед моим мысленным взором возник мэр городка под названием Батсвилл и молодой бугиец-корабел. Подобно библейским пророкам, они вдруг

---

* Jane Perlez, “U.S. Gold Mining Company Says Indonesia Detains 4 Officials”, *The New York Times*, Sept. 23, 2004, www.nytimes.com/2004/09/23/international/asia/23CND-INDO.htm и Jane Perlez and Evelyn Rusli, “Spurred by Illness, Indonesians Lash Out at U.S. Mining Giant”, *The New York Times*, Sept. 8, 2004, www.nytimes.com/2004/09/08/international/asia/08indo.html.

вернулись из прошлого, чтобы усовестить меня. Они были правы — сейчас я в этом окончательно убедился. США и впрямь отправляют своих «летучих гадов» разорять и загаживать чужие земли. А бугийцы, отважные мореплаватели на утлых деревянных суденышках, вооруженные только острыми как бритва мачете, не имеют никаких шансов, чтобы противостоять военному могуществу Пентагона.

Или действующей скрытыми и изощренными методами армии приспешников крупных корпораций.

Жертвы насилия в Индонезии

На многочисленных встречах с читательской аудиторией кто-нибудь обязательно пытается доказать, что Nike и прочие корпорации теперь ведут себя намного лучше. Как и большинство, я сам рад бы верить в эти позитивные перемены. Все мы тешим себя надеждой, что основатель и глава Nike Фил Найт и другие руководители стали глубже осознавать свою ответственность.

Чтобы удостовериться в этом, я как-то связался по электронной почте с Лесли и Джимом, которые попробовали пожить в тех же условиях, что и рабочие индонезийских фабрик Nike, а сейчас готовили документальный фильм о потогонных фабриках. Их ответ, однако, оказался малообнадёживающим.

Со времен нашей первой поездки в 2000 году мы еще дважды были в Индонезии, встречались с рабочими фабрики, с которыми подружился в первый приезд, и организаторами профсоюза. Какие-то незначительные перемены к лучшему, несомненно, были, хотя главные проблемы — размер заработка и право на независимые профсоюзы — по сравнению с 2000 годом так и не утратили своей остроты и актуальности, несмотря на то что сама корпорация Nike пытается уверить общественность в обратном.

Если правительство и подняло уровень минимального заработка, то в той же пропорции выросли плата за жилье, цены на продукты питания, питьевую воду, одежду и другие предметы первой необходимости. До сих пор рабочие не могут решить дилемму: есть самим или накормить своих детей. В свой последний приезд в Индонезию мы встретились с одной старой знакомой, восемь лет проработавшей на фабрике Nike. Она крепко обняла нас, а потом, криво усмехнувшись, с горьким отчаянием произнесла: «А у нас так ничего и не изменилось».

Ну кое-что все-таки изменилось — это местные цены на нефть, а с ними и плата за проезд на общественном транспорте на работу и с работы. Теперь рабочим приходится выкладывать за это до 30% своего заработка, и без того едва достаточного для поддержания жизни. Так откуда же взять денег на подорожавший проезд в транспорте? И без того рабочие, которые по шесть-семь дней в неделю вкалывают на фабриках имеющих многомиллиардную прибыль корпораций, зачастую вынуждены довольствоваться только двумя порциями риса с солью в день.

В конце 1990-х в ответ на обвинения в создании потогонной системы на ее фабриках в странах третьего мира Nike утверждала, что критиканы сами не знают, о чем говорят, тем более что корпорация не владеет фабриками, выполняющими для нее заказы, следовательно, не имеет никаких полномочий что-то там менять. В начале 2000-х годов ее представители стали говорить: «Претензии справедливы, да только не по адресу».

Однако уже в 2002 году Nike сменила тактику. Ее уполномоченные стали посещать собрания в колледжах и университетах, где намечались наши с Джимом выступления. Еще до нашего приезда они направляли в колледжи письменные обращения, пытаясь заранее опровергать все факты, которые мы собирались упомянуть в беседах, а затем помещали статьи в студенческих газетах, где сообщали, что мы не располагаем всей полнотой фактов об условиях труда на фабриках Nike.

Сегодня тактика Nike претерпевает дальнейшие изменения — представители корпорации активно участвуют в различных конференциях, посвященных социальной ответственности бизнеса, и даже признают наличие проблем, однако возлагают их решение на все заинтересованные стороны, которые должны совместно действовать в этом направлении (разумеется, по правилам Nike).

А между тем все те же проблемы, что были выявлены еще в 1990-х, — от нищенской оплаты и всего двух официальных гигиенических перерывов в день до словесных и телесных оскорблений, сексуальных домогательств и угроз физической расправы над организаторами профсоюзов — и поныне существуют на фабриках Nike, разбросанных по всему миру.

Если бы компания согласилась вдвое повысить плату за труд на своих индонезийских предприятиях (а на них трудится примерно

шестая часть ее совокупной рабочей силы), это составило бы всего 7% от ее 1,63-миллиардного рекламного бюджета. И если направить хоть малую толику этих денег на повышение платы за каждую изготовленную для Nike единицу товара, эта потогонная система сама собой сошла бы на нет.

Может, Лесли с Джимом и являются антиподами экономических убийц, но ничто не ограждает их от угрозы расправы со стороны «шакалов». Как рассказали ребята, как-то ночью их съемочная группа, куда кроме них входили еще оператор Джоуэл, водитель-индонезиец и переводчик, подвергались нападению вооруженных бандитов.

«Они окружили нашу машину своими мотоциклами, — рассказывал Джим. — В поисках защиты водитель направил было машину в сторону находившегося недалеко армейского КПП, но солдат-индонезиец замахал руками, прогоняя его прочь». — «Было понятно, что он не желает связываться с напавшими на нас головорезами, которые явно имели отношение к местной мафии, — добавила Лесли. — Водителю пришлось все же уступить требованиям нападавших и остановиться. Под дулами автоматов нас заставили выйти из машины. Нас запугивали, осыпали бранью и угрозами».

«Я уже было подумала, — сказала Лесли, содрогаясь от ужасного воспоминания, — что тут нам пришел конец и нашим именам суждено пополнить списки без вести пропавших».

Однако в тот раз ребятам удалось остаться в живых; пострадал лишь водитель, которого сильно избивали.

«Видимо, это было предупреждение», — пробормотал Джоуэл.

«И вы ему вняли?» — спросил я.

«Мы решили в будущем быть поосторожнее, — ответил Джим. — Будем выбирать самые безопасные маршруты, не станем задерживаться до темноты. Но ничто не заставит нас отступить. Мы должны вернуться, чтобы доснять фильм и показать его всему миру».

За довольно короткое время мне попались статьи про SWEC, Freeport-McMoRan и Newmont, поступила весточка от Лесли и Джима, а затем они с Джоуэлом рассказали мне о нападении бандитов. Легко понять, что все это, вместе взятое, вновь заставило меня задуматься о пагубных последствиях моей прошлой работы в качестве экономического убийцы, а также и обо всех тех тысячах людей, которые покупают товары, изготовленные на потогонных фабриках компа-

ний, беззащитно и жестоко эксплуатирующих своих рабочих. То, что мы видели в Индонезии, повторяется в мире день за днем; так разворачивается тайная история американской империи.

К сожалению, она сумела обрядиться в новые одежды и предстать моделью, которую, несмотря на ее очевидные изъяны, пытаются воспроизвести. В этом я убедился во время поездки на Тибет в 2004 году. Там я понял, что Китай обзавелся собственным брендом экономических убийц и их приспешников-«шакалов». Боюсь, что в конце концов китайские экономические убийцы превзойдут наших по эффективности — иными словами, их деятельность будет более разрушительной.

Не становитесь буддистом!

Тибет известен тем, что в этой стране живет далай-лама, духовный лидер буддистов, вероятно, самый последовательный и преданный сторонник ненасилия среди всех живущих в нашем мире. Однако Тибет не всегда пользовался такой репутацией. В 609–649 годы нашей эры над ним властвовал грозный король Сонгцэн Гампо.

Стремясь подчинить своей власти соседние владения, он умело строил союзы с вечно враждовавшими друг с другом вождями местных племен и в конце концов сумел их объединить. Тибет стал огромной империей. Потом ее завоевали орды Чингисхана, и она стала частью другой империи, которая вошла в историю как символ жестокости.

В июне 2004 года во главе группы из 34 человек я прибыл на Тибет.

Путь к месту нашей первой остановки в городе Цетанг пролегал по сельской местности. Еще по дороге из аэропорта мы заметили, что одна из наших гидов, представившаяся нам как Сьюзи, подозрительно мало знала о Тибете и очень слабо владела местным языком — ее тибетский был еще хуже, чем корявый английский, на котором она пыталась изъясняться.

Чуть ли не в первый же день прошел слух, что Сьюзи на самом деле китайская шпионка, и нам посоветовали не слишком-то откровенничать в ее присутствии. Другой наш гид, родом из Непала, тихонько предупредил об этом нескольких членов нашей группы и просил передать это предостережение остальным. На одной из остановок, когда Сьюзи не было в автобусе, он настоятельно просил нас соблюдать крайнюю осторожность в высказываниях.

«Даже когда мы будем в монастырях и храмах?» — спросила одна из женщин.

«Да, да, особенно в таких местах», — закивал гид-непалец.

Первой нашей остановкой стал город Цетанг, располагающийся на Тибетском плато. Со всех сторон его окружают величественные гималайские вершины, увенчанные снежными шапками. Дух захватывало от красоты этого места, одного из центров древнейшей цивилизации. Мы разместились в каком-то безликом, сверкающем стерильной чистотой китайском отеле. Оставив в номере свой багаж, я поспешил на улицу — уж очень хотелось поскорее оторваться от группы и осмотреться на новом месте.

Здесь очень ощущалась высота, и к этому еще надо было привыкнуть, а кроме того, от смены часовых поясов гудела голова — так бывает после перелета на многие тысячи километров. Но более всего мне хотелось проникнуться духом таинственного древнего Тибета. Однако, побродив по улочкам Цетанга в этот послеполуденный час, я испытал острое разочарование. Если бы я по воле волшебства внезапно перенесся в это место, не зная, где оно находится и как называется, мне бы ни за что не догадаться, что это Тибет. Скорее я решил бы, что попал на китайскую военную базу.

По закатанным в бетон тротуарам деловито сновали солдаты в униформе китайских вооруженных сил. На улицах шла бойкая торговля типично китайским товаром. Продавцы во весь голос зазывали покупателей, предлагая выкрашенный в кричаще-яркие цвета нехитрый бытовой товар: кухонную утварь, ведра, детские игрушки. Эти яркие пятна слегка оживляли однообразную унылость городского пейзажа: старинных тибетских построек почти не осталось, зато везде были понатыканы по-военному мрачные железобетонные коробки современных домов.

Представители коренного населения, тибетцы, выделялись из уличной толпы. Одетые как и в XV веке в традиционные национальные одежды — запахаивающиеся длиннополые кафтаны и отороченные мехом шапки, — они смотрелись на своей родной земле как какие-нибудь музейные экспонаты. Это очень отчетливо выразилось и в отношении к ним китайских военных, которые взирали на тибетцев с откровенной брезгливостью и пренебрежением, будто это были полоумные нищие попрошайки. В хрустальной прозрачности гималайского воздуха явственно ощущались волны напряженности.

На меня вдруг накатила дикая, усиливающаяся с каждым шагом, усталость. Сначала я было решил, что это проявление высотной

болезни. Мне уже приходилось испытывать подобное ощущение в Андах и Кашмире. Но вскоре к усталости примешались головокружение и тошнота. С трудом я добрался до ближайшей бетонной скамьи и тяжело опустился на нее.

В ушах шумело, и в мозгу все время крутился виденный когда-то лозунг «Свободный Тибет». «Ничего себе свободный», — думал я, понимая, что чисто физиологический дискомфорт усугубляется сильнейшими эмоциональными переживаниями. Я заставил себя сосредоточиться на том, что меня окружало. Мимо быстро шли люди. Ни многочисленные китайцы, ни редко встречающиеся тибетцы — никто не обращал на меня никакого внимания, однако я чуть ли не физически страдал от собственной уязвимости и незащищенности. Меня охватило чувство неполноценности, будто я тоже был одним из жалких попрошаек.

Постепенно мне удалось совладать с собой, и я почувствовал себя лучше. Вспомнил, что у меня в кармане спрятана фотография далай-ламы. С большой осторожностью я достал ее, прикрывая рукой, понимая, что, если ее кто-то заметит, мне не миновать местной тюрьмы. Если кто не знает, поясню, что в современном Тибете запрещены изображения того, кто для миллионов людей на земле остается самым почитаемым духовным лидером.

Я с большим риском для себя провез эту реликвию через границу — будто бросая вызов китайским пограничникам в аэропорту и втайне надеясь, что мне представится случай подарить ее кому-нибудь из местных почитателей далай-ламы. Однако более всего на это безрассудство меня толкало глубочайшее уважение к Его Святейшеству, с которым мне посчастливилось встретиться пять лет назад.

Ту, прошлую, поездку в 1999 году, как и эту, организовала Шина Сингх. Тогда наша группа провела некоторое время в буддийской провинции Ладакх, считающейся индийским протекторатом. Она расположена в Кашмире, как раз между территориями Индии и Пакистана и населена тысячами тибетских беженцев, поддерживающих национальные традиции, запрещенные китайскими властями на их родине.

По воле провидения в то же самое время там находился и далай-лама. Шина, зная об интересе Его Святейшества ко всем самобытным культурам, послала ему одну из моих книг с просьбой о неболь-

шой частной аудиенции для нашей группы. Днем позже к нам в отель пожаловали посланцы далай-ламы и передали мне благодарности Его Святейшества и целую коробку книг, подписанных им лично. Однако из-за напряженного расписания сам далай-лама никак не мог уделить нам времени.

Однако в последний день нашего путешествия произошло чудо. В маленький аэропорт, откуда мы должны были вылететь на север Индии, прибыл далай-лама со свитой. Шина тут же направилась к его личному секретарю, а мы тем временем уже готовились подняться на борт Boeing-737, куда заходили и сопровождающие далай-ламу.

Прежде чем я осознал, что происходит, я уже поднимался по трапу, и наш индийский гид, придержав меня за локоть, шепотом стал наставлять меня, что согласно официальному протоколу следует поцеловать далай-ламе туфлю. Потом он подтолкнул меня к первому салону, и я увидел далай-ламу. Он уже расположился в кресле и, улыбаясь, жестом пригласил меня сесть рядом с ним. И хотя идея целовать туфлю казалась мне несколько экстравагантной, я начал нагибаться, чтобы совершить требуемый ритуал, — я уже давно усвоил, как важно уважать традиции других народов.

Но тут далай-лама с тихим смешком протянул руку и тронул меня за подбородок, не давая опустить голову. «В этом нет необходимости», — проговорил Его Святейшество, и я сразу узнал чарующие интонации мягкого голоса, которым восхищаются его почитатели во всем мире. Он снова показал на соседнее кресло: «Присаживайтесь, пожалуйста». Тут он закрыл книгу, которую держал раскрытой на коленях, давая мне рассмотреть обложку. Это была моя книга! «Мне хотелось бы побольше узнать обо всем этом», — сказал далай-лама, и мы заговорили о традициях и укладе жителей Амазонии, их исконной приверженности идее равновесия.

Я рассказывал, что населяющие эти места племена шуаров еще в давние времена избрали для себя стезю воинов и охотников за черепами, поскольку их верования допускали убийство. Это считалось естественным путем регулирования численности населения и поддержания природного равновесия. В противном случае, при чрезмерном увеличении числа жителей, хрупкий баланс в природе мог нарушиться, а это грозило уничтожением многих форм жизни. Получалось, что божество шуаров велело им нести ответственность

за равновесие, «выпальывая свои собственные сады», иными словами, убивая врагов из соседних племен.

Мой рассказ, по всей видимости, произвел глубокое впечатление на Его Святейшество. Он заметил, что хотя и не одобряет насилия, все же мир возможен только тогда, когда мы станем проявлять истинное сострадание ко всему живому, ко всем чувствующим существам, и примем на себя личную и коллективную ответственность за них и за судьбу планеты.

Далай-лама справедливо заметил, что экономическое развитие зачастую приводит к уничтожению многих форм жизни и создает дисбаланс, еще больше обогащая богатых и обедняя тех, кто и без того беден. Мы долго говорили о том, как важно нести в мир сострадание и действовать, а не только говорить или ждать, что все изменится само собой.

По окончании перелета далай-лама пригласил нас посетить его индийскую резиденцию в Дхармасале. Сердечно прощаясь с нами, Его Святейшество сказал нечто, прозвучавшее крайне необычно в устах признанного лидера духовного движения: «Не становитесь буддистом. Миру и без того хватает буддистов. Лучше принесите миру сострадание. Люди очень нуждаются в сострадании».

Эти слова вновь и вновь приходили на память, пока я сидел на скамейке в городе Цетанге, сжимая в руках фотографию лидера буддистов. Я и на миг не мог представить, чтобы подобную вещь сказал папа римский. Или политический лидер Китая. Или президент Соединенных Штатов. Эти слова звучали отрицанием самой идеи проповедничества, равно как и любых форм империализма.

Глядя на изображение далай-ламы, размышляя над его упорным стремлением не дать своим единоверцам примкнуть к порочному кругу насилия, который запятнает и будущие поколения, я, как никогда раньше, ощутил собственное несовершенство. Я всегда испытывал ненависть по отношению к Китаю. Здесь же, в городе, который олицетворял собой всю жестокость колониальных империй, я впервые понял, что одного моего гнева недостаточно.

Я поклялся отныне и вовек посвятить все отпущенные мне дни тому, чтобы изменить порядок вещей в мире. Я буду писать и выступать, убеждать и разъяснять, насколько пагубен для человечества мир, построенный на насилии, эксплуатации, страхе.

Я буду неустанно искать новые решения, вдохновлять людей на конкретные действия. В то же время я понимал, что мне еще много предстоит работать и над собственными воззрениями — ведь недостаточно просто заменить одну империю другой, нельзя бороться со страхом при помощи еще большего страха. Мы должны, мы просто обязаны разорвать порочный круг насилия.

Биологические императивы

Наша группа путешествовала по дорогам Тибета на восьми внедорожниках Toyota Land Cruiser. Когда наш моторизованный караван проезжал мимо тибетских крестьян, еле тащившихся с огромными тюками на плечах, я не мог избавиться от мысли, что по сравнению с этими беднягами мы в своих больших мощных машинах могли бы считать себя высшими существами, подобно избранному народу. Во время технической остановки на высокогорном перевале я подошел к группе своих спутников и в шутку заметил, что тибетским кочевникам мы должны казаться не менее чем королевским кортежем.

«Да вы что, смеетесь? — проворчал один из мужчин. — Какой там королевский? Адская мука, да и только. Машины-то мы достали, это верно, но посмотрите повнимательнее. В нашей водителю все время мучается с передачами: стоит начать переключаться, как коробка жутко скрежещет. А у первой машины все время подтекает бензин. Или вот этот, который следует прямо за нами, — тут он указал на клубы пыли, поднятые последним подъезжающим внедорожником. — Я вообще не понимаю, как он еще едет — видите, постоянно отстает? Не думаю, что члены королевской семьи терпели бы все это».

В его словах была доля здравого смысла. Действительно, по американским меркам путешествие было не из приятных. Машины с трудом пробирались по тому, что осталось от древнего шелкового пути. Часто и дороги-то как таковой не было, и машины с трудом ползли по высохшим руслам рек, то и дело проваливаясь в колдобины и ямы.

Кроме того, и на людях, и на механизмах сказывались последствия высоты — сильно разреженный воздух давал о себе знать, заставлял задыхаться людей и захлебываться и без того не слишком хорошо отлаженные моторы. На одном из привалов нас атаковали полчища кусачих мошек. Зато от красоты и величественности гор-

ных пейзажей захватывало дух, а на ночевках мы всегда могли рассчитывать на приличную еду и чистую постель.

Мы часто останавливались поговорить с кочевниками, которые открыто пренебрегали строгим запретом китайских властей разговаривать с иностранцами. Наши гиды усердно знакомили нас с достопримечательностями и множеством интересных фактов. Они показали нам жилище панчен-ламы*, в шестилетнем возрасте «назначенного» на это место китайскими спецслужбами взамен истинного панчен-ламы, указанного в свое время далай-ламой.

Тот, настоящий, в 1995 году был похищен и бесследно исчез. Тогда это вызвало в Тибете сильные волнения, множество буддийских монахов и простых тибетцев вышли на улицы в знак протеста против такого произвола. Китайские власти жестоко подавили протесты — несчетное количество несогласных были изгнаны из страны, брошены в тюрьмы или казнены.

В других местах мы отдавали дань уважения многочисленным древним монастырям, уничтоженным в годы культурной революции.

Путешествуя по Тибету, мы постоянно видели признаки притеснений, которым подвергали местное население китайские власти. Конечно, нас это непосредственно не затрагивало, но все время ощущалось как постоянное напоминание, что мы находимся на оккупированной земле, народ которой поработен, а природные богатства эксплуатируются. Мы не раз рассуждали о том, что США ведут себя аналогичным образом в странах, чьи природные ресурсы жаждали получить американские корпорации.

Кое-кому из группы доводилось бывать вместе со мной в Амазонии, и они были свидетелями безжалостного уничтожения культуры местных племен и экосистемы влажных тропических лесов — там, куда дотянулись жадные щупальца американских корпораций. Они сами слышали, как местные племена клялись стоять насмерть, защищая свою культуру, уклад жизни, дух своей земли от нашего бездушного материализма. Моим спутникам доводилось видеть, как нагло, по-хозяйски, ведут себя американские солдаты на улицах городков Амазонии — это живо напомнили им китайские солдаты, заполонившие города Тибета.

---

* Титул второго (после далай-ламы) иерарха ламаистской церкви в Тибете. — *Прим. ред.*

Участники группы часто сравнивали китайское присутствие в Тибете с американским во многих уголках мира, имевших несчастье попасть в сферу интересов наших корпораций — тех, что добывают нефть, заготавливают и обрабатывают древесину, производят продукты питания, лекарства, товары массового потребления. Такую картину можно наблюдать не только в Амазонии, но и на Ближнем Востоке, в Африке, на азиатском континенте и на оккупированных территориях Афганистана и Ирака.

На обратном пути в Лхасу мы решили воспользоваться последней возможностью пересечь живописнейшие перевалы Каро Ла и Кхамба Ла — завтра предстоял перелет в Непал. И вот на высоте свыше пяти тысяч метров наш караван остановился, чтобы полюбоваться на красивейший ледник огромной толщины на одном из склонов. Гид рассказал, что еще 20 лет назад глетчер доходил почти до того места, где теперь проходит дорога, но из-за изменений климата отступил чуть ли не на полкилометра.

Тем временем к нашим машинам прибрело небольшое стадо яков и овец. Наверное, это было «движимое имущество» кочевников, черные шатры которых торчали чуть поодаль, почти у кромки ледника. В основании они были примерно 3,6 на 4,5 метра, а по высоте едва достигали нам до плеча. Шатры надежно крепились к земле толстыми кожаными ремнями, другой конец которых держал их верхушку — вроде растяжки, как у обычной туристической палатки.

Над шатрами вверх поднимался дымок — видимо, кочевники готовили пищу. За шатрами в землю были воткнуты длинные шесты, между которыми было натянута множество переплетающихся длинных бечевки с привязанными разноцветными молитвенными флажками — красными, голубыми, желтыми, зелеными, белыми. Развеваясь на свежем ветерке, который постоянно дул с глетчера, они очень оживляли картину.

Не успели мы вылезти из машин, как из шатров показались их обитатели. Мужчины были в толстых шерстяных штанах, кафтанах и отороченных мехом шапках. Длинные меховые одежды женщин украшали яркие разноцветные фартуки. Как пояснил гид, это одно из кочевых племен, которые в наши дни ведут тот же образ жизни, что и их далекие предки в дохристианские времена. Один из кочевников через переводчика важно сообщил, что на леднике раньше жили йети — огромные страшные существа вроде тех, что

мы называем снежным человеком. Как уверял кочевник, им доводилось видеть йети по несколько раз в год. Правда, за последние десять лет, когда ледник стал сильно отступать, йети покинули здешние места.

Пока мы рассуждали о вредоносном влиянии глобального потепления на ледники, чуть поодаль от нас кочевники поспешили разложить на импровизированном лотке какие-то безделушки, вроде тех, что обычно привлекают туристов. Одна из наших спутниц, особенно падкая, как мы успели заметить, на всякий «местный колорит» и любившая со вкусом поторговаться, уже спешила к нам, крича, что тут продаются друзья настоящего горного хрусталя.

Кочевники, объясняла она, находят их на обнажившемся ложе ледника. Многие тут же побежали приобретать диковинки, сообразив, что другой возможности приобрести что-то исконно тибетское из рук тибетцев у нас не будет, — разве что в магазинах Лхасы, но это уже совсем не то.

Я же поинтересовался у переводчика, действительно ли это настоящий горный хрусталь. Он пробормотал под нос что-то о нежелании подрывать коммерцию кочевников, а потом, покачав головой, добавил, что вроде бы в Китае есть фабрички, производящие подобный товар. Двое моих спутников, как и я, не соблаздившихся этим коммерческим предложением, стояли, наблюдая, как наши товарищи азартно торгуются с продавцом-тибетцем.

«Да, немалая плата за глобальное потепление», — заметил один из них. А другой, посмеиваясь, добавил: «Как странно! На фоне величественных горных пейзажей и этих колоритных кочевников с их шатрами и яками... наши соблазнились кристаллами якобы горного хрусталя, который, наверное, сделан из обычного стекла».

Пригласив с собой переводчика, я подошел к семейству кочевников, спокойно сидевших возле своего шатра. Это были пожилые мужчина и женщина, а с ними славная маленькая девчушка. Женщина держала в руках длинную веревку, к которой был привязан як. Его косматая, заросшая длинной черной шерстью спина была покрыта довольно толстым одеялом с удивительно гармоничным геометрическим рисунком из накладывающихся друг на друга коричневых и буро-желтых треугольников. Сверху было приторочено небольшое кожаное седло — должно быть, на этом яке во время кочевья восседала девчушка.

Члены тибетского семейства приветливо заулыбались, когда мы подошли, а женщина встала и подвела яка поближе ко мне, как бы предлагая его погладить. Потом снова села, жестом приглашая нас с переводчиком присоединиться. После взаимных приветствий и представлений мы заговорили о том, как им живется на Тибете под властью китайцев. Услышав слово «китайцы», девчушка тут же закрыла лицо ладошками с растопыренными пальцами и из-под них стала хмуриться и корчить рожицы. Потом довольно захихикала.

Мужчина, видимо, ее дед, заговорил: «Мы, знаете ли, уже привыкли, что чужеземцы вечно устанавливают здесь свои правила. Так было всегда, еще со времен прадедов моих прадедов. На нашу землю все время приходили то одни захватчики, то другие. Мы всегда называли их *“истребителями кочевников”*», — беззубо улыбнулся он и потрепал девочку по плечу. — Почему же в ее время что-то должно измениться?»

«Беды начались с тех пор, как миром стали править мужчины», — вступила в разговор пожилая женщина.

Удивившись, я спросил, что она имеет в виду.

«А посмотрите вокруг. Всем теперь заправляют мужчины. Когда-то я жила в городе и ходила в буддийский храм, но все время замечала, что на всех важных постах, ну, например, в правительстве, одни только мужчины».

«Это правда, — подхватил старик, — в прошлые времена женщины всегда держали нас в узде. — Тут он вновь осклабился. — А без этого мы дичаем — охотимся, рубим лес и все такое. Зато женщины всегда чувствовали, когда надо прекратить все это и останавливали нас, мужчин».

Речи старика напомнили мне о племени шуаров из далекой Амазонии. Те тоже считали, что при равенстве мужчин и женщин каждый пол выполняет свою роль. Мужчина — воин и добытчик, он охотится на диких животных, чтобы была пища, рубит лес, чтобы было на чем готовить еду, и воюет с другими племенами. А женщины воспитывают детей, выращивают полезные растения, поддерживают огонь в домашнем очаге и еще выполняют очень важную функцию: говорят мужчинам, когда пора остановиться.

Как объясняют шуары, мужчины продолжают убивать животных и рубить лес, даже когда уже вдоволь пищи и дров — до тех пор, пока женщины не велят им остановиться. Те из шуаров, что побы-

вали в Соединенных Штатах, были потрясены жестокостью, с которой уничтожается природа, тем, как безжалостно леса и поля закатывают в бетон, строя автострады, города, торговые пассажи. «Что же случилось с женщинами? — спрашивали они. — Почему женщины больше не останавливают мужчин? Почему думают только о том, как бы закупить побольше вещей?»

Было удивительно, насколько схожие взгляды у таких разных народов, которые разделяют десятки тысяч миль, — у шуаров, затерянных в дебрях амазонских лесов, и кочевников, обитающих на высокогорных плато Гималаев. Я много размышлял об этом по пути в Лхасу. «Возможно, — думал я, — представители столь разных культур Земли являются носителями истинных гуманистических ценностей. Может быть, для того чтобы изменить наш мир к лучшему, достаточно просто восстановить равновесие между мужским и женским полом».

Очевидно, что корпоратократия — носитель и средоточие явно мужского начала, и в ее интересах подталкивать человечество к безудержному массовому потребительству, тогда «все, что мы должны сделать», чтобы облагородить мир, перерастает в грандиозную по масштабам задачу. Однако, вдумавшись хорошенько, понимаешь, что не так уж она невыполнима, как кажется. Достаточно усилить влияние противоположного, женского начала!

Важно осознать, что корпоратократия покоится на «мужской» иерархии и власть ее подпитывается нашей готовностью принимать за норму крайние формы всепоглощающего материализма. Надо, как я понял, попытаться отвадить оба пола от чрезмерного пристрастия к «покупательству». А оно настолько глубоко проникло в сознание современного человека, что даже после национальной трагедии 11 сентября президент Соединенных Штатов, обращаясь к народу Америки, в качестве средства от стресса предложил шопинг.

Он призвал граждан больше покупать, чтобы отвлечься от переживаний, поддержать экономику и продемонстрировать презрение к террористам. И столь огромной мощью обладает этот посыл, что даже в Тибете бедные погонщики яков, в силу исконного уклада жизни безмерно далекие от мира торговых пассажей, от меркантилизма и стяжательства, поспешили что-то нам продать.

На память пришла книга Джудит Хэнд «Женщины, власть и биология мира» (*Women, Power and the Biology of Peace*). В ней говорится

о том, что на протяжении всей истории войны служили механизмом, позволявшим мужчинам реализовывать биологический императив продолжения рода — стремления как можно шире распространить свое семя. Периоды же стабильности больше импонируют женской природе. На представительницах прекрасного пола лежит обязанность рожать, вскармливать и растить потомство.

Как утверждает автор, чтобы сделать общество более мирным и стабильным, женщины должны оказывать более существенное влияние на принятие решений. Именно эту мысль, правда, в упрощенной интерпретации, услышал я из уст тибетских кочевников — они подтвердили вывод, к которому пришла доктор Хэнд.

Но раз в современной семье именно женщины являются главными приобретателями товаров, размышляя я, следовательно, надо помочь им осознать, что не кто иной, как корпоратократия, ежедневно и ежечасно порождает соперничество и раздоры в нашем мире. Можно положить им конец, только отказавшись от терпимого отношения к материализму.

Женщины всего мира должны возвысить свои голоса и дружно потребовать от компаний, продукты которых они приобретают, справедливо, по-человечески относиться к рабочим, чьим трудом эти продукты создаются, — независимо от того, в какой стране они живут.

В городе, где вырос нынешний далай-лама, мне преподали совсем иной урок.

Диктатура финансов

Лхаса показалась мне самым тибетским из всех городов, которые мы посетили за время путешествия. Величественно возвышающийся над городом дворец Потала, где вырос нынешний далай-лама, узкие извилистые улицы, низенькие домики с плоскими крышами, сказочно прекрасные храмы, огромные конические башни буддистских святынь — ступ, — от всего этого веяло спокойствием и тишиной.

Это особое чувство было знакомо мне по прошлой, пятилетней давности, поездке в Ладакх и сельские районы Тибета, однако же ни Цетанг, ни другие города, которые мы посетили в эту поездку, не вызвали подобного чувства. Уж слишком навязчиво ощущалось там китайское присутствие. По улицам по-хозяйски расхаживали солдаты в китайской военной форме, а транспаранты, рекламные щиты и растяжки изобиловали традиционными китайскими символами. Прилавки магазинов и лотки уличных торговцев были завалены ходовым китайским товаром, преимущественно из пластика — этакий символ современного индустриального общества.

Мы разместились в удивительно симпатичном, уютном отеле, построенном и управлявшемся тибетцами. В номере я сразу же повалился на мягкую широкую постель, обложился маленькими разноцветными подушечками и принялся не торопясь просматривать дорожные заметки, которые делал в своем портативном компьютере. Я беру его с собой во все поездки. Мне хотелось еще раз обдумать выводы насчет материализма и меркантилизма, а также роли международного бизнеса в мировом финансовом кризисе 1997 года, который больше всего ударил по азиатским странам.

Вообще-то я детально рассматривал эту проблему применительно к сильно пострадавшей экономике Индонезии, но поездка в Тибет и явные признаки эксплуатации этого края Китаем заставили меня взглянуть на финансовый кризис под другим углом

зрения. «Кризис МВФ», как стали впоследствии называть глобальный вирус финансовых крахов, принес особенно большие бедствия Южной Корее, Таиланду, Индонезии, но имел также тяжелейшие последствия для миллионов людей, особенно бедных, и в таких странах, как Лаос и Филиппины. А все потому, что каждая из них в определенный период «купилась» на идеологию МВФ и Всемирного банка.

Во время последовавших за кризисом разбирательств по поводу его причин, в процессе перекалывания вины с одних на других и прочего, что обычно следует за внезапными крупными катастрофами, многие экономисты обвиняли МВФ в «чрезмерном прищипывании капитализма». Под этим подразумевались его рекомендации странам третьего мира снять ограничения на движение капитала, всячески поощрять приватизацию, поддерживать на высоком уровне процентные ставки по кредитам.

Все это должно было, как объясняли в МВФ, привлечь иностранные инвестиции и банковский капитал на азиатские фондовые рынки. Кроме того, настоятельно рекомендовалась жесткая привязка национальных валют к доллару, что должно было послужить гарантией от инвестиционных рисков, хотя на деле эта мера преследовала тайную цель МВФ укрепить доллар. Правда, из-за высокого уровня инфляции цены на товары и услуги беспрестанно росли, и этому чрезвычайно способствовали высокие процентные ставки (на которых так настаивал МВФ).

В общем, все эти рекомендации в конце концов делали азиатские экономики более уязвимыми. Когда по Азии прокатилась волна финансовых крахов, национальный бизнес и правительства оказались неспособны продолжать выплаты по иностранным долларовым кредитам. Выяснилось также, что их доходы, и без того постоянно сокращавшиеся — поскольку поступали в национальной валюте, — значительно обесценились. А МВФ между тем умело манипулировал правительствами и национальным бизнесом должников, заставляя их «платить по поддельным векселям», то есть в пользу владельцев крупных иностранных корпораций.

Ситуация накалялась все больше, и тут МВФ выступил с «планом спасения». Находящимся на грани финансового краха странам во избежание дефолта были предложены новые займы, однако их предоставление обуславливалось согласием на пакет мер по структурной

перестройке — SAP. Нечто подобное МВФ ранее заставил принять Индонезию.

По сути, SAP требовал от правительств не препятствовать краху местных банков и финансовых институтов, жестко ограничить государственные расходы, в основном за счет урезания субсидий на питание, топливо и ряд социальных услуг беднякам, а также еще больше повысить процентные ставки.

В ряде случаев предусматривались ускоренная приватизация и продажа транснациональным корпорациям значительной части национальных активов. Для миллионов жителей этих стран «план спасения» обернулся катастрофой — тысячи людей погибли от недоедания, голода и болезней; сильнее всего страдали дети. С точки зрения долгосрочного эффекта это была мина замедленного действия. Ее последствия еще долго будут сказываться на здравоохранении, образовании, жилищном строительстве и в сфере предоставления других социальных услуг.

Бациллы финансовых крахов, зародившись в Азии, быстро распространились по миру, вызвав экономический спад в странах Европы, Южной Америки и в США. Это был наглядный урок негодной экономической политики — если только она была призвана помочь населению и экономикам стран третьего мира. Глобальный кризис обнажил истинные цели МВФ и Всемирного банка.

Как показывает анализ, наиболее безболезненно кризис пережили страны, которые отвергли рекомендации МВФ, лучшим примером чего служит тот же Китай.

В целом согласившись с политикой поощрения иностранных инвестиций, Пекин поступил вопреки указаниям МВФ, направив их не на фондовые рынки, а на поддержание местной промышленности. Это уберегло Китай от угрозы оттока иностранного капитала, обеспечило повышение занятости и принесло ряд других экономических выгод.

Наряду с Китаем рекомендации МВФ отвергли Индия, Тайвань и Сингапур, благодаря чему их экономики оказались достаточно устойчивыми, чтобы выжить во время кризиса. Малайзия на первых порах поддалась советам МВФ, за что заплатила экономическим спадом, но после, отказавшись от SAP, быстро восстановилась.

Одним из самых решительных и последовательных критиков политики МВФ стал нобелевский лауреат по экономике и — по иро-

нии судьбы — бывший главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц.

Отправляясь в поездку по Тибету, я прихватил с собой его книгу «Глобализация и ее разочарования» (*Globalization and its Discontents*). И теперь, в послеполуденный час, с книгой под мышкой, я пошел прогуляться по Лхасе. Выйдя на одну из оживленных улиц, запруженных толпами людей, я заметил впереди вход в сквер и поспешил туда. Присев на старинную деревянную скамью, я решил понежиться в ласковых лучах вечернего солнца и заодно еще раз просмотреть труд Стиглица.

Листая знакомые страницы, я уже в который раз подивился, в какой степени его критика, построенная на строгих правилах экономического анализа, совпадает с моими размышлениями в «Исповеди». И хотя мы смотрели на проблему с разных точек зрения: Стиглиц — с позиций академической науки, а ваш покорный слуга — с собственной гражданской позиции, наши выводы удивительным образом совпадали. Например, в то время как я занимался изготовлением ложно-оптимистических экономических прогнозов для развивающихся стран, Стиглиц отмечал:

Для создания *видимости*, будто программы [МВФ] реально работают и способствуют росту экономических показателей, прогнозы следовало подкорректировать. А между тем многие из тех, кто верил этим прогнозам и пользовался ими, не имели представления об их некоторой специфичности. Она состояла главным образом в том, что цифры прироста ВВП базировались не на сложных статистических моделях и даже не на расчетах знающих экономистов, а были просто *обговорены* в рамках программы МВФ*.

Я поднял глаза от книги Стиглица и посмотрел вслед группе китайских солдат, важно продефилировавших мимо. А ведь Стиглиц не раз упоминает на страницах своего труда «старую диктатуру национальной элиты». Этот его образ привел меня к заключению, что китайская оккупация Тибета неизмеримо честнее, чем тайная узурпация власти новыми диктатурами международных финансов.

---

* Joseph E. Stiglitz, *Globalization and Its Discontents* (New York: W.W. Norton, 2003), p. 232.

В самом деле: китайцы, как задолго до них и другие колонизаторы — римляне, испанцы, британцы, открыто вторглись в Тибет, не делая секрета из своих намерений и целей. Хотя все великие империи прошлого и пытались завуалировать подобные действия благородными мотивами вроде насаждения цивилизации, стимулирования экономического развития, обеспечения прогресса, на деле было ясно, что это колонизаторы, которые пришли завоевать и подчинить своей власти чужие земли.

В отличие от них корпоратократия, пользуясь такими инструментами, как МВФ и Всемирный банк, за которыми явно просматривается широкая спина ЦРУ с его натасканными на убийства «шакалами», практикует новую форму завоевания, протаскивая идеи империализма при помощи всевозможных ухищрений и тайных манипуляций.

Когда на вас нападает вражеская армия, всем понятно, что вашу страну хотят завоевать. Если же против вас выступают экономические убийцы, они действуют скрытно, и вы не скоро догадаетесь, что вас завоевывают. Меня всегда удивляло, как утаивание подобных методов уживается с демократией, которая предполагает широкую гласность о действиях власти. Если же избиратели ни сном ни духом не ведают о важнейших инструментах распространения влияния, которыми пользуются их политические лидеры, то может ли такая страна претендовать на звание демократической?!

Молчаливый гигант

22 июня 2004 года мы вылетели из Лхасы, направляясь в Непал, к месту последней остановки в нашем путешествии. Я поймал себя на том, что испытываю внутреннее облегчение. Странно, но я ощущал себя так, будто наконец-то покинул пространство кривых зеркал, причудливо искажающее реальность и выставляющее худых толстыми, а толстяков — субтильными. В моем сознании Тибет, поработанный Китаем, как раз и представлялся искаженным отражением того мира, в котором я играл роль экономического убийцы, — искаженным, но все же отображающим его суть.

День выдался на диво ясным и солнечным. Пилот направлял самолет так близко к Эвересту, что в иллюминатор был четко виден сверкающий на солнце снежный вихрь, поднимающийся из расщелины между двумя увенчанными льдом вершинами. Вдруг я подумал, что это визуальный образ Непала — того места, куда мы направлялись.

Это маленькое, единственное в мире индуистское королевство зажато между гигантами Китаем и Индией, каждый из которых жаждет прибрать к рукам непальские богатейшие запасы пресной воды и гидроэнергетический потенциал. Не это ли причина политических потрясений, которые Непал испытывает вот уже десяток лет?

В 1996 году мятежники-маоисты развязали кампанию за построение «Народной республики Непал». В ответ король Непала объявил войну коммунистам. Далее события приняли трагический оборот. В июне 2001 года кронпринц Дипендра застрелил всех членов своей семьи, включая собственного отца, короля Бирендру, а потом застрелился сам. Несмотря на этот последний факт, по стране поползли слухи, что принц был китайским агентом. Разразились массовые волнения, новым королем был объявлен Гьянендра, который тут же ввел военное положение и распустил правительство.

Недрогнувшей рукой он направил войска на расправу с остатками маоистов. К моменту, когда мы должны были ступить на непальскую землю, в результате репрессий и беспорядков погибло не менее десяти тысяч человек, а еще 100–150 тысяч лишились крова и имущества.

В Непале у нас была намечена совсем коротенькая остановка, нечто вроде привала на пути возвращения в цивилизованный мир. Пока автобус вез нас из аэропорта по оживленным улицам Катманду, наша гид Шина объявила, что по случаю последней остановки нам забронированы места в отеле мирового класса Dwarika — одном из самых шикарных в Катманду. Группа разразилась возгласами одобрения.

Отель не разочаровал — он и впрямь был великолепен, он окунал вас прямо в эпоху Киплинга и величественных традиций могущественной Британской империи. Все было по-колониальному роскошно и живо напомнило мне те отели, в которых я привык жить, пока работал на должности экономического убийцы.

Едва заселившись, наша группа почти в полном составе решила посетить один из близлежащих местных рынков — Шина сказала, что там относительно безопасно. Я же остался в номере. Мне нужно было время, чтобы настроиться на возвращение, к тому же я хотел систематизировать свои впечатления от Тибета. Я сосредоточился и напечатал на портативном компьютере несколько заметок, а затем спустился вниз, чтобы прогуляться среди пышного великолепия тропического сада при отеле.

Он невольно напомнил мне другой сад. Тот самый, возле Intercontinental Indonesia, где я рыскал в поисках поразившей мое воображение таинственной незнакомки. Я еще принял ее за жену менеджера американской нефтяной компании, а она оказалась гейшей. Опустившись на кованую скамью возле фонтана, я погрузился в воспоминания.

Перед глазами проплывали картины безуспешных поисков прекрасной незнакомки, я вспомнил терзавшее меня тогда чувство острого разочарования и отчаяния. А потом я бродил по улицам Джакарты и в конце концов набрел на китайский ресторанчик, где и обнаружилась моя красавица с подружкой — такой же гейшей. Там, во время застолья, Нэнси, помнится, высказала одну мысль, которая прочно засела у меня в мозгу:

«Это самый ценный ресурс в истории человечества. Во всех делах, связанных с нефтью, ставки чрезвычайно высоки. Так стоит ли удивляться, что ради контроля над нефтью люди готовы пойти на все? Во имя этой цели они будут лгать, грабить, убивать. Они строят корабли и делают ракеты, посылают тысячи, сотни тысяч молодых солдат на смерть — и все ради того, чтобы владеть нефтью».

И вот четверть века спустя, когда уже давно закончилась вьетнамская война, мы ввязались в новую, теперь уже в Ираке. Сегодня американские солдаты снова умирают за ту же великую цель — за самый ценный ресурс в истории человечества. А корпоратократия, этот император, посылающий их на смерть, стала богаче, чем когда-либо прежде. Хотя многие американцы даже не подозревают об этой подоплеке!

Кстати, я считаю, что Азия — нечто вроде символа нового подхода корпоратократии к делу построения собственной мировой империи. Убедившись на примере вьетнамской войны, что старые способы прямого военного давления не дают должного результата, корпоратократия изобрела новые методы, которые с блеском опробовала на Индонезии и ряде других азиатских экономик. Эти методы куда изощреннее: даже если навязанная международными финансовыми институтами политика не оправдывала себя, воротилы бизнеса все равно получали весомую долю пирога.

Взять, к примеру, «кризис МВФ» — если миллионам он принес смерть и страдания, то корпоратократия вышла из него победительницей, сумела прибрать к рукам контроль над правительством Индонезии и большинства других стран, доведенных до экономического краха политикой МВФ и Всемирного банка.

Хотя США и проиграли войну во Вьетнаме, американские корпорации изрядно нажились за счет продажи оружия, расширения своих открывшихся рынков и доступа к огромным резервам дешевой рабочей силы; они изобрели новые модели потогонного производства и односторонне выгодного аутсорсинга. Корпоратократия научилась извлекать прибыли даже из природных катастроф и стихийных бедствий.

Тут я снова обратился мыслью к Китаю, этому молчаливому гиганту, пока еще притаившемуся на задворках мировой сцены. Виденное мною в Тибете доказывало, что, несмотря на использование военных методов порабощения Тибета, Китай не чужд и новых

методов построения империи, тщательно отслеживая последние достижения, а китайские экономические убийцы и «шакалы» успешно учатся на наших ошибках.

Исторически Китай никогда не следовал традиционным путем старой доброй колонизации. В отличие от ведущих колониальных держав Китай никогда не посылал завоевателей за тридевять земель, а, напротив, сосредоточивал внимание на близлежащих территориях, рассматривая их как естественное продолжение собственной. В сфере его интересов всегда были Тибет и Тайвань. В этом смысле Китай подражает Соединенным Штатам.

Президент Томас Джефферсон, благословляя экспедицию Льюиса и Кларка на исследование земель к западу от Миссисипи, недвусмысленно дал понять, что весь американский континент должен принадлежать нам, американцам, — вот вам наши эквиваленты Тибета и Тайваня. В этом контексте покупка у французов Луизианы, захват Техаса и присоединение Аляски выглядят вполне оправданными, логичными шагами.

Впоследствии смысл доктрины Manifest Destiny — «Предначтение судьбы»* получил более широкое толкование, раздвигающее границы желанных для США территорий далеко за пределы Северной Америки. Это оправдывало притязания США на острова Карибского бассейна и Тихого океана, вторжения в Мексику, на Кубу и в Панаму, а позже стало обоснованием вмешательства в политику других латиноамериканских государств.

Конечно, в Вашингтоне пытались избежать методов открытого вмешательства, откровенно нарушающих принципы отцов-основателей Америки. Однако каждая последующая администрация неизменно брала на вооружение методы тайного построения мировой американской империи, каждая черпала для себя уроки из успехов и провалов предыдущей. А теперь Китай, освоив эти методы, похоже, начинает переигрывать Вашингтон.

Спустя довольно долгое время после возвращения из поездки по Тибету и Непалу я убедился, что не одинок в своем сравнении действий Китая и США. 18 сентября 2006 года, прямо накануне ежегодного совещания Всемирного банка [и МВФ] в Сингапуре, в *New York*

---

* Manifest Destiny — возникшая при президенте Эндрю Джексоном (1829–1837) доктрина, оправдывающая захват земель как деяние во имя Бога, христианства и цивилизации. — *Прим. пер.*

Times мне попалась статья, озаглавленная «Китай конкурирует с Западом в деле оказания помощи своим соседям». Корреспондент газеты Джейн Перлез высказывала предположение, что Китай, один из крупнейших клиентов Всемирного банка, «втихую перекраивает в свою пользу бизнес экономической помощи азиатским странам, вступая в конкуренцию с самим законодателем правил этой игры».

На примере таких стран, как Камбоджа, Лаос, Мьянма и Филиппины, автор статьи доказывала, что «китайские займы зачастую более привлекательны, нежели осложненные множеством условий финансовые предложения Запада». Далее приводился ряд обоснований, в том числе тот факт, что Пекин, как правило, не настаивает на соблюдении экологических и социальных стандартов; его займы не предусматривают штрафных санкций за коррупцию.

Что особенно ценно, статья разоблачала политику, которая более, чем любая другая, благоприятствует тому, чтобы экономические убийцы беспрепятственно хозяйничали в странах — получателях помощи.

Джейн Перлез отмечала, что китайские предложения, напротив, «редко предусматривают дополнительную нагрузку в виде обязательства оплачивать дорогостоящие услуги всевозможных консультантов, что является обычным условием проектов, финансируемых Всемирным банком»*.

Из четырех регионов, о которых я рассказываю в этой книге, азиатские вызовы и проблемы представляются большинству американцев менее угрожающими и более управляемыми. В нашей психологии надежно засели образы из времен корейской и вьетнамской войн, которые хоть и не принесли США военной победы, но все же позволили американцам вернуться к было утраченной привычной и спокойной жизни, а кроме того, придали мощный импульс поступательному развитию американской экономики.

Мы, американцы, стали испытывать огромный пиетет к японской инженерной мысли и японскому гению. Это стимулирует нас покупать японские автомобили, телевизоры, компьютеры и пр. Наши магазины ломятся от товаров, произведенных во многих азиатских странах. Когда американец набирает код телефонной связи 800, велика вероятность, что он собирается поговорить с абонентом в Азии.

---

* Jane Perlez, “China Competes with West in Aid to Its Neighbors”, *The New York Times*, Sept. 18, 2006, p. A1, www.nytimes.com/2006/09/18/world/asia/18china.html.

Даже военная угроза, исходящая в основном от Китая и Северной Кореи, воспринимается нами как нечто приятно-старомодное и даже местами привычно-комфортное — тем, что вызывает в памяти период холодной войны, в которой США стали победителем.

Конечно, мы опасаемся ядерной угрозы, но умудряемся десятилетиями успешно ее сдерживать, чего не скажешь о террористах-смертниках. Вероятно, самая важная причина такого отношения к Азии кроется в том, что азиатские страны безоговорочно приняли нашу модель капитализма, с ее повсеместным контролем сверху донизу, сговорами между государственно-чиновничьей верхушкой и большим бизнесом, неприкрытым материализмом и меркантилизмом и непоколебимой верой в то, что изобилие природных ресурсов существует только для того, чтобы ими пользовалась горстка избранных.

С этой точки зрения Латинская Америка — нечто совсем иное. Только США вздохнули с облегчением, избавясь от Альенде, Норвеги, сандинистов и со дня на день ожидая кончины Фиделя Кастро, как вдруг оказалось, что этот непростой регион охватывает тихая революция, однозначно направленная против Соединенных Штатов. Латиноамериканцы бросают вызов американской империи, яростно сопротивляются ее влиянию и вытаскивают на свет божий неприглядные факты нашей тайной истории.

Когда я осмыслил уроки, полученные Америкой в этих двух регионах, Азии и Латинской Америке, меня стали преследовать слова, вскользь брошенные стариком-тибетцем с высокогорного ледника, — о том, что жители его страны между собой называют иноземных завоевателей «убийцами кочевников». Неким причудливым образом они перекликались со словами одного гватемальца, ярого поборника индустриализации, хотя два эти человека живут на противоположных сторонах земного шара, причем один — бедный, если не сказать, нищий, другой же — очень состоятельный; первый — эксплуатируемый, а второй — эксплуататор.

И все же получалось, что оба они поняли некую важную жизненную истину о том мире, который они вручают своим детям. Гватемалец, правда, похвально, что вооруженные головорезы, которые были его телохранителями, а заодно и моими — пока он оказывал мне гостеприимство, — назывались «убийцами майя».

Часть II

Латинская Америка

Наемники в Гватемале

Двери лифта плавно разъехались. Внутри кабины находились трое мужчин. В отличие от нас с Пепе на них не было деловых костюмов. Их одежда была самой обычной — широкие брюки и свитера, у одного на плечи накинута кожаная куртка. Однако внимание привлекала вовсе не демократичность их наряда, а то, что каждый из троих был вооружен АК-47 (автоматом Калашникова).

«Это необходимость в наши дни в Гватемале, — коротко пояснил Пепе и подтолкнул меня к дверям лифта. — По крайней мере для тех из нас, кто считает себя друзьями Соединенных Штатов, друзьями демократии. Сегодня у нас особый спрос на “убийц майя”».

Я прилетел в Гватемалу накануне из Майами и разместился в самом роскошном отеле столицы. Это был один из тех редких случаев, когда Stone & Webster Engineering Corporation (SWEC) прекратила одолевать меня просьбами и требованиями не писать про экономических убийц, а поручила кое-какую работу.

Мой спутник, Пепе Харамильо (это, кстати, не настоящее его имя), подписал со SWEC контракт, предусматривающий помощь компании в развитии сети частных электростанций в Гватемале. Это был один из самых могущественных членов немногочисленной богатейшей местной элиты, сохранявшей контроль над страной еще со времен испанской Конкисты.

Семье Пепе принадлежали промышленные парки, офисные здания, строительные комплексы и огромные сельскохозяйственные площади, где выращивали бананы и кофе для экспорта в США. Однако самым главным достоинством Пепе, с точки зрения SWEC, было то, он имел достаточно денег и политического влияния, чтобы ловко проворачивать дела в Гватемале.

Первый раз я посетил эту страну, еще работая экономическим убийцей, в середине 1970-х годов, чтобы убедить ее руководство

принять заем на развитие национальной электроэнергетики. В конце 1980-х, уже в другом качестве, я был приглашен в совет директоров некоммерческой организации, которая помогала местным общинам создавать банки по микрокредитованию и поддерживала прочие попытки вырвать потомков майя из нищеты. За прошедшие годы я многое узнал о жестоком насилии, которое во второй половине XX века раздирало страну.

Гватемала была сердцем древней цивилизации майя, процветавшей на протяжении почти тысячи лет. К началу XVI века она уже катилась к закату, что многие антропологи мира связывают с неспособностью майя справиться с ущербом, который наносил окружающей среде рост их впечатляющих городов. Как раз в те времена, в 1524 году, на землю майя ступили первые испанские конкистадоры. Вскоре в Гватемале разместились испанские военные власти Центральной Америки — и пребывали там до XIX века. В течение всего этого времени между испанцами и майя часто случались столкновения.

К концу XIX века бостонская компания United Fruit побила испанцев в их собственной игре и надежно укрепилась в Гватемале, став самой влиятельной силой в Центральной Америке. United Fruit безраздельно властвовала в регионе до начала 1950-х годов, когда на политическую сцену страны выступил Хакобо Арбенс. Он выставил свою кандидатуру на президентских выборах, предлагая политическую платформу, во многом перекликавшуюся с идеями американской революции. Арбенс объявил, что гватемальцы имеют привилегии при использовании природных ресурсов своей земли; иностранные корпорации больше не будут наживаться на эксплуатации ресурсов и народа его страны. Избрание Арбенса президентом было объявлено моделью истинно демократического процесса в масштабах всего Западного полушария. Арбенс тут же начал широкомасштабную земельную реформу, так как до этого владельцы 70% всей земли составляли всего лишь 3% населения страны. Действия нового президента представляли серьезную угрозу операциям, осуществляемым United Fruit в Гватемале, и сильно подрывали ее влияние. Компания опасалась, что в случае успеха реформ Арбенса этот пагубный пример распространится и на другие страны Западного полушария, а то и всего остального мира.

Стремясь защитить свое влияние, United Fruit начала массированную пиар-кампанию против Арбенса в США, всячески убеждая американскую общественность и конгресс, что новоявленный президент превратил Гватемалу в сателлит Советского Союза, а его программа земельных реформ есть не что иное, как коварный русский заговор с целью уничтожения капитализма в Латинской Америке.

В 1954 году ЦРУ срежиссировало в Гватемале антиправительственный переворот. Американская военная авиация подвергла бомбардировке столицу страны; законно избранный президент Арбенс был смещен и его место занял жестокий военный диктатор правого толка полковник Карлос Кастильо Армас.

Новое правительство Гватемалы немедленно остановило земельные реформы, освободило United Fruit от бремени налогов, отменило тайное голосование и бросило за решетку тысячи недовольных военной диктатурой Кастильо.

В 1960 году в Гватемале разразилась гражданская война. Антиправительственно настроенные группы партизан, объединенные в Гватемальский национальный революционный союз, выступили против армии, поддерживаемой США, и ультраправых «эскадронов смерти». В течение 1980-х годов по стране прокатывались волны массового насилия, уносившие жизни тысяч мирных жителей, преимущественно майя. Жестокие репрессии стали нормой, людей бросали за решетку, подвергали пыткам.

В 1990 году в городке Сантьяго-Атитлан вблизи высокогорного озера Атитлан, одном из самых живописных уголков Центральной Америки, военные учинили кровавую расправу над мирными жителями. И хотя это был далеко не первый случай насилия, известие о массовых убийствах в Атитлане просочилось в мировые СМИ — но только потому, что это место пользовалось большой популярностью среди иностранных туристов.

По свидетельству очевидцев, все началось с марша, организованного майя. Демонстранты направились к воротам военной базы с требованием отпустить одного из жителей, которого накануне схватили военные. Люди опасались, что он так же безвестно исчезнет, как и тысячи других граждан, официально объявленных «пропавшими без вести». Военные тут же открыли огонь, хотя в толпе было много женщин, детей и стариков. Точных данных о числе жертв так

никто и не собрал, но десятки людей были убиты или получили серьезные ранения.

Моя поездка в Гватемалу к Пепе Харамильо состоялась вскоре после той трагедии, в 1992 году. В окрестностях озера Атитлан Пепе намеревался начать строительство электростанции на геотермальных источниках. Финансировать проект должен был Всемирный банк. SWEC возлагала на партнерство с Пепе большие надежды. У меня же были иные побудительные мотивы принять назначение, предложенное SWEC.

Я немного знал о верованиях индейцев майя. Они думают, что земля обладает живой душой, а места, где из ее недр извергаются потоки подземных вод, почитаются ими как священные. Поэтому я сильно опасался, что попытки построить в таком месте промышленный объект, да еще и использующий священные «слезы земли», чреваты очередным актом насилия. Я был слишком хорошо знаком с методами, которые использовала United Fruit, да и сам вдоволь насмотрелся на такие вещи в Иране, Чили, Индонезии, Эквадоре, Панаме, Нигерии и Ираке.

Если компанию, подобную SWEC, приглашают помочь «бедной» Гватемале, значит, вскоре там непременно появится ЦРУ. А это неминуемая эскалация насилия. Пентагон мог направить туда морских пехотинцев. На моей совести и без того было много крови невинных, поэтому я твердо решил приложить все усилия, чтобы предотвратить новую трагедию.

Утром за мной в отель прислали автомобиль, и вскоре по плавно изгибающейся подъездной аллее он уже подкатывал к одному из самых величественных современных зданий Гватемалы, столицы страны. Меня пропустили в прохладный вестибюль два вооруженных охранника. В сопровождении одного из них я на лифте поднялся на последний этаж. Как объяснил охранник, все 11-этажное здание принадлежит семейству Пепе — здесь живет и вершит бизнес семья Харамильо. На первом этаже — коммерческий банк, со второго по восьмой — офисы многочисленных компаний, а верхние этажи отведены под семейную резиденцию.

Пепе лично встречал меня у дверей лифта. После традиционной чашечки кофе и короткой вводной беседы он провел для меня небольшую экскурсию по зданию — мы побывали на всех этажах за исключением девятого — там, как объяснил Пепе, располагаются

частные покои его вдовой матушки (мне, правда, показалось, что не только это было причиной нежелания гостеприимного хозяина показать мне таинственный девятый этаж).

А вообще, если Пепе намеревался этой экскурсией произвести впечатление на представителя SWEC, то можно считать, что он преуспел. Затем в одном из офисов пятого этажа состоялся уже более предметный разговор о намечающемся проекте строительства электростанции на геотермальных источниках. В нем принимали участие и несколько инженеров из компании Пепе. Потом меня препроводили на 11-й этаж. По окончании ланча в компании матери, брата и сестры хозяина я в сопровождении Пепе вновь направился к лифту — нам предстояла поездка на место предполагаемого строительства. Как раз тогда в открытых дверях лифта я и увидел трех вооруженных автоматами молодчиков.

Двери лифта тихо сомкнулись. Тот, что был в кожаной куртке, нажал на кнопку нижнего этажа, и кабина плавно поехала вниз. За все время спуска никто из нас не проронил ни слова. В голову назойливо лезли мысли о наших попутчиках с грозными АК-47 в руках. Я понимал, что их задача — защищать Пепе и, по воле судьбы, меня, от коренных жителей того места, куда мы направлялись, — от майя. Тех самых майя, с которыми я подружился, работая в некоммерческой организации. Господи, что же они теперь подумают обо мне?

Лифт между тем остановился, двери открылись. Но неожиданно вместо просторного, наполненного солнечным светом вестибюля я увидел мрачные бетонные стены подземного гаража. Правда, он был хорошо освещен. Даже, пожалуй, слишком.

На мое плечо легла рука Пепе. «Оставайтесь на месте», — мягко скомандовал он.

Охваченные яростью

Двое автоматчиков встали перед нами с Пепе, перекрывая выход из лифта. Охранники на минуту застыли в настороженных позах, направив дула автоматов в пустое пространство гаража. Тот, что был в кожаной куртке, выскользнул из лифта и пригнувшись начал осмотр помещения, резко поворачивая голову и дуло автомата то в одну, то в другую сторону. Потом двое других охранников вышли из лифта с автоматами на изготовку и заняли позицию по обе стороны открытых дверей.

Теперь никто не загораживал мне вид, и я рассмотрел внутренность просторного помещения. К моему удивлению, там стояло всего шесть автомашин, причем американских марок — «шевроле» и «форд»: пять массивных черных универсалов, а шестой — выкрашенный в красный цвет грузовичок вроде пикапа. В общем, нечто неопишное.

«Кожаная куртка», как я прозвал охранника, между тем остался доволен осмотром и скользнул в гараж. Он быстро обошел все машины, включая свет в салоне каждой. Затем зажег располагавшиеся на полу лампы, чтобы осветить днища. Покончив с этим, вновь визуально «просканировал» все помещение. Удостоверившись, что все в порядке, «кожаная куртка» залез в один из универсалов и запустил двигатель. Машина тихо подползла к месту, где стояли мы с Пепе.

Один из стоявших возле нас охранников открыл заднюю дверь и вместе с напарником уселся в третьем ряду сидений, спиной к салону. Пепе пригласил меня занять место в среднем ряду. Все это время «кожаная куртка», не расставаясь с автоматом, подстраховывал нас у задней двери. Когда мы разместились в салоне, он захлопнул нашу дверь, резко свистнул и занял водительское место.

Автомобиль тяжело пополз вверх по крутому пандусу. При приближении фургона металлическая дверь гаража поехала вверх,

выпуская нас на свет божий. Здесь, у выездных ворот, стояло еще трое охранников, тоже вооруженных АК-47. Поравнявшись с ними, машина остановилась, и они дружно поприветствовали нас. Один тут же полез на переднее сиденье рядом с «кожаной курткой» и что-то проговорил в переносную рацию. В следующее мгновение к бордюру подкатили два «седана» — белый и серебристый. Сильно тонированные стекла не позволяли разглядеть, кто сидит внутри. Тот, что говорил по рации, махнул рукой, и мы поехали. Первым на улице выехал белый седан, затем шла наша машина, а замыкала колонну серебристая.

Видимо, довольный впечатлением, которое должна была произвести на меня вся эта процедура, Пепе хлопнул меня по колену:

— Ужасно, конечно, что приходится так перестраховываться, но что поделаешь? Такова наша жизнь.

— Невероятно. Хотя ваши люди, похоже, знают свое дело, — подмаслил я своего спутника.

— Это лучшее, что можно приобрести за деньги. Их обучали у вас, в Школе Америк. На прошлой неделе, — продолжал, нахмурившись, Пепе, — на машину, в которой ехала моя сестра, напала банда этих ублюдков майя. Благодарение богу, что в машине пуленепробиваемые стекла — это, да еще храбрость моих парней спасли ей жизнь.

— Были жертвы? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Охранники говорили, что вроде подстрелили парочку этих уродов, но их уволокли свои. У моей охраны хватает ума не начинать преследование. С одним моим партнером по бизнесу недавно приключилась такая же история, только парни из его охраны бросились в погоню — и, ясное дело, угодили в засаду. Первого убили, второй был ранен. — Пепе глянул в окно на широкий бульвар, по которому мы проезжали. — Ясный денек выдался, — пробормотал он и, возвращаясь к нашей теме, добавил: — Вообще-то в сельских районах насилия и всяких там нападений всегда было намного больше, чем в городах, но сейчас, — тут он развернулся ко мне, — все изменилось. Эти треклятые майя совсем обезумели. — Он снова уставился на город за окном. Помолчал немного, а потом вдруг усмехнулся: — А кстати, будь вы на моем месте, кого бы вы больше всего боялись?

— О чем вы, Пепе?

— Как вы думаете, у кого больше всего возможностей вас убить?

Мне припомнились слухи, связанные с гибелью панамского президента Омара Торрихоса. Поговаривали, что прямо перед тем как он занял место в своем двухмоторном самолете Twin Otter, отправляясь в тот трагический полет, один из охранников вручил ему магнитофон, начиненный взрывчаткой. И я сказал то, что ожидал услышать Пепе: «Ваша охрана!»

— Точно, — довольно проговорил он, откидываясь на мягкие подушки, — сначала надо найти лучших и платить им очень, очень хорошо. У нас, например, очень большая служба безопасности — секьюрити охраняют наши фабрики, офисы, банки, гасиенды. Но лишь немногих — как, например, этих — он указал на сопровождавших нас вооруженных головорезов, — мы подпускаем непосредственно к своей семье. Но этого заслуживает только тот, кто сумел проявить себя.

— И каким же образом?

— Проявляют себя? — Пепе потряс головой и улыбнулся: — Они должны на деле показать, что готовы рисковать ради нас своей жизнью, например в какой-нибудь заварушке, перестрелке. Словом, доказать свою храбрость и лояльность.

Мне тотчас же вспомнилось, что происходило в Ираке и, собственно, подтолкнуло Соединенные Штаты к вторжению в эту страну в 1991 году. Пепе потребовал объяснений.

— Тогда, еще до «Бури в пустыне», «шакалы» ЦРУ пытались достать Саддама Хусейна, но его охранники были слишком хороши, слишком преданны. А кроме того, у Саддама было много двойников — это служило дополнительной гарантией лояльности охраны. Вот представьте, что вы — телохранитель, которого пытаются подкупить. При этом вы хорошо понимаете, что, если застрелите не самого Саддама, а его двойника, вас и всех ваших родных подвергнут медленной, мучительной казни. Желающих рискнуть не находилось, поэтому Бушу пришлось послать в Ирак войска.

— Вот это здорово, — довольно хмыкнул Пепе, — обязательно шепну кому надо, что и нам неплохо бы завести у себя это правило: за предательство — медленная мучительная смерть. На случай, если кому-то из парней захочется продаться.

Между тем мы покинули черту города и стали взбираться по шоссе к сказочно красивому вулкану. Небо над нами было лазурно-голубым, солнце светило вовсю. Только здесь я понял, что Гватемала, столица страны, была плотно окутана смогом — это особенно ясно ощущалось здесь, за городом.

Мы проехали мимо небольшого живописного озера и свернули на грунтовый проселок. Удивляло только, что местность вокруг была преимущественно голая, почти лишенная деревьев. Пепе объяснил, что местные крестьяне давно уже порубили их на дрова, чтобы готовить еду и отапливать жилища. Холмы по обеим сторонам дороги были испещрены глубокими вымоинами и овражками — результат почвенной эрозии из-за отсутствия деревьев.

— Их предки сами себя погубили, повсеместно сводя леса и строя свои пирамиды. Думаете, нынешние недоумки усвоили урок? Не тут-то было! Тупой, безнадежный народишко!

Меня так и подмывало ответить, что современная урбанизация наносит окружающей среде куда больший вред, причем в долгосрочном плане. А все эти атрибуты цивилизации вроде заводов, фабрик, автомобилей на улицах, без которых мы не мыслим свою жизнь, и есть главное зло, губящее природу. Тем более что именно наша политика заставила этих бедных крестьян истреблять деревья.

Однако я сдержался, понимая, что тем самым подорву свой престиж в глазах Пепе — он тут же причислит меня к «радетелям индейцев» или к радикальным зеленым, а это, в свете той миссии, которую я намеревался выполнить, было мне невыгодно. К тому же Пепе потом ни в грош не будет ставить мое мнение по поводу проекта. Так что я предпочел промолчать и отвернулся к окну.

Проплывавший мимо бесплодный пейзаж живо напомнил, как в прошлый свой приезд по линии общественной организации я встречался с одним жрецом из племени майя. Намечался проект помощи местным жителям, и организаторы хотели, чтобы обряд его открытия провел настоящий жрец — это помогло бы преодолеть недоверчивость местного населения, с которым предстояло работать добровольцам организации. Мне поручили найти жреца и заручиться его согласием. Компанию мне составила Линн Твист, которая была известным специалистом по сбору средств на благотворительные цели и автором книги «Душа денег» (*The Soul of Money*).

Выполнение возложенной на нас задачи давалось нелегко — мы с огромным трудом преодолевали сопротивление тех майя, которые могли бы посодействовать в поисках подходящего жреца. Очень скоро нам пришлось на собственном опыте убедиться, насколько сильно препятствовал нашей миссии тот факт, что мы — американцы. Слишком уж много жестокостей и несправедливости натерпелись майя от местного правительства, которое, как известно, пользовалось поддержкой Вашингтона.

Наконец сопротивление кое-как было преодолено, и мы с Линн оказались в жилище жреца — маленьком домике из адоба (сырцового кирпича из глины и резаной соломы). Жрец был одет в линялые джинсы и куртку с яркой традиционной вышивкой, а его голова была повязана красной банданой. Внутри дом пропитался ароматами высушенных трав, к которым примешивался запах горелой древесины.

Жрец молча выслушал мою просьбу поучаствовать в церемонии открытия, что, как объяснял я, помогло бы завоевать доверие местных майя и в будущем более тесно работать с ними. Я говорил по-испански, а переводчик тут же повторял мои слова на местном диалекте майя.

Не успел я закончить, как жрец разразился гневной тирадой. Он бешено жестикулировал и что-то выкрикивал. Переводчик же говорил монотонно и совершенно бесстрастно, и от этого в голосе жреца явственно проступали боль и безысходность. «Почему я должен помогать вам, когда ваш народ убивал мой без малого полтысячи лет?! И не только при испанцах и в так называемые колониальные времена, но и сейчас, сегодня. Ваше правительство посылает сюда сотни секретных агентов и целые армии головорезов в военной форме — все время, сколько я себя помню, да и сейчас тоже. Разве не вы, американцы, бросали бомбы на нашу столицу, чтобы свергнуть Арбенса, единственного в нашей истории президента, который хотел помочь нам, исконным жителям этой страны? Разве не вы учите гватемальских солдат, как пытать и мучить майя? А теперь еще просите вас помочь?»

Я настолько погрузился в воспоминания, что не сразу расслышал слова Пепе, который, словно подслушав мои мысли, сказал:

— Эти майя настолько ослеплены своей яростью, что готовы обвинять в своих бедах весь мир! Когда мы даем им работу, они вопят,

что их поработают. А если не даем — кстати, наша семья завозит рабочих с Гаити, те вообще готовы работать за гроши, — они бунтуют и пытаются нас убивать. И это происходит не только здесь. Возьмите любое место в нашем полушарии — в Андах, Амазонии, Мексике, Бразилии, Эквадоре, Перу, Венесуэле, Боливии, Колумбии — в любой стране южнее Рио-Гранде творится то же самое. У вас, у гринго, этого не происходит только потому, что вы истребили у себя всех индейцев. А мы в свое время не догадались последовать вашему примеру, — распалившись, он с силой хлопнул меня по колену. — Запомните мои слова: в следующие два десятилетия нашей самой главной задачей будет как следует поприжать местное население, всех этих индейцев. Можете сколько угодно толковать о демократии, но эти страны, о которых я говорю, как никогда нуждаются в жесткой руке, способной поставить всех этих распоясавшихся индейцев на место. Майя, как и кечуа и все прочие племена, плевать хотели на какую-то там демократию. Только дай им волю, и они с радостью перебьют нас всех.

Я не стал рассказывать экспансивному Пепе, что тот жрец все же согласился нам помочь. Перелом в его настроении наступил после моих слов о том, что единственная причина, по которой я искал его помощи, в том, что, объединив усилия, мы смогли бы перебросить мостик взаимопонимания между его и моим народом. «Очень многие люди в Соединенных Штатах точно так же возмущены тем, как наше правительство обходится с вашим народом. Мы хотим изменить это положение, — тут я стал доставать из сумки священный камень инков и другие реликвии, подаренные мне шаманами кечуа в Эквадоре. — То же самое мы стараемся делать и в других уголках Латинской Америки». Взглянув на эти «мандаты доверия», жрец неожиданно перешел на испанский, на котором, кстати, он говорил довольно бегло.

К моменту прибытия нашего кортежа в район геотермальных источников, где должна была располагаться строительная площадка, я уже более или менее решил, какого рода рекомендации представлю своему работодателю SWEC. Этот проект Всемирного банка не должен быть реализован, поскольку он не только сделает богатых богаче, а бедных беднее, но и лишит майя их священных прав. Когда наш кортеж подъехал к месту будущего строительства, Пепе снова задержал меня, и я имел «удовольствие» еще раз наблюдать за работой

секьюрити — правда, теперь их была уже дюжина. Даже через автомобильное стекло ощущались потоки энергии, исходящие от этого места. Над землей клубились облака водяного пара. Еще не ступив сюда ногой, я уже понял, почему майя с таким трепетом относятся к этому месту.

Потом мы с Пепе выбрались из машин, и он стал на память перечислять основные инженерные параметры намечающегося строительства — киловатты, давление на квадратный фут, затраты на строительство и прочее в том же духе. Мы с Пепе стояли на краю природного бассейна, в котором бурлили воды геотермального источника, распространяя вокруг серные пары, и он что-то бубнил, тыкая пальцем в сторону подножья ближайшего склона, куда убежали воды источника. Вроде его сестра задумала построить здесь спа-курорт. Однако я чувствовал себя обязанным высказать то, что представлялось мне совершенно очевидным: «Майя будут всеми силами сопротивляться этому строительству».

— Ну, здесь вы как раз ошибаетесь! — уверенно ответил Пепе. — Может, они и тупые, но все же понимают, что значит встать на дороге у меня и моей семьи, — он сам оборвал себя и усмехнулся: — В общем, я уверен, что мы договоримся. Мне это и обойдется не так уж дорого — куда меньше того, что могло бы сорвать проект, так, жалкие гроши. Вот и все, что им надо. Поэтому-то вам и выгодно иметь таких партнеров, как мы. Появись здесь гринго — и все, прощай, проект. Мы же умеем с ними обращаться, — тут он в упор взглянул на меня, — думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

Я кивнул и отвернулся. Еще бы, как не понять! Я просто кипел от гнева и поэтому медленно направился к противоположной стороне бассейна. Поднял с земли камешек и бросил в бурлящую воду — этим я отдавал дань уважения духам майя или какой-то иной силе, что создала это чудо.

Из-за пробок на дороге обратный путь занял гораздо больше времени, и я опоздал на свой рейс. Впрочем, Пепе это не смутило. Он тут же вызвал вертолет, доставивший меня в аэропорт к его личному самолету, на котором я должен был долететь домой. Во всей этой ситуации мне виделась мрачная ирония: двое пилотов потратят свое время и горячее на тысячи долларов, доставляя меня в Майами только для того, чтобы я «похоронил» проект Пепе. Сначала я испытывал неловкость, соглашаясь принять его щедрое предложение.

Но это чувство улетучилось, стоило мне представить, как обрадуются старый жрец и духи источника — возможно, они будут мне признательны.

Одно не давало мне покоя, годами будоража воображение, — то, что сказал Пепе: «Запомните мои слова: в следующие два десятилетия самой настоящей нашей задачей будет как следует поприжать местное население, всех этих индейцев». Сейчас, когда мы вступали в третье тысячелетие, это заявление приобрело особое звучание.

Начиная с 1998 года народы семи стран Южной Америки, а это более 300 миллионов из 370, проживающих на континенте, избрали своими президентами тех, кто обещал бороться с иностранными эксплуататорами. Несмотря на все заявления наших СМИ и политиков, народы Южной Америки голосовали не за коммунизм, анархию или терроризм. Они твердо и однозначно высказались за самоопределение. Демократическим путем выразив это свое устремление, наши южные соседи направили нам мощное послание: мы не ждем от вас альтруизма; все, чего мы хотим, — чтобы ваши алчные корпорации прекратили насиловать наш народ и нашу землю.

Тем самым латиноамериканские страны вступили на путь, проложенный в свое время Пейном, Джефферсоном, Вашингтоном и остальными нашими мужественными предками — мужчинами, женщинами, детьми, — которые в 1770-х годах решительно выступили против Британской империи и завоевали нашей стране свободу. Какой поразительный поворот истории наблюдаем мы сейчас — в авангарде современной революции против имперского гнета выступает коренное население южноамериканского континента.

Наши отцы-основатели, строя свое государство, позаимствовали у ирокезов их принципы, Континентальная армия широко использовала индейцев в качестве солдат и шпионов-лазутчиков. Правда, отплатили им за это изгнанием с их исконных земель и геноцидом. А сейчас они, представители коренного населения, возглавляют борьбу народов Латинской Америки за право самим решать свою судьбу.

Нарождается новая плеяда героев. Это новое поколение национальных лидеров, и хотя их исторические корни уходят в глубь доколумбовых времен, они считают своим долгом выступать от имени

всех бедных и бесправных — независимо от их расовой принадлежности, культурного и исторического наследия, вероисповедания — будь то бедняки из перенаселенных городских трущоб или крестьяне из глухих сельских районов.

И это как нигде очевидно в Боливии.

Следя за ходом президентских выборов в этой стране в 2005 году, я все думал, что почувствовал Пепе, узнав об их результатах? Какова была его реакция на сообщения СМИ, что во главе целой страны встал выходец из индейского племени аймара, местный фермер с более чем скромными происхождением и образованием? Думаю, что в победе Эво Моралеса бедный Пепе узрел материализацию своих самых страшных ночных кошмаров.

Я смотрел по телевизору трансляцию празднеств, развернувшихся в Боливии по случаю избрания президента, и на меня накатывали воспоминания о тех временах, когда мне предлагали в этой стране очень внушительную должность. То, как это происходило, очень наглядно иллюстрирует воззрения и методы работы корпоратократии.

Кандидат в президенты Bolivia Power

«Боливия могла бы служить символом всех стран, эксплуатируемых империями». Эти слова инструктора учебного лагеря Корпуса мира в Эскондидо, штат Калифорния, где я проходил подготовку в 1968 году, твердо отпечатались в моей памяти. Сам он когда-то жил в Боливии и теперь постоянно внушал нам, что вековой гнет наложил на эту страну особый отпечаток.

После, когда я по окончании инструктажа уже служил волонтером Корпуса мира в Эквадоре, мои мысли не раз возвращались к Боливии. Эта страна, зажатая со всех сторон соседями — Перу, Чили, Аргентиной, Парагваем и Бразилией — словно дырочка в серединке аппетитного пончика, всегда пленяла мое воображение.

Как сотрудник Корпуса мира я посетил почти все соседние с Боливией страны, за исключением Парагвая, куда я отказался ехать в знак осуждения уругвайского диктатора, генерала Альфредо Стресснера за то, что он пригрел у себя в стране бывших нацистов-эсэсовцев.

Так же намеренно я уклонялся от поездки в Боливию — а все потому, что молодые североамериканцы, иногда забредавшие к нам, — из тех, кто, как мы говорим, следуют «наезженными тропами гринго», рассказывали, что в этой стране с коренным населением, индейцами, обращаются еще более жестоко, чем в Эквадоре.

Мне же в то время казалось, что в этом смысле ни одно другое место в мире не может сравниться с Эквадором. Богатая местная элита считала коренных индейцев существами низшего сорта, недочеловеками. Как и афроамериканцы в США несколько десятков лет назад, эквадорские индейцы были лишены гражданских прав. Ходили слухи, что у местной «золотой» молодежи в ходу был особый вид «спорта». Застукав индейца за каким-нибудь незаконным заня-

тием — например, он подбирал на плантации оставшуюся после сбора урожая кукурузу, чтобы спасти свою семью от голодной смерти, — молодые оболтусы хватали перепуганного ворышку и приказывали ему бежать, а сами стреляли по этой живой мишени. На поражение.

В Амазонии наемники нефтяных компаний творили то же самое, правда, там эти кровавые игры назывались не спортом, а борьбой с террористами. Однако, как ни ужасно было то, что творилось в Эквадоре, в Боливии с местными индейцами обходились гораздо хуже.

Недаром Че Гевара, бывший аргентинский врач, который посвятил свою жизнь борьбе с угнетением, выбрал в качестве арены боевых действий именно Боливию. Напуганная этим правящая верхушка запросила помощи у Вашингтона. Че Гевару немедленно провозгласили еще худшим злом, чем террористы и недочеловеки — местные индейцы, навесив на него ярлык коммунистического фанатика.

На поимку Че Вашингтон послал одного из самых опытных «шакалов» — агента ЦРУ Феликса Родригеса. В октябре 1967 года ему удалось захватить Че возле боливийского местечка Ла-Игера. После многочасовых допросов Родригес под давлением боливийских властей приказал солдатам расстрелять Че Гевару*.

После этих событий тиски корпоратократии стали сжиматься вокруг Боливии — дырка в пончике словно стала затягиваться.

В середине 1970-х годов меня направили в Боливию в качестве экономического убийцы. Но прежде я провел собственное исследование страны, где мне предстояло действовать. Как оказалось, все, о чем рассказывали мой инструктор в лагере Корпуса мира и путешественники-гринго, едва приоткрывало истинную картину жестокого подавления. С самых первых исторических упоминаний об этой стране она подвергалась насилию. На долю Боливии выпала роль вечной жертвы — то империи, то череда безжалостных местных диктаторов.

Еще в XIII веке самобытная цивилизация коренных народов была уничтожена захватившими эти земли инками. В 1530-х годах сюда прибыли испанские конкистадоры, и уже сами инки пали жерт-

---

* Felix I. Rodriguez and John Weisman, *Shadow Warrior: The CIA Hero of a Hundred Unknown Battles* (New York: Simon and Schuster, 1989).

вами пришельцев. Испанцы хладнокровно истребляли их тысячами и железной рукой правили на земле Боливии до 1825 года. В период 1879–1935 годов в ходе опустошительных войн с соседними государствами Боливия уступила Чили свое Тихоокеанское побережье, была вынуждена отдать Парагваю богатый нефтью район Чако, тогда как другой сосед, Бразилия, отхватила у нее большой кусок джунглей, богатых каучуконосными деревьями.

В 1950-х годах реформистское правительство Виктора Пас Эстенсоро приступило к реформам, направленным на улучшение положения индейского большинства населения, и национализировала оловянные рудники. Это вызвало ярость международного бизнеса, и в 1964 году Эстенсоро был свергнут военной хунтой. К этому явно приложило руку ЦРУ. В 1970-е годы Боливия страдала от череды военных переворотов и контрпереворотов.

Даже география страны будто специально подчеркивает атмосферу угнетения. Две массивные параллельные горные цепи Анд делят Боливию на три сильно отличающихся друг от друга района: неприветливое из-за засушливости и сильных холодных ветров высокогорное плато Альтиплано, район субтропических долин на западе, низины и обширные тропические леса на востоке.

Основную массу девятимиллионного населения страны составляют индейцы, поддерживающие свое скудное существование за счет крестьянских хозяйств, разбросанных на продуваемых ветрами склонах Анд. Этническое многообразие страны подчеркивается тем фактом, что в ней принято три государственных языка — кечуа, аймара и испанский. Несмотря на богатые природные ресурсы — серебро, олово, цинк, нефть, гидроэнергетический потенциал и крупнейшие на континенте запасы природного газа (уступающие лишь венесуэльским) — Боливия остается одной из беднейших стран Западного полушария.

Она одной из первых согласилась применить на практике рекомендованный МВФ набор программ структурной перестройки — SAP. Должен признать, что часть ответственности за это лежит на мне.

К моменту моего появления в Боливии в середине 1970-х годов страх перед теми силами, которые всколыхнул Че Гевара, вынудил правящую коалицию — представителей богатой элиты и военных — еще сильнее ужесточить режим в отношении коренного населения.

Моей задачей было на месте исследовать возможности, которые позволили бы нашему брату, экономическому убийце, еще глубже втянуть эту коалицию в орбиту сотрудничества с корпоратократией. Проведя множество встреч с представителями боливийской верхушки, я наметил ряд идей, аналогичных тем, что в период 1980–1990 годов привели многие страны к принятию SAP. Подобно индонезийскому диктатору Сухарто, правители Боливии изначально были склонны одобрить программы, по которым национальные богатства распродавались иностранцам. Взаимовыгодные отношения с иностранными горнодобывающими компаниями, основанные на уступках, уже долгое время обеспечивали финансовое благоденствие боливийской элиты; она уже успела погрязнуть в долгах и теперь, опасаясь соседей и традиционных противников, а также собственного народа, жаждала заручиться обещаниями помощи со стороны Вашингтона, рассчитывая при этом еще туже набить кошелек. Боливийская верхушка желала последовать примеру Сухарто, делая ставку на Соединенные Штаты и страны Европы, тем самым страхуясь от грядущих экономических кризисов. Самые первые встречи, проведенные в Боливии в 1970-х годах, показали, что страна вполне созрела для приватизации. Бизнесмены и политики из Ла-Паса уже лихо распродавали иностранным инвесторам ведущие отрасли боливийской экономики. Они желали еще шире использовать модель, изобретенную горнодобывающими компаниями.

И хотя тем самым фактически распродавался национальный суверенитет, это избавляло правящую элиту от докучной необходимости собирать средства через механизмы налогообложения и рынков капитала, а также за счет собственных банковских счетов — те самые средства, на которые следовало развивать системы водоснабжения, канализации, бытовую электроэнергетику, транспорт и коммуникации, а также образование и пенитенциарную систему.

Не без моей помощи в правящих кругах усвоили, что принятие SAP сулит им весьма доходные субподряды, а их отпрыскам — полностью оплаченное образование в Штатах с последующей стажировкой в престижных инженеринговых и консалтинговых фирмах.

Нечего и удивляться, что правительство Боливии с готовностью одобрило налоговые льготы иностранным инвесторам, а заодно согласилось на устранение торговых барьеров, препятствовавших

импорту американских товаров, ничуть не возражая при этом против введения США ограничений на боливийский импорт.

В сущности, представители экономической и военной элиты, казалось, уже созрели для усвоения того, что называется новой формой колониализма, хотя до сих пор на языке МВФ это именовалось «надлежащим управлением», «разумным экономическим подходом» и «структурной перестройкой».

Вскоре после принятия законов, разрешающих совместные предприятия и привлечение в экономику иностранного капитала, а также отменяющих ограничения на конвертацию валюты, боливийское правительство объявило о приватизации пяти крупнейших государственных компаний. Были также обнародованы планы к 1990 году продать в руки иностранных инвесторов ни много ни мало 150 государственных компаний.

И — вот интересный поворот судьбы, символизирующий пресловутую «вращающуюся дверь», которая постоянно проталкивает политиков, принимающих важные государственные решения, на доходные корпоративные должности, — мне был предложен пост президента самой крупной боливийской электроэнергетической компании.

В 1990 году представители американской компании *Leucadia National Corporation* обратились ко мне с предложением возглавить одну из полностью принадлежащих ей дочерних компаний — это и была боливийская электроэнергетическая компания *Bolivia Power Company*, или *COBEE* (аббревиатура от испанского названия *Compañía Boliviana de Energía Eléctrica*).

Сама *Leucadia* занималась тем, что покупала проблемные компании и оздоравливала их, превращая в источник прибыли. (В 2004 году она прославилась тем, что объявила о своем намерении приобрести более 50% акций второго по величине американского оператора дальней телефонной связи — компании *MCI Inc.*) Мне было сказано, что моя кандидатура исключительно подходит на эту должность.

Помимо того что я в свое время помог структурировать для Боливии *SAP*, я также: 1) был президентом собственной независимой энергетической компании в США (которую создал, покинув ряды экономических убийц. Успехом этого предприятия я во многом обязан своей предшествующей деятельности)*; 2) владел испанским

---

* Подробнее см.: Джон Перкинс. Исповедь экономического убийцы: Пер. с англ. — М.: Претекст, 2007.

языком и хорошо знал культуру народов Латинской Америки; 3) как бывший экономический убийца я был идеальной кандидатурой, потому что фактически гарантировал получение у Всемирного банка и Межамериканского банка развития (InterAmerican Development Bank) займов, необходимых для расширения СОВЕЕ.

После нескольких собеседований здесь, на Восточном побережье, я со своей женой Уинифред и семилетней дочерью Джессикой вылетел в Солт-Лейк-Сити. На месте нас встретили и отвезли в особняк, где большую часть года проживал с супругой президент компании Leucadia Йан Камминг. Там «смотрины» продолжились: я был представлен нескольким корпоративным управляющим, после чего мы присоединились к чете Каммингов в большой гостиной для официальных приемов, где состоялась великолепная трапеза, состоявшая из пяти перемен блюд — сплошь деликатесов, собственноручно приготовленных и сервированных семейным поваром Каммингов.

Потом мы с президентом уединились в его кабинете для приватной беседы. В какой-то момент к нам заглянул его помощник и после многочисленных извинений сообщил о только что полученном факсе из Ла-Паса. А переводчик с испанского, говорил он, как раз отправился к врачу. Не смогу ли я их выручить? Я, конечно, согласился и, взяв у помощника листок, громко прочитал сообщение по-английски. При этом меня не покидало ощущение, что этот фарс разыгран специально, чтобы оценить мое знание испанского.

Судя по всему, и эту и все прочие проверки я прошел, потому что вскоре после поездки в Солт-Лейк-Сити компания Leucadia предоставила нам возможность посетить место моей предполагаемой службы, чтобы я принял окончательное решение. Итак, мы вылетели в Боливию.

Меня приглашают в Ла-Пас максимизировать прибыли

Международный аэропорт Эль-Альто, где приземлился наш самолет, — самый высокогорный из всех коммерческих аэропортов мира. Он расположен на горном плато, возвышающемся на 3,9 тыс. м над уровнем моря. У выхода из зоны таможенного контроля нас встречали нынешний президент СОВЕЕ, которого я должен был сменить на этом посту, и его жена.

В течение всего времени, что мы с семьей провели в Боливии, и он, и другие топ-менеджеры компании оказывали нам поистине королевский прием. Они ознакомили нас практически со всеми достопримечательностями Ла-Паса и его окрестностей, сопровождали в походах на колоритные местные рынки, в музеи и сохранившиеся с колониальных времен церкви.

Нам показали эксклюзивную школу, которую будет посещать Джессика, и элитный загородный клуб, готовый с радостью принять нас в свои объятия. Во время загородных экскурсий мы в полной мере налюбовались живописными горными видами и, конечно, красотами долины Луны с ее причудливыми нагромождениями песчаных столбов, сильно изъеденных эрозией. Побывали мы и на электростанциях и подстанциях, осмотрели полосу земли, отведенную под предполагаемое строительство линии электропередачи.

Однажды холодным дождливым днем за нами в отель заехал один из управляющих СОВЕЕ, чтобы, по его словам, «показать нам истинную душу компании». Мы было приготовились обозреть какое-нибудь высокотехнологичное инженерное чудо, но машина, в которой мы ехали, подрулила ко входу в отделение коммерческого банка в центре Ла-Паса.

Прямо от дверей начиналась состоящая из индейцев длинная изломанная очередь; ее хвост терялся за углом здания. Пытаясь уберечься от пронизывающего ветра, люди сбились кучками, некоторые прикрывались от дождя развернутыми газетами. Все, кто стоял в этой унылой очереди, были одеты в национальную боливийскую одежду: мужчины — в шерстяные штаны, женщины — в домотканые, тоже шерстяные, юбки. Многие утеплились пончо. Я чуть припустил стекло со своей стороны, и ветер немедленно швырнул мне в лицо пригоршню ледяных капель. От очереди исходил явственный запах мокрой шерсти и давно не мытого человеческого тела.

Я молча обозревал эту тягостную картину, которая могла служить живым напоминанием о давних временах конкистадоров, когда покорные судьбе бедняки выстраивались в такие же длинные очереди в надежде получить работу на оловянных рудниках. Как и их предки, эти стояли в покорном молчании, поглядывая по сторонам и время от времени делая небольшой шагок, продвигаясь к массивным дверям банка, которые охраняла группа хорошо вооруженных охранников.

Многие были с детьми; самые маленькие висели за спинами матерей, привязанные пестрыми платками. Видно было, как с плеч мамаш на них все скатывались и скатывались холодные дождевые капли. «Они пришли, чтобы оплатить свои счета за электричество», — прервал молчание сопровождавший нас управленец.

«Какой ужас», — пробормотала Уинифред.

«Ах, боже мой, вовсе нет, — попытался поправить ее управляющий, — как раз наоборот — это счастливики. В отличие от своих сельских сородичей эти, можно сказать, привилегированный класс — у них в домах есть электричество».

На обратном пути гид повернулся к нам с переднего сиденья и принялся с энтузиазмом объяснять, что СОВЕЕ через американское посольство регулярно переправляет в Штаты мешки денег — тех самых наличных, что, отстаивая в длинных очередях, вносят в банк бедняки кечуа и аймара. «Наша СОВЕЕ — дойная корова для Leucadia», — радостно заключил он.

Позже я узнал, что бедные горожане вынуждены каждый месяц совершать такие походы в банки, чтобы оплатить услуги за электричество, хотя многие из них пользуются одной-единственной тусклой лампочкой, освещающей их жилища. Они безропотно, иногда

цельми часами, простаивают в очередях перед банком, невзирая на непогоду, чтобы внести наличные за электричество, потому что у них нет ни кредитных карточек, ни банковских счетов.

Тем вечером в нашем гостиничном номере Уинифред все спрашивала, с какой стати американское посольство предоставляет здешней частной компании курьерские услуги. На это у меня был только один ответ — тот, что наиболее очевиден: дипломатические миссии США по всему миру существуют в основном для того, чтобы обслуживать интересы корпоратократии.

Нас, правда, несколько удивил наш сегодняшний «гид» — с какой стати он, пожертвовав своим временем, потащил нас смотреть на этих бедняг в очереди? «По-моему, он этим искренне гордится. Что за извращенное отношение к финансам», — подвела итог Уинифред.

На следующее утро наша программа предусматривала знакомство с гидроэнергетическим комплексом на реке Зонго. Для начала нам вкратце рассказали об этом объекте местной электроэнергетики. Вот что, подумал я, должно считаться настоящей душой СОВЕЕ. Об этом проекте слышали и знают все менеджеры Латинской Америки, работающие в области электроэнергетики, это классический пример эффективности в сочетании с бережным отношением к живой природе и ее богатствам. Комплекс объединяет несколько небольших гидроэлектростанций, каскадом спускающихся почти с самых высот Анд до уровня равнин тропического района страны.

Как уверяли некоторые из присутствовавших инженеров, дорога в горы, где начинается каскад, очень утомительна, но ради того, чтобы увидеть эту красоту своими глазами, стоит помучиться. А один из них грустно покачал головой и со вздохом заметил: «Жаль, что больше мне уже не удастся сделать ничего подобного. Мы все очень любим проект Зонго, потому что это прекрасный образец того, как можно получать пользу, не уничтожая природу. Ни один из нынешних крупных инвесторов, а Всемирный банк в особенности, не согласится вкладывать деньги в такой небольшой и сложный в инженерном отношении проект. А если бы они вдруг решились поучаствовать в таком деле, непременно заставили бы перегородить ущелье огромной плотиной и затопить всю долину».

Доставить нас в горы к каскаду Зонго любезно предложил нынешний президент СОВЕЕ. Он и его жена еще до рассвета заехали

за нами в отель, и, погрузившись в их вместительный полноприводной универсал, мы стали подниматься вверх на Альтиплано. Неприветливое, почти лишенное растительности плато, словно тонким одеялом, было покрыто слоем снега, что делало его похожим на арктическую тундру, только совсем иссушенную и бесплодную.

Внезапно подступивший рассвет оживил пейзаж — перед нами развернулась картина восхода солнца над величественной горной цепью Кордильера Реаль. Здесь, в Боливии, ее называют «Гималаями Америки», и по праву: она представляет собой могучую гряду из 22 увенчанных снежными шапками пиков, вздымающихся на высоту около 6000 метров.

Через несколько часов мы преодолели перевал на высоте более 5000 метров, и Джессике представилась возможность впервые в жизни посмотреть на настоящий ледник. Гигантский по площади, мощный пласт льда от нас отделяла узкая полоска тощего пастбища, где бродили альпаки.

Джессика было побежала через дорогу, поближе к леднику, но, внезапно остановившись, буквально рухнула на колени — ее сотрясали сильные позывы к рвоте. От острой нехватки кислорода губы дочери почти почернели. Мы с женой рванулись к ней, я схватил ее за руки и поспешил обратно к машине. Мы стали быстро спускаться вниз, где воздух не такой разреженный.

Ближе к концу дня мы наконец добрались до первой электростанции каскада. В том месте, где потоки Зонго вытекают из-под ледника, была возведена небольшая дамба, образовавшая маленькое водохранилище. Из него по системе каналов, глубоко прорезающих склоны ущелья, вода спускалась вниз, и металлические водоводы направляли ее прямо на лопасти турбины электростанции. По такому же принципу были построены и другие ГЭС, ниже по течению Зонго.

Таким образом, комплекс служил образцом того, как проект, изначально направленный на максимально полное использование потенциала горной реки, гармонично вписался в окружающий природный ландшафт, ничем не нарушая его целостности. Пока мы бродили вдоль ущелья, зажатого среди почти отвесных скалистых утесов, уже полностью оправившаяся от приступа горной болезни Джессика озвучила обуревавшие меня чувства. «Здорово, что они не стали строить огромную плотину, — сказала она, — а то вся эта чудесная долина оказалась бы под водой».

Позже мы поднялись наверх, к изящному коттеджу, который, как мне сказал президент СОВЕЕ, перейдет в мое полное распоряжение, если я займу его пост. Разместив в домике вещи, Уинифред, Джессика и я продолжили прогулку по окрестностям, на этот раз решив вскарабкаться к ближайшему водопаду. Здесь, на высоте всего 2400 метров, дышалось совсем легко, и мы полной грудью вдыхали свежий горный воздух, наполненный кислородом, которого так не хватало в Ла-Пасе и на том страшном перевале.

Мы взобрались на утес возле водопада и сквозь буйную листву деревьев наблюдали за закатом солнца, которое садилось за горы, со всех сторон окружающие долину. А когда стало темнеть, мы спустились вниз и присоединились к нашим спутникам. Нас ожидала восхитительная лазанья, заботливо разогретая к нашему приходу смотрителем коттеджа, — такая вкусная, что, казалось, она прибыла прямо из Рима.

Вскоре Джессика отправилась спать, а мы, четверо взрослых, остались в гостиной поболтать за коктейлями. Нынешний президент компании и его жена явно были довольны своим пребыванием в Боливии. Не менее очевидно было и то, что теперь они бы с радостью приняли мое согласие занять пост президента, чтобы вернуться домой, в Штаты.

Они на разные лады перечисляли всевозможные блага, которые ожидали меня на посту главы компании: в нашем полном распоряжении будет целый особняк; нам предоставят машину с шофером, чтобы я и члены моей семьи могли разъезжать по Ла-Пасу; нас будет защищать вооруженная охрана; о нас будет заботиться целый штат прислуги — повара, служанки, садовники. А кроме того — мне выделят более чем щедрые средства, чтобы всячески ублажать и развлекать местную аристократию.

Прозвучало также, что я стану вторым по влиятельности лицом страны после президента. Даже если случится очередной переворот, я останусь важной персоной, так как под моим контролем будет снабжение электроэнергией и президентского дворца, и военных баз. Люди из ЦРУ тоже будут искать моего расположения, чтобы заручиться моей поддержкой тех сил, на которые они собираются делать ставку.

Позже, уже готовясь ко сну в отведенной нам спальне, Уинифред расхваливала гидроэнергетический проект Зонго: «Никогда не видела

ничего подобного. Неужели ты не сможешь использовать его как отправную точку и произвести революцию в энергоснабжении в масштабах Латинской Америки? Это же так просто! Пусть не будет этих ужасных очередей, в которых бедные индейцы часами ждут возможности оплатить свои жалкие счета за электричество. Сделай его более дешевым, пусть электричество придет и в сельские районы. Надо разработать больше таких проектов, как этот, вместо того чтобы вкладывать деньги Всемирного банка в строительство огромных ГЭС! Сделай эту компанию приверженцем бережного, рачительного отношения к окружающей среде».

Я внимательно прислушивался к ее словам. И на следующий день, после того как мы вернулись в Ла-Пас, и в оставшиеся до отъезда домой дни я так и эдак проворачивал в голове высказанные женой идеи. Несколько раз мне представился случай обсудить эту тему с управляющими и инженерами компании. Многие из них приехали из Аргентины, Чили, Парагвая — стран, где долгие годы у власти стояли военные диктатуры, обслуживавшие интересы корпоратократии. Поэтому меня не очень удивлял скептицизм, с которым они отнеслись к моим рассуждениям. Их комментарии в той или иной степени повторяли слова инженера-перуанца, более десяти лет проработавшего в СОВЕЕ. «Leucadia только и мечтает, что о мешках с деньгами», — категорически заявил он.

Но чем больше я раздумывал, тем сильнее меня охватывал гнев. Латинская Америка давно уже превратилась в классическую модель господства Соединенных Штатов. Если в какой-нибудь латиноамериканской стране, богатой ценными природными ресурсами, на которые уже положили глаз наши ненасытные корпорации, к власти приходил национальный лидер, полный решимости использовать эти ресурсы на благо своего народа, разворачивался один и тот же сценарий — государственный переворот или убийство главы государства, и всякий раз у власти оказывались ставленники Вашингтона.

Такая судьба постигла Бразилию при Гуларте, Гватемалу — при Арбенсе, Боливию — при Эстенсоро, Чили — при Альенде, Эквадор — при Рольдосе, Панаму — при Торрихосе. В течение десяти лет я, будучи экономическим убийцей, принимал в этой игре самое непосредственное участие. И хотя я уже давно покончил с этой профессией, меня до сих пор мучают угрызения совести. И гнев.

Я дал слабину — в своем стремлении услужить корпоратократии и удовлетворить собственные аппетиты я отступил от принципов, уважать которые меня приучили с детства. Теперь меня приводило в ярость то, что я, как проститутка, продал свою честь. Бесило и то, что, как я подозревал, любые попытки изменить компанию, подобную СОВЕЕ, обречены на провал — мне не дадут сделать то, что я задумал. И все же я дал себе слово попробовать.

Вернувшись в Соединенные Штаты, я связался с сотрудником Leucadia, ответственным за подбор руководящих кадров. Понимая, что затеваю совершенно безнадежное дело, я все же сообщил, что готов рассмотреть возможность принять назначение, но только при условии, что мне позволят превратить СОВЕЕ в модель бизнеса на принципах социальной ответственности и бережного отношения к окружающей среде.

Я пояснил, что на меня произвел большое впечатление гидроэнергетический комплекс на реке Зонго, и мне пришла в голову идея, что сама компания, располагая возможностями обеспечить электричеством беднейшие слои населения, как никакая другая подходит на роль проводника перемен.

После моей тирады повисла долгая пауза. «Хорошо, — наконец ответил мой собеседник, — я обговорю это с Йаном Каммингом. Хотя на многое не рассчитывайте. Управляющие отвечают перед акционерами, и от президента СОВЕЕ мы ожидаем максимизации прибыли. — Последовала еще одна пауза. — Может, все же передумаете?»

Его слова будто подстегнули мою решимость: «Ни в коем случае». Больше они никогда мне не звонили.

Изменить свою мечту

После этой истории меня не оставляли мысли о том, как иностранные организации эксплуатируют Боливию; думал я и о той роли, которую сыграл в этом, будучи экономическим убийцей. Чем дольше я размышлял, тем сильнее становилась моя ярость. Я уже был готов вернуться в Ла-Пас или отправиться в Колумбию, а может, в какую-нибудь другую из испаноязычных стран Латинской Америки и встать в ряды движения сопротивления. Столь почитаемый мною Томас Пейн непременно поступил бы так же.

Однако дальнейшие рассуждения привели меня к мысли, что Томас Пейн скорее воевал бы более привычным для себя оружием, чем ружье, — своим прославленным острым пером памфлетиста. Я спрашивал себя: каким образом я смог бы принести больше всего пользы?

Ответ на этот мучивший меня вопрос стал понемногу проясняться во время одной из моих поездок по делам некоммерческой организации, которая работала в Гватемале. Я разговорился со стариком майя, и эта беседа натолкнула меня на мысль вернуться в Эквадор, где более 20 лет назад я начинал волонтером Корпуса мира, — в леса, туда, где обитает амазонское племя шуаров.

Теперь я понимаю, что в моей душе царила ужасная смута: я разрывался между нежеланием предавать своих бывших коллег — экономических убийц и голосом совести, что грызла душу; мне страстно хотелось поведать миру, какое зло мы творили, но другое зло — меркантилизм, пронизывающий все поры нашего общества, — цепко держало меня в своих объятиях. А где-то глубоко, в подсознании, крепло чувство, что только шуары со своими простыми представлениями о гармонии мира помогут мне преодолеть душевный разлад.

И вот я со своим другом и издателем моих книг по культуре коренных народов Эхудом Сперлингом заказываю в American Airlines два билета до столицы Эквадора Кито и еще два — на самолет местной эквадорской авиалинии до затерянного в Андах городка Куэнка. На пару дней мы с Эхудом задержались в этом колониальном городишке, где я когда-то провел некоторое время после путешествия в дождевые леса Амазонии.

На третьи сутки ранним утром мы погрузились в джип, нанятый здесь же вместе с водителем, и по коварным горным дорогам стали пробираться к городку Макас в самом сердце джунглей. Путешествие, надо сказать, было захватывающим. Наш путь лежал вниз, к подножию, по разбитой горной дороге, серпантинном петлявшей от самых вершин Анд. Еще по прежним временам я помнил ее многочисленные рытвины и колдобины — и теперь, через два десятка лет, здесь все было по-прежнему.

С одной стороны к узкой дороге вплотную подступал почти отвесный скалистый склон, а с другой зияла пропасть. Откуда-то снизу доносился монотонный гул устремляющихся в ущелье горных потоков. Из-за старых, разболтанных встречных грузовичков, которым едва хватало сил, чтобы двигаться вверх по серпантину, нашему водителю приходилось то притирать джип почти вплотную к скале, то опасно прижиматься к противоположному краю дороги, где лишь невысокий бордюр защищал нас от падения в пропасть. Иначе разехаться было невозможно.

Да, думал я, вот другая жизнь, другой мир. Как не похож он на наш привычный уклад. Снова и снова я задавал себе вопрос, как мог променять эту жизнь на карьеру экономического убийцы. Ответ оказался прост: парнишка, выросший в сельской глуши Нью-Хэмпшира и еще в самом начале жизни уже разочарованный ею, не мог не прельститься авантюрной жизнью и огромными деньгами, что сулила проклятая профессия экономического убийцы. Как рыбка, привлеченная блесной, загадочно посверкивающей сквозь толщу воды, я заглотал наживку.

Ближе к полудню джип въехал в небольшое поселение — в прошлые времена, насколько я помнил, дорога здесь и кончалась. Однако теперь она уходила дальше, на Макас, только стала еще более ухабистой и уж совсем размытой из-за постоянных ливней, приносимых из бассейна Амазонки. Колеса джипа проворачивались

в вязкой грязи. Стараясь скоротать время, я начал рассказывать Эху-ду, как в первый раз побывал в Макасе в 1969 году. Вскоре разговор перешел на ту роль, которую играли в мировой истории Соединенные Штаты.

Почти два столетия наша страна была для мира примером демократии и справедливости. Наши священные документы — Декларация независимости и Конституция — вдохновляли народы других континентов на борьбу за свободу. Наша страна стремилась создавать глобальные институты, которые воплощали в себе наши идеалы. В XX веке США стали играть более активную роль в поддержке движений за демократию и справедливость; весомый вклад нашей страны воплотился в создании Постоянной палаты международного правосудия в Гааге, в разработке таких важнейших документов, как Устав Лиги Наций, а после — Устав ООН, во Всеобщей декларации прав человека и множестве конвенций ООН.

Однако в конце Второй мировой войны позиции Соединенных Штатов как лидера борьбы за свободу и справедливость стали ослабевать, подорванные одержимостью корпоратократии создать глобальную империю. Работая добровольцем Корпуса мира здесь, в Эквадоре, я видел, какую ярость у эквадорцев и их соседей вызывает жестокость Соединенных Штатов, как презирают они явные противоречия нашей политики. Провозглашая приверженность защите демократии в таких странах, как Вьетнам, в других мы чуть ли не открыто, не стесняясь, организовывали государственные перевороты и убийства демократически избранных президентов.

И если латиноамериканские студенты точно знали, что именно Соединенные Штаты приложили руку к свержению Моссадыка в Иране и Касема в Ираке, к уничтожению Альенде в Чили и Арбенса в Гватемале, то наша университетская молодежь и не подозревала об этом. Политика Вашингтона дезориентировала мировое сообщество, а действия нашей страны подрывали идеалы, которые свято чтит американский народ.

Поддержка латиноамериканских автократических режимов в 1970-е годы была одним из методов, при помощи которых корпоратократия насаждала свой контроль в этом регионе. При поддержке США эти режимы ставили над своими народами экономические эксперименты, от которых всегда выигрывали только американские инвесторы и международные корпорации, а для самих стран все это

обычно оканчивалось крахом национальной экономики. Наступал спад, взлетала инфляция, росла безработица, прекращался экономический рост. Вашингтон же, невзирая на растущее недовольство народов, продолжал превозносить коррумпированных лидеров, которые вели свои страны к банкротству, не забывая при этом приумножать собственное богатство. Будто считая, что недостаточно скомпрометировал себя, Вашингтон к тому же поддерживал одиозные диктаторские режимы правого толка в Гватемале, Сальвадоре, Никарагуа с их «эскадронами смерти».

В 1980-х по странам континента прокатилась волна демократических реформ. Вновь избранные правительства, неспособные самостоятельно справиться с грузом экономических проблем, унаследованных от предшественников, обращались за советом и помощью к так называемым экспертам МВФ и Всемирного банка. А эти хорошо знали, как «уговорить» очередную страну принять рекомендации.

Под их умелым давлением латиноамериканские страны одна за другой соглашались на реализацию SAP. Они послушно следовали жестким рекомендациям — от приватизации предприятий общественного пользования до резкого сокращения субсидий на систему социального обслуживания. Они покорно принимали чрезмерно крупные займы, предназначенные для создания объектов инфраструктуры, да только пользу из подобных проектов извлекали лишь представители правящего класса, а страна все глубже падала в долговую яму.

Применение SAP обернулось катастрофой. Экономические показатели латиноамериканских стран опускались на беспрецедентно низкий уровень. Миллионы людей, еще вчера считавшихся средним классом, теряли работу и пополняли ряды беднейших слоев населения. Люди с отчаянием взирали, как рушится система пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, а политики, которые ввергли их страну в экономическую катастрофу, вместо того чтобы вкладывать несправедливо нажитые деньги в национальный бизнес, транжирят их на покупку недвижимости во Флориде.

И хотя коммунистические движения 1950–1960 годов нигде, кроме Кубы, так и не достигли уровня влиятельной политической силы, на латиноамериканском континенте вновь поднималась волна всеобщей ненависти к корпоратократии и прислуживавшим ей местным коррупционерам.

Меньше чем за год до того, как мы с Эхудом отправились в Эквадор, первая администрация Буша-старшего приняла решение, самым пагубным образом отразившееся на дальнейших взаимоотношениях США с латиноамериканскими государствами. Президент США отдал приказ о вводе американских войск в Панаму. Это было ничем не спровоцированное нападение, открытая преднамеренная попытка сместить правительство государства за отказ пересмотреть Американско-панамский договор. В результате незаконного вторжения погибло более двух тысяч мирных граждан Панамы, из эпицентра трагедии по всем странам южнее Рио-Гранде стали расходиться волны страха. Однако вскоре он перешел в гнев*.

Как раз об этом мы говорили с Эхудом по дороге в Макас. Я спросил, имеется ли какая-то альтернатива повсеместной коррупции, которая, подобно чуме, охватила всю Латинскую Америку.

«Конечно, — уверил меня Эхуд, — критическая масса — вот все, что требуется для решения проблемы». И резко поменяв тему, спросил, как я добирался до Макаса раньше, когда этой ухабистой дороги еще не было.

«Можно было, конечно, пробиваться сквозь джунгли, но на это ушли бы недели. Другой вариант — “полет по секундомеру” на стареньком, времен Второй мировой войны, самолете DC-3, из армейских излишков, и хотя это было чистым самоубийством, я пользовался именно им».

«А что такое “полет по секундомеру”?» — тут же потребовал объяснений Эхуд.

«Такие самолеты, как DC-3, не способны подняться выше пиков Анд, и поэтому пилоты вынуждены ориентироваться по руслам рек, а над ними всегда нависают облака. Взлетая, летчики нажимали кнопку секундомера и ровно через 30 секунд делали поворот направо с креном на 10 градусов, еще через 45 секунд — влево с креном на 15 градусов. Тогда над Амазонкой гибло много самолетов. И все же это считалось более безопасным, чем продираться через джунгли».

«И тогда построили дорогу, — проговорил Эхуд, а после паузы спросил: — Знаешь почему?» — и выразительно поднял брови, как бы давая мне подсказку.

---

* Подробнее см.: Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы: Пер. с англ. — М.: Претекст, 2007.

«Критическая масса?» — догадался я.

«Именно».

Оказывается, все так просто. Люди были недовольны созданным положением. И когда их недовольство достигло определенного предела, произошли перемены. В нашем случае они были продиктованы необходимостью коммерческого освоения бассейна Амазонки.

Насколько мне известно, критическая масса создалась во многом под давлением нефтяных компаний. И кстати, когда мы достигли цели нашего путешествия, я удивился, насколько строительство дороги изменило Макас, превратив этот когда-то сонный форпост цивилизации в джунглях в оживленный, бурно разросшийся благодаря экономическому буму город.

Мне припомнился рецепт Эхуда. Если все больше и больше людей начнут осознавать, какую угрозу нашему будущему несет сегодняшнее безответственное поведение, размышляя я, образуется критическая масса, и мы повернемся лицом к проектам, которые будут делать особый акцент на сохранение мира и жизнеспособности планеты.

Мы поселились в местной гостинице, где меня поразили два удобства, дотоле не встречавшиеся мне в этом уголке мира, — туалет со смывным бачком и душевая колонка. Последняя сильно позабыла Эхуда из-за электрической розетки, привинченной прямо возле крана душа.

«Это для электробритвы», — счел своим долгом пояснить я.

«Ну да, чтобы надежнее привести приговор в исполнение», — хмыкнул Эхуд.

Следующим утром мы погрузились на борт маленького самолета, и Эхуд тут же спросил пилота про секундомер.

«Да, мой дядя им пользовался, но у меня, — ухмыльнулся летчик, — есть кое-что получше: радар».

Самолетик высадил нас на глинистой посадочной полосе, в глуши леса. На краю поляны за нашим маневром наблюдала кучка шуаров. Они выглядели почти так же, как я запомнил их с тех давних пор, — крепкие, мускулистые, с темной блестящей кожей, улыбающиеся счастливые люди. Только теперь они щеголяли в футболках и шортах из дакрона — таков был результат долгой борьбы миссионеров с грехом наготы.

Они стали выгружать припасы, которые привез самолет, а один старик-шуар подошел узнать, зачем мы пожаловали. Услышав, что я

намереваюсь помочь его народу уберечь джунгли от уничтожения, он напомнил, что эту проблему создала не их, а как раз наша культура.

«Мир таков, каким ты его видишь в своих мечтах, — говорил старый шуар. — Твой народ мечтал, чтобы было много огромных фабрик, высоких зданий и столько машин, сколько капель в этой реке. Теперь вы начинаете понимать, что ваши мечты оборачиваются сплошным кошмаром».

Я спросил его, что же делать.

«Это очень просто, — отвечал он, — все, что надо, — изменить мечту... Достаточно только бросить в почву другое семя, научить ваших детей грезить новыми мечтами».

Примерно то же мы услышали на следующий день и от других шуаров этой общины. Нас с Эхудом поразила мудрость этого народа, его решимость защищать свою среду обитания и свою культуру. Вернувшись домой, я тут же начал многочисленные официальные процедуры по созданию организации, цель которой видел в том, чтобы изменить представления, укоренившиеся у нас, жителей промышленно развитых стран, о нашей планете и наших взаимоотношениях с ней. В то время я еще не осознавал, что пытаюсь повернуть вспять процесс, которому способствовал в роли экономического убийцы.

После долгих раздумий мы назвали нашу некоммерческую организацию Dream Change — «Смена мечты». Этим названием я хотел отдать дань уважения завету, которым поделились со мной шуары с далекой Амазонки. Под эгидой Dream Change мы организуем поездки в разные уголки мира, где проводим семинары. Мы направляем желающих туда, где они хотят пожить некоторое время вдали от цивилизации, бок о бок со старейшинами коренных племен, а им, в свою очередь, организуем поездки в Соединенные Штаты. Мы издаем книги, записываем аудиокассеты, компакт-диски, снимаем видеофильмы, которые помогли бы перебросить мостик взаимопонимания между нашими двумя мирами.

Идея другого моего детища, организации Pachamama Alliance, тоже некоммерческой, возникла под влиянием одной из таких наших поездок. Этой организации уже удалось собрать миллионы долларов в помощь местным общинам; большая часть средств была направлена на финансирование судебных битв с нефтяными компаниями.

Благодаря своему весьма короткому знакомству с СОВЕЕ я избрал себе новую карьеру. В 1990-х годах и в начале нового тысячелетия я часто бывал в Латинской Америке. Львиную долю времени я проводил с местными племенами, населяющими бассейн Амазонки и горные районы Анд.

Меня глубоко впечатляла их преданность делу сохранения окружающей природы, а также глубина духовности, которая неизмеримо превосходит все то, что мне доводилось встречать у представителей ведущих мировых религий. Эти люди, казалось, с молоком матери впитали приверженность идее сделать мир более гармоничным местом обитания.

В качестве члена правления Pachamama Alliance я встречаюсь с юристами, политиками и сотрудниками нефтяных компаний. Одним прекрасным вечером в Кито, на обеде в подобной компании я впервые услышал о венесуэльце Уго Чавесе. Причем представители нефтяной компании явно презирали этого чересчур пылкого военного, основателя партии «Движение Пятая республика», не побоявшейся бросить вызов корпоратократии. Политики же не могли не восхищаться его мощной харизмой. А среди моих друзей из местных индейцев Уго Чавес снискал симпатии благодаря своему смешанному происхождению: среди его предков и коренные жители Венесуэлы индейцы, и африканцы, и испанцы. И еще за то, что он неустанно критикует богатых и обещает улучшить жизнь бедных.

Чавес, сын Венесуэлы

На гребень мировой известности Уго Чавеса вынесли события февраля 1992 года, когда он в чине подполковника парашютно-десантных войск венесуэльской армии возглавил мятеж против тогдашнего президента страны Карлоса Андреса Переса. Этот венесуэльский правитель, имя которого уже стало синонимом бесстыдной коррупции, вызывал у Чавеса и его сторонников особую ненависть своей готовностью с потрохами продать страну Всемирному банку, МВФ и иностранным корпорациям.

Коллаборационизм Каракаса с корпоратократией стал едва ли не главной причиной более чем 40%-ного падения душевого дохода венесуэльцев. Из-за массового разорения представители когда-то самого многочисленного на континенте среднего класса были безжалостно вытолкнуты в ряды беднейшего населения. Хотя мятеж Чавеса и потерпел провал, но он подготовил почву для будущего взлета его политический карьеры.

После того как он был схвачен, власти позволили Чавесу обратиться по национальному телевидению к своим сторонникам с призывом сложить оружие. Перед миллионами сограждан он открыто признал, что потерпел поражение — но только *por ahora* — на этот раз. Мужество и честность едва ли не в одночасье сделали Чавеса национальным героем. Следующие два года он провел в тюрьме, а через некоторое время президент Перес был свергнут, и Чавес по амнистии вышел на свободу, имея репутацию дерзкого, мужественного и честного лидера, который готов помочь бедным и полон решимости разрушить оковы иностранной эксплуатации, столетиями державшей в рабстве его страну и его континент.

В 1998 году на президентских выборах народ Венесуэлы отдал свои голоса за Уго Чавеса — он одержал впечатляющую победу, набрав 56% голосов. Придя во власть, Чавес в отличие от многих своих

предшественников не погряз в коррупции. Героями, на которых он держал равнение, были гватемальский лидер Арбенс, чилийский президент Альенде, президент Панама Торрихос и президент Эквадора Рольдос. Все они в свое время были физически уничтожены или свергнуты не без помощи ЦРУ.

Теперь же новый глава Венесуэлы следовал проложенным ими курсом, но только полагаясь на собственное видение, харизматичность своей натуры и опираясь на могущество, которое обрел как лидер страны с огромными запасами нефти. Его безоговорочная победа и постоянное открытое противостояние с Вашингтоном и нефтяными компаниями вдохновляют сегодня миллионы жителей Латинской Америки.

Чавес не изменяет обещаниям, которые дал согражданам своей страны, городской и сельской бедноте. Он не стремится пускать прибыли от нефти на расширение нефтяной отрасли, а предпочитает вкладывать их в проекты, направленные на борьбу с неграмотностью, недоеданием, болезнями и решение других социальных проблем.

Вместо того чтобы осыпать инвесторов обильными дивидендами, Чавес протянул руку помощи президенту Кирхнеру и выделил средства на поддержку терпящей бедствие аргентинской экономике, пытавшейся покрыть более чем 10-миллиардный долг перед МВФ. Тем, кому нынешняя цена на нефть не по карману, Чавес продает ее с большими скидками — такая политика распространяется на бедные общины, в том числе и те, что находятся в Соединенных Штатах.

Чавес поддерживает Кубу, направляя часть полученных от экспорта нефти средств на финансирование программ, в рамках которых кубинские врачи оказывают помощь жителям в беднейших районах континента. Он проводит законы, защищающие права коренных жителей, включая право использовать родной язык и владеть землей, и борется за введение в государственных школах афро-венесуэльских программ обучения.

Корпоратократия же рассматривает деятельность Чавеса как серьезную угрозу своим интересам. И не только потому, что он решительно бросает вызов нефтяным и прочим иностранным компаниям. Не меньшее раздражение вызывает и то, что примеру Чавеса могут последовать руководители других стран. В глазах админист-

рации Буша бескомпромиссный нестигаемый Уго Чавес и другой такой же национальный лидер, Саддам Хусейн, превратились в воплощение ночных кошмаров, от которых следовало как можно быстрее избавиться.

Что касается Ирака, то здесь все усилия экономических убийц и «шакалов» принудить Хусейна к послушанию провалились, и администрация Буша уже готовится прибегнуть к последнему средству — военному насилию. В Венесуэле процесс избавления от ночного кошмара в лице Чавеса на шаг отстает: на смену экономическим убийцам уже пришли «шакалы», и Вашингтон еще тешит себя надеждой, что они сумеют справиться с непокорным президентом.

Прибегнув к практике, уже отточенной в таких странах, как Иран, Чили и Колумбия, 11 апреля 2002 года «шакалы» спровоцировали в Каракасе массовые манифестации рабочих с требованием об отставке Чавеса. Толпы недовольных двинулись в сторону штаб-квартиры государственной нефтяной компании Венесуэлы и к президентскому дворцу Мирафлорес. Однако здесь их встретили тысячи других демонстрантов, которые сохранили верность своему президенту. Они принародно объявили, что организаторы забастовки — бесчестные наемники, действующие по указке ЦРУ. Затем последовало неожиданное заявление военных, что президент Чавес низложен и содержится на одной из военных баз.

Вашингтон было начал праздновать победу, но радость оказалась недолгой. События вновь сделали резкий поворот. Военные, сохранившие верность Чавесу, стали в массовом порядке заявлять о неповиновении «новым» властям, на улицы городов вновь вышли толпы бедных людей, и 13 апреля Чавес вернулся на свой пост. Предпринятое властями Венесуэлы расследование показало, что путч финансировало правительство США.

Белый дом практически признал свое участие в этом деле. Как сообщила *Los Angeles Times*, «группа сотрудников администрации Буша признала во вторник, что в течение последних месяцев с военными и гражданскими лидерами Венесуэлы ими неоднократно обсуждался вопрос о свержении президента страны Уго Чавеса»*.

---

* Paul Richter, "The U.S. Had Talks on Chavez Ouster", *Los Angeles Times*, April 17, 2002.

По иронии судьбы вторжение в 2003 году американских войск в Ирак сыграло на руку Чавесу. Цены на нефть взлетели до облачных высот, и в казну Венесуэлы потекли потоки нефтедолларов. Это позволило Венесуэле приступить к добыче тяжелой нефти в бассейне реки Ориноко, что до этого считалось экономически нецелесообразным. Чавес объявил, что, когда цена за баррель нефти преодолет 50-долларовый рубеж, Венесуэла с ее огромными запасами тяжелых углеводородов станет мировым лидером по запасам нефти, отодвинув Ближний Восток на второе место. Это данные, уверил он, основываются на прогнозах Министерства энергетики США.

Государства Латинской Америки напряженно ожидали, чем ответит администрация Буша на срыв попытки антиправительственного путча с целью смещения Чавеса. Однако президент Соединенных Штатов выглядел явно растерянным. В Белом доме понимали, что действовать следует крайне осмотрительно.

Для США Венесуэла оставалась вторым по значимости поставщиком очищенной нефти и нефтепродуктов (и занимала четвертое место по поставкам сырой нефти). Кроме того, нефтяные месторождения Венесуэлы гораздо ближе к США, чем ближневосточные. Более того, от принадлежащей Венесуэле компании Citgo самым непосредственным образом зависит благополучие многих американских рабочих и владельцев автотранспорта, не говоря уже о множестве корпораций, связанных с нею торговыми отношениями.

Не следовало забывать и о том, что Венесуэла долгое время была союзником США в преодолении нефтяного эмбарго ОПЕК в 1970-х годах. Кроме того, у администрации Буша на тот момент не хватало сил для подготовки военного вторжения в эту страну. У Буша были и более неотложные заботы — война в Ираке и военные действия в Афганистане, набирал обороты очередной израильско-палестинский конфликт, пошатнулось положение королевской семьи Саудов, возникли политические проблемы в Кувейте, активно наращивал военную мощь Иран.

А в Латинской Америке между тем тоже происходили события, мало радовавшие Вашингтон. Триумфальная победа Луиса Инасиу Лула да Силва, в 2002 году избранного на пост президента Бразилии внушительным числом голосов, дала новый импульс национально ориентированным движениям в странах континента.

Луис Инасиу Лула да Силва (или просто Лула), который в 1980 году основал прогрессивную Партию трудящихся, снискал известность как политик, последовательно выступающий за социальные реформы, который намерен направить природные ресурсы своей страны на пользу бедным и требует пересмотра размера задолженности Бразилии МВФ, объявив ее незаконной. Набрав более 60% голосов избирателей, Лула встал в один ряд с Чавесом, пополнив ряды новой волны «живых легенд» — чрезвычайно популярных национальных лидеров Латинской Америки.

Весть о том, что к власти пришел один из тех, кто поддерживает бесправных и обездоленных, быстро достигла самых отдаленных уголков Бразилии — от высокогорных деревушек в Андах до затерянных поселений индейцев в амазонских лесах. Народы Латинской Америки воспряли духом. Впервые в современной истории они увидели реальную возможность выскользнуть из цепких когтей США, положить конец их безраздельному господству.

Однако особенно сильное впечатление победы Чавеса и Лулы произвели на две страны континента. В обеих коренные жители составляют наибольшую долю населения, и обеим принадлежат огромные нефтяные и газовые богатства, столь желанные для корпоратократии. Это как раз те две страны, с которыми меня связывают самые тесные узы личных симпатий и дружбы, — Эквадор и Боливия.

Эквадор: страна, которую предал президент

В книге «Исповедь экономического убийцы» я уже рассказывал о своем общении с Хайме Рольдосом Агилера, университетским профессором и адвокатом, который в 1979 году стал первым демократически избранным президентом Эквадора после длинной череды диктаторов — ставленников корпоратократии. Встав у руля государства, Рольдос немедленно начал претворять в жизнь свои предвыборные обещания обуздать нефтяные компании и использовать природные богатства страны в интересах бедных слоев населения.

Испытывая симпатии к Рольдосу, я тогда стал бояться, что, если он не будет подчиняться указке экономических убийц, на него нагрянут «шакалов». Мои страхи, к сожалению, материализовались — 24 мая 1981 года Хайме Рольдос погиб в авиакатастрофе. На следующий день латиноамериканские газеты поместили сообщение об этом на первых полосах. Набранные огромными буквами заголовки гласили: «Президент убит ЦРУ!»

Сейчас, спустя десятилетие, ситуация в стране изменилась, но политика осталась прежней. После запоминающегося путешествия с Эхудом к шуарам, а затем создания общественных организаций Dream Change и Pachamama Alliance я стал все отчетливее понимать, что на протяжении 1990-х годов в Эквадоре зрели какие-то сложные глубинные процессы, пока еще не проявившиеся на поверхности.

«Шакалы» сделали свое дело — физически устранили Рольдоса, но решать насущные проблемы этой страны Соединенные Штаты почему-то не спешили. Однако когда Эквадор стал вторым по величине поставщиком нефти в США из этого региона, его социально-экономические проблемы приобрели небывалую остроту. Поляризация населения усиливалась, разрыв между богатыми и бедными превратился в пропасть.

Уникальную природу безжалостно разрушали, системы здравоохранения, образования и прочие социальные услуги пребывали в упадке. Сильнее всего страдало коренное население. Правительство и нефтяные компании сгоняли местные племена с их исконных земель. Те же, кто отказывался подчиниться давлению, с болью наблюдали, как вырубают деревья, расчищая место для нефтяных вышек, как реки превращаются в ядовитые сточные канавы.

Давление на местные племена принимало самые разнообразные формы. Одна из них во всей полноте открылась мне в очередной поезд на Амазонку. Молодой шуар по имени Тундуам рассказал, что собирается покинуть племенную общину. «У меня способности к языкам — так говорят специалисты нефтяной компании, — объяснил он. — Они хотят отправить меня в их школу изучать английский, а за это посулили взять потом на работу. Но я что-то беспокоюсь. Тсентсак сделал, как они говорили. Вот только теперь его имя не Тсентсак, а Джоэл. Они велят ему писать статьи в газеты против таких организаций, как ваши Dream Change, Pachamama и другие, которые помогают нам бороться с нефтяными компаниями. А еще ему велят говорить, что наш народ избрал его представителем всех шуаров, и теперь он должен подписывать разные бумаги, по которым наши земли отходят нефтяным компаниям. Они грозят посадить его в тюрьму, если он откажется».

«И что он сделал?» — спросил я.

«А что он мог сделать? Он пишет все эти статьи и подписывает какие-то документы».

«Неужели ты хочешь, чтобы и с тобой случилось такое?» — спросил я у Тундуама.

В ответ он только пожал плечами. «Мне хочется выучить английский и зарабатывать кучу денег. Все это, — он развел руками, делая жест в сторону леса, — и так погибает. Люди из миссии твердят нам, что надо быть более современными и что мы не можем больше жить жизнью охотников».

Подобные истории только укрепляли мое желание помочь шуарам и их соседям по джунглям — племенам гуаорани, ачуар, куичуа, шивуар и сапаро. Дилемма, перед которой жизнь поставила этих людей, становившихся мне все ближе, подогрела мой интерес к предвыборной президентской кампании 2002 года. Впервые после Рольдоса на пост президента Эквадора претендовал человек, которому, каза-

лось, действительно близки проблемы коренного населения. В то же время он намеревался всерьез противостоять нефтяным гигантам.

Я чуть было не встретился с ним вскоре после этого в затерянном в джунглях городке Шелл, названном по имени нефтяной компании. Мы с группой сотрудников Dream Change ожидали самолета, чтобы вылететь к шуарам, когда стало известно, что в Шелл направляется кандидат в президенты Лусио Гутьеррес.

Это была весьма незаурядная личность, судя по тому, что ему удалось объединить в одной коалиции эквадорских военных и наиболее влиятельные организации, представлявшие интересы коренного населения. Первые поддерживали Гутьерреса, поскольку он в прошлом был их коллегой, отставным полковником. Уважение среди вторых он заслужил тем, что в 2000 году, еще будучи на военной службе, отказался дать своим солдатам приказ разогнать массовую демонстрацию индейцев, которые окружили президентский дворец с требованием отставки тогдашнего главы государства Хамиля Мауада. Вместо этого полковник приказал развернуть полевые кухни, чтобы накормить демонстрантов, а после не препятствовал им взять штурмом здание конгресса.

Отказавшись подчиняться приказу, Гутьеррес тем самым способствовал свержению президента, который успел заслужить ненависть бедных слоев населения Эквадора за открытую поддержку политики МВФ и Всемирного банка, включая крайне непопулярную долларизацию эквадорской национальной валюты сукре. Этот шаг имел самые ужасные последствия для эквадорцев, за исключением горстки самых состоятельных, которые уже позаботились перевести свои деньги на счета иностранных банков, вложили в ценные бумаги и недвижимость за границей*.

---

* Мало того что долларизация уязвляла национальную гордость эквадорцев, она еще и в одночасье сказочно обогатила тех, у кого были долларовые счета, зато скудные сбережения основной массы населения фактически обесценились. Когда Мауад в 1998 году занял президентский пост, на один доллар можно было купить за 6500 сукре; в 2000 году для этого требовалось уже 25 000 сукре. Это означало, что житель Эквадора, который два года назад располагал суммой в сукре, эквивалентной одному доллару, то по нынешним меркам она была равна всего лишь 26 центам. Зато состоятельные граждане с долларовыми счетами в иностранных банках приумножили свое состояние, став богаче относительно уровня местного населения на 400%. Этот процесс продолжался все то время, пока национальную валюту заменяли долларом.

Шелл намеренно был выбран местом встречи кандидата в президенты с избирателями, для которых джунгли были родным домом. Городок вырос на расчищенной от леса территории несколькими десятилетиями ранее, когда здесь начиналось промышленное освоение нефтяных месторождений. Местные племена яростно защищали свои земли от вторжения чужаков, бывали и случаи насилия.

Власти пытались навести порядок, направив сюда — естественно, при поддержке Пентагона — тысячи военных. Тогда же прямо в центре Шелла было начато строительство крупной военной базы. Позже она еще больше разрослась, и теперь отдельные ее постройки выдаются далеко в глубь джунглей. Аккуратные мощеные дорожки на улицах Шелла достаточно большая редкость для этой части мира. Как и современнейшая наисложнейшая аппаратура для прослушивания, которой буквально напичкана военная база.

Поговаривали даже, что американские и эквадорские специалисты по связи, сидя в служебном помещении базы в двух шагах от центральной улицы Шелла, способны прослушивать, что говорится на советах старейшин в каждой индейской деревушке в верховьях Амазонки.

Более того, ходили упорные слухи, что финансируемые нефтяными компаниями благотворительные фонды отваливают миссионерским группам миллионы долларов, чтобы те размещали прослушивающие «жучки» в корзинах с продовольствием и медикаментами, которые эти фонды щедро раздают местным племенам в качестве гуманитарной помощи. Недаром всякий раз, когда совет племени решает послать своих воинов атаковать нефтяную вышку, армейские подразделения, переброшенные на вертолетах из Шелла, оказываются там раньше их.

В тот день, о котором я веду рассказ, в городе царило небывалое оживление, пыльные улицы запружены толпами. Как же, ведь сюда ожидали прибытия Гутьерреса, и каждый надеялся, что ему удастся пожать руку кандидату в президенты. Шуарские шаманы в традиционных головных уборах из разноцветных перьев тукана соседствовали в толпе с американскими «зелеными беретами», бурильщики с нефтяных скважин стояли бок о бок с эквадорскими командос. Атмосфера была праздничная, казалось, прошлые распри позабыты, бывшие противники объявили перемирие, чтобы всем миром поддержать свою страну, подорванную годами коррупции, инфляции и угнетения.

Все это происходило спустя лишь несколько месяцев после трагических событий 11 сентября 2001 года, что вместе с провалом попыток Буша дискредитировать и свергнуть венесуэльского президента Чавеса не могло не наложить отпечаток на президентскую кампанию в Эквадоре. Серия карикатур, помещенных в одной из здешних газет, как нельзя ярче отражала местные настроения.

В карикатурах обыгрывался сюжет старого вестерна «Додж-Сити» — два ковбоя при помощи револьверов сводят счеты. Первая картинка изображала Чавеса в ковбойской шляпе и с болтающейся на бедре кобурой, патрулирующего улицу этого городка, куда приезжали любители пострелять. На второй Джордж Буш с револьвером на изготовку выступает ему навстречу. На следующей картинке противники стоят лицом к лицу. Чавес изображен со спины, зато хорошо видно обращенное к нему лицо Буша с выражением твердой решимости покончить со своим врагом. На последней — Чавес перегнулся пополам от смеха, а Буш что есть силы улепetyвает прочь, вздымая тучи пыли. Его ковбойская шляпа валяется на улице. Тут же, неподалеку, и Гутьеррес: облокотясь о стенку салуна, он наблюдает эту сценку и аплодирует.

Кстати, в тот день мы так и не увидели Гутьерреса — самолет за нами прилетел раньше, чем он прибыл. Однако это короткое посещение городка, который готовится к встрече с кандидатом в президенты, помог мне лучше понять, как важны были эти выборы для коренных жителей Эквадора. Подобно своим собратьям из Боливии, Бразилии и Венесуэлы, народ этой страны веками изнемогал под бременем иностранной эксплуатации и теперь был полон решимости покончить с этой несправедливостью.

На выборах, состоявшихся в ноябре 2002 года, Гутьеррес был избран на пост президента. Коренные народы, которые считали его своим кандидатом, были немало удивлены той легкостью, с какой Гутьерресу далась победа, — не смея рассчитывать на удачу, они, видимо, готовили себя к более тяжелым временам. Вот как комментировала итоги выборов ВВС:

Победа Лусио Гутьерреса, в свое время возглавившего антиправительственный мятеж... последовала вскоре после того, как в Бразилии на выборах победил лидер Партии трудящихся Лула, и весьма напоминает выборы Уго Чавеса в Венесуэле.

Каждый из этих политиков победил на демократических выборах под лозунгами перемен, новых подходов к развитию экономики и преодолению коррупции...

В первом туре голосования, проходившем в прошлом месяце, г-н Гутьеррес вызвал всеобщее удивление, сразу заняв лидирующие позиции благодаря массовой поддержке избирателями обещанных им перемен...

Однако в стране, отягощенной огромным внешним долгом, где уровень бедности достигает 60%, а политическая система нестабильна и непредсказуема, шансов у него, похоже, не так уж много*.

В первый же месяц после выборов эта оценка получила новые подтверждения, когда новоиспеченный президент направился в Вашингтон на встречу с Джорджем Бушем. Затем Гутьеррес пригласил в Кито представителей Всемирного банка и приступил к переговорам с нефтяными компаниями. Их начало совпало по времени с эскалацией конфликта между нефтяными компаниями и организациями, представляющими интересы коренных племен.

В декабре 2002 года аргентинская нефтяная компания CGC обвинила одну из местных общин в захвате группы ее рабочих в заложники. При этом делались прозрачные намеки, что индейских воинов общины обучали инструкторы «Аль-Каиды». Но тут выяснился поразительный факт: оказывается, компания не получила официального разрешения на буровые работы, хотя и настаивала на своем праве действовать на землях местных племен. Со своей стороны, старейшины общины утверждали, что их воины так долго держали нефтяников под охраной, чтобы оградить их от гнева индейцев и обеспечить им безопасный выход из джунглей**.

В начале 2003 года я снова отправился в Эквадор. Как я выяснил уже в Кито, многие жители страны недовольны новым президентом, потому что уверены, что он вступил в тайный сговор с нефтяными компаниями и уже принял предложение Всемирного банка и МВФ реализовать пакет мер по структурной перестройке (SAP).

---

* “Lucio Gutierrez: Ecuador’s Populist Leader”, BBC News World edition, Nov. 25, 2002; <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/2511113.stm>.

** “Indigenas Achar liberan a ocho petroleros”. Reuters, December 16, 2002.

Получалось, что Гутьеррес проводит ту же самую экономическую политику, что и его столь непопулярные предшественники. По городу были развешены плакаты, на которых Гутьеррес и президент Буш обменивались рукопожатием. Лидеры коренных племен, разъяренные намеками на их причастность к исламской террористической организации, предупредили, что, если Гутьеррес вынудит их силой защищать свои земли от наймитов нефтяных компаний, этот слух станет реальностью.

Как заметил в разговоре со мной один эквадорец, «в прошлые времена у нас был хоть какой-то выбор. Если кому-то угрожали американцы, всегда можно было обратиться к русским: те помогли бы с оружием и военной подготовкой. А сейчас такой возможности больше нет, остаются одни арабы».

В течение всего 2004 года ситуация продолжала ухудшаться. По стране ползли упорные слухи о спекуляциях нефтяных компаний и коррупции в правительстве, которое затем объявило о новых драконовских мерах бюджетной экономии вроде шоковой терапии, которую ввела Боливия под нажимом Всемирного банка.

Как отмечала в те дни *Associated Press*, «левоцентристские сторонники отвернулись от Гутьерреса вскоре после того, как он, желая угодить международным кредитным организациям, ввел режим жесткой экономии, в том числе резко сократил субсидии на питание и бытовое топливо»*.

Когда же Верховный суд Эквадора пригрозил Гутьерресу вмешаться в его непопулярную политику, президент отдал приказ о реорганизации, а фактически о роспуске суда. Толпы разгневанных эквадорцев заполнили улицы, требуя отставки президента. «Гутьеррес должен уйти в отставку, — сказал мне один из лидеров эквадорских индейцев, Хоакин Йамберла. — Его избрали демократическим путем, а он нарушил данные народу обещания. Демократия требует, чтобы мы выгнали его».

На Всемирном социальном форуме, который проходил в Бразилии в январе 2005 года, была представлена моя книга «Исповедь экономического убийцы», и многие участники, как я обнаружил,

---

* Associated Press, “Lawmakers Remove Equador’s President”, April 20, 2005, www.foxnews.com/story/0,2933,154069,00.html.

читали ее. Меня то и дело спрашивали, известно ли мне, кто из экономических убийц завлек Гутьерреса на путь коррупции.

Люди нисколько не сомневались, что президент Эквадора поддался угрозам и подкупу. И хотя я, конечно, не мог называть никаких имен, у меня были сильные подозрения, что в этом есть большая доля правды. Дальше я расскажу о встречах с одним из «шакалов», который утверждал, что он и был тем самым человеком.

А боливийцев между тем терзали совсем иные заботы.

Боливия: Bechtel и водные бунты

Подобно Эквадору и Венесуэле, Боливия вступала в XXI век в обстановке массовых протестов против иностранных корпораций, расширяющих ее природные богатства. Из-за демонстраций, бойкотов и забастовок замерла деловая жизнь в Ла-Пасе и многих других городах страны. И хотя сопротивление возглавляли лидеры племен аймара и кечуа, индейцы были не одиноки в своих протестах: их поддерживали профсоюзы и гражданские организации.

Однако в отличие от Эквадора и Венесуэлы корни общественного недовольства в Боливии крылись не в нефти, а в воде, пресной воде. В 1990-х годах стало очевидно, что в недалеком будущем именно она станет одним из самых ценных ресурсов планеты. Корпоратократия быстро поняла, что, взяв под контроль запасы пресной воды, она сможет диктовать свою волю, манипулируя экономиками и правительствами.

Как и раньше, массовое недовольство боливийцев было спровоцировано действиями Всемирного банка и МВФ. В 1999 году эти две организации убеждали боливийское правительство продать систему общественного водоснабжения третьего по величине города страны, Кочабамба, дочерней компании инженерно-строительного гиганта Bechtel.

По настоянию того же Всемирного банка правительство Боливии пошло на весьма радикальный шаг, решив заставить всех без исключения пользователей, независимо от размера их доходов, платить за услуги водоснабжения. Это противоречило сложившимся местным традициям, согласно которым все люди, независимо от своего материального статуса, имеют законное право пользоваться водой.

Узнав, что Боливия, как простак, «купилась» на эту очередную каверзу экономических убийц, я испытал приступ стыда, потому что это был тот самый принцип Every-Person-Pay (EPP) — «каждый

пользователь платит», к разработке которого я приложил руку еще в середине 1970-х годов. Правда, в то время речь шла о его применении только к тарифам на электроснабжение, и тогда эта идея воспринималась как новшество. Она противоречила большинству известных тарифных планов на коммунальные услуги, рекомендованных для поддержки населения бедствующих районов, в том числе введенных Администрацией электрификации сельских районов (REA) США.

Планы основывались на принципе доступности электричества и коммунальных услуг для всего населения — считалось, что это способствует общему экономическому росту, даже если такие услуги пришлось бы субсидировать. Данный принцип доказал свою высокую эффективность во многих странах, применивших его по примеру REA. Невзирая на очевидный успех подобных тарифных планов, Всемирный банк решил испробовать нечто совсем иное.

Как главный экономист одной из фирм, призванных проводить политику Всемирного банка в 1970-х годах, я был вынужден разрабатывать эконометрические модели, подтверждающие экономическую состоятельность принципа ЕРР. Методы эконометрики позволяют обосновать практически все что угодно, тем более что в моем распоряжении был целый штат способных экономистов, математиков и финансовых экспертов. Таким образом, с технической стороной проблем не возникало.

Однако было два момента, которые меня смущали. Первый — то, что эта задача явно противоречила нравственным принципам. Вторым моментом был чисто прагматический — ведь старый метод уже много раз доказал свою состоятельность. Так для чего, размышлял я, химичить, обосновывая эффективность принципа ЕРР, если он еще не апробирован, зачем создавать почву для роста нищеты и социального недовольства?

Ответ, увы, был очевиден: прибрав к рукам систему коммунального обеспечения какой-нибудь страны, корпоратократия получает возможность контролировать ведущие отрасли ее экономики; кроме того, принцип ЕРР позволит превратить субсидируемые государством неэффективные компании в прибыльных дойных коров, готовых к приватизации (в чем я сумел убедиться впоследствии, когда меня пытались нанять в СОВЕЕ).

Принцип ЕРР, как я теперь четко видел, был порожден тем же менталитетом, что и займы на инфраструктурные проекты, выгодные только иностранным строительным компаниям да местной олигархии. Основной массе населения от них не доставалось ровным счетом ничего. Во время поездки в Аргентину мне открылась еще и третья причина.

«Эти страны — гарантия нашей безопасности в будущем», — проговорил генерал Чарльз Нобл, когда служебный автомобиль вез нас по улицам Буэнос-Айреса. Это было в 1977 году. В то время Чарльз Нобл, или Чак, был вице-президентом MAIN (пройдет время, и он станет ее президентом). Выпускник Уэст-Пойнта, получивший магистерскую степень в Массачусетском технологическом институте (MIT), Чак сделал внушительную военную карьеру, входя в состав командования инженерной службы армии США во время войны во Вьетнаме, а после отставки занимал пост президента Управления гидротехнических работ в районе реки Миссисипи (Mississippi River Commission).

Теперь MAIN возложила на него руководство исследованием водных ресурсов Аргентины. Они касались в первую очередь крупного гидроэнергетического комплекса Сальта-Гранде, который Аргентина строила совместно с Уругваем. Проектная мощность ГЭС составляла почти 2 тыс. МВт, плотина должна была образовать огромное водохранилище. При этом под затопление попадал город с населением 22 тысячи человек.

«Мы проиграли во Вьетнаме, потому что не понимали тогда, как у коммунистов работают мозги. Здесь, в Латинской Америке, мы должны действовать получше», — возобновил беседу Чак. Подарив мне из своего арсенала лучшую улыбку, неожиданно мягкую для человека, прославившегося стальным характером, он продолжал: «Никогда не позволяй всем этим социалистам убедить себя, что, раздавая дармовые обеды, можно добиться чего-нибудь, кроме презрения. Люди должны платить за все, что им дают. Неважно, что это — электричество или вода. Только так они будут ценить то, что получают. Такова природа человека. Для нее естественны законы капитализма, а не коммунизма. Посмотри-ка сюда, — он указал на пруд в парке, мимо которого мы проезжали. — Вода скоро приобретет такую же ценность, как золото и нефть, вместе взятые. Ты доживешь до тех времен, когда вода превратится в самый ценный

товар на этой планете. Мы должны стремиться завладеть как можно большими ее запасами. Это даст нам рычаг воздействия, власть».

Спустя два десятилетия, узнав, что некоей компании предоставлено эксклюзивное право на покупку SEMAPA — системы водоснабжения боливийского города Кочабамба, я вспомнил слова Чака Нобла. Речь шла о 40-летней концессии с правом приватизации для транснациональной компании Aguas del Tunari, частного консорциума, во главе которого стояла дочерняя компания той самой недоброй славы Bechtel Corporation. Да, подумалось мне, весть о том, что американская компания заполучила ни много ни мало, а «разрешение наживаться ради своей выгоды» на системе водоснабжения, наверняка порадовала бы генерала Нобла.

Однако в Латинской Америке к этому отнеслись иначе. Базирующаяся в Сан-Франциско Bechtel слыла компанией, которая умеет завоевывать симпатии и поддержку в самых верхах. Она может похвастаться самыми «жирными» заказами от Всемирного банка и правительства США. Числясь частной корпорацией, Bechtel избавлена от внимания недреманного ока Комиссии по ценным бумагам и биржам и не обязана раскрывать ей коммерческую информацию, равно как и любым общественным организациям-наблюдателям. В этом Bechtel тверда как камень — она умеет оберегать свои секреты.

Работая в качестве экономического убийцы в Индонезии, Египте и Колумбии, я часто, хотя и по разным поводам, слышал от правительственных чиновников, что, «если Bechtel заинтересовалась каким-нибудь проектом, нет смысла дергаться, все равно он достанется ей». Вскоре после поездки в Аргентину с Чаком Ноблом дела привели меня в Эквадор.

Как-то вечером я обедал с одним старинным другом-эквадорцем, с которым был знаком еще по работе в Корпусе мира. Теперь он занимал должность государственного уполномоченного по контрактам. Мы сидели в самом дорогом ресторане Кито, куда он позволил себя пригласить, и, видимо, желая отблагодарить за угощение, друг выдал информацию, цена которой, как он считал, в тысячи раз превышала счет за обед.

В ближайшие несколько месяцев, предупредил он, не стоит особо морочиться подготовкой предложений по некому (он сказал, какому именно) проекту — было заранее известно, что его отдадут Bechtel. «Все набьют карманы — и я, и мэр, и президент, и ребята из Сан-

Франциско, — он состроил гримасу, — кроме тебя и других простаков, вообразивших, будто это честный тендер».

Bechtel могла похвалиться многими громкими именами в зарплатной ведомости. В свое время ее сотрудниками были такие знаменитые личности, как Джордж Шульц (президент и член правления Bechtel, министр финансов в администрации Никсона и госсекретарь при Рейгане), Каспар Уайнбергер (вице-президент Bechtel, министр обороны при Рейгане), Дэниел Чао (исполнительный вице-президент и управляющий директор Bechtel Enterprises Holdings, Inc., и член консультативного совета Экспортно-импортного банка США), Райли Бектел (глава Bechtel и член Совета по экспорту при президенте США в администрации Джорджа Буша-младшего).

Отец моей жены, между прочим, тоже имел к Bechtel самое непосредственное отношение, занимая в компании пост главного архитектора. Позже, когда он уже находился в отставке, Bechtel снова призвала его под свои знамена — руководить гигантским проектом строительства городов в Саудовской Аравии. Моя жена тоже начала карьеру именно в этой компании. Так что знал я Bechtel как свои пять пальцев, причем мне были известны разные аспекты ее деятельности.

Вскоре после того, как Bechtel заполучила права на SEMAPA, тарифы на воду немедленно взлетели. Некоторые жители Кочабамбы обнаружили, что их счета за воду увеличились более чем на 300%. А если учесть, что район Кочабамба относится к беднейшим на континенте, это была настоящая катастрофа.

«Теперь им приходится выбирать, то ли еду покупать, то ли воду, — рассказывал мне знакомый эквадорец, один из активистов кечуа, вернувшийся накануне из Кочабамбы. — Гринго жаждут больше прибылей, а боливийцы умирают от жажды. Им говорят, что они не имеют права даже на то, чтобы собирать дождевую воду, потому что по договору с SEMAPA они должны платить Bechtel за всю потребляемую воду».

Доведенные до отчаяния жители Кочабамбы подняли бунт. Из-за массовых бойкотов четыре дня в январе 2000 года город был практически закрыт. Взбунтовавшаяся толпа угрожала разгромить конторы SEMAPA. Bechtel обратилась к властям за помощью. Президент Боливии Уго Бансер вынужден был уступить ее нажиму и направил в город войска для подавления мятежа. Начались массовые

избиения, десятки аймара и кечуа получили ранения, а один семнадцатилетний юноша был застрелен солдатами.

Опасаясь, что бунт охватит всю страну, президент Бансер в конце концов ввел военное положение. Когда и это не помогло сбить волну протестов, президент заявил о намерении аннулировать контракт с Bechtel. Поговаривали, что перед этим он несколько раз встречался с представителями американского посольства. В апреле 2000 года компания Bechtel вынуждена была сдаться — она прекратила свою деятельность в SEMAPA, и система водоснабжения вновь стала собственностью города.

Жители Кочабамбы ликовали. Веселье охватило весь город. Радостные люди на улицах угощали друг друга стаканами воды, провозглашали здравицы в честь новых героев аймара и кечуа, слагали стихи и песни, прославляющие яркую победу, с которой они вошли в эру нового тысячелетия. Однако вскоре, когда первые восторги спали, жители Кочабамбы оказались перед довольно сложной проблемой: оказалось, что управлять общественной системой водоснабжения некому. Многие из бывших управленцев ушли на покой, кто-то сменил место жительства или работу.

Городская община избрала новый состав правления и утвердила руководящие принципы работы SEMAPA, в частности — действовать в духе социальной справедливости. Главные задачи компании теперь состояли в том, чтобы обеспечивать водой бедных, в том числе и тех, у кого раньше в жилищах не было водопровода, платить адекватное вознаграждение работникам, действовать рационально и не допускать взяточничества*.

А правительству Боливии тем временем пришлось на себе испытать методы корпоратократии. Bechtel не собиралась без боя отказываться от такой дойной коровы да еще создавать прецедент — тогда и другим странам захочется последовать примеру Боливии и выступить против ее господства. В классических традициях корпоратократии, лишней раз доказывающих, что ради своих целей она готова манипулировать международным законодательством, Bechtel прибегла к помощи одного из своих голландских холдингов.

---

* “Bechtel Abandons Water Suit Against Bolivia”, Earth Justice, www.earthjustice.org/urgent/print.html?ID=107. Maude Barlow, Tony Clarke, *Blue Gold: The Fight to Stop the Corporate Theft of the World's Water* (New York: New Press, 2003) pp. 91, 107, 124–125, 138, 152, 154–155, 177, 186.

Подоплека была очень проста: между Нидерландами и Боливией с 1992 года действовало Двустороннее инвестиционное соглашение, тогда как между США и Боливией такого договора не существовало. Опираясь на это соглашение, голландская дочерняя компания подала иск против боливийского народа на 50 миллионов долларов. Половину этой суммы истец требовал за потери, понесенные в связи с «экспропрированными инвестициями», а остальное должно было служить возмещением ущерба.

Американские СМИ по большей части обходили молчанием эту небывалую историю корпоративного интриганства, жадности и бездушия. Зато в Латинской Америке она получала самую широкую огласку. Следя за разворачивающимися событиями на сайтах латиноамериканских СМИ, я часто думал о компании СОВЕЕ. Мне припомнилось, что ключевые посты в этой крупнейшей электроэнергетической компании Боливии, которая снабжала президентский дворец и командование вооруженных сил, занимали иностранные специалисты. Большинство топ-менеджеров и инженеров были гражданами Соединенных Штатов, Великобритании, Аргентины, Чили, Перу, Парагвая. Теперь я понимал, что привлечение иностранцев к руководству компании было тщательно просчитанной стратегией с дальним прицелом, своего рода гарантией, что этот ведущий поставщик коммунальных услуг никогда не будет национализирован.

Я обнаружил и тот факт, что СОВЕЕ больше не принадлежала моему несостоявшемуся работодателю, компании Leucadia. В начале 1990-х годов СОВЕЕ несколько раз переходила из рук в руки, причем это всегда были иностранные корпорации.

Все они, как и Leucadia, занимались прибыльным бизнесом — покупкой и продажей компаний. И если СОВЕЕ, несомненно, представлялась для них лакомым куском, то перспектива в одночасье заработать на ее продаже большой куш выглядела еще привлекательнее, особенно учитывая тот факт, что это дезориентировало местное население, лишая его возможности организованного противодействия корпоративному производству.

Все эти бурные события вынесли на поверхность боливийской политики нового лидера. Будто повторяя венесуэльскую модель, которая в Латинской Америке, похоже, превращалась в закономерность, Боливия избрала своим новым президентом Эво Моралеса, выходца из бедной крестьянской семьи, представителя коренного индейского населения, аймара.

Он примкнул к «Движению к социализму», возвышая свой голос против приватизации и того, что сторонники корпоратократии гордо называли экономическим «либерализмом» или «свободно-рыночными» реформами, которые на деле служат только интересам иностранных корпораций, никак не способствуя защите местных предпринимателей и крестьянства, зато одобряя протекционистские барьеры США в отношении боливийского экспорта. Моралес резко выступал против инициативы США создать Зону свободной торговли Америк (в английской аббревиатуре — ФТАА), называя это «узаконенной колонизацией обеих Америк». Растущая популярность политика-аймара открыла для него двери боливийского парламента, однако корпоратократия немедленно окрестила его террористом, а госдепартамент отзывался о Моралесе не иначе как об «агитаторе за незаконную коку»*.

В 2002 году по обвинению в терроризме Моралеса лишили парламентского мандата — речь шла о бунтах кокалерос против уничтожения посевов коки, в ходе которых были убиты четверо крестьян, а также трое солдат и полицейский. Разгневанные кечуа и аймара объявили, что изгнание Моралеса из парламента инспирировано ЦРУ, и уже через несколько месяцев отзыв его мандата был объявлен неконституционным.

Перед очередными президентскими выборами посол США в Боливии Мануэль Роча предупреждал: «Хочу напомнить боливийским избирателям, что, отдав свои голоса тем, кто хочет, чтобы Боливия вновь вошла в число основных экспортеров кокаина, они рискуют в будущем лишиться помощи США». Однако предупреждение Роча не произвело желанного эффекта, а лишь разъярило боливийцев. Моралес же заявил, что слова американского посла Роча помогли «пробудить сознание народа». Активисты возглавляемой им партии MAS развесили по всей стране плакаты с увеличенными фотографиями Моралеса, на которых сверху огромными буквами был набран обращенный к избирателям вопрос: «Боливийцы, вам решать, что важнее: слова Роча или голос боливийского народа?»**

---

* Alma Guillermoprieto, "A New Bolivia?" *New York Review of Books*, Aug. 10, 2006, p. 36, www.nybooks.com/articles/19210.

** Взято из Wikipedia, http://en.wikipedia.org/wiki/Evo_Morales (просмотрено автором 28 июня 2006 г.).

На выборах 2002 года Моралесу не хватило совсем немного голосов, и победу одержал другой кандидат, Гонсало Санчес де Лосада, миллионер, который воспитывался и получил образование в США. Моралес отказался поддерживать курс Санчеса, а партия MAS предпочла уйти в оппозицию. То, что на первый взгляд было поражением, сыграло в судьбе Моралеса ту же роль, что и провал антиправительственного мятежа для возглавлявшего его Чавеса: Моралес добавил очки к репутации защитника интересов коренного населения.

А президент Санчес между тем пошел навстречу требованиям МВФ и Всемирного банка. В 2002 году, вскоре после своего избрания, он санкционировал резкое повышение налоговых ставок. И, как это часто бывает в подобных случаях, сильнее всего от этого шага пострадали бедные слои населения. Начались массовые народные бунты, президент бросил на их подавление армейские подразделения.

В ходе кровопролитных столкновений было убито 30 человек. Заблокированные дороги и многотысячные демонстрации на улицах городов парализовали жизнь страны. Когда же стало известно, что Санчес готовится продавать боливийский природный газ за рубеж, в том числе и в США, по льготным ценам, вместо того чтобы предоставлять его нуждающимся в своей собственной стране, народный гнев достиг предела, волнения усилились, а попытки усмирить бунтующих унесли еще 20 человеческих жизней. Это в конце концов вынудило Санчеса подать в отставку и бежать в Соединенные Штаты. Сейчас он живет в пригороде Вашингтона. Боливия требовала выдать бывшего президента, чтобы предать его суду, но американские власти отказались это сделать.

Боливийцы бросили решительный вызов Всемирному банку и сумели изгнать Bechtel, одну из самых могущественных организаций в мире. Их новый лидер, представитель коренного населения, потомок тех, кого веками подвергали жестокому порабощению, подобно фениксу восстал из пепла поруганной культуры своих предков. И мне кажется, что это только начало новой Боливии. Эво Моралес, несомненно, пополнит ряды самых влиятельных латиноамериканских лидеров начала XXI века.

Мне же представляется, что уроки всех этих событий обращены не только к боливийцам и латиноамериканцам. Здесь есть о чем подумать и Bechtel, и прочей корпоратокративной братии. Это мощное послание

о демократии и справедливости, и оно будет вдохновлять молодое поколение в Боливии, Соединенных Штатах и во всем мире.

Я часто ловлю себя на том, что вспоминаю слова Джессики, когда она ребенком была с нами на гидроэнергокомплексе на реке Зонго. Тогда она сказала: «Здорово, что они не стали строить огромную плотину, а то вся эта чудесная долина оказалась бы под водой».

Бразилия: скелеты в шкафу

В январе 2005 года, когда я прибыл на проходящий в Бразилии Всемирный социальный форум (ВСФ), весь латиноамериканский континент был охвачен поистине революционным движением против корпоратократии. Когорту национальных выступающих против ее господства латиноамериканских лидеров, куда входили Чавес, Лула и Гутьеррес, дополнили Нестор Кирхнер, избранный президентом Аргентины, и Табаре Рамон Васкес, победивший на выборах в Уругвае.

Все они пришли к власти на волне популистских кампаний, открыто заявляя о решимости положить конец вмешательству США и засилью иностранных корпораций. Их избрание стало посланием ко всему миру, которое недвусмысленно показывало, что в Латинской Америке наступают новые времена. Североамериканская пресса могла сколько угодно обзывать новых лидеров «леваками», «друзьями Кастро» и даже «коммунистами», но в Африке, Азии и Европе, равно как и в Центральной и Южной Америке; — везде прекрасно понимали, что это не соответствует действительности. Каждый из новых лидеров был предан делу защиты национальных интересов и желал, чтобы ресурсы его страны помогали его народу выбраться из нищеты и бедности.

В Чили тоже творилось что-то необычное. Преданные гласности сведения и рассекреченные правительственные документы США подтверждали давно циркулирующие слухи и подозрения, что свержение в 1973 году демократически избранного президента Чили Сальвадора Альенде не обошлось без участия администрации Никсона и ЦРУ.

Как выяснилось, они осуществляли координацию действий американских компаний и чилийских военных по подготовке путча. А между тем все «преступление» Альенде заключалось лишь в том,

что он, как и обещал, начал передавать природные богатства страны ее народу. После выборов он объявил о национализации принадлежавших иностранному капиталу медной, угольной и сталелитейной промышленности и 60 частных банков. США отреагировали в том же духе, что и в Иране, Ираке, Гватемале, Индонезии и многих других странах, — заменили неугодного Альенде человеком, который вполне оправдывал прозвище кровавого деспота, — генералом Аугусто Пиночетом. Теперь, спустя 20 лет, новости, поступающие из США и Чили, всколыхнули Всемирный социальный форум.

Как сообщалось, в ходе расследования, проводившегося конгрессом США и чилийским правосудием, было установлено, что на тайных банковских счетах генерала Пиночета в вашингтонском Riggs Bank и ряде других зарубежных банков хранилось не менее 16 млн долл. Говорилось и о том, что Пиночет будет предан суду за уничтожение по крайней мере двух тысяч граждан Чили, замученных в застенках хунты.

Ходили также слухи, что на президентских выборах 2005 года в Чили может одержать победу дочь противника Пиночета, генерала военно-воздушных сил Чили, погибшего в тюрьме от пыток. Мишель Бачелет, так звали эту женщину, уже зарекомендовала себя компетентным специалистом на постах министра здравоохранения и министра обороны и доказала готовность вопреки корпоратократии отстаивать национальные интересы своей родины.

Ее победа на выборах означала бы, что более 80% населения Южной Америки отдали голоса за лидеров, настроенных против корпоратократии, иными словами, что 300 млн чел. (что примерно равно населению США) поддерживают тех, кто бросает вызов имперскому господству своего северного соседа.

Всемирный социальный форум символизирует перемены, распространяющиеся по планете. Он был создан в начале нового тысячелетия как ответ Всемирному экономическому форуму, где правительства и представители большого бизнеса сговариваются о сотрудничестве, заключают сделки, вырабатывают торговую политику и координируют прочие стратегии корпоратократии.

На заседание ВСФ в бразильский город Порту-Алегри в январе 2005 года собралось 150 тысяч участников из более чем 130 стран мира, чтобы обсудить насущные экономические, социальные, политические и экологические проблемы и определить альтернативы

существующим системам, которые явно дают сбой. Среди влиятельных политиков, принявших участие в работе форума, были президент Венесуэлы Уго Чавес и президент Бразилии Лула.

По просьбе шведской общественной организации Dag Hammarskjöld Foundation я должен был обратиться к участникам форума с программной речью на тему «Исповедь экономического убийцы — что ждет наш мир дальше?». Специально для моего выступления разбили огромный шатер. Права на мою книгу уже были проданы во множество стран, хотя в большинстве из них она еще не выходила, но все равно ее знали — на форуме продавалась английская версия.

Об известности «Исповеди» говорил тот факт, что на мое выступление собралось множество народа. Сотни слушателей расселись на расставленных в шатре стульях, а те, кому места не досталось, толпились возле входа. После выступления десятки людей выстроились в очередь, чтобы задать мне вопросы или высказать свое мнение.

Более всего меня тронули слова молодого бразильца, который, выйдя к микрофону, обрушился с критикой на правительство своей страны. Он обвинял Лулу в капитуляции перед экономическими убийцами и в отходе от предвыборных обещаний. Его гневная речь живо напомнила мне критику эквадорцев в адрес Гутьерреса.

Мое выступление имело большой резонанс. Будто приоткрылась дверь в запретную комнату, и теперь ко мне обращалось множество людей из Африки, Азии и Латинской Америки: от имени разных организаций или своего собственного они желали поделиться со мной фактами и наблюдениями, связанными с темой моего выступления, и жаждали услышать от меня больше подробностей.

Среди прочих подошел мужчина, выделяющийся на общем фоне особенной элегантностью, и протянул мне глянцевую визитную карточку. Из нее следовало, что передо мной один из высших советников Лулы, президента Бразилии. Он попросил о конфиденциальной встрече в небольшом парке возле моего отеля. «Прошу только, чтобы это осталось сугубо между нами», — настаивал он.

В назначенное время я направился в парк, испытывая смутное беспокойство. Я гадал, о чем хочет поговорить со мной высокопоставленный государственный чиновник. Может быть, я чем-то вызвал неудовольствие бразильского президента? Вряд ли, думал я, но тогда для чего он просил о встрече, да еще окружив ее такой тайной? Все это было весьма интригующе.

У входа в парк я ненадолго задержался, чтобы слегка успокоить нервы. С улицы раздался резкий звук автомобильного клаксона, а следом на голову обрушилась пронзительная дробь и хриплые завывания — это музыка вырывалась из салона проезжавшей мимо машины. Я склонился к пышному кустарнику, но вместо тонкого аромата цветов в нос ударил резкий запах выхлопных газов только что проехавшей машины. Я невольно задумался о городе, в котором находился. Порту-Алегри — крупный промышленный центр с почти полутораmillionным населением, а дома, в Штатах, как я имел случай убедиться, о нем мало кто слышал. Преодолев смятение, я направился в глубь парка, на встречу.

«Жозе», так он мне представился, уже ждал меня на скамейке под деревом. Отглаженную рубашку и брюки с аккуратными стрелками заменили спортивная рубашка навыпуск и джинсы. Видимо, из соображений конспирации он нацепил огромные темные очки, делавшие его похожим на стрекозу, и надвинул на глаза бейсболку.

Потом вскочил мне навстречу, нервно оглядываясь по сторонам, и протянул руку. «Спасибо, что пришли», — сказал он. И продолжая стоять, на безупречном английском затараторил, что, если ему učinят допрос по поводу нашей встречи, он скажет, что хотел лишь побольше узнать обо мне и о моей книге, которая вскоре должна выйти в Бразилии. «Надеюсь, однако, что до этого не дойдет, — добавил он, снова внимательно оглядывая парк. — Хотя кто знает, что может случиться в наши дни...» Он оборвал себя на полуслове и жестом пригласил меня сесть рядом.

Он действительно начал с того, что засыпал меня вопросами о книге. Среди всех людей и событий, описанных в «Исповеди», больше всего его интересовали мои встречи с двумя иранцами, Ямином и Доком, которые в 1977 году, рискуя жизнью, раскрыли мне глаза на истинные настроения иранских мусульман, их глубокое недовольство шахом и его политикой. Они предупреждали, что скоро местные религиозные группы во главе с муллами сбросят шаха (через два года так и случилось).

Жозе явно испытал облегчение, услышав мои заверения, что настоящие имена этих людей не будут преданы гласности. Затем он перешел к истинной цели нашей встречи. Он хотел через меня довести до сведения американского общества некие факты, но требовал гарантий, что я сохраню конфиденциальность источника. Если

я пообещаю это, продолжал Жозе, он не против, чтобы я по ходу нашей беседы делал пометки.

В разговоре он упомянул, что в 1968 году, когда я только окончил колледж, ему было уже 26. Прочитав мою книгу, говорил Жозе, он решил, что я поступил правильно, пролив свет на все эти факты. «Однако вы показали лишь самую верхушку айсберга и, уверен, сами это прекрасно понимаете. И все же я чувствую себя обязанным заявить, что даже ваша книга не передает истинных масштабов того, что происходит в действительности».

Он рассказал, что на его шефа, президента Бразилии Лулу, оказывают беспрецедентное давление. «В ход идут не только взятки, угрозы государственного переворота и физического уничтожения, не только хитроумные сделки и масштабная фальсификация экономических прогнозов, не только попытки завлечь страну в долговую яму, казалось бы, щедрыми кредитами, которых мы никогда не сможем выплатить. Те, о ком вы написали в “Исповеди”, действуют гораздо масштабнее. Их влияние так глубоко, что вам и не снилось».

Далее он пояснил, что в Бразилии, как и во многих других странах, корпоратократия в сущности контролирует все политические партии. «Даже коммунисты-радикалы, которые изо всех сил критикуют США, и те на крючке у Вашингтона».

Когда я поинтересовался, откуда он может все это знать, Жозе рассмеялся в ответ: «Я очень давно варюсь в этом котле. Я всегда был в политике, еще со времен Джонсона и до Буша, вернее, обоих Бушей. Я наблюдал все это изнутри и смею заверить, ваши разведывательные службы, как и ваши экономические убийцы, действуют куда эффективнее, чем вы можете вообразить».

Жозе рассказывал, что они начинают развращать молодежь еще на студенческой скамье, пользуясь ее наивностью и уязвимостью. Он сам в молодости подвергался подобной обработке — в ход шли любые средства: соблазнительные красотки, выпивка, наркотики. «Таким образом, даже когда в какой-нибудь стране к власти приходит ярый противник США и объявляет, что не пожалеет сил на борьбу с влиянием Вашингтона, у ЦРУ уже имеются под рукой средства давления на него — то, что вы называете компроматом».

«Шантаж», — подсказал я.

Жозе хихикнул: «Можно называть это так, а можно — методом “современной дипломатии”. Но вы же понимаете, что этим занима-

ются не только США. Думаю, до вас доходили слухи, почему генерала Норьега убрали из Панамы и бросили гнить в американскую тюрьму».

«А как же, поговаривали, что он напичкал скрытыми камерами остров Контадора».

Контадора — это недоброй славы курортное местечко в составе Жемчужных островов, этакое тихое прибежище, в злачных заведениях которого американские бизнесмены вдали от посторонних глаз могли вовсю ублажать политиков, потчуеть их любимыми порочными развлечениями. В свою бытность экономическим убийцей я несколько раз бывал на этом острове, естественно, пользуясь его возможностями.

«И вы можете назвать кого-то из тех, чьи грешки запечатлели тамошние камеры?»

«Ходили слухи, что есть снимки, на которых Буш-младший употребляет кокаин и занимается извращенным сексом. И это в те времена, когда его отец занимал президентский пост».

В Латинской Америке кое-кто предполагал, что Норьега при помощи компрометирующих фотографий Буша-младшего и его дружков пытался заставить Буша-старшего принять сторону панамского руководства по ряду ключевых вопросов. Но просчитался — последовало военное вторжение в Панаму, и Норьега поспешили упрятать за решетку в Майами.

Военные, кстати, позаботились разбомбить здание, где Норьега хранил обширный компромат. Никого не смутило, что в качестве «побочного эффекта» в тот декабрьский день 1989 года в Панаме, столице страны, две тысячи ни в чем не повинных мирных граждан буквально сгорели заживо. Многие до сих пор утверждают, что это единственное логическое объяснение той жестокости, которая сопровождала вторжение вооруженных до зубов американских военных на территорию страны, где даже не было вооруженных сил, — какая уж там угроза Соединенным Штатам!

Жозе кивком подтвердил свое согласие с моими словами: «Должность, которую я занимал, позволяла мне предполагать, что эти слухи вполне правдоподобны. Я знал такие вещи, которые подтверждали, что эта версия вовсе не бред воспаленного воображения, — Жозе вскинул голову. — Собственно, вы тоже это понимаете. — Он замолчал, уже в который раз оглядываясь по сторонам: — И все это ужасает меня».

Я спросил, правда ли, что президент Лула поддался коррупции, и сколько времени все это продолжается. Этот вопрос, как я заметил, сильно смутил моего собеседника. После довольно длительной паузы он наконец осторожно заметил, что Лула был частью системы. «А как еще он мог подняться до таких высот?» При этом Жозе постарался уверить меня, что он восхищен президентом Лулой. «Он реалист и прекрасно понимает, что это единственный способ помочь своему народу...» Тут Жозе тряхнул головой, будто отгоняя тягостные мысли: «Боюсь, Вашингтон попытается убрать его, если он рискнет зайти слишком далеко».

«Как по вашему, что они могут предпринять?» — спросил я.

«Вы сами говорили, что у каждого найдутся свои скелеты в шкафу. Едва ли не каждый из нынешних политиков в свое время делал нечто такое, что, поданное в соответствующем виде, может бросить тень на его репутацию. Взять хотя бы скандал с Клинтоном. Понятно ведь, что дело было совсем не в том, что президент завел шашни с Моникой Левински.

Корни проблемы куда глубже. Клинтон зашел слишком далеко, пытаясь изменить расстановку сил на мировой валютной арене, а кроме того, он был слишком молод, динамичен и обладал огромной харизмой — республиканцы явно воспринимали его как угрозу своим перспективам в будущих боях за место в Белом доме. Вот и вытащили на свет эту историю с Моникой. Неужели вы думаете, что у того же Буша в прошлом было меньше подобных связей? Но кто сейчас решится в этом копаться?

Вот так же и Лула — и у него есть свой скелет в шкафу. Если он начнет проявлять неповиновение тем, кто управляет вашей империей, они тут же вытащат на свет божий какие-нибудь компрометирующие его неприглядные факты. И вообще, есть множество способов свалить главу государства, который угрожает гегемонии США».

Жозе с особенным выражением посмотрел на меня. Этот взгляд еще вспомнится мне через несколько месяцев, когда вокруг бразильского президента разразится крупный коррупционный скандал, грозящий положить конец его политической карьере. Речь шла о подкупе голосов законодателей. Четверо высокопоставленных бразильских чиновников под грузом обвинений признали, что ими были разработаны многомиллионные хитроумные схемы, с помощью которых правящая партия вознаграждала членов конгресса в обмен на поддержку определенных законопроектов.

Я спросил Жозе, видит ли он какие-нибудь возможности обуздать империю. «Как раз поэтому я и попросил вас о встрече, — сказал Жозе, — только вы в Соединенных Штатах можете изменить положение вещей. Эту проблему создало ваше правительство, и на вашем народе лежит ответственность за ее решение. Вы должны заставить Вашингтон следовать принципам демократии, даже если демократически избранные лидеры других стран национализируют имущество ваших корпораций, этих рассадников коррупции. Вы должны жестче контролировать ваши корпорации и ваше правительство. В руках у граждан Соединенных Штатов большая политическая власть. И вам следует использовать ее. Помните, что только ваш народ в силах сделать это, потому что здесь, в Бразилии, мы связаны по рукам и ногам. Так же, как и в Венесуэле. И в Нигерии. Дело за вами».

Да, эйфория, которую я испытал, держа в руках свежееотпечатанный экземпляр своей книги, и которая вдохновляла меня во время выступления перед ВСФ, под влиянием слов Жозе вдруг начала испаряться. Позже, когда я бродил по улицам Порту-Алегри, я ощущал все возрастающую подавленность. Подозреваю, что именно это сыграло не последнюю роль в том, что я поддался чарам одной прекрасной бразильянки, которая выдавала себя за журналистку.

Прекрасная кариока

Я не мог не заметить ее — во время моего выступления она сидела в первом ряду, прямо под подиумом, с которого я обращался к участникам форума. Рыжевато-каштановые кудри волной спадали ей на плечи, а короткая юбка не скрывала совершенства ее длинных стройных ног. Высокие скулы указывали на то, что в ее жилах течет индейская кровь. Ее чарующая улыбка, казалось, была адресована лично мне. Все это выделяло ее даже в такой стране, как Бразилия, которая славится своими красивыми женщинами.

Когда я закончил доклад, она первой поднялась на подиум и тепло пожала мне руку. На визитке, которую она мне вручила, было написано ее имя — Беатрис Мучала. Далее столбиком указывались названия нескольких бразильских журналов и адрес в Рио-де-Жанейро. «Я просто обязана взять у вас интервью, — проговорила она, — мои читатели непременно должны побольше узнать о вас. Сама я испанка, родилась в Аргентине, но в душе, — тут она послала мне еще одну волнующую улыбку, — я настоящая кариока».

То, как это было сказано, да еще в сочетании с открыто завлекающей улыбкой вдруг заставило меня насторожиться. Кариока — так называют прекрасных жительниц Рио-де-Жанейро, которые прославились благодаря чудесной способности ублажить мужчину. Кстати, во время презентаций моих книг женщины довольно часто оказывали мне знаки внимания, но в основном это было вполне невинное выражение симпатии.

Здесь же речь шла о чем-то совсем другом. Уж больно продуманна была стратегия Беатрис — так мне показалось. И то, где она выбрала себе место, ее соблазнительные позы, которые она принимала, пока я говорил, и ее весьма откровенный наряд. И потом, ее красота была слишком броской, слишком пьянящей — чуточку больше, чем следовало. Мой инстинкт подал отчетливый сигнал тревоги.

Я вежливо отклонил ее предложение, сославшись на перегруженный график, расписанный буквально по минутам.

Потом мне вспомнились откровения бывшего сотрудника ЦРУ, когда-то поделившегося со мной своей версией событий, которые должны были привести к импичменту Клинтона. И это в принципе согласовывалось с тем, о чем мне рассказал Жозе. «Подготовить почву, чтобы свалить Клинтона, реформаторство которого грозило подорвать могущество корпоратократии, поручили некой Линде Трипп, — поведал отставной сотрудник ЦРУ. — Уж кому, как не вам, знать, что парни вроде меня всегда находят “невинных овечек”, которым можно поручить грязную работу. Оно и правильно — меньше риска и никто не заподозрит. Вот Линда и нашла такую “овечку” — Левински. “Бедненький президент, — толковала она Монике, — никто его дома не приголубит, не приласкает. Ты уж постарайся, сделай ему приятное”. Остальное вам известно».

В тот день Беатрис еще несколько раз подходила ко мне, пока я беседовал с участниками Всемирного социального форума, прибывшими из Африки и Европы, но я был непреклонен. Что интересно, я случайно встретил Беатрис и в тот день, когда, оглушенный откровениями Жозе, мрачно бродил по улицам Порту-Алегри. Она снова вручила мне визитную карточку, но на этот раз не была столь настойчива. Возможно, почувствовала мое душевное состояние, а может быть, ее несколько уязвило, что мой «перегруженный» график позволяет бесцельно прогуливаться по городу. Это даже вызвало у меня чувство вины — в самом деле, почему я отнесся к ней так подозрительно?

После этой короткой встречи я уже не мог выбросить из головы образ соблазнительно-прекрасной Беатрис. На самом деле беседа с Жозе должна была насторожить меня, но почему-то произвела обратный эффект. Я был подавлен, меня так угнетало все, что я узнал. А тут еще упустил возможность пообщаться с такой красавицей. Теперь я уже ругал себя за идиотскую непреклонность. Может быть, для восстановления душевного равновесия мне как раз и не хватает общения с очаровательной женщиной? В конце концов, она же журналистка, а я прибыл в Бразилию как раз затем, чтобы рассказывать людям о моей книге. Что плохого в том, что я поговорю с ней?

Я даже воспрянул духом, когда обнаружил записку, которая она оставила мне в отеле у стойки портье. Я тут же позвонил по указан-

ному телефону, и мы договорились встретиться тем же вечером в вестибюле ее отеля — более людного места и вообразить себе трудно. Этим аргументом я пытался заглушить в себе остатки беспокойства.

И вот мы с Беатрис уже сидим в вестибюле отеля «Плаза». Она предложила, чтобы интервью было на испанском — ее английский, пояснила она, далеко не так хорош, как мой испанский. Статьи, которые она собирается написать, продолжала Беатрис, будут опубликованы в Аргентине и Бразилии — позже она переведет их на португальский. Для начала она немного рассказала мне о себе, своем детстве, а я, в свою очередь, поведал ей о том, как бывал в Буэнос-Айресе. Она мило шутила о том, как трудно быть аргентинкой в таком оазисе женской красоты, как Рио.

Примерно через четверть часа приятной беседы Беатрис попросила разрешения записать мои ответы на пленку, и я согласился. Порывшись в большой вязаной сумке, она тут же достала из нее портативный магнитофон и установила микрофон на журнальном столике между нами. Последовал ряд вопросов о моей работе в качестве экономического убийцы. Затем она перемотала пленку и стала прослушивать получившуюся запись через наушник.

Закончив, она с досадой покачала головой: «Качество скверное, слишком много посторонних шумов». Потом опять полезла в сумку — на сей раз у нее в руках появилась ручка и небольшой блокнот. Извинившись, Беатрис попросила меня повторить все, что я говорил. Я снова принялся рассказывать, а она прилежно записывала.

Когда мы закончили работу, она устало откинулась на спинку кресла и, слегка покусывая кончик ручки, заявила, что многие в Бразилии уже знают меня как бывшего экономического убийцу, но почти никому неизвестно, что я также автор целого ряда книг о культуре коренных народов. «Мои читатели хотели бы побольше узнать о племенах, населяющих вечнозеленые леса Амазонки, и понять особенности их самобытной культуры. Можем мы сейчас поговорить на эту тему?»

Я с радостью согласился, уже порядком уставший от постоянных разговоров об экономических убийцах. Приятно было переключиться на любимую мной область, поговорить о своих ранних книгах.

Тут Беатрис бросила мечтательный взгляд на магнитофон. «Только мне бы хотелось записать ваш рассказ на пленку. Не возражаете, если мы перейдем в более тихое место, где я смогу сделать качест-

венную запись? Может, пройдем в мой номер? Надо всего лишь подняться на лифте».

В тот момент идея поговорить с ней о культуре коренных народов показалась мне чрезвычайно привлекательной. Меня, признаться, впечатлил профессионализм, с которым Беатрис брала интервью, нравилась непринужденная атмосфера нашей беседы. Конечно, учитывая мою прошлую профессию и опыт, я должен был проявить большую осторожность, но, повторяю, в тот день мое внутреннее чутье несколько притупилось.

Идя следом за ней по длинному коридору, я не мог вновь не восхищаться совершенством ее тела. Высоченные каблуки, обтянутые джинсами стройные ноги, каштановые кудри, которые покачивались в такт ее женственной походке. Она шла, соблазнительно покачивая бедрами, — той самой походкой знойных бразильянок, которая принесла всемирную славу пляжам Копакабаны и Ипанемы.

В номере Беатрис усадила меня на диван и стала пристраивать магнитофон на маленький журнальный столик. Затем предложила мне вина, и хотя я обычно не пью ничего, кроме пива, на сей раз я отступил от своего правила и согласился. Она наполнила два бокала, уселась на диване подле меня и предложила: «Ну что ж, давайте начнем».

И я снова отвечал на ее вопросы. В какой-то момент я заметил, что наши тела соприкасаются — видимо, задавая вопросы, она понемногу придвигалась ко мне. Теперь она подседа еще ближе и плавным движением отключила кнопку записи, потом подала мне бокал. Ее пальцы нежно коснулись моих. Наши бокалы тихо звякнули, когда она чокнулась со мной.

Я замороженно смотрел, как она медленно потягивает вино. Внезапно вспомнилось, как сегодня днем в одиночестве, будто поджидая кого-то, Беатрис стояла на улице, прямо на дороге от моего отеля к парку, где мне назначил встречу Жозе. «Насколько велика вероятность случайной встречи в таком огромном многолюдном городе, как Порту-Алегри?» — подумал я. Это сразу развеяло чары, которым я было начал поддаваться. При этом я хорошо понимал, что Беатрис двигало не только стремление заняться сексом с автором бестселлеров. Беатрис взглянула мне в глаза поверх бокала. Я же решительно поставил свой на столик, так и не прикоснувшись к вину. Интересно, подумал я, может, она уже успела туда что-то подмешать?

«Я настолько старше вас, что гоюсь вам в отцы, — сказал я как можно серьезнее. При этом я обвел взглядом номер, прикидывая, где могут быть спрятаны видеокамеры. — А кроме того, я женат». Я решительно поднялся с дивана.

Не смутившись произошедшей во мне переменной, Беатрис игриво сказала: «А у нас в Бразилии говорят, что чем мужчина старше, тем он лучше знает, как доставить женщине истинное удовольствие; а женатые хороши еще и тем, что не болтливы».

«Я должен идти», — твердо сказал я.

«Но еще так рано», — протянула она в ответ, но я уже направлялся к двери. Обернувшись на пороге, я сказал ей: «На сей раз давайте останемся просто друзьями». Беатрис грациозно поднялась с дивана и пошла в мою сторону. Я поспешил открыть дверь. «Хотел бы попросить, чтобы вы прислали мне на просмотр интервью, когда оно будет готово», — я уже пятился в коридор.

«И все же, если передумаете, позвоните мне, — маняще улыбаясь, проворковала Беатрис, — я здесь, на всю ночь. Но в любом случае я непременно пришлю вам копию интервью».

Надо ли говорить, что она, конечно, так никогда ничего и не прислала?

Бросая вызов империи

Вскоре после моего возвращения из Бразилии граничащая с ней страна, Боливия, вновь стала ареной политических распрей и беспорядков. Человек, который сменил вынужденного уйти в отставку Гонсало Санчеса де Лосаду, Карлос Меса, в лучшем случае считался слабым политиком, а в худшем — рьяным прислужником корпоратократии. Партия Эво Моралеса, MAS, и поддержавшие ее организации коренного населения требовали у правительства дать им право на землю, возобновить субсидирование бытового топлива для бедных слоев населения, а также национализировать нефтяную и газовую промышленность.

Просматривая новости в Интернете и обсуждая положение в Боливии со своими латиноамериканскими друзьями, я часто вспоминал однажды виденную в Ла-Пасе очередь из бедно одетых мужчин, женщин и детей, послушно стоящих под ледяным дождем, чтобы оплатить в банке свои грошовые счета за электричество. Интересно, что они испытывают сейчас? Тогда они казались такими забытыми, покорными, совсем как их предки, до седьмого пота трудившиеся на оловянных рудниках испанцев. Ведь было что-то, что помогло им очнуться от спячки, осознать себя гражданами своей страны. Что-то, что заставило их, отказавшись от всегдашней покорности, выйти на улицы.

В Кочабамбе толпы боливийцев окружили помещение водопроводной компании. Такие же толпы стояли вокруг президентского дворца. Тогда разгневанным боливийцам удалось сломить жадность и упорство Всемирного банка, изгнать корпоратократию, нанеся чувствительное поражение империи, едва ли не самой могущественной за всю историю человечества. Они готовы были отдать жизни за свое дело. Так что же их пробудило?

Обычно на такие вопросы невозможно дать однозначный ответ — причин всегда много, и все же в данном случае одна представляется мне гораздо более значимой, чем все остальные. Это — человек по имени Эво Моралес. Конечно, выходец из местных индейцев, он был не единственным лидером нового движения народа, но зато единственным, кто стал членом парламента, а затем и кандидатом на президентский пост. Он стал главным символом и катализатором борьбы пробудившегося народа Боливии.

Подобно Джорджу Вашингтону, Симону Боливару и другим великим лидерам, Эво Моралес обладал видением будущего своего народа и умел активно действовать. Он стал надеждой для Боливии, да и для всех нас, потому что его политический взлет превращал в явь мечту, в которую все мы верим: в мрачные дни тяжелых испытаний из недр народа рождается лидер, исполненный решимости вести его от тьмы к свету.

Конечно, своим восхождением Моралес во многом обязан другому современному латиноамериканскому лидеру, президенту Уго Чавесу, который, подобно неустрашимому ковбою с политической карикатуры, вышел против самого могущественного правителя в мире и обратил его в бегство. А тот факт, что миллионы людей в Латинской Америке видели в Джордже Буше-младшем не законного демократического избранника, а скорее деспота, который победил на выборах путем всякого рода ухищрений, только играл на руку и Чавесу, и Эво Моралесу. Если великий лидер встречает на своем пути противника, он побеждает.

Политические события, разворачивавшиеся в другой стране континента, в Эквадоре, тоже способствовали укреплению позиций боливийского героя-аймара, хотя и по иным причинам. Эквадорский народ обвинял своего президента Лусио Гутьерреса в том, что тот пошел на сделку с экономическими убийцами, и требовал его отставки. 20 апреля 2005 года законодатели Эквадора проголосовали за смещение Гутьерреса и присягнули вице-президенту Альфредо Паласио, временно занявшему его пост.

Очень скоро новый президент Эквадора объявил, что в основе преступлений его предшественника было стремление обслуживать интересы МВФ, Всемирного банка, Вашингтона и Уолл-стрит. Через два дня после смещения Гутьерреса *The New York Times* сообщила о жесткой критике, которой нынешний лидер страны Паласио

и министр экономики в новом правительстве Рафаэль Корреа подвергли бывшего президента за «его связи с международными кредитными институтами». Они и «назвали аморальной ситуацию, когда 40% своего бюджета страна тратит на обслуживание внешнего долга».

Указывая, что «его правительство может изменить направление переговоров, которые уже идут с Соединенными Штатами», газета цитировала Паласио, заявившего, что он «намерен направить доходы от нефти, предназначенные для выплат по государственному долгу, на финансирование социальной сферы»*.

Моралес расценил ситуацию в Эквадоре как подтверждение правильности политики, за которую он ратовал. Это был еще один сигнал, что андские народы созрели для перемен, а также доказательство того, что для политиков такого скромного происхождения (по меркам современного меркантилизма относящегося к беднейшим слоям населения) пришло время встать у руля. Реакция официального Вашингтона на возвышение Моралеса была открыто враждебной, тогда как с точки зрения латиноамериканцев это стало еще одним подтверждением правильности их выбора.

Раскрывая позицию Вашингтона по вопросу возможности избрания Моралеса, *The New York Times* писала: «Для администрации Буша перспектива президентства Моралеса рассматривается как серьезное поражение в борьбе с наркотиками, как событие, из-за которого Боливия рискует лишиться сотен миллионов долларов американской помощи, выделенной для борьбы с наркотиками, поддержки экономического роста и развития»**.

Однако боливийцы и другие латиноамериканцы видели, что Белый дом и ведущие американские СМИ не остановятся ни перед чем, лишь бы очернить Моралеса. Эта тактика может ввести в заблуждение американских избирателей, но как показал опыт, угрозы, подобные высказанной в свое время послом Мануэлем Роча — что США прекратят предоставлять Боливии помощь в случае избрания Моралеса, — в этой стране приводят к прямо противоположному эффекту.

---

* Juan Forero, «Ecuador's New Chief Picks Cabinet; Leftist in Economic Post», *The New York Times*, April 22, 2005, p. A4.

** Juan Forero, «Presidential Vote Could Alter Bolivia, and Strain Ties with U.S.», *The New York Times*, Dec. 18, 2005, sect. A, p. 13.

Глава 25. Бросая вызов империи

На одной вечеринке, где присутствовали студенты из Латинской Америки, я услышал забавную шутку.

«Кто был пропагандистом номер один Уго Чавеса?»

Пауза.

«Джордж Буш. А кто пропагандист номер один Эво Моралеса?»

Ответ: «Джордж Буш?»

«А вот и нет. Он идет только под номером три. Его обошли *Wall Street Journal* и *New York Times*».

Родственные чувства

Для многих латиноамериканцев Эво Моралес стал символом движения против корпоратократии, которое выражает чаяния коренных народов, всех бедных и обездоленных. Моралес с особой гордостью говорит о том, что происходит из низов и любит подчеркивать свое индейское происхождение, часто щеголяя в национальной одежде аймара — свитере, пончо и традиционной вязаной шапочке-лючо.

Он открыто заявляет всему миру о величии своего народа, говоря, что столетия кабалы не означают, что сегодня боливийский народ не способен защитить в борьбе свою землю и свою национальную честь. То, что его народ так долго подвергался эксплуатации, еще не означает, говорит Моралес, что он в чем-то уступает другим народам. Материальная нищета не есть признак духовной неполноценности.

Объявляя о намерении выставить свою кандидатуру на президентских выборах, Моралес обещал, что постарается преодолеть коррупцию и использовать национальные ресурсы для помощи народу. Он во всеуслышание заявлял, что будет бороться с иностранными корпорациями, разграбляющими национальные богатства страны, и скажет решительное «нет» требованиям Соединенных Штатов уничтожить посевы коки. Отмечая, что это растение становится наркотиком только после того, как из него производят кокаин и вывозят его за пределы страны, он настаивал, что с этой проблемой надо бороться потребителям наркотика.

В декабре 2005 года Эво Моралес одержал убедительную победу на выборах. Впервые в истории Боливии ее президентом стал представитель коренного индейского населения. Он немедленно заявил, что вдвое сокращает свой президентский оклад и не позволит, чтобы кто-то в кабинете министров получал больше этой суммы.

На сэкономленные деньги Моралес намеревался нанимать больше учителей в государственные школы. Политические убеждения

Моралеса нашли отражение и в составе его правительства. Пост вице-президента занял Альваро Гарсиа Линера, в прошлом один из тех, кто возглавлял революционную борьбу боливийского народа против корпоратократии, за что четыре года томился в тюрьме.

Получив в Мексике математическое образование, позже Линера посвятил себя социологии и занимал должность профессора в Боливийском главном университете Сан-Андрес в Ла-Пасе, где прославился как интеллектуал и политический аналитик. Министром юстиции в правительстве Моралеса была назначена женщина, в прошлом работавшая прислугой; сенат возглавил бывший сельский учитель.

Хотя Моралес и был представителем коренного индейского населения, он выступал от имени всех бедных и обездоленных своей страны, будь то бедняки из городских трущоб, крестьяне из горных районов или племена, живущие в джунглях.

Основные американские СМИ откровенно обманывали американцев, выставляя Моралеса то «коммунистом», то «агентом Кастро». Попытки всячески очернить Моралеса были организованы в духе кампании по дискредитации президента Гватемалы Арбенса, которая предшествовала вторжению США в эту страну.

Затем, всего через месяц после того, как Моралес официально занял пост президента, Bechtel подала против Боливии очередной судебный иск о возмещении ущерба от потери концессии на систему водоснабжения боливийского города Кочабамба.

Менее чем через четыре месяца Моралес предпринял ответный ход: 2 мая 2006 года армейские подразделения по его приказу заняли нефтяные и газовые месторождения, чтобы поставить их под контроль государства. Отведя руководству иностранных корпораций 180 дней на пересмотр условий существующих контрактов с боливийским правительством, Моралес заявил: «С грабежом наших природных богатств иностранными компаниями покончено». Как отмечал президент, «настало время прекратить несправедливое распределение прибылей, когда 80% доходов от эксплуатации наших месторождений уходит в карман иностранных корпораций, а боливийцам достается лишь 20%. Это соотношение пора изменить»*.

---

* Paulo Prada, “Bolivian Nationalizes the Oil and Gas Sector”. *The New York Times*, May 2, 2006, p. A9, www.nytimes.com/2006/05/02/world/Americas/02bolivia.html.

В то же время некоторые рассматривают действия Боливии как определенное ослабление единого латиноамериканского фронта, отмечая, что сильнее всего от этого шага пострадают Бразилия и Аргентина, крупные импортеры боливийского газа. Однако Уго Чавес со всей страстью бросился на защиту Моралеса: «Мы поддерживаем Боливию, которая избрала то же направление, что и Венесуэла. В ходе чрезвычайно длительного и трудного процесса, который стоил нам даже попытки государственного переворота, мы вернули себе контроль над нашими природными ресурсами и минеральными богатствами. Я уверен, что все еще обернется в лучшую сторону».

Сам Моралес весьма четко и недвусмысленно обрисовал контуры своей политики; он — сторонник национализма и объединения в единый фронт, когда дело касается противостояния Латинской Америки и США. Он против эксплуатации своей страны корпорациями, где бы они ни базировались и в какой бы стране ни располагались их головные офисы:

«Мы намерены защищать наши природные ресурсы. Если раньше Боливия была ничьей землей, то теперь у нее есть хозяин. Сейчас это земля принадлежит боливийцам, в особенности ее коренному населению. Если частные компании, нефтяные компании, транснациональные компании желают прийти к нам и готовы уважать боливийские законы, мы говорим им: “Добро пожаловать”... а компаниям, которые не хотят уважать боливийские законы, не желают подчиниться государству, закону, мы говорим: “Для вас настают плохие времена!”»*.

В январе 2006 года еще одна страна континента последовала примеру Аргентины, Боливии, Бразилии, Эквадора и Уругвая: президентом Чили стала Мишель Бачелет, в предвыборной платформе которой делался особый упор на принцип самоопределения. Это была первая женщина-президент в истории континента. Она немедленно продемонстрировала готовность выполнять предвыборные обещания, отдав половину постов в своем кабинете женщинам.

Конечно, взгляды этой плеяды новых руководителей восходят корнями к наследию лидеров прошлого, смело выступавших против

---

* “Evo Morales Nationalizes Gas Resources in Bolivia”, Democracy Now!, May 5, 2006, www.democracynow.org/article.pl?sid=06/05/05/1432216.

господства корпоратократии, и все же первое десятилетие миллениума ознаменовалось новыми тенденциями, которые приведут к последствиям глобального масштаба.

Никогда прежде миллионы людей не проявляли такого единства взглядов, избирая своими руководителями тех, кто решительно настроен на защиту права своего народа от посягательств финансовых кругов США. Никогда прежде народы Латинской Америки не демонстрировали такого единодушия. Никогда прежде власть так открыто не демонстрировала поддержку бедноты — и городской, и сельской, а также и коренного индейского населения. Никогда прежде закабаленные народы, объединившись, не обращали столь мощного и единодушного послания своему работодателю. Такого еще никогда не было в Западном полушарии, как, впрочем, в Африке или Азии.

Хотя Ближний Восток продолжает яростно сопротивляться железной хватке империи, для народов региона эта борьба оборачивается жестоким насилием, несет бедствия и смерть, тогда как в Латинской Америке набирающее силу революционное движение никогда не ставило целью изгнать иностранных эксплуататоров.

Напротив, оно обращено на позитивные перемены, направленные на достижение большего равноправия и свободы, справедливых социальных реформ. Это мирное по своей сути движение. Оно распространяет импульсы по всему миру, служа примером другим странам; оно решает конкретные социальные проблемы и вдохновляет народы всех континентов.

Вновь избранные главы латиноамериканских государств совершили беспрецедентный в истории Западного полушария шаг: они договорились защищать друг друга. Не единоличная воля сильного лидера (как это было, например, при С. Боливаре), а взаимное согласие побудило эти государства выработать общую линию противостояния МВФ, Всемирному банку и американскому правительству и в такой области, как самооборона.

Сегодня Бразилия, Аргентина, Чили, Перу и Венесуэла вносят коррективы в военную стратегию, перенося центр тяжести с защиты транснациональных корпораций на защиту собственной страны от иностранных интервентов. Самым серьезным образом рассматривается возможность широкомасштабного военного сотрудничества.

Помимо укрепления уз дружбы и взаимопонимания внутри континента, страны Латинской Америки активно развивают сотрудни-

чество и связи с Индией, Китаем и другими государствами, также обеспокоенными стремлением США построить мировую империю. В ноябре 2005 года состоялся чрезвычайно важный для судеб континента визит председателя КНР Ху Цзиньтао в Аргентину, Бразилию, Чили и на Кубу. Состоялись также двусторонние встречи с президентом Мексики Висенте Фоксом и Перу — Алехандро Толедо.

А между тем китайский бизнес медленно, но верно берет верх над американскими корпорациями, выдавливая их даже из секторов, традиционно считавшихся вотчиной США. Так, китайская бизнес-элита фактически взяла под контроль базовые порты по обе стороны Панамского канала. С 1998 года осуществляется совместная китайско-бразильская программа Earth Resources Satellite по созданию искусственных спутников для исследования природных ресурсов Земли.

Пока Вашингтон, невзирая на упорное сопротивление латиноамериканских лидеров, тщетно пытается протаскивать торговые соглашения, обеспечивающие одностороннюю выгоду американским корпорациям, китайский бизнес повсеместно и успешно готовит почву для более привлекательных соглашений. Возможно, кто-то усмотрит в этом непоследовательность, учитывая потенциал Китая как нарождающейся новой империи, однако латиноамериканцы знают, что в отличие от США Китай никогда не вмешивался в их дела. Как и Советский Союз в период 1960–1980-х годов, Китай стал для них сегодня оплотом социального равенства и противовесом экспансии США.

Государства континента стремятся расширять деловые связи, недаром их посланцы активно курсируют по всему миру. Кроме того, это одно из проявлений движения против корпоратократии; оно недвусмысленно указывает на серьезность намерения наших южных соседей поставить заслон гегемонии США.

В Латинской Америке не зря опасаются вмешательства Соединенных Штатов. Основанием для этого служат как тайные операции, так и открыто заявляемые Вашингтоном политические цели. Это стало для меня особенно ясно после возвращения с форума. Один за другим ко мне стали обращаться «шакалы», из тех, кто хотел поправить с прошлым и покаяться в своих грехах.

История убийств

Через два дня после избрания я вошел в кабинет новоиспеченного президента и поздравил его.

Он сидел за огромным письменным столом и глядел на меня с загадочной улыбкой чеширского кота. Я сунул левую руку в карман пиджака и сказал: «Господин президент, здесь у меня пара сотен миллионов долларов. Это для вас и вашей семьи, если будете играть по правилам — ну вы понимаете, о чем я: благосклонность к моим друзьям из нефтяных компаний и почтение к Дяде Сэму». Тут я подошел поближе, сунул правую руку в другой карман и, склонившись почти к его лицу, прошептал: «А здесь у меня пистолет с пулей, на которой выгравировано ваше имя, — на случай, если вам вздумается выполнить ваши предвыборные обещания».

Я отступил назад, уселся в кресло и зачитал коротенький список президентов, начиная с Дъема и заканчивая Норьегой, которые были убиты или свергнуты потому, что в свое время отвергли дружбу Дяди Сэма, — ну вы знаете, как все это было.

Президент внял предостережению.

Бретт отпил пива. «Вот, собственно, и все, — резюмировал он и отвернулся, разглядывая блондинку в соблазнительном бикини, которая вспрыгнула на палубу Waterway Café, чудесного ресторанчика-поплавка в Палм-Бич Гарденс, Флорида. — Этот случай говорит сам за себя».

При первом звонке Бретт представился мне как «шакал», который решил кое-что «порассказать об Эквадоре и других латиноамериканских странах». Однако ни по телефону, ни по электронной почте он не пожелал даже словом намекнуть, о чем пойдет речь. Первую встречу мы назначили на пляже невдалеке от моего дома во Флориде. Потом встречались еще несколько раз, уже в ресторанах.

Позже я понял причину его нежелания «светиться»: Бретт все еще состоял в рядах экономических убийц и бросать это дело, судя по всему, не собирался. Однако Бретта все сильнее и сильнее беспокоило и раздражало то, как ведут себя его хозяева. «Сплошная самонадеянность и коррупция. Американским гражданам давно пора узнать правду о тех, кого они избирают на высокие посты. Их безответственное поведение превратило многих наших бывших друзей во врагов». Бретта, правда, вполне устраивало, что в год он имеет до полумиллиона долларов, причем без всяких налогов.

Бретт, по его словам, подался в этот бизнес, потому что боялся коммунистов. Он вырос на Кубе, и когда Кастро погнал диктатора Фульхенсио Батисту, его семья потеряла миллионные убытки. «Комми сгинули, — с сожалением констатировал Бретт, — а работа осталась. И я чертовски хорошо ее делаю. Единственно, что меня бесит, так это безмозглые кретины из Вашингтона, из-за них у нас такая скверная репутация».

Весь облик и манеры Бретта соответствовали образу «шакала». Это был крепкий мускулистый мужчина с аккуратным ежиком волос. В отличие от Нейла, который руководил операциями моего бывшего ведомства в разоренных цунами районах Индонезии, Бретт сильно смахивал на полицейского. Движения его были скупы, а формулировки точны и лаконичны. Оценки, которые он давал людям и событиям, соответствовали и моим собственным впечатлениям. Слушая, как Бретт рассказывает о своих первых шагах на поприще экономического убийцы в Панаме в конце 1970-х годов, о генерале Торрихосе, я мысленно возвращался к тем дням, когда сам варился в этом котле. Бретт, по его словам, намеренно не назвал имени президента, с которым «поработал», — он хотел, чтобы я изобразил это просто как один из типичных примеров работы экономических убийц и «шакалов».

Впрочем, ничто из всего, что он поведал, меня особо не удивило. Я всегда подозревал, что к президентам семи латиноамериканских стран, выступающих против гегемонии США, непременно подсылали кого-то из моих бывших коллег. Такие поначалу держатся в тени, играя роль представителя одного из «центров силы» — Всемирного банка, американского посольства, Агентства международного развития — или консультанта какой-нибудь международной фирмы. Будущий президент до поры до времени даже не подозре-

вает об их истинной роли. И только после выборов они наконец приступают к выполнению своей главной миссии.

Я встречал многих скептиков, которые говорили, что, конечно, знают о заказных убийствах политических деятелей, но при этом сильно сомневались, что экономические убийцы — вроде Бретта, меня и прочих — вообще существуют. Однако, как мне думается, даже несведущий в этих делах человек должен понимать, что, прежде чем «спустить курок», намеченной жертве всегда предлагают выбор. Ни один политик, ни один агент ЦРУ не поступит иначе. Прежде чем использовать последнее средство, будь то заговор с целью физического устранения или организация антиправительственного путча, строптивного президента всегда пробуют склонить к сотрудничеству. Даже самый закоренелый мафиози не станет убивать врага, не попробовав сначала договориться. Хотя бы потому, что это слишком рискованно, да и со стороны выглядит подозрительно. К тому же не очень надежно — слишком много шансов допустить ошибку. Поэтому сначала на сцену всегда выступает эмиссар, посланец. Он предлагает щедрую награду за покладистость, а если посулы не срабатывают, пускает в ход угрозы.

Когда я выступал в роли такого посредника, то обычно действовал более тонко, чем Бретт в том случае, о котором он мне рассказывал. Я всегда допускал, что кабинет высокопоставленного государственного деятеля может быть оборудован подслушивающей аппаратурой. Впрочем, сути дела это не меняло. У президента не оставалось ни малейших сомнений, что остаться у власти, да еще при этом и набить карман, можно только поддерживая дружбу с нами. В противном случае его ожидала расправа — физическая или политическими средствами.

Президент Чавес часто рассказывал по венесуэльскому радио о том, как экономические убийцы и «шакалы» пытались его обрабатывать. Вот как описывала одну из передач на эту тему радиостанция BBC:

Упомянув книгу Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы», президент Чавес заметил, что к нему тоже подкатывались экономические убийцы. По словам Чавеса, в обмен на разрешение разведывательных полетов над Венесуэлой и присутствие в стране американских советников ему предлагали огромный

кредит от МВФ... После того как сам Чавес решительно отверг это предложение, экономические убийцы не отказались от своих замыслов и нацелились на ближайшее окружение президента — «менее стойких» правительственных чиновников, законодателей и даже высших военных. Далее Чавес, ссылаясь на книгу Перкинса, пояснил, что, когда экономические убийцы терпят неудачу, на сцене появляются «шакалы» и организуют государственный переворот или политические убийства. «Мы наголову разбили экономических убийц и “шакалов”, сорвали их замыслы. Но если они хотя бы подумают о том, чтобы вернуться, мы снова их разобьем», — сказал в заключение Чавес, вызвав одобрительные возгласы толпы*.

После того как был смещен президент Гутьеррес, я давал интервью эквадорским журналистам, упомянув среди прочего рассказ Бретта и беседы с другими бывшими коллегами «по цеху». В связи с этим я высказал предположение, что кто-то из людей подобного сорта вполне мог «обработать» бывшего президента Эквадора. При этом я отметил, что, лично зная Бретта и иже с ним, имею основания предполагать, что «шакалы» оказывают давление на всех вновь избранных южноамериканских президентов, бросивших вызов корпоратократии.

Я всегда стараюсь подчеркнуть, что рассказываю о методах экономических убийц и «шакалов» не для того, чтобы лишний раз критиковать политических деятелей Латинской Америки, а для того, чтобы американский народ заставил правительство и корпорации воздержаться от попыток насаждать демократию в других странах.

Одно из таких интервью было перепечатано эквадорской прессой. 3 марта 2006 года со мной по электронной почте связался Билл Твист, председатель правления Pachamama Alliance — я, если помните, состою в правлении этой некоммерческой организации. Он переслал мне письмо от сотрудника нашего представительства в Эквадоре и статью из эквадорской ежедневной газеты *El Comercio* от 1 марта 2006 года.

---

* Цитируется по материалам регулярной теле- и радиопрограммы Уго Чавеса «Hello, President», выпуск 10 апреля 2005 г., № 218, Radio Nacional de Venezuela, Caracas. Перевод и комментарии BBC World Monitoring, 13 апреля 2005 г.

Статья называлась «Луисо Гутьеррес обвиняет Перкинса в клевете». В письме наш сотрудник кратко резюмировал статью: «Интервью Джона вызвало здесь бурю страстей! ...В сегодняшнем номере *Comercio* председатель партии Гутьерреса заявил, что экс-президент намерен подать на Джона в суд за клевету. Особую остроту этому делу придает тот факт, что предвыборная гонка здесь уже набирает обороты и на кон поставлено ни много ни мало, а выживание едва оперившейся партии Гутьерреса».

Вскоре со мной на связь вышли и сами корреспонденты *El Comercio*. Отвечая на их вопросы, я снова подчеркнул, что не имел намерения бросить тень на Гутьерреса, что моя главная цель — убедить американскую общественность, что наше правительство и корпорации слишком часто превышают свои полномочия и что мы должны положить конец этому произволу власти. Я заявил также, что не имею конкретных доказательств того, что к Гутьерресу навевался кто-то из экономических убийц, но вместе с тем отметил, что по роду своей прежней деятельности сам часто прибегал к подобным методам давления на правительственных чиновников.

Больше по этому поводу меня никто не тревожил. Однако выход в свет «Исповеди» и публикация статьи в *El Comercio* произвели неожиданный эффект: ко мне обратилась небольшая группа американских военнослужащих. Они поделились со мной фактами перегруппировки наших армейских подразделений в Колумбии, вблизи границ Венесуэлы. С их точки зрения, это могло быть подготовкой к военному вторжению. Этих людей, как и Бретта, сильно беспокоил курс, по которому следует наша страна. Не рискуя выступить публично, они все же хотели, чтобы народ Америки узнал о том, что происходит.

С точки зрения разворачивающегося в Западном полушарии движения против корпоратократии Колумбия представляет собой озорчатительное исключение. Она уже доказала, что предпочитает во всем следовать указке Вашингтона. Благодаря неиссякаемому потоку денег американских налогоплательщиков и целой армии наемников, состоящих на жалованье у корпораций, а также официальной военной помощи США Колумбия превратилась в главный плацдарм, на котором Вашингтон пытался вернуть себе былое региональное господство.

И хотя США оправдывают столь массивную поддержку Колумбии благородным намерением борьбы с производством и рас-

пространением наркотиков, это лишь ширма. На деле же Вашингтон намерен защитить интересы нефтяных компаний перед лицом нарождающегося сопротивления их господству.

Уругвайский публицист Рауль Зибечи, член редакционного совета еженедельника *Brecha de Montevideo* и профессор Университетского комплекса францисканцев Латинской Америки, отмечает, что на сегодняшний день Колумбия занимает четвертое место по размерам американской военной помощи, уступая только Израилю, Египту и Ираку (хотя *Associated Press* ставит ее на третье место)*.

Посольство США в Боготе относится к числу самых крупных американских посольств в мире — больше только в Ираке. Профессор Зибечи и ряд других аналитиков утверждают, что Вашингтон намерен создать в Южной Америке объединенную военную силу, которой будет управлять Пентагон. Это должно стать своего рода военной проекцией Зоны свободной торговли Америк, на создании которой так настаивают США, с центром управления в Колумбии**.

То, что рассказала группа военных, о которых я упоминал, — это были двое рядовых и второй лейтенант (младший офицерский чин) — подтверждало гипотезу профессора Зибечи. Они догадывались, что истинная причина их пребывания в Колумбии — стремление закрепить факт военного присутствия США в этой стране и обучать латиноамериканских военных, которые вошли бы в состав южного командования армии США (во всяком случае, это название употребили двое из троих).

«Из-за того, что мы делаем в Колумбии, она становится еще привлекательнее для наркобизнеса, — говорил лейтенант, — а иначе почему, как вы думаете, ситуация там постоянно ухудшается? Потому, что мы так хотим, потому, что за наркотрафиком стоим именно мы. Вернее, ЦРУ — точно так же, как за азиатским “золотым треугольником”. И в Центральной Америке, и в Иране, как показал скандал “Иран-контрас”, точно так же, как Британия стоит за китай-

---

* Associated Press, “War Crimes Tribunal Dispute Threatens Aid”, *The New York Times*, July 1, 2003, www.npwj.org/?q=node/1307.

** Raul Zibechi: «Brazilian Military Getting Ready for Vietnam-style U.S. Invasion», *Brazzil Magazine*, July 22, 2005, www.brazzil.com/content/view/9344/76. См. также ежемесячную колонку профессора Зибечи по адресу <http://americas.irc-online.org/>.

ским опиумом. Кокаин приносит миллиарды незаконных долларов, которыми можно оплачивать тайные операции, а заодно служит оправданием наращивания нашего присутствия в Колумбии. Неужели неясно? А такие, как я, кто служит в регулярной армии, на самом деле защищают там нефтяные месторождения и готовят вторжение в Венесуэлу. Борьба с наркотиками — это так, всего лишь для прикрытия».

От одного бывшего офицера из подразделения «зеленых беретов» я как-то слышал, что армия наемников создана и в Гайане, рядом с венесуэльской границей. Как он уверял, в ее состав входят закаленные в боях парашютисты-десантники, которые официально числятся как проходящие обучение для ведения боевых действий в условиях джунглей. К тому же они изучают испанский язык.

«Сейчас у нас войска стоят в Афганистане и Ираке, а там, как известно, джунглей и близко нет. И по-испански никто не говорит. Так в чем секрет? А теперь подумайте-ка, где у нас много джунглей? Правильно, в Венесуэле, и говорят там на испанском. А кроме парней вроде меня, наемников из Штатов, Англии и Южной Африки, в Гайане полно латиноамериканских военных, в основном выпускников WHINSEC».

WHINSEC, то есть Институт сотрудничества в области безопасности в Западном полушарии, — это учебное заведение, которое раньше называлось School of the Americas, SOA (Школой двух Америк). Там латиноамериканских военных обучают методам проведения карательных акций, борьбы с партизанами, ведения допросов с применением пыток, учат пользоваться средствами прослушивания и наблюдения, вести разведку, организовывать покушения на политических деятелей. Из стен этой школы вышли некоторые из самых одиозных диктаторов и генералов.

Первоначально SOA размещалась в зоне Панамского канала — до тех пор, пока генерал Торрихос не настоял на том, чтобы ее убрали из его страны. Тот факт, что после смерти Торрихоса его преемник генерал Мануэль Норьега сопротивлялся возвращению Школы двух Америк на прежнее место, возможно, сыграло не последнюю роль в том, что и его имя в конце концов пополнило вашингтонский «список неугодных».

Сами выпускники Школы двух Америк, Торрихос и Норьега хорошо представляли себе огромное влияние этого антидемократи-

ческого института. В итоге школа осела в Форт-Беннинге, штат Джорджия, а в 2001 году, чтобы избежать нарастающей критики, это одиозное заведение было переименовано в WHINSEC.

В один из дней, когда разгоралась полемика в *El Comercio*, я получил по электронной почте весточку от Марты Рольдос из Эквадора. Она сообщала, что собирается в Штаты и надеется встретиться со мной, чтобы поговорить о смерти ее отца, Хайме Рольдоса, президента Эквадора. Он погиб в авиакатастрофе 24 мая 1981 года. В новостях сообщалось, что его самолет врезался в гору. Однако более информированные источники сомневались, что это была случайная катастрофа.

Решимость Рольдоса положить конец произволу нефтяных компаний, которой он не скрывал, рождала подозрения, что за этим несчастным случаем стоит ЦРУ. В книге «Исповедь» я писал: «Помимо того, что он вызывал ненависть у Вашингтона и нефтяных компаний, многие обстоятельства его гибели говорили в пользу этих обвинений»*.

Марта хотела обсудить эти самые обстоятельства.

16 марта 2006 года она прилетела в Майами, и мы встретились в скромном ресторане неподалеку от моего дома в округе Палм-Бич. Я пришел со своей дочерью Джессикой (в то время ей уже исполнилось 23 года). Мы заняли столик в патио и проговорили несколько часов подряд.

Марта сообщила, что приехала в США главным образом в поисках помощи в ее начинании — она хотела создать библиотеку имени своего отца Хайме Рольдоса. Это была бы первая в Эквадоре мемориальная библиотека памяти знаменитого президента, трагически погибшего на своем посту.

«Что-то наподобие библиотеки Дж. Ф. Кеннеди», — сияя, пояснила Марта.

Еще она под большим секретом рассказала, что в библиотеке будет храниться никогда прежде не публиковавшаяся информация о гибели ее отца, и добавила: «Нисколько не сомневаюсь, что это было спланированное убийство. За штурвалом сидел один из лучших летчиков страны, да к тому же друг отца. У него тоже остались

---

* Джон Перкинс. Исповедь экономического убийцы: Пер. с англ. — М.: Претекст. 2007.

семья, дети. Он был очень предан моей матери, которая тоже была на борту. Совершенно не верю, чтобы он мог допустить случайную оплошность. Что бы там ни писали газеты, по нашим эквадорским меркам рельеф местности, над которой они летели, вовсе не считался особо сложным, да и нельзя сказать, чтобы погода была плохой».

Потом она рассказала о некоторых обстоятельствах, которые в те дни были скрыты от внимания общественности. Сразу после крушения самолета место катастрофы оцепили эквадорские военные, а местную полицию туда не допустили — только американских военных специалистов. Два главных свидетеля погибли в автомобильной аварии еще до того, как их успели допросить в ходе разбирательства причин гибели самолета. Один из двигателей позже направили на экспертизу в швейцарскую лабораторию. Как там установили, двигатель заглох еще до удара «о склон горы».

Когда случилась эта трагедия, Марте было всего 17. В одночасье лишившись обоих родителей, она долго не могла оправиться от удара и заставить себя сделать хоть что-то, чтобы выяснить правду. Прошло много времени, и вот ей уже 41 год — она достигла того же возраста, что и ее отец в момент гибели. Марта решила, что настало время действовать.

«В книге вы пишете, что смерть моего отца сильно повлияла на Омара Торрихоса, и я знаю, что это правда. Я вышла замуж за его племянника, у нас подрастает десятилетняя дочь. Омару не давало покоя то, как погиб отец. Нам с мужем, да и многим в моем окружении он не раз говорил о своем предчувствии, что его ждет такой же конец. И добавлял, что готов умереть, потому что исполнил свое предназначение: передал канал в руки панамцев и выгнал из страны Школу двух Америк».

Действительно, Омар Торрихос погиб в авиакатастрофе менее чем через два месяца после Рольдоса, 31 июля того же года.

После встречи с Мартой я тщательно записал ее рассказ. Боясь упустить что-нибудь важное, я привлек к этому делу и Джессику. Мы трудились целую неделю, а после, рассчитав, что Марта должна уже вернуться в Эквадор, я выслал ей свои записи по электронной почте. Ответа не последовало.

Я пытался связаться с ней еще несколько раз, но Марта так и не откликнулась. Потом наступил июнь, и мы с женой перебрались

в наш летний дом в Новой Англии. Там я тоже предпринял попытку связаться с Мартой, отправив коротенькое послание с просьбой уточнить ее электронный адрес. «Да, это моя почта, все правильно», — написала она. Тогда я еще раз направил ей запись нашей беседы и спросил, не хочет ли она что-то поправить в тексте, но так и не получил ответа.

Потом недели через две, когда я открыл свой электронный почтовый ящик, там обнаружилось письмо. Обратный адрес указывал, что оно от Марты. Обрадовавшись, что она наконец-то ответила, я тут же открыл письмо. Но увы, мои надежды опять не оправдались: я оказался всего лишь одним из многих адресатов, которым был разослан календарь театральных событий Эквадора! Ударив по кнопке «Ответить», я в который раз запросил замечания на сделанную мною запись. В ответ — ни слова.

А жизнь шла своим чередом. Одна из средних школ пригласила меня принять участие в актовом дне. Планировалось, что я обращусь к выпускникам с напутственной речью. И вот 11 июня 2006 года я направился в школу близ Нортхэмптона в штате Массачусетс. Участвуя в торжествах, я разговорился с учителем испанского языка, эквадорцем по происхождению. Звали его Хуан Карлос Карпио.

Оказалось, что он племянник доктора Хайме Галарза Савала, известного эквадорского интеллектуала, уважаемого автора нескольких книг, одна из которых называлась «Кто убил Хайме Рольдоса» (*Who Killed Jaime Roldys*). Кроме того, доктор Савала был президентом отделения Дома эквадорской культуры (одного из ведущих просветительских учреждений страны) в провинции Эль-Оро, главного поставщика бананов на экспорт. В августе 2006 года Хуан Карлос сообщил, что его дядя прибыл в Нью-Йорк для участия в конференции и хотел бы повидаться со мной.

14 августа мы с Уинифред отправились в ресторан *La Cazuela* в Нортхэмптоне, где была назначена встреча. Как всегда по воскресным вечерам, народу в ресторане почти не было, и все же я не сразу увидел Хуана Карлоса и его спутника. Они заняли столик в дальнем углу зала, в стороне от других посетителей. «Что это? — мельком подумалось мне. — Простое совпадение или эквадорцы намеренно обосновались подальше от лишних ушей?»

Первое время мы говорили на отвлеченные темы, а потом Хайме Савала заметил, что моя «Исповедь» потрясла жителей Эквадора

и всколыхнула буквально всю страну. Почти с самого начала ее практически невозможно было купить, добавил Хайме и пояснил: «Как только книга поступает в книжный магазин, тут же появляется некто, кто на корню скупает все экземпляры». Он криво усмехнулся: «Такое происходило и с некоторыми из моих книг, в том числе и с той, где есть намеки, что в убийстве Хайме Рольдоса замешаны и ЦРУ, и израильское правительство, и эквадорская военная верхушка, и наши правые».

Мы заговорили о Рольдосе. По словам Савалы, который называл себя «добрым другом Хайме», Рольдос, как и он сам, в свое время был профессором университета Гуаякиля. После того как Рольдос был избран президентом, в доверительных беседах он не раз говорил Савале, что опасается покушения на свою жизнь. Потом наш собеседник поделился с нами рассказом об одном событии, которое, по его словам, должно быть мне небезынтересно.

«В мае 1981 года Хайме Рольдос летал в Хьюстон, чтобы тайно встретиться с представителями нефтяных компаний. Его сопровождали несколько высокопоставленных чиновников из правительства, один из которых в прошлом работал на нефтяные компании. Рольдос очень рассчитывал, что тот поможет ему отстаивать на переговорах их позиции.

Рольдос видел в нем своего сторонника и возлагал на него большие надежды. Как же он ошибался! — Доктор Галарза печально покачал головой. — Да, так оно и было: с одной стороны — эквадорцы, с другой — люди из нефтяных компаний, которые настаивали на соблюдении строжайшей секретности. Никакой информации в СМИ, никаких официальных сообщений. Американцы изложили свое предложение.

Они, правда, знали, что одним из предвыборных обещаний Рольдоса было положить конец их безраздельному господству в нефтяной промышленности Эквадора, но все же надеялись убедить его сохранить прежние условия, аналогичные тем, к которым они привыкли в других странах региона. За проведение начальных геологоразведочных работ они требовали оплаты либо деньгами, либо нефтью.

На это Рольдос ответил, что готов оплачивать услуги долларами, особенно если цена будет разумной, но категорически отказался предоставлять в качестве оплаты сырую нефть. «Я намерен построить в нашей стране нефтехимические комплексы, что позволит исполь-

зывать полученную прибыль на благо моего народа, — заявил Рольдос. — Мы хотим сами распоряжаться нашей нефтью». Американцы пришли в ярость. К такому варианту они явно не были готовы — предшественники Рольдоса были гораздо покладистее. Кроме того, его намерения совершенно не укладывались в глобальную политику нефтяных гигантов.

Как мне потом рассказывал Хайме, после его заявления переговоры превратились в безобразный скандал с обвинениями и угрозами. Наконец Хайме решил, что с него хватит, и поднялся, чтобы покинуть стол переговоров. Он-то рассчитывал, что его спутники последуют за ним, но обманулся — они остались.

Хайме вернулся в Кото один и тут же созвал совещание со своими ближайшими советниками. Они предупреждали президента, что, бросив вызов нефтяным компаниям, он поставил свою жизнь под угрозу. Но Хайме это не устрасило. Он выступил по национальному телевидению с предупреждением, что национализирует иностранные компании, если те не согласятся сотрудничать с ним в его планах проведения социальных реформ на благо народа Эквадора. Потом он произнес пламенную речь на олимпийском стадионе Атахуальпа, четко сформулировав свою программу действий. Он страстно говорил, что помогать своему народу, особенно бедным и обездоленным, — суверенное право государства.

Вскоре после этого и произошла трагедия. Рольдос и его жена взошли на борт их маленького самолета, собираясь совершить поездку в один из уголков страны. Но им не суждено было добраться туда. Их жизни унесла авиакатастрофа 24 мая 1981 года — это случилось меньше чем через месяц после секретных переговоров в Хьюстоне. Не возникает ни малейшего сомнения, что все это было подстроено и речь идет о политическом убийстве».

Никто из нас четверых, сидевших за столиком массачусетского ресторана, долго не мог проронить ни слова. Перед моим мысленным взором возник образ Рольдоса, каким я его запомнил при первой встрече, на одном из приемов в Кито. Тогда огромное впечатление на меня произвели его твердость, обаяние, чувство юмора и глубокая решимость не жалеть сил, чтобы вырвать Эквадор из рядов беднейших стран Западного полушария.

Наконец мои мысли вернулись к действительности, и я рассказал доктору Галарза о встрече с Мартой Рольдос. Я вкратце пересказал

некоторые из ее подозрений, которые подтверждали его версию о политическом убийстве президента Эквадора.

«Не правда ли, странно? — обратился Галарза к своему племяннику. — Нашу собственную полицию не подпускают к месту гибели нашего президента, а представителям американских властей никаких препятствий не чинят. Следствие по делу ведет кто угодно, только не эквадорские следователи. Каково, а?»

Потом я рассказал, что неоднократно пытался связаться с Мартой по электронной почте, чтобы обсудить ту нашу беседу. «Я хотел, чтобы она посмотрела сделанную мною запись разговора и, может быть, что-то поправила или дополнила, но она так ни разу и не отозвалась».

В ответ Галарза рассмеялся: «Ее молчание вполне объяснимо. Ведь ее дядя Леон, брат Хайме, выставил свою кандидатуру на президентских выборах, а сама Марта претендует на одну из государственных должностей. После того как Марта и ее брат осиротели, Леон всячески опекал и поддерживал их, став для них вроде приемного отца. Понятно, что случившееся стало для них большим горем, ударом, потрясением. К тому же дети были страшно напуганы. В Эквадоре слишком многое произошло с того времени, когда вы с Джессикой последний раз беседовали с Мартой. Страна бурлит. После изгнания Гутьерреса его место занял бывший вице-президент Паласио, а это человек противоречивый. Никто не может заранее знать, чью сторону он примет в тот или иной момент. Ничего удивительного, что Марта и Леон боятся беречь прошлое. Уж кому-кому, а им хорошо известно, что за убийством ее отца стоят могущественные глобальные интересы. Конечно, теперь Марта не рискнет обсуждать с вами свои подозрения».

Какие уроки преподала Латинская Америка

В декабре 2006 года по приглашению Филиппе Диаса и Бет Портелло с киностудии Cinema Libre Studio я приехал в Боливию для участия в съемках документального фильма о корнях бедности в Боливии. Для меня это была возможность из первых рук узнать, как ощущают себя боливийцы через год после того, как их избранник Эво Моралес занял президентский пост.

Я читал его официальные речи и интервью, но приглашение на студию давало прекрасный шанс узнать, что думают сторонники президента и его оппоненты.

Я много беседовал с представителями самых разных слоев боливийского общества: владельцами небольших магазинчиков, таксистами, официантами и владельцами ресторанов, безземельными крестьянами, бывшими шахтерами, организаторами массовых забастовок, благодаря которым в 2003 году был изгнан президент Санчес, известной актрисой Карлой Ортис и человеком, на глазах которого его родной брат в муках умирал от солдатской пули во время подавления массовых волнений. Я брал интервью у правительственных чиновников — сторонников Моралеса, у недовольных его политикой бизнесменов, а также у экс-президента Хорхе Кирога Рамиреса по прозвищу Туто, который возглавлял оппозицию.

Встречи и беседы с боливийцами явно показывали, что президент Моралес сталкивается с множеством проблем и вызовов. В среде промышленников и высших слоев общества программа намеченных им экономических и социальных реформ вызывала резкое неприятие и сопротивление. А сторонники Моралеса, в том числе этнические сообщества, ждали от него резкого разворота от той государ-

ственной политики, которая велась на протяжении столетий. Более того, я сильно подозревал, что в довершение всех этих атак с разных сторон Моралес стал объектом запугивания и подкупа со стороны экономических убийц. Ему следовало помнить, что «шакалы» только и ждут своего часа.

Как-то раз в одной из огромных гостиных президентского дворца я беседовал с боливийским вице-президентом Альваро Гарсия Линера. Я уже знал, что хотя Моралес олицетворял власть в глазах общества, его вице-президент обладал большим закулисным влиянием.

Нашу съемочную группу проводили в помещение, более всего напоминающее какой-нибудь из залов Королевского дворца в Мадриде, — вызывающе роскошное, с потолками, уходящими на два этажа вверх. Как я заметил, там были устроены три разделенные свободным пространством переговорные комнаты с богато инкрустированной мебелью XVIII века в стиле французского барокко — стульями, диванами, кушетками. Пол устилали персидские ковры. Здесь, думал я, в этом зале, более подходящем для королей и прочих царственных особ, мне предстоит встреча с человеком, который в свое время участвовал в партизанском движении и четыре года провел за решеткой. А теперь судьба вознесла его к вершинам власти.

Появление Гарсии Линера только подчеркнуло эту несообразность. Худощавого телосложения, стройный и гибкий, он появился в отутуженных черных брюках, черной же сорочке с расстегнутым воротом и твидовом пиджаке спортивного покроя. Его изящные руки, казалось, смотрелись бы куда уместнее на клавишах рояля, нежели на прикладе винтовки партизана-революционера.

Первое время мы обсуждали некоторые аспекты политики боливийского правительства, а потом заговорили на тему роли Боливии как модели, которой могли бы следовать и другие страны региона. С глубокой убежденностью вице-президент заявил: «Либо все должны быть свободны, либо никто не свободен». А потом, продолжая следовать этой логике, заметил: «Чтобы ваш и мой народ жил в условиях стабильности, надо, чтобы везде в мире была стабильность». Затем Линера поделился со мной своим определением «посткапиталистического общества». Его главная цель — обеспечить достойную жизнь всем гражданам. «Государство больше не будет служить интересам

кучки богачей и крупных корпораций. Оно призвано служить своему народу, в том числе самым бедным и обделенным».

В многочисленных интервью и беседах самые разные люди часто выражали уверенность в том, что возврат к прошлым временам угнетения и подавления стал невозможен, порукой чему были перемены в политической обстановке на континенте. Как сказала одна простая женщина-боливийка, «раньше я стеснялась, что я аймара, а теперь нет. Эво научил нас гордиться тем, что мы индейцы». А ее муж добавил: «Больше мы никогда не согласимся быть рабами — ни испанцев, которые владеют огромными поместьями, ни американских корпораций».

В то же время мне открылась и оборотная сторона медали. Многие из тех, кто поддерживал Моралеса, опасались, что он уступил давлению Вашингтона и не собирается выполнять свои предвыборные обещания. При этом постоянным рефреном звучала фраза: «Он — не Чавес».

Если сторонники Моралеса опасались, что их лидер в отличие от Чавеса поддастся давлению экономических убийц, то его противники не меньше того боялись, что Моралес, наоборот, станет чересчур активно сближаться с президентом Венесуэлы. Многие из них говорили, что Моралес позволяет использовать себя как трамплин, с помощью которого президент Венесуэлы Уго Чавес сможет реализовать свои политические амбиции и завоевать положение лидера всего континента. «Сначала Боливия, потом Эквадор, потом будут Перу и Колумбия, — делился подозрениями один из моих собеседников. — Чавес желает добиться контроля над всеми нефтяными и газовыми ресурсами Южной Америки. Он вообразил себя Симоном Боливаром наших дней».

Новогодние праздники застали меня в Боливии, и я получил приглашение на праздничный прием в президентский дворец. Перед полуночью в зале ненадолго появился Эво Моралес и пообещал отметить приход нового, 2007 года, пресс-конференцией, на которой собирался озвучить некоторые пункты своей новой программы.

Потом он отправился на телевидение, а я в очередной раз окинул взглядом зал с его пышным убранством и присутствовавших на празднике людей. Вот стоит англичанка из журнала *The Economist*, а это — американец, он работает в Associated Press, а вон и внушитель-

ная группа представителей латиноамериканских СМИ. Вместе со всеми я подошел к огромному телеэкрану, по которому как раз транслировалось выступление Моралеса. На его лице, как мне показалось, проступали явные признаки внутреннего напряжения.

Я попытался представить себе, что в эту минуту чувствует человек, в одиночестве стоящий перед множеством камер. Человек, который из самых низов сумел пробиться на самый верх и возглавить страну, человек, чьи слова дают теперь пищу для новостных программ на всей планете. Яснее всего было только одно: его президентству не суждено быть легким.

Возвращаясь самолетом из Ла-Паса в Майами в первый день 2007 года, я вспоминал все перипетии своей поездки в Гватемалу в 1992 году и общение с Пепе Харамильо. Сейчас я понимаю, что те события имели гораздо большее значение, чем я тогда предполагал. Я направился в эту страну как представитель американской корпорации, которая поручила мне определить, как бы получше эксплуатировать природные ресурсы, принадлежащие народу майя. Однако в то время я уже тесно сотрудничал с некоммерческой организацией, у которой была прямо противоположная цель: помочь майя защитить свою землю от разорения и сохранить свою культуру. Но в те дни я не конца осознавал двойственность своей тогдашней роли, как не понимал и противоречий, насквозь пронизывающих мою жизнь, — тех самых, что отражали противоречия моей страны.

Я был воспитан в традициях культуры, которая проповедует уважение к правам человека и в то же время вольготно пользуется материальными благами, созданными за счет эксплуатации других народов. Я родился и вырос в стране, граждане которой, составляя лишь 5% населения мира, умудряются потреблять 25% его ресурсов; я живу в обществе, которое провозглашает принципы бережного отношения к окружающей среде, но вместе с тем является источником 30% вредных отходов, наносящих самый большой вред нашей планете. Когда авиалайнер нес меня из Майами в Гватемалу, он сжигал топливо из нефти, выкачанной из недр чужой страны. Кое-что из моей одежды могло быть произведено на потогонных фабриках.

Оглядываясь назад и оценивая прошлое с моих сегодняшних позиций, готов утверждать, что это превосходный пример того, о чем говорил старый шуар в 1991 году, во время моего путешествия по

Эквадору вместе с Эхудом Сперлингом. «Твой народ мечтал, чтобы было много огромных фабрик, высоких зданий и столько машин, сколько капель в этой реке, — сказал он мне тогда. — Теперь вы начинаете понимать, что ваши мечты оборачиваются сплошным кошмаром».

Помню, Пепе говорил, что опасается местного населения, коренных индейцев. Дальнейшее наглядно показало, что его страхи были оправданны. На мой вопрос, как изменить положение вещей, старый шуар поделился со мной своим рецептом лучшего будущего: «Это очень просто, — отвечал он. — Все, что требуется, — изменить мечту... Надо только бросить в почву другое семя, научить ваших детей грезить новыми мечтами».

Как показывает жизнь, латиноамериканцы очень серьезно отнеслись к этой идее. Под водительством коренных народов, городской бедноты и крестьян они как на словах, так и на деле изменили свою мечту. Они организовались в общественные движения в защиту своей культуры и своих земель. Они прогнали прочь диктаторов и отдали голоса президентам, которые требовали, чтобы природные богатства их стран шли на благо их народов. Возможно, сами того не желая, они сумели защитить и народ нашей страны — от нас самих. Решительно выступив против диктата корпоратократии, они заставили нас оглянуться вокруг, осознать, что происходит в мире. Всем нам, и американцам, и народам других стран, они подали пример, которому стоит последовать.

Одновременно латиноамериканцы сделали и еще кое-что, но уже не к югу от Рио-Гранде, а прямо у нас, в Штатах. Долгое время американцы были пассивны — мы только и могли, что жаловаться на сокращение бюджета, на то, что урезаются пенсии, субсидии на образование, социальное обеспечение, бесплатную медицинскую помощь престарелым; что расходы на войну в Ираке растут; что власти Нового Орлеана предали его жителей. А выходцы из Латинской Америки не побоялись выйти на улицы американских городов с протестами против несправедливых законов об иммиграции.

Пока мы в домашнем уюте предавались безделью, щелкали пультами телевизоров и оплакивали положение, в котором находится наше государство, они на деле реализовали гражданские права, которые закреплены конституцией. Они возвышают свой голос и шагают маршем на Вашингтон. И неважно, согласны вы с их требова-

Глава 28. Какие уроки преподала Латинская Америка

ниями или нет, все равно это заставляет вас обратить внимание на то, что делается вокруг, и уважать этих людей за мужество и готовность действовать.

В странах Ближнего Востока люди тоже не сидят сложа руки. Однако их методы борьбы с американской империей обусловлены их историческим развитием и поэтому в корне отличаются от тех, что использовали жители Латинской Америки.

Часть III

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Обанкротившиеся Штаты

В первой половине XX века нефть превратилась в самый ценный ресурс из всех когда-либо существовавших в истории. Она стала той силой, что двинула вперед процесс модернизации. Обеспечение доступа к надежным источникам нефти стало краеугольным камнем внешней политики почти любого государства. Настоятельная потребность в нефти стала едва ли не главной причиной нападения Японии на Пёрл-Харбор в 1941 году.

Значение нефти неизмеримо возросло в период Второй мировой войны. Она была ее «кровью», потому что приводила в движение боевые самолеты, танки, корабли; без нее воюющее государство было обречено на поражение.

А кроме того, нефть стала самым мощным оружием в арсенале корпоратократии.

Когда Вторая мировая война закончилась, нефтяные компании разработали план, которому было суждено ни много ни мало, а изменить ход истории. Во имя собственных интересов (а значит, и интересов страны!) нефтяные компании решили убедить президента и конгресс США, что национальные нефтяные ресурсы лучше приберечь на случай будущих войн и других экстренных ситуаций.

Зачем выкачивать из собственных недр этот ценнейший стратегический ресурс, тем самым уменьшая свои запасы, когда можно эксплуатировать нефтяные месторождения других континентов? Этот мощный аргумент позволил американским нефтяным компаниям вместе со своими британскими и европейскими коллегами выторговать у своих правительств налоговые льготы и прочие послабления, что, как они утверждали, позволит взять под контроль мировые запасы нефти.

Однажды принятое, это решение — а его подтверждали каждый последующий президент и каждый последующий состав конгресса —

заложило основы политики, которая привела к пересмотру национальных границ, возникновению новых государств и низвержению правительств. Подобно золоту, нефть стала символом могущества, а ее цена — базовым элементом, определяющим ценность любой валюты мира; в отличие от золота, нефть приобрела огромное значение как промышленное сырье — для производства пластмасс, электронно-вычислительной техники, химических продуктов.

Поначалу казалось, что план нефтяных магнатов прольет золотой дождь на нефтедобывающие страны третьего мира. Однако нефть, словно повторяя судьбу золота, очень скоро стала для этих стран тяжелой ношей и источником постоянного беспокойства. В фигуральном смысле эти страны повторили судьбу старателей во времена золотой лихорадки на Диком Западе: стоило кому-то из них подать заявку на участок с золотой жилой, как он становился объектом внимания негодяев всех мастей и баронов-разбойников.

Примерно в то самое время, когда нефть обретала статус ключевого ресурса современной эпохи, за Советским Союзом окончательно закрепился статус врага номер один. Как утверждают историки, для успешного строительства империи необходим внешний враг. Для Соединенных Штатов Советский Союз в то время гармонично вписывался в эту роль. Советский ядерный арсенал удачно подкреплял аргумент корпоратократии о том, что реалии холодной войны требуют новых подходов к международной дипломатии.

Неудивительно, что первый серьезный конфликт в ходе холодной войны разразился именно из-за нефти и именно в том регионе мира, который обладал крупнейшими запасами этого ресурса, — на Ближнем Востоке. Это был Иран. Демократически избранный и пользовавшийся необычайной популярностью премьер-министр этой страны Мохаммед Моссадык (в 1951 году журнал *Time* объявил его человеком года) потребовал для своего народа справедливой доли прибыли от иранской нефти и национализировал активы британской нефтяной компании *British Petroleum*.

Разъяренная Англия обратилась за помощью к своему испытанному союзнику по Второй мировой войне — Соединенным Штатам. В обеих странах хорошо понимали, что любая попытка применения военной силы в Иране может спровоцировать СССР нажать ядерную кнопку, и Вашингтон надумал вместо морских пехотинцев отправить в Иран агента ЦРУ Кермита Рузвельта-младшего (внука

Теодора Рузвельта). Его снабдили несколькими миллионами долларов, которые он удачно пустил в дело, организовав демонстрации протеста и уличные беспорядки, что в конечном итоге привело к отстранению Моссадыка от власти. На место избранного волей народа национального лидера Ирана ЦРУ посадило своего ставленника — шаха Мохаммеда Резу Пехлеви, хотя и деспота, но зато большого друга большой нефти.

Как я уже писал в «Исповеди», успех Рузвельта-младшего заложил основы для возникновения новой профессии — экономического убийцы, той самой, которую в свое время избрал и я. События в Иране наглядно показали, что империю можно строить без риска развязать войну, а заодно и с гораздо меньшими затратами.

Разработанная ЦРУ тактика была поистине универсальна: ее можно было применять в любой стране, ресурсы которой интересовали корпоратократию. Правда, у нее был единственный, но зато весомый минус: Кермит Рузвельт числился в штате ЦРУ. Попадись он, разразился бы страшный скандал. Решение было найдено быстро: вместо людей, состоящих на службе правительства, вербовать агентов из числа сотрудников частных компаний. Одной из них была та, где я работал, — MAIN.

Очень скоро экономические убийцы смекнули, что манипулировать политикой нефтедобывающей страны можно и не дожидаясь момента, когда она приступит к национализации своих нефтяных месторождений. Мы решили сделать инструментами колонизации Всемирный банк, МВФ и прочие организации с «многонациональным» представительством. Весьма доходные сделки, которые при нашем содействии получали у этих организаций американские корпорации, инициированные нашими усилиями соглашения о «свободной» торговле — все это в открытую обогащало американских экспортеров, ущемляя интересы их партнеров из третьего мира.

Мы навязывали другим странам непомерные внешние долги, которые им не под силу было выплатить. В сущности, мы создавали суррогатные правительства, будто бы представлявшие национальные интересы, а на деле служившие нашим. На Ближнем Востоке такими правительствами мы «осчастливили» Иран, Иорданию, Саудовскую Аравию, Кувейт, Египет и Израиль.

Стремясь завоевать господство в глобальной политике, корпоратократия при содействии армии экономических убийц делала все

возможное, чтобы заставить мир потреблять больше нефти. Специалисты по связям с общественностью, словно шустрые наркодельцы, колесили по всему миру, там и тут умело стимулируя спрос на товары, за которыми стояла корпоратократия, в том числе и на те, что производились на основе нефти в странах третьего мира, зачастую в невыносимых условиях потогонных фабрик.

Более двух десятков лет после свержения Моссадыка высокие показатели экономического роста Ирана служили для экономистов излюбленным доказательством того, что страна успешно преодолевает бедность. Однако статистика обманчива, в чем легко убедиться на примере азиатских стран. Она, во-первых, не отражает признаков социальной деградации и ухудшения состояния окружающей среды, а во-вторых, не способна выявить проблемы, которые дадут о себе знать в долгосрочном плане.

Наглядным примером могут служить иранские похождения Кермита Рузвельта, которые как раз и создали подобного рода «непредусмотренные последствия». Хотя организованный им переворот привел к власти диктатора, симпатизирующего интересам нефтяных компаний, он также институционализировал антиамериканское движение в ряде ближневосточных стран.

Иранцы так и не простили Соединенным Штатам свержения их горячо уважаемого, демократически избранного премьер-министра. Не забудут этого и народы соседних стран. Теперь историки размышляют, как развивались бы события, если бы Вашингтон тогда принял сторону Моссадыка и поддержал его замыслы направить доходы от экспорта нефти на социальные преобразования и борьбу с бедностью.

Многие приходят к выводу, что и другие страны региона по примеру Ирана встали бы на демократический путь, что, в свою очередь, уберегло бы Ближний Восток от жестокого насилия, и поныне раздирающего этот регион. А в реальности Ближний Восток убедился, что Соединенным Штатам верить нельзя, что эта страна, выставляющая себя поборницей демократии, на деле и не думает ее защищать, и вместо того чтобы помогать странам третьего мира, Америка хочет прибрать к рукам их ресурсы.

В этот период США столкнулись с тяжелыми внутренними проблемами. Стремление корпоратократии расширять базу своей власти загнало страну в долговой тупик. Промышленное производство

и добыча нефти все в большем объеме переносилась за рубеж, в страны с дешевой рабочей силой и крупными нефтяными запасами. Иностранные кредиторы потребовали выплат золотом. В качестве ответной меры администрация президента Никсона в 1971 году ввела запрет на свободный обмен долларов на золото, фактически отменив золотой стандарт.

Однако это поставило Вашингтон перед новой дилеммой. Если кредиторы начнут требовать погашения долгов в других валютах, корпоратократия будет вынуждена осуществлять выплаты с учетом курса этих валют к золоту на момент предоставления займов. А это было бы почти равносильно катастрофе, потому что денежные сундуки корпоратократии к тому времени порядком оскудели. Единственным спасением от банкротства был Монетный двор США, который мог печатать доллары и диктовать их стоимость. При этом было категорически необходимо, чтобы доллар сохранил за собой статус главной валюты международных расчетов.

В прологе я коротко рассказал о том, что этой цели нам удалось добиться при помощи Саудовской Аравии. Наша схема сработала, но в ней было задействовано не только это государство. Более подробная версия тех событий требует упоминания еще двух стран, которые, сами того не желая, пришли на выручку США, — обе они тоже располагались на Ближнем Востоке.

Король доллар

«Интересно, что все же будет с долларом?» — задал риторический вопрос президент MAIN Джейк Добер вскоре после того, как в 1971 году был отменен золотой стандарт. «Подозреваю, — продолжал между тем Добер, — что его ценность будет определяться ценой на нефть». Разговор этот начался во время обеда, на который чета Доберов пригласила меня в ресторан отеля Intercontinental Indonesia, где они остановились по пути на Ближний Восток. «Никсон подобрал себе в команду очень ловких парней — Киссинджера, Шульца, Чейни. Жду не дождусь того дня, — мечтательно произнес Добер, сжимая руку жены и глядя ей в глаза, — когда мы с тобой будем вкушать тихие семейные радости и гордиться тем, что были частью этого великого действия. США открывают новую страницу мировой истории, и нам достались места в первом ряду».

Джейку не довелось дожить до знаменательного дня, который он так мечтал разделить со своей женой. Та поездка оказалась последней в его жизни. Вскоре после возвращения Джейк умер, и пост президента MAIN занял его протеже Бруно Замботти. Однако жизнь показала, что Добер блестяще предсказал будущее доллара. Команда Никсона продемонстрировала не просто ловкость, но и настоящее коварство.

Первым союзником Вашингтона в борьбе за полновластие доллара на мировой арене был Израиль. Большинство людей, включая израильтян, до сих пор считают, что единственной причиной Шести-дневной войны 1967 года, когда Тель-Авив нанес упреждающие удары по Египту, Сирии и Иордании, было стремление обеспечить защиту своих границ.

Это со всей очевидностью, казалось бы, подтверждал и итог той недельной кровавой бойни — Израиль четверо увеличил территорию, присоединив к своим владениям восточный Иерусалим, часть

западного берега реки Иордан, сирийские Голанские высоты и принадлежавший Египту Синайский полуостров. Однако Шестидневная война имела и другую цель.

Из-за таких значительных территориальных потерь арабы почувствовали себя публично униженными, что не могло их не разъярить. Свой гнев они обратили на Соединенные Штаты, понимая, что без их финансовой и политической поддержки Израиль никогда не достиг бы такого успеха. А кроме того, они отчетливо видели и военную угрозу со стороны США — на Ближнем Востоке располагался американский военный контингент — на случай (впрочем, скорее гипотетический), если вдруг Израилю понадобится помощь.

Тогда мало кто в арабском мире понимал, что во всей этой ситуации Вашингтоном двигали куда более эгоистичные мотивы, нежели благородное стремление помочь израильтянам защитить свои земли. Точно так же арабы не догадывались, что США намереваются использовать их гнев для достижения своих целей.

В сущности, весь исламский мир, сам того не подозревая, стал вторым невольным союзником Вашингтона на Ближнем Востоке. В ответ на агрессию Израиля Египет и Сирия 6 октября 1973 года одновременно нанесли по его территории военные удары, приурочив их к дате самого почитаемого израильтянами иудейского праздника Йом-Кипур — Дня Искупления.

Президент Египта Анвар Садат, понимая зыбкость своих стратегических позиций, взял в союзники против США (и тем самым против Израиля) Саудовскую Аравию. Под давлением Египта король Фейсал-ас-Сауд применил против США то, что Садат назвал «нефтяным оружием». 16 октября Саудовская Аравия при поддержке четырех арабских государств Персидского залива объявила о 70%-ном повышении объявленной цены на нефть. Из солидарности к этому акту присоединился Иран (мусульманская, хотя и не арабская страна). В последующие дни министры нефтяной промышленности арабских стран при общем согласии решили наказать США за произраильскую позицию и единогласно поддержали идею нефтяного эмбарго.

Это было частью классической шахматной партии, которую США разыгрывали на Ближнем Востоке. Через три дня, 19 октября, президент Никсон запросил у конгресса 2,2 миллиарда долларов для помощи Израилю. На следующий день арабские страны — экспор-

теры нефти под предводительством Саудовской Аравии ввели полное эмбарго на поставки нефти в США. В те дни лишь единицы были способны оценить всю глубину коварных замыслов, кроющихся за действиями Вашингтона, или хоть на миг допустить, что истинная цель США — поддержать слабеющий доллар.

Эффект от эмбарго был впечатляющим. Продажная цена саудовской нефти достигла небывалых высот: 1 января 1974 года, менее чем через три месяца, она была уже в семь раз выше, чем четыре года назад. Средства массовой информации в один голос предрекали экономике США громкий крах. По всей стране к бензоколонкам выстраивались длинные очереди, а экономисты высказывали опасения, что страну ожидает нечто подобное Великой депрессии 1929 года. Если сбережение собственных нефтяных запасов и раньше было одним из приоритетов США, то теперь это внезапно превратилось чуть ли не в навязчивую идею.

Теперь-то мы знаем, что беспрецедентный взлет цен на нефть произошел не без активного участия корпоратократии. Политики и представители бизнеса, в том числе нефтяного, всю демонстрировали негодование, хотя на деле именно они, как опытные кукловоды, дергали за веревочки, нагнетая страсти вокруг нефти. Никсон и его советники хорошо понимали, что решение выделить более двух миллиардов долларов помощи Израилю непременно спровоцирует арабские страны на крутые ответные меры. Поддерживая Израиль, американская администрация целенаправленно создавала условия, породившие то, что теперь считается самой что ни на есть искусной и значимой операцией экономических убийц за весь XX век.

Министерство финансов США обратилось к MAIN и некоторым другим фирмам, которые уже зарекомендовали себя послушными исполнителями воли корпоратократии. Перед нами была поставлена задача изобрести стратегию, которая заставит страны ОПЕК направить многомиллиардный поток нефтедолларов, потраченных США на закупки ближневосточной нефти, обратно в страну, в руки американских компаний, а заодно позволит заменить прежний золотой стандарт «нефтяным».

Мы, экономические убийцы, знали, что ключевым элементом подобной стратегии могла стать только Саудовская Аравия — как страна с самыми крупными запасами нефти, фактически контролирующая ОПЕК. Учитывали мы и тот факт, что «королевское» семей-

ство крайне коррумпировано, а следовательно, манипулировать им не составит труда. Как и другие правители Ближнего Востока, Сауды хорошо уяснили, что такое политика колониализма. Достаточно сказать, что королевский дом Сауд в свое время получил престол из рук Великобритании.

В книге «Исповедь экономического убийцы» подробно рассказано об этой стратегии, к изобретению которой я тоже приложил руку. Между собой мы называли ее «операция по отмыванию денег Саудовской Аравии», в английской аббревиатуре — SAMA.

Что же касалось путей реализации этой стратегии, то вкратце они сводились к трем главным обязательствам, которые должен был взять на себя королевский дом Сауд: 1) вкладывать значительную долю нефтедолларов в правительственные ценные бумаги США; 2) разрешить министерству финансов США за счет многомиллиардных процентов по указанным ценным бумагам привлекать американские корпорации к европеизации страны; 3) поддерживать цены на нефть на приемлемом для корпоратократии уровне. Взамен правительство США гарантировало, что королевская семья Сауд сохранит свою власть.

Однако было и некое дополнительное условие, которое особо не афишировалось, но играло ключевую роль для решения основной задачи корпоратократии — укрепление статуса доллара как главной мировой валюты. Так одним росчерком пера было восстановлено владычество доллара на мировой арене, а критерием, определяющим его стоимость, вместо золота стала нефть.

И снова возвращаясь к прологу, напомним, что там говорилось о некоем побочном эффекте, оценить который способны лишь самые ушлые экономисты: он заключался в том, что Вашингтон вновь мог беспрепятственно взимать с каждого иностранного кредитора скрытый налог. Пользуясь тем, что доллар был главной валютой международных расчетов, США покупали у зарубежных партнеров их товары и услуги в кредит.

Однако из-за инфляции средства, полученные этими странами за нефть (или что-то еще), теряли существенную часть своей покупательной способности. Таким образом, иностранные кредиторы давали США больше, чем получали взамен, а разница прямиком попадала в карман корпоратократии — чем не скрытый налог без всякой надобности в сборщиках налогов?

Предсказание Джейка Добера сбылось — стоимость доллара стала определяться ценой на нефть. Загнав арабские страны в угол, Вашингтон и Тель-Авив вынудили их к нанесению ответных ударов — нападению на Израиль в праздник Йом-Кипур и введению эмбарго на поставки нефти в США. Это фактически развязало руки министерству финансов, а экономические убийцы получили отмашку на обработку семейства Саудов и проталкивание сделки SAMА, в результате чего американская валюта оказалась надежно привязана к нефти. Доллар стал коронованным королем международных финансов, каковое положение сохраняет и поныне.

Операция SAMА привела к важным геополитическим последствиям. Она способствовала ослаблению СССР и закрепила за США статус мировой сверхдержавы, с мощью которой не могла поспорить ни одна страна мира. А еще эта сделка сильно разгневала саудовского миллиардера Усаму бен Ладена, который отомстил Соединенным Штатам, устроив национальный кошмар 11 сентября 2001 года.

Оглядываясь назад, я не устаю поражаться нашей тогдашней самоуверенности. Мне часто кажется, что роковое стечение обстоятельств и наша реакция на них играют чуть ли не главную роль в нашей судьбе. Взять хотя бы меня — разве я взялся бы за такой сложный проект, каким была операция SAMА, если бы не та школа, которую за несколько лет до этого прошел в Ливане?

Манипулируя правительствами

С самых первых шагов на поприще экономического убийцы, еще работая в Индонезии, я продемонстрировал своим боссам, что готов составлять нужные для их целей инфляционные экономические прогнозы. Желая вознаградить, меня сделали главным экономистом (невзирая на мою не очень завидную ученую степень бакалавра делового администрирования и на тот факт, что я был в компании единственным экономистом), повысили жалование и направили на Ближний Восток, чтобы, так сказать, на месте изучить ситуацию.

Я уже имел неплохое представление об этом регионе, подготовив доклады по таким странам, как Иран, Кувейт и Саудовская Аравия. Однако мои источники информации ограничивались материалами библиотек да беседами с выходцами с Ближнего Востока, которые работали на нашу фирму в Бостоне.

Сначала меня направили в Иран — это была короткая поездка с целью сбора материала для углубленного анализа иранского энергетического сектора. Чарли Иллингвэрт, руководитель проекта по Индонезии, под началом которого я работал, посоветовал заехать на несколько дней в Бейрут. В то время этот город еще сохранял репутацию туристического рая или, по выражению Чарли, чудного местечка, чтобы расслабиться, адаптироваться к другому часовому поясу и получить общее представление о культуре Ближнего Востока. Чарли подсказал мне имя одного человека, сотрудника американского посольства, который мог бы ознакомить меня с достопримечательностями Бейрута.

После Второй мировой войны Ливан переживал золотую пору своего развития. Сельское хозяйство и мелкая промышленность процветали. Бейрут постепенно превращался в богатейший космополитический город, торговый и банковский центр Ближнего Востока. Из того, что я успел прочитать об этой стране, меня более

всего заинтриговали постоянные сравнения Бейрута то со Швейцарией, то с Парижем.

Я едва мог представить, как поблизости от этого средиземноморского города, который, по моим представлениям, находится на краю пустыни, могли располагаться известнейшие горнолыжные курорты. Еще пуще распаляли мое любопытство бейрутские кабаре и картинные галереи, которые, как утверждалось в путеводителях, вполне могли поспорить с парижскими.

Много прочел я и о темной стороне Ливана, которая уходила корнями глубоко в историю, но с каждым днем все отчетливее проступала в его современной жизни. Главным источником проблем и внутренней напряженности Ливана всегда был его пестрый религиозный состав: прибрежные районы населяют представители христианской общины маронитов, на юге в горах проживают друзы, приверженцы мусульманской шиитской секты, а в плодородной долине Бекаа — ортодоксальные мусульмане-сунниты.

Большинство маронитов — выходцы из Сирии, что создает дополнительный узел напряженности в арабском мире. Однако, несмотря на всю эту специфику, Ливан, как я понял, представлял собой особый микрокосм, в котором слились многие черты и особенности Ближнего Востока.

Еще со времен Крестовых походов Европа стремилась утвердиться в Ливане, столетиями предпринимая попытки его колонизировать. В конце XVIII века Франция, провозгласив необходимость взять под защиту христианское население Ливана, ввела туда свои войска. Париж вызвался взять на себя столь характерную для империалистической державы роль мандатария и в течение XIX века несколько раз направлял в Ливан экспедиционные войска.

В 1926 году Франция преобразовала его в Ливанскую Республику, которой (равно как и Сирией) и управляла согласно мандату Лиги Наций. В 1940 году профранцузские правители Ливана объявили о лояльности так называемому правительству Виши, подконтрольному нацистам.

В 1941 году после оккупации Франции Германия получила от вишистов разрешение на транзит военной авиации и материально-технического обеспечения через территорию Сирии — все это предназначалось для борьбы с британскими военными силами в Ираке. Опасаясь, как бы Германия не вынудила правительство Виши дать

ей полный контроль над Ливаном и Сирией, Британия направила в эти страны свои войска.

Вторая мировая война разожгла во многих странах националистические страсти, усилила стремление к национальной независимости. Так было и в Ливане — 1 января 1944 года здесь было объявлено о полной независимости. Между лидерами христиан и мусульман, Бишара аль-Хури и Риадас-Сольхом, был подписан так называемый Национальный пакт, заложивший принцип пропорционального распределения высших государственных постов между представителями разных конфессий.

Поскольку по данным переписи 1932 года христиане составляли 54% населения, общине маронитов было дано право выдвигать кандидата на пост президента Ливанской Республики. Премьер-министра, фигуру менее влиятельную, нежели президент, следовало избирать из общины суннитов, второй по численности конфессии, тогда как спикера высшего законодательного органа — из числа мусульман-шиитов.

Главнокомандующим вооруженными силами Ливана обязательно должен был быть маронит. Подобное распределение власти возмутило мусульман, считавших данные переписи, проведенной 12 лет назад, устаревшими, — они были уверены, что мусульманское население по численности давно превысило христианское. Мусульмане открыто заявляли, что Национальный пакт явно составлен в пользу христиан и Запада.

Кроме того, большие подозрения вызывал у арабов Израиль, от которого они ожидали всевозможных каверз. Ведь это была единственная искусственно созданная — мандатом ООН — страна, получившая то, что еврейский народ всегда называл «землей обетованной», как компенсацию за зверства, учиненные фашистами против евреев. Арабам, как, впрочем, американцам и европейцам, было сказано, что именно этим обусловлено создание государства Израиль. Ужасы массового истребления, которые выпали на долю еврейского народа во Второй мировой войне, в глазах многих делали неоспоримым его право на собственное государство. Никто не усомнился, что мир обязан как-то компенсировать эти страдания. Правда, миллионам палестинцев было сказано, что ради этого они должны пожертвовать своими землями. Эти люди в одночасье оказались изгнанниками и потоками хлынули в Ливан и другие ближневосточные страны.

Огромный приток палестинцев в Ливан сделал данные переписи 1932 года окончательно устаревшими — мусульманская община по численности намного превысила христианскую. Национальный пакт, как стало очевидно, был лишь орудием достижения политических целей Запада. Мусульманский мир лишний раз убедился, что за созданием израильского государства стояла и вторая, более низменная имперская цель — обеспечить странам-победительницам во Второй мировой войне вооруженный форпост на Ближнем Востоке, что в конечном итоге должно было дать им контроль над ближневосточной нефтью.

Ливан же, как подозревали мусульмане, изначально должен был служить поддержкой Израилю и его союзникам — для чего Национальный пакт и был составлен таким образом, чтобы обеспечить верховенство христианской общины. Все это выглядело как разрозненные фрагменты единого зловещего заговора.

Недовольство и гнев мусульманской общины Ливана выплеснулись в мятеж 1958 года. Американские политики тут же окрестили восставших «коммунистическими террористами». Вашингтон стал обвинять Москву в подстрекательстве мусульман к мятежу, хотя Сирия сыграла в этом куда более активную роль, нежели СССР. Президент Эйзенхауэр направил в Ливан американских морских пехотинцев. И хотя оккупация Ливана американскими войсками длилась лишь с мая по октябрь, это еще больше укрепило подозрения арабского мира в том, что Вашингтон намерен сохранить господствующее положение христиан в Ливане.

Кроме того, у мусульман Ближнего Востока надолго сохранилось крайне негативное впечатление от проявленной президентом США готовности применять методы военного вмешательства в дела государств региона.

Сильное негодование ливанцев вызывала и беспардонность, с какой действовал Вашингтон в соседнем Ираке. В конце 1950-х — начале 1960-х годов возглавлявший страну популярный иранский премьер-министр Абдель Керим Касем начал проявлять открытое неповиновение США и Великобритании. Он требовал, чтобы иностранные нефтяные компании делились с иранским народом прибылями от нефти, которую они выкачивали из недр страны, угрожая в противном случае национализировать их активы в Ираке.

Как водится, за дело взялись экономические убийцы, а когда их попытки убедить Касема изменить свое мнение провалились, ЦРУ приняло решение ликвидировать его руками наемных убийц. В их числе был и молодой иракец, который в то время еще не окончил школу, — Саддам Хусейн. Убийцы открыли ураганный огонь по автомобилю Касема, но покушение провалилось. Хотя пули изрешетили всю машину, сам Касем отделался лишь легким ранением. Зато пострадал Саддам — с пулей в ногу он вынужден был скрыться в Сирии.

В 1963 году президент Кеннеди принял решение, которое имело далекоидущие последствия, — приказал ЦРУ объединить усилия с британской внешней разведкой MI-6 и совершить то, что не удалось наемным убийцам. На этот раз миссия была выполнена: во время государственного переворота Касем был расстрелян в здании телевидения и радио Багдада. Тогда же по обвинению в симпатиях к коммунизму были схвачены и казнены пять тысяч иракцев. Через несколько лет Саддаму удалось вернуться в Ирак и занять пост руководителя службы национальной безопасности, а пост президента достался его родственнику*.

В этот же период демографическая ситуация в Ливане кардинально менялась — мусульманское население страны увеличивалось более быстрыми темпами, чем христианское. В конце 1960-х годов мусульмане решительно потребовали пересмотра Национального пакта, чему активно сопротивлялись марониты, сохранявшие за собой командные посты в правительстве Ливана. В то же время усиливалась угроза военного вмешательства США с целью поддержки христианской общины, поскольку Америка возобновила призыв в армию и теперь могла держать военные контингенты в любой точке мира.

Поменялась и геополитическая ситуация в регионе. Территориальные завоевания Израиля в результате Шестидневной войны 1967 года всколыхнули ненависть к нему арабского мира. Все большей поддержкой в исламском мире пользовалась воинствующая Организация освобождения Палестины (ООП). Она все шире

---

* James S. Henry, *The Blood Bankers: Tales from the Global Underground Economy* (New York: Thunder's Mouth Press, 2005), pp. 307–310; Jim Garrison, *America As Empire: Global Leader or Rogue Power?* (San Francisco: Berrett-Koehler, 2004), pp. 93–95.

использовала лагеря беженцев в южном Ливане для организации нападений на Израиль.

Так что в 1973 году, к моменту моего приезда, Ливан стремительно утрачивал последнюю видимость былой стабильности. Но в ту пору я был исключительно наивен, как, впрочем, и большинство американцев, не знавших арабского языка и поэтому вынужденных довольствоваться общением только с теми или через тех, кто говорил по-английски, — а это были в основном ливанцы, получившие образование в США и Англии, которые связывали все свои надежды с нашим присутствием в стране.

Я мог сколько угодно читать о мрачных страницах истории Ливана, я мог осознавать, как глубоки корни взаимной вражды между арабами, христианами и иудеями, но продолжал глубоко верить, что капитализм способен творить чудеса. К тому же я только что получил повышение по службе. Я путешествовал по миру первым классом, останавливался в лучших отелях, обедал в роскошных ресторанах — часто в компании самых прекрасных женщин. Как и другие американские бизнесмены, высокооплачиваемые консультанты, государственные служащие и «эксперты» Всемирного банка и МВФ, я был абсолютно убежден, что мы создаем условия для великого прорыва Ближнего Востока к демократии и прогрессу.

Однако Ливан открыл мне глаза совсем на иную реальность.

Ливан. *«Они абсолютно сумасшедшие»*

Автомобиль, который забрал меня в бейрутском аэропорту, плавно подкатил к входу в роскошный отель Phoenician Intercontinental. Мальчик-посыльный радостно поприветствовал меня и, схватив мою дорожную сумку, сопроводил в вестибюль. Зарегистрировавшись у стойки портье, я развернулся, чтобы отойти, и случайно встретился в какого-то господина.

Тут же отступив назад, я стал бормотать извинения, едва веря своим глазам, — передо мной стоял не кто иной, как Марлон Брандо. Он адресовал мне некое подобие улыбки, и такой узнаваемый, немного сиплый голос произнес: «Не беспокойтесь, все в порядке».

Мальчишка-посыльный ринулся ко мне и, схватив за руку, увлек в боковой коридор, подальше от стойки. Отойдя за угол, он быстро зашептал: «Сегодня вы действительно будете ночевать под одной крышей с Марлоном Брандо. У него ужасный характер. Ради бога, не просите у него автограф!»

И все же я не мог сдержать любопытства и, направляясь к лифту, то и дело оборачивался, чтобы поглазеть на великого актера. Сейчас он, правда, выглядел старше и куда более грузным, чем в последней картине, которую я видел. И все же это был именно он, Брандо, актер, игрой которого я восхищался в фильмах «Трамвай “Желание”» и «В порту».

Я, помнится, читал о его последней картине «Гори!», о которой Брандо отзывался как о своей лучшей работе. Свое столкновение — причем в буквальном смысле — с великим актером и признанным бунтарем Брандо я воспринял тогда как предзнаменование успеха своей первой поездки по Ближнему Востоку. Сам фильм, поистине новаторский, ломающий привычные каноны, рассказывал о том, как

строилась империя. Я увидел гораздо его позже и усмотрел знаковое совпадение в том, что герой Брандо по сути был предшественником экономических убийц.

Следующим утром за мной заехал знакомый Иллингвэрта. Этот человек, которого Чарли рекомендовал мне взять своим гидом, назвался Смайли, хотя я так и не понял почему — по натуре это был довольно мрачный тип, на лице которого очень редко появлялось выражение, которое соответствовало его прозвищу*.

Как выяснилось, он работал не в посольстве, а в американском Агентстве международного развития (USAID), причем чуть ли не всю жизнь. Теперь он завершал свою карьеру и попросил перевести его в Ливан, где и хотел уйти в отставку (в этой стране он родился и вырос в семье миссионеров), но сейчас, похоже, сомневался в правильности своего решения.

«Страна бурлит, как паровой котел, — говорил Смайли, пока мы ехали вдоль живописного средиземноморского побережья. — Эти проклятые мусульмане совсем от рук отбились. Теперь им ни на грош нельзя верить. О чем бы мы с ними ни договаривались, они вечно нарушают свои обещания».

Я спросил Смайли, нельзя ли подъехать к одному из лагерей палестинских беженцев — я хотел своими глазами увидеть то, о чем так много слышал. Сначала он отказывался, но потом все же уступил моим просьбам. Мы подъехали к лагерю. Даже навидавшись в Индонезии самой горькой бедности, я оказался не готов к этому зрелищу крайней нищеты и упадка. Лагерь представлял собой скопище убогих лачуг, обнесенных заборами. «Как в таких нечеловеческих условиях обитатели этих поселений умудряются сохранять здравый рассудок?» — вслух высказал я свое недоумение.

«А они и не сохраняют, — уверил меня Смайли. — Большинство из них абсолютно сумасшедшие».

Я поинтересовался, а как там с канализацией, водоснабжением и всем прочим. «Очень просто — откройте окно и вдохните, чем пахнет, — загоготал Смайли. — Сразу поймете, что слово “гигиена” у них не в ходу. — На его лице появилась саркастическая ухмылка. — Да они живут словно на другой планете, совсем не той, где мы с вами».

---

* Smiley (англ.) — тот, кто часто смеется. — Прим. пер.

Он вновь устался на дороге, но продолжал свою тираду: «Эти люди — свиньи. Вот представьте: чуть больше года назад ливанское правительство подписало с ООП так называемое Каирское соглашение. Оно давало палестинцам право на проживание, на труд и на автономное управление. И что же? Ливанское правительство с тех пор все пытается навести там порядок. Но эти мусульмане-арабы, они же не способны ценить добро, которое им делают, — Смайли вздохнул и продолжал: — Там окопалась ООП и тут же вступила в сговор со здешними коммунистами. Правительство Ливана они послали подальше, как, впрочем, и нас, парней из старых добрых Штатов. Ну ничего, они еще свое получают, помяните мое слово. Эти арабы еще заплатят за свое безрассудство».

События того дня, надо сказать, задели меня за живое. В качестве добровольца Корпуса мира я жил в Эквадоре среди местных крестьян в джунглях и научился понимать их чувства. Так же, как и они, я испытывал неприязнь к вызывающе элегантным господам из американского посольства и Агентства международного развития — к домам, в которых они жили, к машинам, на которых они ездили, к их одежде. Все это создавало разительный контраст с той неизбежной бедностью, в которой живет большинство эквадорцев. Но я ни разу не слышал, чтобы они рассуждали, как Смайли. Его желчность, озлобленность и явно предвзятое отношение к мусульманам поразили меня, как и то, что он не стесняясь выплескивал все это на меня, человека, с которым был едва знаком. Смайли открыто насмеялся над мусульманской религией, называя Мохаммеда не иначе как «воинствующим пророком», и противопоставлял ему христианского Князя мира. Меня так и подмывало напомнить ему, как католическая церковь разжигала войны в эпоху Средневековья, и, в свою очередь, противопоставить жестокость, которую проявляли крестоносцы к пленным сарацинам, тому, как благородно обошелся с европейскими рыцарями Саладин.

Но я не рискнул вступать в полемику — ведь я был здесь, что называется, человек новый и почел за лучшее пока попридержаться язык. Злобные обличительные речи Смайли я попытался списать на желчность его характера. В конце концов, думал я, он, должно быть, достиг той стадии, когда уже все равно, что о тебе подумают окружающие. Да и отставка у него не за горами. Может, он так злобится из-за разбитых надежд на тихую спокойную жизнь здесь, в Ливане,

и, что свойственно обиженным, сваливает вину за это на самых беззащитных — палестинцев.

Смайли высадил меня возле отеля. Я хотел пригласить его отобедать со мной, но он отговорился делами, которые ему предстоит сделать. Прощаясь, он задержал мою руку в своей и проникновенно сказал: «Надеюсь, что вы не заблуждаетесь на мой счет, — я вовсе не пессимист. Я знаю, что в конце концов мы победим. Должны победить. Ислам — неправильная и фальшивая религия. Только представьте, чтобы тот, к кому вы обращаетесь с молитвами, как наш Христос, например, рубил бы людям головы. Что же это за религия такая?!»

Обедая в одиночестве в ресторане Phoenician, я размышлял над последним замечанием Смайли. Все, что я увидел здесь, в Бейруте, убедило меня, что явным поводом, хотя и не обязательно первопричиной большинства проблем, терзающих Ближний Восток, является столкновение культур, в особенности религиозной их составляющей.

Из истории я знаю, что католическая церковь призывала крестоносцев к оружию для борьбы с тем, что она объявила «сатанинскими силами ислама». Однако известно, что в то время Европа страдала от раздоров и войн, от голода, разорения и чумы. Крестовые походы были задуманы как способ «выпустить пар», перенаправить народный гнев и недовольство, грозившие бунтами, на другую мишень, а заодно и завоевать новые земли. А еще мне припомнились недавние встречи с простыми людьми в Индонезии и то, как они говорили об исламе. Я был поражен тем, насколько это отличалось от смысла и тона речей Смайли.

Несколько месяцев назад я работал в Бандунге, индонезийском городе, расположенном в западной части острова Ява. Там я подружился с молодым индонезийцем Рейси, сыном хозяйки пансиона, в котором жили работавшие в Бандунге сотрудники компании MAIN. Как я уже рассказывал в «Исповеди», Рейси познакомил меня со своими университетскими товарищами.

Однажды вечером они пригласили меня на представление *даланга* (кукольника) в традиционном яванском марионеточном театре. Декорация представляла собой карту Ближнего и Дальнего Востока; ее фрагменты, изображающие отдельные страны, были развешаны на крюках на фоне белого экрана и примерно соответствовали расположению стран.

На первом плане трепыхались две марионетки. Одна явно смахивала на президента США Ричарда Никсона, а другая, как я понял, изображала госсекретаря Генри Киссинджера. Никсон срывал с крючков отрывки карты с изображением разных стран и засовывал их себе в рот. Всякий раз, когда ему попадалось ближневосточное государство, Никсон, попробовав его на зуб, выкрикивал нечто, в переводе примерно означающее: «Фу, горько! Какая дрянь!», и швырял листок в бадью, которую держал Киссинджер.

После представления мы с Рейси и его товарищами-студентами перешли в маленькое кафе. Завязался общий разговор. Ребята рассказали мне, что, по мнению многих индонезийцев, Соединенные Штаты специально раздувают антиисламскую войну. В подтверждение они цитировали английского историка Арнольда Тойнби, еще в 1950-е годы предсказавшего, что в будущем столетии войны будут вести не коммунисты и капиталисты, а христиане и мусульмане.

Одна из девушек, которая специализировалась на изучении английского, терпеливо разъясняла мне точку зрения индонезийцев.

«Страны Запада, — говорила она, — и в особенности их лидер, Соединенные Штаты, желают осуществлять контроль над всем миром, чтобы стать могущественнейшей за всю историю империей. И сегодня они как никогда близки к этой цели. На пути у Штатов осталось лишь одно препятствие — Советский Союз, но ему не устоять. У СССР одна только идеология, она не подкреплена ни религией, ни верой, ни какой-либо материальной основой. А между тем история свидетельствует, что вера — это душа народа и крайне важно, чтобы народ верил в высшие силы. У нас, мусульман, такая вера есть. Она сильнее, чем у других народов мира, даже чем у христиан. Мы спокойно ждем своего часа. День ото дня мы становимся все сильнее».

Глядя на меня в упор, девушка продолжала: «Перестаньте быть такими жадными и себялюбивыми. Поймите наконец, что в мире есть более важные вещи, чем ваши большие дома и распрекрасные магазины. Люди умирают от голода, а вы только и думаете, как бы добыть побольше бензина для ваших машин. Дети умирают от жажды, а вы разглядываете модные журналы, любуясь последними моделями сезона.

Многие народы задыхаются в нищете, а вы даже не слышите нашей мольбы о помощи. Вы научились игнорировать тех, кто пыта-

ется донести до вас эту горькую правду. Вы только и можете, что навешивать им ярлыки коммунистов или радикалов. Вы должны открыть свое сердце, свою душу страданиям бедных и обездоленных, а вы только и делаете, что загоняете их в нищету и рабство. Опомнитесь, не так-то много времени вам осталось. Если вы не изменитесь, вы сами обречете себя на гибель».

Вспоминая тот чудесный вечер с молодыми индонезийцами и день, проведенный в Бейруте со Смайли, я все пытался понять, на что может рассчитывать мир, в котором одни эксплуатируют других только потому, что у них разная религия. Как получилось, что религиозная рознь пустила столь глубокие корни среди народов мира? Как люди научились использовать священные идеи христианства и ислама для оправдания жестоких войн?

С тех пор меня не оставляли тяжкие сомнения, связанные с этими вопросами. Тогда, впервые посетив Ближний Восток, я начал понимать, сколь важную роль вопросы религии играют в международной политике. Однако только в Египте мне довелось на собственном опыте испытать, каким сильнейшим источником ненависти может служить религия.

От имени Агентства международного развития

«Египетские пирамиды могли бы служить символом той роли, которую должна играть эта страна в нашей стратегии, если, конечно, нам удастся завоевать сердца и умы арабов. Египту отводится роль основания — солидного и прочного фундамента, на котором мы будем возводить свою пирамиду, постепенно надстраивая ее ближневосточными государствами, которые войдут в орбиту нашего влияния» — так вещал Мак Холл, легендарный председатель и генеральный директор MAIN, окутанный ореолом тайны 80-летний старец. Это происходило в шикарном Engineers Club, на верхнем этаже самого высокого в Бостоне здания Prudential Tower, где находился головной офис компании MAIN. Нас, сотрудников, собрали по случаю ланч-брифинга, на котором присутствовал специально прибывший из Вашингтона ответственный сотрудник американского Агентства международного развития.

На дворе стоял 1974 год — во многом поворотный момент в тысячелетней истории Египта. Компания MAIN и другие организации, представлявшие корпоратократию, были полны решимости воспользоваться открывающимися в Египте возможностями. У нас возник повод для оптимизма, когда MAIN удалось заполучить заказ на крупный изыскательский проект в Александрии. Поэтому-то из Агентства международного развития и прислали эмиссара — для разъяснения задач, на которые нам следовало ориентироваться в своей работе по проекту.

Представший перед нами посланец этой организации заслуживает отдельного описания. Это был весьма элегантный джентльмен с короткой аккуратной прической и безукоризненно подстриженными усами. На нем был строгий серый костюм, накрахмаленная белая

сорочка и голубой галстук, который слегка оживлял красный рубчик. Два значка, красовавшиеся на лацкане его пиджака, один — изображающий флаг США, другой — две руки, черную и белую, слившиеся в крепком пожатии, должны были подчеркнуть статус их обладателя как официального представителя правительства и одного из недавно появившейся породы колонизаторов, рядящихся в тогу альтруистов.

Он держался очень прямо и, пока выступал, то и дело бросал почтительные взгляды на Мака Холла. Насколько я понял, посланец агентства явился к нам в нескольких ипостасях: как специалист по Египту, как чиновник, которому предстояло оценить нашу работу и утвердить смету оплаты наших услуг, а также как потенциальный сотрудник, представитель вашингтонской бюрократии, который хотел присмотреть себе более теплое местечко или щедрую кормушку в виде должности консультанта после отставки.

Излагая подробности своей деятельности на Ближнем Востоке, он умело вплетал в свой монолог факты из истории Египта, особо упирая на то, что многовековое иностранное господство определило послевоенное развитие событий в этой стране.

«Мусульманское братство» приобрело огромное влияние, — говорил он, выплевывая эти слова, будто они жгли ему язык. — Они требовали, чтобы Египет разорвал все связи с Европой. “Братья-мусульмане” и “Свободные офицеры” — организация революционно настроенных молодых офицеров египетской армии — совместными усилиями противостояли королю Фаруку I, которого египтяне ненавидели за то, что тот был выходцем из Албании, но его семья приобрела большое влияние в Египте еще во времена Османской империи.

А потом Фарука, как известно, поддерживали англичане и мы. В итоге Фарук, к нашему разочарованию, был вынужден отречься от престола. Конечно, вы знаете, кто пришел на смену ему — подполковник Гамаль Абдель Насер. В 1954 году он стал премьер-министром, а в 1956 году — президентом».

Политику Насера — завоевание независимости от влияния стран Запада — посланец Агентства международного развития называл не иначе как «безрассудной авантюрой». Он говорил: «Насер стал покупать оружие у Советского Союза. Естественно, что мы и англичане немедленно отозвали наше предложение о строительстве Асуанской плотины. Насер разъярился и объявил о национализации Суэцкого

канала. В ответ на это Израиль в 1956 году нанес по Египту военные удары и захватил Синайский полуостров. Можете не сомневаться, что после всех этих событий мы были просто обязаны что-то предпринять, но мы прибегли к скрытым маневрам. Англия и Франция заявили, что канал играет жизненно важную роль для их национальной безопасности. Насер остался глух к этим претензиям, и тогда Англия и Франция разбомбили позиции египетских войск вдоль Суэца и послали в зону канала свои войска. В итоге судоходство по нему было закрыто».

Тут сотрудник агентства замолк и нахмурился, а потом продолжил: «Этого мы потерпеть никак не могли. Мир требовал американских товаров и ближневосточной нефти, а возить все это вокруг Африки было слишком расточительно и неразумно. Делегация представителей высшего руководства американских корпораций отправилась в Белый дом, и Айк* внял их просьбам.

Генерал принял командование, — представитель агентства послал Холлу широкую улыбку. — В ноябре 1956 года было объявлено о прекращении огня, и в район конфликта на патрулирование египетско-израильской границы выдвинулся контингент миротворцев ООН».

Тут оратор взял паузу, чтобы глотнуть воды. На самом деле, решил я, он хотел, чтобы мы оценили всю важность этих событий. «По существу, — продолжал он, — Дядя Сэм мастерски заставил Израиль, Францию и Англию выйти из игры. Предыдущую свою победу мы одержали чуть больше года назад, когда положили конец безумству в Иране, посадив нашего друга шаха на место этого коммуниста Моссадыка. Теперь же мы продемонстрировали всем арабам, что держим их сторону в событиях вокруг Египта. Вашингтон, таким образом, стал доминирующей силой в регионе».

Внимая тому, о чем толковал посланец агентства на фоне элегантной роскоши закрытого частного клуба, расположенного на верхотуре Prudential Tower, я еще больше укреплялся в своем цинизме. Во мне крепло желание получше воспользоваться плодами укрепления господства на Ближнем Востоке той страны, которую считал своим домом.

По мере того как представитель Агентства международного развития разворачивал перед слушателями свою версию событий

---

* Президент США Дуайт Эйзенхауэр. — *Прим. пер.*

в Египте, мне становилось все очевиднее, что наш «триумф» в Иране и Египте утвердил господство корпоратократии, которое и воспевал в речи оратор, явно отрабатывая свое наверняка щедрое вознаграждение. Посетившие Белый дом главы корпораций, среди которых были и руководители военно-промышленного комплекса, заставили президента США прислушаться к их требованиям.

Теперь же, менее чем два десятилетия спустя, правительственное агентство ловко интегрировало в свою официальную позицию подправленную версию тех исторических событий. Как позабавила меня ушлость этих людей! Теперь наряду с гордостью за то, что допущен в этот круг избранных, я испытывал и некоторое чувство вины за ту роль, что отводилась мне в выстроенной ими схеме, цель которой, как я начал понимать все отчетливее, состояла — ни много ни мало — в построении первой в истории тайной империи.

Продолжая размышлять, я развернулся к окну и стал смотреть вдаль, на реку Чарльз. На противоположном берегу солнечные лучи играли на увитых плющом зданиях Гарвардского университета. Среди бизнесменов, прибывших в тот далекий день на встречу с президентом США в Белый дом, наверняка были и те, кто в свое время учился в этих стенах.

Мне вспомнилась речь Эйзенхауэра, посвященная военно-промышленному комплексу. Какой насмешкой судьбы показался мне тот факт, что кадровый военный, в период Второй мировой войны — Верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе, стал первым, кто официально признал существование феномена, который сейчас мы называем корпоратократией.

Эйзенхауэр был свидетелем того, как люди, стоявшие во главе бизнеса, во времена корейской войны приобретали все большее влияние на американскую внешнюю политику. На его глазах они манипулировали СМИ и конгрессом США, ловко используя коммунистическую угрозу для наступления на гражданские свободы. Он не мешал им продавать военным технологии производства стратегических средств, необходимых для доставки ядерных боеголовок. И лишь позже, в период Суэцкого кризиса, стал всерьез опасаться сговора между правительством, военными и крупными корпорациями.

Да, Эйзенхауэр не остался глух к их требованиям, но я уверен, что в глубине души он противился такому ходу вещей.

Воспитанный на военной дисциплине и знающий, что такое самодисциплина, Эйзенхауэр не мог не сохранить этого качества на всю жизнь. Он просто дожидался, пока закончится его второй президентский срок, чтобы взорвать свою собственную бомбу. Ею стала прощальная речь Эйзенхауэра 17 января 1961 года, когда он покидал свой пост. Подобно многим моим согражданам, протестовавшим в конце 1960-х годов против войны во Вьетнаме, я повесил в рамке над столом у себя в кабинете текст этой речи Айка.

В ней Эйзенхауэр говорил, что экономика его страны построена на мирных инициативах. «До последних международных кризисов у Соединенных Штатов не было индустрии вооружений. Конечно, американские производители могли со временем и при необходимости ковать не только орала, но и мечи». Далее следует предостережение Айка, обращенное к Америке:

«Те, кто работает в правительственных органах, должны уберечь себя от неправомочного влияния, осознанного или нет, со стороны военно-промышленного комплекса. Риск пагубного усиления этой незаконной власти существует сейчас и сохранится в будущем.

Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы давление этого блока угрожало нашим свободам или демократическим процессам. Ничто не должно рассматриваться нами как раз и навсегда достигнутое. Лишь бдительность и сознательность гражданского общества способны ограничить влияние гигантской военно-промышленной машины на наши мирные цели и методы. Только в условиях такого равновесия могут процветать безопасность и свобода».

«Насер на это не пошел, — голос официального представителя Агентства международного развития вторгся в мои размышления, унесшие меня далеко от Engineers Club. — Горячая голова, он надеялся нас переиграть. Насер продолжил свою безрассудную политику заискивания перед Советским Союзом. Он добился, чтобы СССР построил Асуанскую плотину. Можете себе представить, какие ощущения испытал по этому поводу ваш друг мистер Бектел, — докладчик повернулся к Маку Холлу, на что тот ответил сдавленным смешком. — И не только Бектел, но и все мы, весь наш бизнес».

«Точно так».

«Но у Бектела были связи в президентских кругах, — сказал Холл, обводя взглядом присутствовавших. — Это большой мастер лизать задницу».

Его замечание вызвало всеобщий смех.

Представитель агентства снова отпил воды и продолжил.

«А “Братья-мусульмане” между тем остались на задворках. Они считали, что своей дружбой с коммунистами-атеистами и отказом создать исламское правительство Насер предал их. Они утверждали, что это противоречит условиям, на которых они согласились выступить на стороне организации “Свободных офицеров” при свержении короля Фарука, и требовали, чтобы президент, которого они помогли привести к власти, положил Коран в основу конституции. Получив отказ и в этом, “Братья-мусульмане” организовали покушение на Насера.

Однако их посланцы провалили дело, чем добились противоположного эффекта — популярность Насера среди египтян только возросла. Он объявил организацию “Братья-мусульмане” вне закона и бросил в тюрьмы около четырех тысяч ее участников, а главарей казнил. Те, кому удалось избежать возмездия, затаились в подполье. Кое-кто предпринимал попытки проникнуть в профсоюзное движение, в школы и даже в вооруженные силы.

Многие же покинули страну и осели в Иордании, Саудовской Аравии, Судане, Сирии, а также — как вы знаете — в Кувейте, где вы, парни, осуществляете крупный проект по электрификации, верно? — оратор снова обернулся к Холлу. — Со временем осколки разгромленных Насером “Братьев-мусульман” превратились в одну из самых влиятельных происламских сил в мире. Они ставят своей целью выгнать нас, западников, как и всех прочих представителей христианской культуры, вон с Ближнего Востока, избавиться от светских лидеров вроде тех, что правят Ираном и Египтом, и заменить их своими муллами».

Меня же так и подмывало спросить представителя агентства, верны ли недавно просочившиеся слухи о том, что, невзирая на объявленные ими явно недружественные цели, «Братьев-мусульман» финансировало и обучало ЦРУ, потому что они выступали как противники коммунистов. Однако я заранее знал, какой ответ он даст, равно как и то, как дорого обойдется мне подобный вопрос,

особенно теперь, когда передо мной открывались столь соблазнительные перспективы.

«Есть ли ко мне вопросы? — осведомился сотрудник агентства, оглядывая аудиторию. — Позвольте сказать напоследок еще несколько слов. 1960-е годы стали для Египта временем бурь и потрясений. Насер взял курс на экономические реформы, руководствуясь идеями марксизма, в том числе объявил, что государству будет принадлежать как минимум 51% всего египетского бизнеса. Это стало для нас тяжелым ударом. Все, что делал Насер, уязвляло нас все сильнее и сильнее. Мы сдавали позиции. Миротворческие силы ООН оставались в зоне Суэца до 1967 года, однако вплоть до 1970 года между Египтом и Израилем периодически возникали стычки. Суэцкий канал и по сей день закрыт для судоходства. Менее четырех лет назад, в 1970 году, Насер умер, и на его место пришел вице-президент Анвар Садат.

Мы усердно работали, пытаясь склонить его на нашу сторону, — поверьте, как человек, который сам был там, утверждаю, что мы делали все возможное. Но поначалу Садат сильно сопротивлялся. Он сумел извлечь массу пользы из соглашения с СССР, заключенного еще Насером. Казалось, Садату нравится дразнить нас. Но мы кротко сносили все нападки и продолжали оставаться в Египте. — Тут представитель агентства расправил плечи, выдвинул челюсть и, прочистив горло, произнес с английским прононсом: “Старый британский обычай — выше нос!”»

Потом немного расслабился и оглядел аудиторию, явно ожидая нашей одобрительной реакции. «Боюсь, я не ахти какой актер. Но как бы там ни было, наша тактика сработала. Садат сделал полный разворот и в 1972 году отвернулся от Советов. А потом, — представитель агентства испустил тяжелый вздох, — опять развернулся — послал войска через Суэц и атаковал израильские позиции на Синае. Одновременно с этим Сирия вторглась на израильскую территорию в районе Голан. Израиль отбил удары, а остальное вам известно: война Йом-Кипур завершилась 24 октября 1973 года объявлением о прекращении огня. Теперь Садат снова ищет нашей дружбы и сподобы угодить нам — предлагая договориться с Израилем об отводе войск, активно поощряя иностранные инвестиции, взывая к МВФ и Всемирному банку о помощи. Так что двери перед нами вновь открылись...»

Закончив на этом речь, представитель агентства допил воду и обратился к Холлу: «Господин Холл, я всецело разделяю ваше видение ситуации, — он незаметно опустил глаза на лежавший возле его тарелки лист с текстом высказывания Холла, чтобы дословно воспроизвести его, — египетские пирамиды могли бы служить символом той роли, которую должна играть эта страна в нашей стратегии, если, конечно, нам удастся завоевать сердца и умы арабов. Египту отводится роль основания пирамиды — солидного и прочного фундамента, на котором мы будем возводить свою пирамиду, постепенно надстраивая ее ближневосточными государствами, которые войдут в орбиту нашего влияния, — представитель агентства слегка поклонился в сторону Холла, демонстрируя величайшее почтение. — Сэр, разрешите выразить вам признательность за эту формулировку, которая в точности отражает реалии нашего теперешнего положения».

После ланч-брифинга мы, все его участники, поднявшись со своих мест, стали обмениваться рукопожатиями. В какой-то момент мне снова захотелось взглянуть на комплекс зданий Гарварда, и я подошел к окну. Вдруг чья-то рука легла на мое плечо. Обернувшись, я был приятно удивлен, увидев перед собой старое, все в морщинах, лицо Джорджа Рича, который приветливо мне улыбался. После всесильного Холла он был второй по влиятельности фигурой в MAIN. Как когда-то говаривал мне мой босс Бруно Замботти, «президенты приходят и уходят, а Холл и Рич всегда тут, дергают за веревочки».

Выяснилось, что Рич обедал чуть ли не за соседним столиком с какими-то двумя джентльменами. «Прекрасный вид, — сказал он. — У вас найдется время, чтобы заглянуть ко мне в кабинет?»

Египет: контроль над Африкой

Я не мог поверить в свою удачу. Сначала ланч с Маком Холлом и группой топ-менеджеров MAIN, а теперь вот приглашение от человека, который в профессиональной среде инженеров прослыл живой легендой. О Джордже Риче и о том, как он работал в Африке и на Ближнем Востоке, существовало множество историй.

Насколько я знаю, он был первым, кто рискнул отправиться в самые отдаленные уголки на строительство гидроэлектростанций для сельских районов. Он забирался в глубь Африки, спускаясь по реке Конго в те времена, когда эти места были еще «Сердцем тьмы», как писал в своем романе Джозеф Конрад. Теперь же, на закате жизни (я знал, что ему сейчас 84 года), он стал самым почитаемым специалистом в своей области — инженеры-проектировщики всего мира отдавали ему дань уважения.

Как я убедился на собственном опыте, стоило упомянуть это имя в беседе с главой какой-нибудь компании в Боготе или Тегеране, и вам уже было обеспечено приглашение к нему домой на семейный обед (что для Ирана вообще вещь неслыханная).

Помимо своей деятельности в MAIN, Рич был и одним из трех партнеров — основателей инженерной фирмы Uhl, Hall and Rich, которую глава MAIN создал со своими ближайшими коллегами для выполнения кое-какой работы, которую почему-то не могла выполнять сама MAIN, — однако никто так и не мог внятно объяснить, для чего именно. Мне говорили, что будто бы это требовалось по законам штата Нью-Йорк. Но мое чутье подсказывало — только чутье и ничего более, — что эта фирма была создана для выполнения неких тайных операций, хотя я допускаю, что три директора через нее отмывали деньги — как собственные, так и принадлежавшие богатым клиентам и правительственным организациям.

Словом, я последовал за Джорджем Ричем, только направились мы не к нему в офис, а спустились на лифте на один из нижних этажей, где располагались кабинеты сотрудников MAIN. Пройдя по коридору, мы дошли до зала заседаний правления. Джордж открыл дверь своим ключом и пропустил меня внутрь. «Я передумал идти к себе, — пояснил он, жестом приглашая меня сесть на один из обитых плюшем стульев, — думаю, здесь более подходящее место для конфиденциальной беседы».

Рич развернулся, направляясь к висящей на стене ярко освещенной карте мира, по которой двигалась тень параболической формы, указывающая, что в этих местах день сменился ночью. Однажды меня уже допускали в зал заседаний, специально, чтобы свериться с этой картой. В тот раз дверь мне открыла личный секретарь Холла и простояла рядом все то время, пока я изучал карту, пытаюсь определить, на какое время поставить будильник, чтобы позвонить в Бангкок.

Рич указал на верхушку африканского континента.

— Это Египет, — сказал он, оборачиваясь ко мне. — Официальную версию, которую наплел этот энтузиаст из Агентства международного развития, ты уже выслушал. Теперь хотелось бы, чтоб ты представлял себе, как все было на самом деле. Сдается мне, ты достаточно сообразителен и примерно представляешь, чем мы занимаемся. Вскоре тебя направят в Египет, затем в Кувейт, Ирак и Саудовскую Аравию, — в этом месте Рич замолчал, и его последние слова повисли в воздухе.

Я тут же понял, что он неспроста пустил в ход этот ораторский прием — Рич отлично знал, насколько ошеломляюще подействуют на меня названия этих стран и тот факт, что меня направляют туда работать. Сполна насладившись произведенным эффектом, он продолжал:

— Тебе, конечно, известно, что наши задачи куда шире, чем тот круг заданий, что прописан в наших контрактах, — тут он подался ко мне, — не так ли?

— Так, сэр, я хорошо это понимаю.

— Вот и отлично. Кстати, в рыцари меня никто не посвящал, поэтому никакой я не «сэр». Имя мое ты знаешь — Джордж. Так меня и называй.

На это я мог только улыбнуться, слабо представляя себе, когда я смогу в лицо так запросто называть его по имени.

— О'кей, — ответил я.

Рич постучал по карте костяшками пальцев.

— Ты уже знаешь, что представляет собой движение «Братьев-мусульман».

Я кивнул.

— Так вот, эти «братья» — очень опасная компания. Их непременно следует склонить на нашу сторону, скомпрометировать, купить — все что угодно, потому что остановить их невозможно. Садат уже в этом убедился. Чем больше на них давишь, тем больше поддержки они получают. Это все равно что плеснуть в огонь керосин.

Рич пододвинул свой стул поближе к моему и встал за спинкой, глядя мне прямо в лицо.

— Но тебе всего этого делать не придется, по крайней мере сейчас.

Рич обошел стул и сел так, что наши колени почти соприкасались.

— Взгляни на карту, — сказал он, — что ты там видишь?

Его вопрос несколько смутил меня.

— Вы имеете в виду Египет?

— Естественно, Египет. Но где он находится? Где расположен Египет? — Он похлопал меня по колену: — Поднимитесь-ка, молодой человек, и еще раз взгляните на карту.

Я молча подошел к карте.

— Египет находится на побережье Средиземного и Красного морей, по соседству с Израилем.

Рич испустил тяжелый вздох:

— На каком континенте?

— В Африке.

— Ну наконец-то!

Он поднял руку над головой и сделал такой жест, как будто забрасывал веревку.

— Конечно, Египет — в Африке. Теперь еще раз посмотри на карту. В отличие от того, как это представляет себе большинство американцев, Египет — это именно африканская страна. Является ли он частью Ближнего Востока? Безусловно. Но Ближний Восток — не континент. Египет — это срединная страна, мостик, что связывает Европу и Азию. А кроме того, в противоположность общему мнению, Египет связывает эти два континента с Африкой. Ну хорошо,

разобрались. Но вот тебе вопрос потруднее. Скажи-ка, есть ли в Египте река?

— Нил.

— Верно. Нил. А теперь, глядя на карту, ответь, что можно сказать о Ниле?

— Он протекает через Судан...

— Да, Судан, который до 1956 года входил в состав Египта. Британия дала ему независимость, а если уж быть точным, то британцы и египтяне. Однако в Египте многие до сих пор вздыхают по этим утраченным землям и продолжают считать эту огромную территорию своей. Но вернемся к Нилу. Где еще протекает Нил?

— Ну, если взять все страны, по которым протекают оба Нила, Голубой и Белый, а также их притоки, связанные с озером Танганьика и системой более мелких озер, то получается, что Нил охватывает значительную часть африканского континента.

— Верно. «Добро пожаловать в страну Давида Ливингстона», — говорю я. Вот тебе еще один вопросик. Если дашь правильный ответ, можешь опять сесть. В каком направлении течет Нил?

— На север.

— Bravo! Все, что ты тут говорил, доказывает, что значительная часть африканского континента имеет сток в Нил, а Нил у нас течет на север, в Египет, правильно? Отлично. Правомерно ли утверждать, что плодородная долина, где египетские фараоны возвели свои пирамиды, образована илистыми наносами, или отложениями, которые воды Нила принесли из глубинных областей континента? Это не что иное, как гумус, поверхностный плодородный слой почвы — сердце и душа Африки! Каир, как говорится, стоит на африканской земле — это правильно, но не только потому, что он находится на африканском континенте, а потому, что в буквальном смысле построен на земле, принесенной Нилом из далеких южных районов Африки, верно? Верно. Теперь присядь, отдохни.

Я вернулся на свое место и стал ждать продолжения. А Рич хранил молчание, вперившись в меня взглядом. Я чувствовал, что он ждет от меня каких-то комментариев, и стал осторожно подбирать слова, прекрасно понимая, что этому человеку под силу возвысить меня или сломать мою карьеру. Все зависело от того, что я скажу.

— Я понял, что вы имеете в виду. Египет может сыграть важную роль в арабском мире, но он также имеет большое влияние

на Африку. — Я взглянул на карту. — Это своего рода мост, в географическом и социальном смысле, а также экономически и этнически.

Но Рич продолжал молчать, не отводя от меня взгляда. Я сообразил, что упускаю нечто важное и, быстро добавил:

— И конечно, с точки зрения религии.

— Очень хорошо, — он поднялся и, сцепив руки за спиной, снова приблизился к карте. — Египет, Судан, Эфиопия, Сомали, Кения — это все древние государства, неразрывно связанные историческими узами. И об этом нельзя забывать. Их еще в V веке до нашей эры воспевал греческий историк Геродот. Как гласит легенда, эфиопская монаршая династия, к которой принадлежит и нынешний император Хайле Селассие, основана еще царем Соломоном и царицей Шебой. Вообще, это очень любопытный регион, к нему нельзя относиться легкомысленно. — Рич утвердительно качнул головой, подчеркивая важность своих слов. — Нет, сэр, это дело не терпит легкомыслия.

Теперь глаза Рича снова уперлись в карту. Прошло довольно много времени, прежде чем он повернулся ко мне.

— Как ты знаешь, в этом регионе, кроме всего прочего, еще до черта нефти. Я знаю, что говорю, — недаром я долго изучал геологию. Так вот, как специалист-геолог, могу сказать тебе, что еще на твоем веку Африка станет полем битвы за нефть.

Старик наконец сел.

— Так что действуй, да не забывай, что говорил этот мистер из агентства. Отправляйся в Египет и сделай из него форпост для покорения Ближнего Востока. Но помни то, что сегодня мало кто понимает...

— Что Египет — это еще и форпост для завоевания Африки, — подхватил я.

— Если ты, парень, вздумаешь когда-нибудь завести детей и захочешь, чтобы они жили в достатке, вылезти из кожи вон, но добейся, чтобы мы получили контроль над Африкой. Нам нужен Ближний Восток — никто в этом не сомневается. Но мы должны получить в свое распоряжение и Африку.

На этом разговор закончился. Покидая зал заседаний правления, я испытывал восторг. Я ликовал. Я был приглашен на совещание с самим главой MAIN и высокопоставленным чиновником Агентства

международного развития, потом меня удостоил беседы такой человек, как Джордж Рич. Никогда раньше мне не приходило в голову, что Египет — не только часть Ближнего Востока, но еще и ключ к Африке. Никогда я не думал и о том, что эта страна играет столь важную геополитическую роль. Я был уверен, что немногие американцы отдают себе отчет в этом. Это позволяло мне чувствовать себя членом привилегированного клуба.

Я спустился на самый нижний этаж и вышел на улицу, держа путь к одному из зданий комплекса Prudential, где располагался мой кабинет — к Southeast Tower, дому № 101 по Хантингтон-авеню. «Последние слова Рича, — размышлял я, — вероятно, и есть квинт-эссенция того, что мы делаем. В один прекрасный день я встречу женщину, с которой захочу связать свою судьбу. У нас будет семья.» Я поглядел на витрину магазина эксклюзивной мужской одежды. На одном из манекенов красовался мужской костюм в мелкую полоску. Я дал себе слово, что еще на этой неделе зайду в магазин и куплю его. От этого на душе у меня вдруг стало легко и спокойно. «А что, — сказал я себе, — этот досточтимый старик-инженер прав — мы должны взять под свой контроль страны, ресурсы которых столь необходимы нашим корпорациям. Мы должны сделать это для блага будущих поколений».

Я действительно купил тот костюм, а через несколько недель уже всходил на борт самолета, который должен был доставить меня в Египет.

Собаки неверные

Я приступил к работе, но после нескольких дней, проведенных в Каире и Александрии, почувствовал, как во мне поднимается раздражение — представители местных властей никак не желали со мной сотрудничать. В Египет я был направлен как сотрудник Агентства национального развития, в чью задачу входила подготовка экономических прогнозов, на основании которых египетскому правительству предстояло получить финансирование от Всемирного банка.

Для выполнения этой задачи мне были необходимы статистические данные о численности населения в разных районах страны. И хотя я точно знал, что такие данные существуют, каждый здешний чиновник, к которому я обращался, пытался уверить меня, что это закрытые материалы, не подлежащие публичному использованию.

Я устал повторять, что не являюсь «публичным пользователем», что работаю на правительство Египта, придерживаясь строгой конфиденциальности, что эта статистика мне необходима, если они, конечно, ждут от меня прогноза развития экономики, который позволит их стране получить миллиарды долларов.

Однако все было бесполезно. Если в Азии и Латинской Америке, сочетая мольбы и угрозы, я добивался всего, что мне было нужно, то здесь, в Египте, эта тактика явно давала сбой. Александрийские и каирские чиновники, приставленные для того, чтобы облегчать мне работу, с готовностью показывали мне всевозможные достопримечательности.

Мы окунались в экзотику местных рынков специй, просиживали в дымных кофейнях, где мужчины в огромных тюрбанах часами булькали кальянами и играли в кости, прохаживались по набережным вдоль Нила и Средиземного моря, пялились на драгоценные

украшения и бесценный антиквариат в старинных дворцах и галлонами потрещали чай. Но стоило мне напомнить моим щедрым на выдумки экскурсоводам об истинной цели моего приезда, о том, что я жду не дожусь статистических материалов, как они принимались твердить о трудностях, связанных с получением этих данных, и зывали к моему терпению.

«Такие вещи требуют времени, — любили повторять они, — это вам не Америка. Наша страна очень стара, да и у верблюда, как вы знаете, поступь неспешная». Я даже предлагал дополнительное вознаграждение — разумеется, официально. Я твердил, что готов платить работникам сверхурочные, лишь бы они сделали, что надо. Намекал, что разница между тем, что получают работники, и тем, что я заплачу, попадет прямехонько к ним в карман. В ответ мои сопровождающие только качали головой и предлагали еще одну чашечку чая.

Наконец мое раздражение достигло предела, и я решил обратиться в вышестоящие инстанции через голову упрямых чиновников. Я отдавал себе отчет, что это весьма рискованный поступок. Раньше я всегда остерегался так поступать, но в данном случае ситуация представлялась мне просто безвыходной.

Мне удалось добиться встречи с одним из высокопоставленных правительственных чиновников, который работал на несколько министерств и был к тому же личным советником Садата. У него было очень длинное и труднопроизносимое имя, и мне сказали, что я могу называть его просто доктор Асим. В свое время он окончил Гарвардскую школу бизнеса и явно был хорошо знаком с деятельностью Всемирного банка, к тому же слыл человеком дельным. При этом я понимал, что такая помощь стоит больших денег, и был готов щедро его отблагодарить.

Настал день встречи. Я оказался в современном высотном офисном здании, где помещался кабинет доктора Асима. Грузный охранник сопроводил меня на лифте до верхнего этажа. Там нас уже встречал какой-то чиновник, одетый в черный костюм. Это был высокий худой египтянин, на лице которого застыло мрачное выражение. Он сопроводил нас в какую-то комнатушку, где не было ничего, кроме двух маленьких банкеток и журнального столика, и на отличном английском, в котором явно проступал британский акцент, попросил меня немного подождать.

Секьюрити, который по-английски не говорил, молча опустился на банкетку напротив. Потекло время ожидания. Я выбрал из кучи журналов, сваленных на столике, старый номер *Time* и погрузился в чтение. Напротив клевал носом толстый секьюрити. Дочитав *Time*, я взялся за *National Geographic*. Прошло около двух часов. Никто не позаботился предложить мне чаю.

Я уже не сомневался, что этим длительным ожиданием доктор Асим хочет показать мне, какая он важная персона. А то, что мне не подали чаю, я отнес на счет его недовольства тем, что я обратился к нему через головы его сотрудников, минуя официально установленные каналы. Размышляя над этим, я решил для себя, что предложу ему за содействие больше, чем собирался.

Наконец появился тот высокий тощий египтянин. Даже не подумав извиниться, он провел меня длинным коридором и подошел к массивной тяжелой двери из дерева, которая смотрелась бы куда уместнее в гробнице фараона Тутанхамона, нежели в здании современной архитектуры. Египтянин открыл дверь. Открывшееся помещение поразило меня своими гигантскими размерами. Пышностью и великолепием убранства кабинет доктора Асима мог бы удовлетворить тщеславие самого эгоцентричного фараона.

Обстановка представляла собой причудливое смешение древне-египетской культуры и современного стиля, больше подходящего для Парк-авеню. Тысячелетнего возраста папирусные свитки, казалось, бросали вызов вазам Пикассо. Ножки мебели самого современного дизайна утопали в персидских коврах.

За письменным столом огромных размеров восседал доктор Асим. На нем были темно-синяя сорочка и золотистый галстук. Широкое расплывшееся лицо формой напоминало дыню. На носу сидели очки в тонкой металлической оправе. Этим он, как я определил, будто вызывал в памяти образ Бенджамина Франклина. Когда я вошел, доктор Асим не удосужился даже поднять глаза. Его тощий помощник без единого слова выскользнул за дверь. Я остался стоять у входа в ожидании, пока доктор Асим закончит что-то писать. Наконец он поднял глаза, отрывисто бросил: «Сядьте», указал на стул перед столом и вновь уткнулся в бумаги.

Я был в замешательстве. Меня явно пытались унижить. Но почему? Неужели он забыл, что я сотрудник престижной консалтинговой фирмы, нанятой правительством для того, чтобы помочь его стране?

После ожидания, которое показалось мне довольно долгим, он наконец выпрямился в своем кресле и глянул на меня поверх очков. Он смотрел на меня, как смотрят на какую-нибудь жалкую букашку, которая неизвестно как попала на обеденный стол. Затем приподнялся и, будто истратив на это движение всю свою энергию, вяло потянулся через стол, протягивая мне руку. Я вынужден был встать, чтобы пожать ее.

Мое замешательство перешло в злость. Усилием воли я преодолел ее и выдал на лице приветливую улыбку. Зная о требованиях местного этикета и желая не ударить в грязь лицом, я рассыпался в благодарностях за то, что он изволил дать мне аудиенцию.

Однако доктор Асим проигнорировал мою любезность и, не поприветствовав меня в ответ, как принято в этой стране, в лоб спросил, что мне от него надо.

Не было ни малейших сомнений, что этот лохотный дипломат намеренно оскорбляет меня. Открыто, нагло. Меня так и подмывало уйти. Однако я заставил себя мысленно вернуться к ланч-брифингу в Engineering Club и к моей беседе с Джорджем Ричем в зале заседаний правления MAIN.

Внезапно я почувствовал опору под ногами. Моя месть за это оскорбительное унижение — знание, что я являюсь экономическим убийцей, который собирается эксплуатировать его самого и его страну в интересах своей. Пускай сейчас я проиграл и он торжествует свою маленькую победу, зато я знаю, что моя сторона одержит Большую победу; пускай он выиграл сражение, зато войну выиграю я. Усевшись поудобнее и слегка расслабившись, я искренне улыбнулся: «Данные о населении».

«Простите?»

«Мне нужны статистические данные по населению, — сказал я и вкратце объяснил, перед какой трудной дилеммой оказался. — Так что сами понимаете: пока ваши люди не снабдят меня этими материалами, ваша страна не получит денег, которые запросил ваш президент».

Он вскочил и грохнул кулаком по столу, габариты которого вполне соответствовали размерам помещения. От резкого движения его кресло отъехало назад, гулко ударившись о стену. «Да я гроша ломаного не дам за ваши поганые миллиарды», — отчеканил он. Учитывая явную наигранность его гнева, он на удивление хорошо контролировал свой низкий голос.

«Юноша, — а я имею право вас так называть, потому что вы моложе самого младшего моего сына, — что дало вам право врываться ко мне с какими-то там требованиями? — доктор Асим взмахнул своей пухлой рукой, предваряя мой ответ. — Позвольте кое-что вам сказать. Я жил в вашей стране, я повидал ваши фантастические города, дома, машины. Мне хорошо известно, что вы, американцы, думаете о нас».

Он положил обе руки на стол, тяжело оперся на них и подался ко мне, пожирая меня злобным взглядом.

— Знаете, о чем меня спрашивали в Гарварде? Езжу ли я на верблюде, вот! И это в Гарварде! Ваша тупость просто невыносима. Как и близорукость вашей распрекрасной страны. Мы, египтяне, существуем тысячи лет, десятки тысяч. И будем существовать, когда вы все уже обратитесь в прах.

Пододвинув к себе кресло, он снова сел, сопровождая эти действия шумными вздохами. Потом снова стал перебирать грудку бумаг на столе.

Я продолжал сидеть, снова заставляя себя вспоминать эпизоды совещания на верхнем этаже Prudential Tower и в зале заседаний. Я напоминал себе и о том, как встречался с индонезийскими чиновниками — они и не подозревали, что я знаю их язык и понимаю все те обидные слова, которые они, продолжая приветливо улыбаться и потчевать меня изысканными сортами чая, говорили обо мне. Эти воспоминания укрепили мою волю. Я сделался холоден и беспощаден, как сталь. Ничего, я побью его в его же собственной игре.

А доктор Асим между тем вновь оторвался от бумаг и снова взглянул на меня поверх очков.

«Идите», — бросил он.

«Но...» — начал я, однако тут его кулак снова с грохотом опустился на стол. Правда, на сей раз доктор Асим остался сидеть, а потом заговорил с обманчивым спокойствием: «Вам следует всегда помнить, что вы — неверные собаки. — Он впился в меня глазами и не отпуская мой взгляд — видимо, приобрел эту манеру в Гарварде. — Да, собаки неверные, вот вы кто».

Чиновник чеканил слова, будто вколачивая их смысл в мое сознание. «А теперь ступайте. Вы получите данные о населении, если на то будет воля Садата и Аллаха».

Через несколько дней статистические материалы все же были мне доставлены. Их без всяких церемоний, в замусоленном скоросши-

вателе из манильской бумаги, вручил мне курьер, прикативший на окутанном сизым дымом, чихающем мопеде. Никакой записки не прилагалось, словом, ничто не могло подсказать, откуда и почему прибыли эти материалы. Главное, теперь у меня было все, в чем я так нуждался для продолжения работы. И мне даже не пришлось никому за это приплачивать.

Просматривая десятки страниц, густо заполненных столбцами цифр, я не мог скрыть удивления — зачем надо было так тщательно скрывать эти сведения? Есть ли тому какое-нибудь логическое объяснение? Единственное, до чего я смог додуматься, — это то, что египтяне боялись ударов израильской авиации.

Но чем данные о населении могли помочь Израилю в планировании военных операций? Уж можно не сомневаться, что у него наверняка имеются все необходимые разведданные, чтобы определить цели для своих ракетных и бомбовых ударов. Израилю совершенно все равно, на сколько через 20 лет может увеличиться население какого-нибудь пригорода, на который он сбросит бомбы, — на 100 или 110 тысяч.

И тут в памяти всплыли слова доктора Асима.

Я был одной из «неверных собак». Египтяне знали то, о чем могли догадываться лишь немногие из моих соотечественников: данные вроде тех, что дал мне доктор Асим, мы использовали для построения своей империи. Составленные экономическими убийцами доклады об экономическом развитии были куда более действенным оружием, чем мечи крестоносцев. Сегодня в их роли выступают израильские бомбы — они сеют разорение и смерть, заставляя правительство капитулировать, идти на уступки.

Однако люди вроде меня, экономические убийцы, действительно опасны. Мы — те, кто пользуется плодами разрушения, кто направляет страх в нужное нам русло, чтобы те, кто проиграл, исправно выполняли условия капитуляции, хорошо усваивали преподанный им урок и впредь не делали ничего такого, что спровоцировало бы очередную авиабомбардировку.

В конце концов, именно мы сидим на самой верхушке, и потому другие должны угождать во всем именно нам. Это хорошо поняли такие люди, как доктор Асим, — он знал, что у него нет выбора: уступи, иначе лишишься места. Именно за это он так меня ненавидел.

Иран: автострады и крепости

В то время я много разъезжал по миру, но слова доктора Асима продолжали лейтмотивом звучать в моей душе. Я больше на него не сердился и не пытался вести с ним мысленную полемику. Напротив, во мне исподволь поднимался гнев. Я пришел к заключению, что это гордый человек, воспитанный гордой культурой, и он ненавидит самую мысль о том, что вынужден капитулировать, — подобно придворным царицы Клеопатры, которых она заставила склониться перед Цезарем. Я начал понимать, что на месте доктора Асима повел бы себя еще более вызывающе.

Конечно, египтянам моя страна может представляться современным аналогом Римской империи, но нам, ее жителям, пришлось пережить многие социальные потрясения. Времена моего детства можно назвать эпохой национального самоанализа. Произошел целый ряд событий, которые не могли не оставить отпечатка на сознании моего поколения.

Это жестоко подавленные полицией волнения в Уоттсе, негритянском районе Сан-Франциско, и в Детройте, истребление федеральными войсками большой группы индейцев возле ручья Вундед-Ни, марш протеста представителей Объединенных сельскохозяйственных рабочих Америки во главе с Сезаром Чавесом и множество других акций протеста национальных меньшинств.

Я поневоле сравнивал эти события с теми, которые происходили во времена моих предков: тогда они терпели гнет Англии, нашего тогдашнего «господина». Яростное негодование против надменных британцев заставило моих предков взять в руки оружие — теперь же на борьбу поднимались притесняемые нами чернокожие, индейцы, латиноамериканцы. Корпоратократия уже навесила на них ярлык подрывных элементов — моих предков строители Британской империи точно так же считали предателями и мятежниками.

И все же в глазах современной молодежи лидеры национальных и этнических меньшинств — герои своего времени, ведь и наша страна была основана именно такими бунтарями, которые, защищая свои права, выступили против иностранного владычества.

Я же оказался между двух миров — с одной стороны, искренне симпатизируя тем, кто борется за свободу, с другой — верно служа господам новоявленной тайной империи. И будто для того, чтобы я еще сильнее проникся остротой стоящей передо мной дилеммы, судьба в тот период часто забрасывала меня в Иран — работать на благо шахской власти.

Нам, экономическим убийцам, шах представлялся правителем, который призван возродить былую славу Ирана как средоточия цивилизации, каким он был во времена персидского царя Дария и Александра Великого, за три столетия до Рождества Христова. По нашим расчетам, огромные запасы нефти вкупе с опытом таких компаний, как MAIN, позволят шаху реализовать мечту о возрождении величия Ирана. При этом нам каким-то образом удалось убедить себя, что подобная трансформация даст толчок созданию общества, в котором будут процветать демократия и равенство.

Наша стратегия в Иране заключалась в том, чтобы указать шаху альтернативу политике, избранной Россией, Ливией, Китаем, Кореей, Кубой, Панамой, Никарагуа и прочими странами, взявшими на вооружение непримиримый антиамериканизм. Мы исходили из того несколько сомнительного «факта», что в 1962 году шах приказал раздробить крупные помещичьи землевладения и раздать землю крестьянам.

На этом довольно шатком фундаменте шах — читай, мы — намеревался провести «Белую революцию» — программу масштабных социально-экономических реформ. Оглядываясь назад, я содрогаюсь от нашего тогдашнего цинизма, потому что мы еще в то время в глубине души понимали, что революция была лишь ширмой, прикрывающей нашу истинную цель — укрепить власть шаха.

Со стороны Иран казался моделью достойного всяческого одобрения сотрудничества между христианами и мусульманами. На деле же он становился проводником гегемонии США на Ближнем Востоке. Именно этой участи для своей страны так противился доктор Асим. И именно это имел в виду Джордж Рич, рассуждая о необходимости

установления нашего контроля над Ближним Востоком и Африкой во имя будущих поколений американцев.

Начиная с 1974 года объемы контрактных обязательств MAIN в Иране резко возросли. Это и неудивительно — жажда нефти достигла запредельной остроты, и наша задача приобрела конкретные очертания: заставить ОПЕК плясать под дудку США, сделать ее послушной прислужницей империи.

В этом контексте моя работа приобретала критическую важность. На основе моих прогнозов регионального развития наши плановики и инженеры должны были разрабатывать проекты создания энергетических систем, призванных напитать электроэнергией нарождающуюся промышленность Ирана, а также коммерческую и военную сферы. Это было главным гарантом процветания иранской элиты, а от ее благополучия и довольства напрямую зависела прочность шахского трона и, соответственно, бесперебойное снабжение США нефтью.

«Сначала ты отправишься из Тегерана в Керман, — лично наставлял меня вице-президент MAIN Бруно Замботти. — Это оазис в знаменитой пустыне Деште-Лут, расположенной в центральной части Иранского нагорья, по которому пролегал маршрут войска Александра Македонского. Сам оазис — это что-то необыкновенное. Ты и вообразить не можешь, какой это чудный райский уголок под сенью фиговых деревьев и финиковых пальм. Потом через пустыню, самую великолепную на всей планете, доберешься до Бендер-Аббаса. Ты не смотри, что сейчас это сонная рыбацкая деревушка — придет время, и она еще поспорит с Ривьерой».

Уже тогда я знал, что Бруно склонен к преувеличениям, жаль только, не представлял, в какой степени...

Из Тегерана в Керман я вылетел на маленьком самолетике в компании двух инженеров — сотрудников MAIN. Стояла середина лета, и хотя мы отправились в путь под вечер, жара была нестерпимой. Городок оказался забытым богом и почти безлюдным местом, если не считать стайки ребятишек и нескольких стариков, прохладившихся в тени. Если пылица, скудость и запустение — атрибуты райского уголка и источники тайного наслаждения, то Бруно был прав — это действительно выходило за рамки моего воображения.

Истекая потом, мы наконец устроились в лучшей гостинице городка. Вестибюль был тесный, мрачный и совершенно голый —

никакой мебели не наблюдалось. Юноша за конторкой портье ошастливил нас сообщением, что в патио-баре подают холодное пиво. Под впечатлением этой радости мы договорились встретиться там через полчаса и разошлись по номерам — каждому полагался свой, как нам было сообщено, «с ванной».

Обстановка в номере тоже не поражала воображение изысканностью, зато было на удивление чисто. Я очень обрадовался, заметив встроенный в окно кондиционер, который жутко гудел, но зато исправно выполнял свою функцию. Затем я обследовал ванную комнату.

Несомненно, это была ванная комната. Правда, в туалете, как я обнаружил, вода не спускалась. Рядом с унитазом на разной высоте из стены торчали два крана. Тот, что был над моей головой, имел крошечный поворачивающийся носик и, по всей видимости, представлял собой душ. А из нижнего можно было наполнить водой стоящее тут же ржавое ведро — для смыва унитаза.

Я смело ступил под душ в тесное пространство между стеной и унитазом. Занавески, конечно же, не было. Я повернул кран душа, и жалкая струйка воды потекла, минуя меня, прямехонько в унитаз. Изогнувшись над ним, я все же умудрился подставить под воду спину, кое-как намылиться и даже ополоснуться.

Кстати, единственным признаком, указывающим на то, что это помещение предназначено для душа, была проделанная в противоположной части «ванной комнаты» дыра в полу, куда журча утекала вода, пока я мылся. Интересно, думал я, когда Бруно был в этом «оазисе» в последний раз?

Как это ни удивительно, но душ освежил меня. Я направился в патио-бар — так называлось огороженное место на террасе гостиницы, откуда открывался впечатляющий вид на пустыню. Под навесом пристроились четыре ржавых стола и дюжина стульев. За столом восседал один из моих спутников, Фрэнк. Перед ним стояли три пивных бокала.

«Здесь только один сорт пива. Надеюсь, тебе понравится», — произнес он. Я сел рядом, и мы принялись ждать нашего третьего компаньона. Прошло четверть часа, а он все не появлялся. Должно быть, он там уснул, решили мы и, пожелав друг другу удачи в завтрашней поездке, приступили к пиву.

Не успели мы опустошить бокалы, как появился наш третий товарищ — Джеймс. Он вяло тащился через террасу к нашему столу,

весь какой-то взъерошенный и мокрый. Скомканную рубашку он почему-то нес в руке, держа ее на отлете. Она была настолько мокрая, что с нее капало. Поравнявшись с нами и шмякнув рубашку на стол, Джеймс с грохотом пододвинул к себе стул, тяжело плюхнулся рядом с нами и одним глотком осушил свой бокал.

«Что случилось?» — спросил Фрэнк.

«Сел на унитаз, а вода не спускается, — пожаловался Джеймс. — Вижу это чертово ведро, открываю кран. Оказалось — не тот. Вот, весь облился из этого проклятого душа».

Мы с Фрэнком покатались со смеху. Отсмеявшись, он проговорил, что на такой жаре да при такой сухости рубашка высохнет в пять минут.

«Конечно! — ответил Джеймс. — Если бы не это, стал бы я тащить эту тряпку в такое фешенебельное заведение!»

Следующим утром мы продолжили путь в Бендер-Аббас. За нами на джипе заехали два иранца, инженер (и по совместительству переводчик) и водитель. Они сидели спереди, а мы втроем втиснулись на заднее сиденье. Как самый молодой я оказался на самом неудобном месте — посередине, еле уместив ноги по обе стороны кожуха, прикрывающего карданный вал. Нам предстояло пересечь пустыню Деште-Лут, спускаясь с центрального плато вниз, к побережью Персидского залива. Инженер-иранец сообщил нам, что это старинный караванный путь.

«Эта пустыня — одновременно наше проклятие и благословение, — продолжал иранец, — она всегда служила нам защитой от врагов, но из-за нее было невозможно пересечь собственную страну. В наши дни она приобрела для Ирана еще бóльшую важность. Видите ли, Деште-Лут разделяет Европу, Африку и то, что вы зовете Ближним Востоком. Кроме того, через нее пролегает прямой путь из Советского Союза прямо к берегам Персидского залива. Посмотрите на карту. Вам ведь известно, что русские хотят захватить нас. Не смотрите, что сейчас дорога, по которой мы следуем, разбита и вся в ухабах. Скоро она превратится в суперсовременную автостраду, по которой пойдут русские войска. Потому что как раз по этому маршруту, — он указал на дорогу, — они хотят протянуть нить нефтепровода. Бендер-Аббас, городишко, где мы сегодня будем ночевать, они хотят превратить в коммунистический форпост и наводнить его своей военной техникой — боевыми самолетами, ракетами, атомными подводными

лодками, авианосцами. Так они смогут держать под контролем важнейшие мировые пути транспортировки нефти».

Повинуясь его жесту, Фрэнк, Джеймс и я стали оглядывать из окна пустыню. «Только представьте, что из всего этого следует, — заметил Джеймс, — какая важная работа нам поручена. Выше нос, друзья мои; все, что от нас требуется, — это спасти мир от коммунизма».

«Главное, — подхватил иранец, — чтобы мы — вы, американцы, и мы, персы, опередили в этом деле русских. Мы сами должны построить шоссе и превратить Бендер-Аббас в нашу собственную крепость».

«Именно поэтому мы здесь», — подал голос Фрэнк.

«Только всегда помните, — сказал иранец, — что мы иранцы, а не арабы, мы — персы, арийцы. Мы мусульмане, а арабы, хоть и одной с нами веры, угрожают нам. А мы с вами, американцами, на все сто».

Прислушиваясь к беседе, я продолжал оглядывать пустыню. Она совсем не походила на унылую череду песчаных барханов, через которые пробивался Питер О’Тул в фильме «Лоуренс Аравийский».

«Однообразия здесь и близко нет», — думал я. Со всех сторон, сколько хватало взгляда, тянулись цепочки каменистых гор всех оттенков — от ярко-красного до почти пурпурного и буро-желтого. Все же прав был Бруно, когда обещал незабываемое, фантастически красивое зрелище. Хотя, признаться, было в этом пейзаже что-то зловещее. Мне никак не удавалось представить, как здесь когда-то проходили караваны из сотен людей и верблюдов.

А день между тем становился все жарче — кондиционер в салоне джипа уже не спасал от безжалостного зноя. По пути мы несколько раз делали остановки — инженеры брали пробы грунта и оценивали прочие характеристики местности, которые должны были повлиять на строительство проектируемой нами линии электропередачи. В салоне стояла такая духота, что всякий раз, покидая машину, мы на какое-то время испытывали облегчение, но очень скоро жара брала свое, и на нас обрушивался полуденный зной пустыни.

Однажды мы сделали остановку в маленькой деревушке, которая как раз и была оазисом в самом классическом смысле, — этаким мирный уголок в безжалостном пустынном море. Вскоре после того, как мы двинулись дальше, оставляя позади это райское место, в салоне отчетливо запахло гарью.

«Что-то горит!» — закричал Фрэнк. Водитель тут же съехал на обочину и ударил по тормозам. «Быстро выходим», — скомандовал инженер-иранец.

Двери тут же распахнулись, и все стали шустро выскакивать из машины. Кроме меня. Я продолжал сидеть, не в силах сдвинуть с места ноги. Сначала мне показалось, что их парализовало.

«Немедленно вылезай! — заорал Джеймс. — Да что с тобой случилось?»

Я тоже не мог понять, в чем дело. Я старался изо всех сил, пытаюсь оторвать ноги от пола, но они будто намертво приросли. В панике я начал лихорадочно развязывать топсайдеры — специальные нескользящие башмаки на резиновой подошве. Слава богу, мне это удалось, и я босиком выпрыгнул из джипа на раскаленную землю.

Мои спутники сгрудились поблизости. Потом Фрэнк осторожно заглянул в салон и... разразился громким хохотом. «Это резиновые подошвы твоих ботинок. Они расплавились от жары и прикипели к коврику, который прикрывает карданный вал. То-то воняло горелой резиной! Да, видел я, как перегреваются моторы, но такого — еще ни разу!»

Кое-как мне в конце концов удалось отодрать горелые подошвы от коврика, и мы продолжили путь. Когда на горизонте показался Бендер-Аббас, солнце уже клонилось к закату.

Израиль: пехотинец Америки

Итак, мы прибыли в Бендер-Аббас, расположившийся как раз напротив Аравийского полуострова, что рогом вдается в море, образуя Ормузский пролив, связывающий Персидский залив с Аравийским морем. Напротив, на побережье Аравии, располагаются Объединенные Арабские Эмираты, султанат Оман, Бахрейн и Катар — бывшие британские протектораты, провозгласившие независимость в 1971 году после вывода английских войск.

В прошлые времена благодаря своему положению Бендер-Аббас служил базой для жестоких морских пиратов, которые грабили корабли, направлявшиеся из Персидского залива в Аравийское море. Сегодня вблизи Бендер-Аббаса пролегают ключевые морские пути транспортировки нефти, что делает его чуть ли не самым важным стратегическим пунктом мира.

Когда мы прибыли в Бендер-Аббас, он все еще оставался сонной рыболовецкой деревушкой, где, однако, уже был возведен огромный современный отель — на самом берегу, специально для всевозможных иностранных консультантов, рекомендации которых должны были превратить это захолустье в ведущий военно-промышленный центр. Наша пятерка оказалась в числе первых гостей отеля. Мы отобедали в ресторане, где оказались единственными посетителями: если не считать троих прислуживавших нам официантов, просторный зал был в полном нашем распоряжении.

«Приезжайте сюда лет этак через пять, — говорил за обедом иранский инженер, — и вы не узнаете этого места. Кто бы здесь ни закрепился — русские или вы, американцы, в любом случае Бендер-Аббас ожидают крупные перемены».

После обстоятельной трапезы я прикурил сигару и решил в одиночестве прогуляться по берегу пролива. Я шел по недавно построенному длинному молу, который выдавался в мелководье пролива

примерно на полмили. Ночь была безлунной, но на небе ярко светили мириады звезд. Я медленно шел по молу. С пролива дул легкий бриз, принося с другого берега сильный запах протухшей рыбы, который не мог заглушить даже аромат моей сигары. Глядя на темные воды по обе стороны мола, я думал, что почти ничего не знаю ни об Объединенных Арабских Эмиратах, ни о других странах, окружающих Саудовскую Аравию.

Пройдя примерно три четверти пути, я заметил в свете звезд темный силуэт человека, стоявшего на самом краю мола. Двигущийся по неширокой дуге красный огонек свидетельствовал, что мой визави тоже курил. Я остановился и стал наблюдать. Несомненно, он тоже заметил меня — мое присутствие выдавал огонек сигары.

Первой, подсказанной страхом реакцией было вернуться в отель. Но чем больше я наблюдал за незнакомцем в ночи, тем больше обретал уверенность, к которой примешивалось все возрастающее любопытство. Вряд ли это вор, размышлял я, который в поисках жертвы забрался в такое безлюдное место. Тогда кто этот человек? Я почему-то сразу же вспомнил о русских. Но что он делает здесь в такой поздний час?

Я двинулся вперед, намеренно широко шагая, чтобы произвести впечатление решительности и силы. Когда я оказался метрах в пятнадцати от незнакомца, мне пришло в голову, что он тоже может меня опасаться. Я замедлил шаг.

Он кашлянул. Я остановился.

Он заговорил на каком-то языке, то ли фарси, то ли арабском.

«Я не понимаю», — медленно проговорил я в ответ.

«А, вы американец, — сказал незнакомец по-английски, — ведь вы американец, верно? То, как вы идете, и ваш акцент выдают в вас американца. Я достаточно хорошо знаю английский».

«Да, — подтвердил я, — американец».

«А я — из Турции, такой же приезжий, как и вы, и тоже остановился в отеле. Вы не против присоединиться ко мне?»

Я подошел, и мы обменялись рукопожатием. Он назвал свое имя — Несим. «Я — профессор истории, преподаю в университете, — объяснил мой новый знакомый. — Сейчас собираю материал для книги о старинных торговых путях. Следуя по одному из них, я прибыл сюда из Стамбула».

Мы принялись делиться впечатлениями об Иране. Несим не делал секрета из своего неодобрительного отношения к шаху, называя его властителем-тираном. Я был несколько удивлен — до сего момента ни один из тех иранцев, с которыми я вступал в разговоры, ни разу не позволял себе критиковать шаха. Естественно, я знал, что в Иране есть несогласные — подполье, мечтающее сбросить Резу Пехлеви, но круг моего общения ограничивался теми, кто работал на шахское правительство, так что несогласных среди них не могло быть в принципе. Теперь же я встретил человека с совсем иными взглядами. Несомненно, он был человеком знающим и образованным и не делал секрета из своих убеждений. Мне даже показалось, что он рад заполучить в моем лице слушателя — гуляя на самом краю пустынного мола, да еще среди ночи, вряд ли он мог рассчитывать, что встретит американца, который готов ему внимать. Сам я не всегда бываю склонен слушать незнакомцев, но сейчас к этому располагали то ли ночь, то ли усталость после тяжелого переезда, то ли уединенность места, — во всяком случае я с готовностью принялся слушать, что думает Несим по поводу Ирана и шаха.

«Властитель-тиран обманывает всех вас, — говорил между тем мой новый знакомый, — вернее, почти всех. Уверен, что ваш президент знает правду о нем, да и все прочие, кто находится у руля власти в вашей стране. В конце концов, это их профессия — обманывать, скрывать, вводить в заблуждение. Ваши лидеры, например, скрывают свои имперские устремления. Или пытаются их скрыть. Они скрывают деньги, которые делают, свои действия, то, что они подкупают нужных людей. На словах они выступают за помощь бедным и обездоленным, а на деле защищают интересы богатых. — Несим прервал свою речь, чтобы сделать глубокую затыжку. — Ваша страна скрывает свое истинное лицо маской».

Несколько раз я порывался прервать монолог Несима и заступиться за честь своей страны, оправдывая тем самым и себя самого, но вместо этого продолжал слушать.

«Почему Египет и Сирия напали на Израиль? — риторически вопрошал между тем Несим, имея в виду войну 1973 года в день праздника Йом-Кипур. — Только потому, что у них не было выбора. У вас в стране люди и не подозревают обо всех жестокостях израильтян против арабов, о том, какую угрозу они несут арабскому миру.

Ведь это, можно сказать, была ваша война против арабов, а Израилю отводилась роль американской пехоты.

Вам мало было украсть Палестину, эту исконную землю мусульман, которую ее народ называет Дар-эс-Ислам — царство ислама, и отдать ее иудеям. Вам подавай больше. При помощи своих денег вы заставили евреев поверить, будто печетесь о том, чтобы создать им родину. Вы сунули арабов носом в дерьмо истории.

Вы сладко распеваете о демократии. Но здесь, в Иране, хорошо видно, о какой такой демократии идет речь, особенно когда руками своего ЦРУ вы сбросили здешнего народного лидера Моссадыка. Да и Израиль вы создали совсем не ради демократии, не ради защиты прав евреев, пострадавших от Гитлера. Вас интересует только нефть. Ради нее вы не остановитесь перед пытками, ложью, воровством. — Несим прижал к сердцу правую руку с сигаретой. — Я сочувствую евреям в Израиле. Правда. Я не палестинец и могу говорить так, не идя против своей совести.

Конечно, я почти не сомневаюсь, что, если вам захочется сдвинуть границы Израиля на территорию моей страны, я буду убивать израильтян. Но все равно я питаю к ним искреннюю симпатию. Они не виноваты, что вы используете их как стадо овец, которое в древние времена использовали в качестве живого щита. Вы запудрили им мозги, чтобы они жертвовали своими близкими, а ваши корпорации тем временем беспрепятственно выкачивают нефть из арабских земель.

Израильтяне — ваши сторожевые псы. Вы даже снабдили их ядерными боеголовками, чтобы было сподручнее держать мусульман в узде. Вы финансируете израильскую армию. А у палестинцев вообще нет никакой армии, только горстка патриотов. У них нет ни правительства, ни своей земли.

Вы отдали ее Израилю, для вас это инструмент господства на Ближнем Востоке, то, что позволяет вам сохранять контроль над нефтью. Для евреев же Израиль — это сбывшаяся мечта, которая теперь оборачивается иллюзией. Для палестинцев — это их дом, который они были вынуждены отдать другим. Для арабов — вражеская крепость на их землях. А для мусульман всего мира Израиль — вечное напоминание об унижении и оскорблении, источник, питающий нашу ненависть к вам».

*Ирано-иракская война:
еще одна победа
экономических убийц*

Прошло 30 лет, и я вспомнил гневную тираду турецкого профессора истории Несима. Июньской ночью 2004 года я пролетал над Ближним Востоком, направляясь в Катар, транзитный пункт, где мне следовало пересесть на самолет, чтобы лететь дальше, в Непал и на Тибет.

Расположенный на берегах Ормузского пролива, прямо напротив Бендер-Аббаса, Катар долгое время оставался для меня неведомой страной — во времена работы экономическим убийцей я почти ничего о нем не знал. Из иллюминатора я наблюдал, как над Грецией, Турцией, Сирией, Ираком и Ираном заходит солнце. Мне вспомнилось, как в детстве долгими зимними вечерами бабушка читала мне «Одиссею», «Сказки тысячи и одной ночи» и Библию.

Мой самолет как раз пролетал над островами, где испытывали судьбу отважные герои Гомера, где Ной строил свой ковчег. Мы пролетали над волшебными землями, где цвели сказочные висячие сады Семирамиды, над колыбелью человечества, его первыми городами и поселениями, где возникли первые зачатки письменного языка, где древние мудрецы изобрели колесо и создали основы современной математики.

Я вспоминал, как поражали мое детское воображение истории про отважных крестоносцев, про то, как Ричард Львиное Сердце и Робин Гуд сражались за сарацинские крепости, которые защищали войска Саладина. Потом я мысленно обратился к тому, что говорил Несим.

Прошло совсем мало времени — один миг в масштабах истории — и его пророчества обрели реальность. Я написал книгу, в которой

разоблачал тот самый обман, о котором толковал тогда на молу турецкий профессор. Шах Ирана, которого он называл властителем-тираном, пал, и ему на смену пришел режим исламских фундаменталистов; Израиль занял более агрессивную позицию, и Соединенные Штаты поддерживали каждый его шаг; страдания палестинцев продолжались, выливаясь подчас в акты жестокого возмездия, вроде тех, что инспирировал бен Ладен, демонстрируя миру, каким опасным может быть одиночка-смертник с самодельной бомбой; не меньше жестокости проявляли и Соединенные Штаты в сотне забытых и таких известных всему миру мест, как Панама, Гаити, Судан.

Затем пришел черед событий 11 сентября, войн в Афганистане и Ираке. За все эти долгие годы мы, разумные жители планеты, так и не смогли избавиться от желания угнетать и поработать своих собратьев. Дух кровожадных крестоносцев так и не отошел в прошлое.

Поддавшись глубокому отчаянию, я чувствовал себя опустошенным. На глазах всего мира Соединенные Штаты упорно развязывали то, что исламский мир называл новым крестовым походом; второй раз за десять лет в небо Ирака вторгались бомбардировщики-невидимки «стелс». И хотя операция «Шок и трепет» вознесла военное насилие на новый уровень, я рассматривал это всего лишь как очередной логичный шаг в планах Вашингтона закрепить свое господство на ближневосточных рубежах крупнейшего мирового запасника нефти. В этом ракурсе обуздание или устранение Саддама Хусейна казалось мне неизбежным следствием успехов, которых я добился на поприще экономического убийцы в Саудовской Аравии.

В течение 1980-х годов США поддерживали развязанную Саддамом войну против Ирана. Хусейн был не только нашим орудием возмездия в борьбе против иранских фундаменталистов, которые изгнали шаха, разрушили американское посольство в Тегеране, подвергали горьким унижениям заложников-американцев и прогнали из своей страны наши нефтяные компании. Саддам Хусейн к тому же правил страной, имеющей вторые по величине мировые запасы нефти. Это сделало его объектом активной обработки со стороны экономических убийц.

Мы передали ему миллиарды долларов. Bechtel построила для режима Хусейна химические заводы, способные, как мы знали, производить боевые отравляющие вещества — газы зарин и иприт,

чтобы убивать иранцев, мятежных курдов и шиитов. Мы, Соединенные Штаты, поставляли Саддаму истребители, танки и ракеты, обучали его солдат управлять всей этой техникой. Мы заставили Саудовскую Аравию и Кувейт предоставить режиму Хусейна займы на сумму в 50 миллиардов долларов.

Наблюдая за событиями, разворачивающимися в Ираке, я часто вспоминал слова иранского инженера, который сопровождал меня и двух других специалистов MAIN на пути из Кермана в Бендер-Аббас. «Иранцы, — говорил он тогда, по дороге через Деште-Лут, — не арабы, мы — персы, арийцы, и арабы несут нам угрозу. А мы на все сто ваши друзья». Но все в мире вдруг круто изменилось, и вот уже иранцы из друзей превратились в наших врагов, а иракцы с Саддамом стали верными союзниками.

Восьмилетняя ирано-иракская война стала самой долгой, кровопролитной и дорогостоящей в современной истории. К моменту ее окончания в 1988 году общее число жертв перевалило за миллион человек. Война разорила сельские поселения, фермы и экономику обеих стран. А корпоратократия между тем торжествовала очередную победу. Поставщики и подрядчики военно-промышленного комплекса баснословно обогатились на этой войне. Цены на нефть достигли очередного рекорда. Все это время экономические убийцы упорно добивались от Саддама согласия на финансовую схему, подобную САМА, — именно ее я помогал всучить королевскому дому Сауд. Они хотели, чтобы Ирак тоже стал частью империи.

Но Саддам упорствовал. Дав согласие, он, как и саудовцы, получил бы наше разрешение на производство химического оружия, заодно и американское вооружение. Но Хусейн желал идти своим собственным путем и не зависеть от США. Тогда Вашингтон натравил на него «шакалов».

Покушения на таких видных политических деятелей, как Саддам, никогда не обходятся без сговора с кем-то из их личной охраны. В двух случаях, о которых я знаю, как говорится, из первых рук, — удавшихся покушениях на эквадорского президента Хайме Рольдоса и панамского, генерала Торрихоса, кто-то из их личных телохранителей — из тех, что готовила пресловутая Школа двух Америк, — поддался на подкуп американских «шакалов» и участвовал в подготовке авиакатастрофы.

Но с Саддамом это номер так просто не прошел бы. Он прекрасно знал методы работы «шакалов» — недаром на заре своей карьеры Хусейн сам был одним из тех, кого ЦРУ наняло для устранения Касема, да и в 1980-е годы возможностей изнутри изучить повадки ЦРУ у него было хоть отбавляй. Поэтому его телохранители были под строжайшим наблюдением, а кроме того, он создал целый отряд своих двойников. Его охрана никогда не знала точно, сопровождают ли они самого Саддама или изображающего его актера.

Так что «шакалы» свою миссию провалили. В 1991 году Вашингтон решил прибегнуть к последнему средству: Буш-старший направил в Ирак американские войска. В то время Белый дом еще не имел намерения устранить Саддама, который вполне устраивал американскую верхушку: во-первых, он, как сильная личность, мог держать свой народ в повиновении, а во-вторых, был надежным союзником США против Ирана.

В Пентагоне решили, что, уничтожив иракскую армию, Америка тем самым накажет строптивного Хусейна, и он станет податливее. В страну вновь устремились экономические убийцы. Но все усилия, которые они приложили в течение 1990-х годов, так и не увенчались успехом — Саддам не «купился» на заманчивое предложение. Экономические убийцы и «шакалы» вновь потерпели поражение. Президент Буш-младший возложил свои надежды на американских военных. Саддам был низложен, а потом казнен.

Второе вторжение США в Ирак стало мощным стимулом для воинствующих исламистов. Они знали, что события 11 сентября служили лишь оправданием для нападения на Ирак, что те, кто угнал самолеты и направил их на башни-близнецы, никак не связаны с Хусейном или Ираком. Им было известно и то, что христианские правые, солидаризуясь с израильским лобби, оказывают мощное влияние на американскую внешнюю политику, истинная цель которой — подчинить себе Ближний Восток и установить свой контроль над мировыми нефтяными запасами и путями их транспортировки.

Реакция арабов, таким образом, была предсказуема. За долгую историю взаимоотношений с христианами, начиная с английского короля Ричарда Львиное Сердце и заканчивая американским президентом Бушем-младшим, арабы дали четко понять две вещи: 1) европейцы (а теперь и американцы) должны держаться подальше от их земель; 2) они хотят иметь собственные формы правления,

по большей части основанные на исламе, а не на концепции гражданской демократии.

Народы Ближнего Востока никогда не простят европейским державам то, что в собственных интересах они установили произвольные государственные границы и выпестовали «владык», готовых в ущерб своему народу защищать интересы далеких европейских стран. Возмущение и недовольство, которое стали проявлять народы Ближнего Востока, зрело сотни лет.

Большинство арабов отдавали себе отчет, что образовавшаяся после Второй мировой войны империя во главе с США сродни той, которую огнем и мечом пытались насадить средневековые крестоносцы. Самые проникательные, вроде Несима, с самого начала понимали, что Израиль — не просто дом для настрадавшегося еврейского народа.

Стоило первому премьер-министру Израиля, Давиду Бен-Гуриону, объявить 14 мая 1948 года о рождении нового государства, как оно немедленно подверглось нападению со стороны Сирии, Египта, Иордании, Ливана, а также Ирака. В последующие годы недовольство мусульман оправдывалось безоговорочной поддержкой, которую Соединенные Штаты оказывали Израилю, что позволило ему в ходе череды войн отхватывать у соседних арабских государств все новые и новые территории.

Жителей ближневосточных стран приводило в бешенство, что Саудовская Аравия пошла на сделку с американскими экономическими убийцами, поскольку это привело к ненавистной европеизации страны, хранящей главные святыни ислама. Вторжение в 1991 году в Ирак и последовавшее за этим присутствие в стране многочисленного американского военного контингента стали очередными доказательствами в пользу теории, согласно которой Запад продолжает традиции, заложенные средневековыми европейскими религиозными фанатиками.

На этом фоне второе вторжение американцев в Ирак переполнило чашу терпения мусульман и даже придало арабским боевикам некоторую легитимность — в глазах многих они вмиг превратились из «террористов» в «борцов за свободу», и среди тех, кто так считал, были не только народы мусульманских стран.

Размышляя об эскалации гонки вооружения и о том, что это означает для Ближнего Востока, я погрузился в еще более горькое

отчаяние. Сегодня наш мир, как никогда ранее, ошетинился оружием. Именно на его производстве зиждется экономическое благополучие корпоратократии. Американские компании, производящие вооружение и военную технику, относятся к числу самых прибыльных в мире.

Вместе с компаниями таких стран, как Великобритания, Франция, Россия и Бразилия, они осуществляют продажу оружия почти на 900 миллиардов долларов в год. С одной стороны, стремление создавать арсеналы химического, ядерного и биологического оружия вместе с традиционными видами вооружения способно дать мощный толчок экономике, а с другой — это постоянная угроза массового уничтожения. «Потребление» вооружений достигло глобальных масштабов, и политический статус страны на мировой арене нередко измеряется степенью ее вооруженности.

Корпоратократия сумела привязать бизнес торговли смертью к международной дипломатии. Вот пример: Израиль и Египет потому ежегодно получают от Вашингтона миллиарды долларов, что подписали Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 года; в качестве одного из условий этой «мирной» сделки они обязаны ежегодно тратить львиную долю этих средств на закупку американских вооружений.

Между тем солнце окончательно скрылось, и самолет, в котором я летел, окутала тьма. «Какие перемены претерпела геополитика со времен, когда я в компании Джеймса и Фрэнка ехал из Кермана в Бендер-Аббас», — думал я. Мы следовали по древнему караванному пути как раз в то время, когда заканчивалась война во Вьетнаме.

С тех пор Ближний Восток превратился в мировой полигон для испытания продукции военной промышленности, а заодно и в крупнейший для нее рынок. А после того как холодная война отошла в прошлое, на место коммунистов, олицетворявших мировую угрозу, которая оправдывала постоянную эскалацию военного производства, пришли исламские революционеры. Даже самое поверхностное знание истории делало все эту ситуацию — равно как и ее коммерческую подоплеку — совершенно прозрачной.

Меня удивляло, как такое множество вроде бы образованных людей поддавалось на обман, поверив, будто нынешние войны и насилие имеют целью защиту наших благородных идеалов. Экономические убийцы и медиамагнаты достигли высот совершенства, подсовывая миру дезинформацию, которая выставляет *алчность и господство*

в благородном облике *свободы и демократии*. Вот кто отлично служит интересам корпоратократии.

К моменту, когда самолет наконец приземлился в аэропорту Катара, длительность перелета, который я перенес, составила 24 часа. Я испытывал крайнюю усталость и совершенно утратил ориентацию во времени. Несомненно, я был не готов к встрече с человеком, с которым меня собиралась свести судьба.

Катар и Дубай: Лас-Вегас на земле, где правят бал муллы

В терминал катарского аэропорта я вышел совершенно измученным и отупевшим, однако, оглядываясь по сторонам, не уставал поражаться тому, насколько все изменилось. То, что меня теперь окружало, куда больше походило на торговый пассаж, нежели на запомнившиеся мне со времен работы в качестве экономического убийцы аэропорты ближневосточных стран. Связь с прошлым прослеживалась только по присутствию людей в традиционной для мусульман одежде: мужчины были в балахонах до пят и куфиях, а женщины — в хиджабах.

Маясь в очереди за мороженым, я разговорился с женщиной в джинсах, легкой рубашке-поло и спортивной куртке. Он оказался застройщиком из лос-анджелесской компании. Заметив мое удивление по поводу его присутствия в катарском аэропорту, мужчина сказал: «Многие боятся Ближнего Востока из-за разгула насилия. Однако есть и другая сторона жизни в этих местах. Ее хорошо видно и здесь, хотя бы по размаху строительства, но это лишь жалкое подобие того, чем поражает Дубай. Деньги, питающие насилие, поступают отсюда, из стран по эту сторону Персидского залива, из клуба миллиардеров. Ничего удивительного — капиталистический материализм в чистом виде. Прожорливость и всеядность, — американец широко улыбнулся, — это как раз то, что мне нужно. Мусульмане, оказывается, ничем не отличаются от всех прочих. Они любят золото и бриллианты, им подавай ролексы и мерседесы. Конечно, арабы могут запудрить тебе мозги рассуждениями о том, что надо вести аскетическую жизнь, следовать заветам Аллаха, не брать процентов за кредит, требовать, чтобы женщины ходили в парандже и все прочее в том же духе. Но оглянитесь вокруг: черт меня побери, если они сами следуют всем этим правилам».

За разговором подошла наша очередь. Он настоял на том, чтобы заплатить за мое мороженое. Мы прошлись среди моря столиков — можно было подумать, что это кафетерий в каком-нибудь крупном американском торговом центре, — и уселись за один из них. Моего спутника распирало от желания поговорить.

«Так вот, Дубай — это как мексиканский пирожок-энчилада среди лепешек без начинки, — рассуждал он, слизывая мороженое с края стаканчика. — Нигде в мире больше не встретишь ничего подобного. Тамошние арабы под рассуждения об Аллахе нагнали сотни тысяч иностранных рабочих и огромные бульдозеры — рыть землю, отводить море, возводить плотины, углублять дно и все такое прочее.

Дубай сегодня развивается быстрее и масштабнее, чем любая другая страна мира. Они завели у себя 80-метровый горнолыжный склон — на закрытом стадионе, построили самый высокий в мире отель, а скоро у них появится и самое высокое в мире здание».

Теперь он атаковал мороженое с такой жадностью, будто эти рассуждения вызвали у него зверский аппетит. «Только представьте: Дубай превращается в дом-микрокосм всего мира: сотни рукотворных островов, каждый олицетворяет собой отдельную страну или регион, и все это — на огромной акватории пять на пять миль, прямо там, где раньше плескались воды Персидского залива. Это же голубая мечта каждого застройщика!»

Он прикончил мороженое и вытер руки о джинсы. «Думаете, все эти мусульманские парни не любят алкоголя и женщин? Прикиньте-ка: в Дубае полно всего — и лучшего виски, и игорных заведений, и доступных женщин, и наркоты, и любого сорта проституции. Есть деньги — и к твоим услугам все, что ни пожелаешь. Абсолютно все».

Но вот я вновь на борту авиалайнера, который летит над Персидским заливом, освещенным светом звезд. Ночь была такая же безлунная, как и в те далекие теперь годы, когда я гулял в компании профессора Несима. Наверняка мы будем пролетать над тем местом, где этот мол выдается в воды Ормузского пролива. Я молча смотрел в темноту иллюминатора. Не было видно ровным счетом ничего. Я припомнил, что в год, когда завершалась моя карьера экономического убийцы, будущее президента Картера связывали с Ираном. Шах, которого тогда так резко осуждал Несим, уже лишился трона,

американское посольство в Тегеране было захвачено, а в центре мирового внимания находилась судьба 52 американских заложников.

Президент США пытался поддержать свою стремительно убывающую популярность заявлением, что любые попытки исламистов взять под контроль Персидский залив будут восприниматься как нападение на США. «В этом случае мы прибегнем к военной силе», — говорил президент, и эти угрозы не были пустым звуком.

Картер направил в Иран бойцов специального подразделения «Дельта», чтобы вызволить заложников, однако операция по их освобождению закончилась трагическим провалом. Только теперь я понял, что вся ближневосточная политика Соединенных Штатов, в особенности поддержка Израиля и сделки с правительствами таких авторитетных арабских стран, как Саудовская Аравия, Кувейт и Египет, довершали нечто, имеющее критически важное значение для интересов корпоратократии.

И хотя политика США в Иране и Ираке была во многом противоречивой и на первый взгляд неуклюжей, на самом деле она преследовала ту же цель — втянуть арабские государства в орбиту нашего влияния, только более завуалированными методами. В Дубае, например, мы продали им «весь мир». Иными словами, Ближний Восток, как и Китай, усвоил нашу версию материализма.

Внезапно авиалайнер накренился. За иллюминатором внизу появилось море огней. Бендер-Аббас! Я стал взглядом искать внизу длинный мол. Потом меня осенило, что этот сгусток огней в южной части Персидского залива в принципе не может быть Бендер-Аббасом — он расположен совсем не здесь. Это Дубай, догадался я, — то место, которое в мой прошлый приезд вряд ли можно было разглядеть в ночи с борта самолета, потому что тогда этот город был таким же захолустьем, что и Бендер-Аббас. А сейчас в Дубае самый грандиозный в мире торговый пассаж, лыжный курорт, это центр игорного бизнеса и всяческих развлечений.

Я все пытался осознать этот невиданный парадокс, порожденный умом правоверных арабов: свято блюдя свою веру и традиции, они выстроили у себя этакую копию Мекки для туристов, которая выглядит циничной насмешкой над своим оригиналом. Вот он прямо подо мной, это современное средоточие излишеств, которое могли бы по достоинству оценить Клеопатра и фараон Тутанхамон. А как же Усама бен Ладен?

Тут я понял, что со времен моей работы в качестве экономического убийцы мир сильно изменился. Очень кстати мне припомнилось замечание президента MAIN Джека Добера, сделанное во время нашего обеда в Intercontinental Indonesia, когда он предсказал, что нефть станет новым стандартом, на котором будет строиться мировое владычество доллара.

Как же прав был старик Добер! Помнится, тогда он еще повернулся к своей жене и заметил, что «Соединенные Штаты вступают в новый период мировой истории...» И в этом он тоже был прав. Но сейчас, по прошествии четверти века, этот период подходил к концу, и в мире нарождалось нечто совсем иное.

В бездну

Долгие годы политика корпоратократии благоприятствовала бизнесменам вроде Джека Добра, возглавлявшего в свое время MAIN. Однако позже в Азии и Латинской Америке стали разворачиваться события, которые показали, что такая политика ведет к провалам.

Именно она в 1997 году столкнула Азию в глубокий экономический кризис, позволила Китаю утвердиться на позициях одного из глобальных лидеров, в то же время открывая эту страну для вакханалии безудержного меркантилизма, точного слепка нашего, западного, что, в свою очередь, усугубило в азиатских странах разрыв между богатством и бедностью.

В Латинской Америке действия корпоратократии способствовали обнищанию миллионов людей, подрывали положение среднего класса — самой инициативной и предприимчивой части общества — и в конечном итоге вновь разожгли недовольство представителей коренных народов и националистически настроенных общественных сил. Их выступления вынесли на гребень борьбы новую плеяду национальных лидеров, настроенных на борьбу с корпоратократией.

Однако Вашингтон не собирался признавать своей вины за подобное развитие событий. Американские СМИ заполнили статьи и репортажи, в которых вина за новые проблемы третьего мира возлагалась то на коррумпированных государственных чиновников, то на религиозных фанатиков, то на диктаторов левого толка.

Корпоратократия же и ее апологеты выставлялись в самом радужном свете, как благородные ребята, которые искренне стремятся продвигать идеи демократии. При этом очень редко упоминалось, что не кто иной, как Соединенные Штаты, активно способствовал нравственному падению этих государственных чиновников и превращению их в коррупционеров, что проводимая нами политика жестоких

репрессий вызвала взрыв религиозного фанатизма, а «левые диктаторы», вставшие к рулю власти в странах третьего мира, — на самом деле национальные лидеры своих стран, избранные именно демократическим путем и зачастую куда большим числом голосов, нежели последние президенты Соединенных Штатов.

Таким образом политики, топ-менеджеры корпораций и продажные СМИ общими усилиями успешно скрывали от американских граждан тот факт, что внешняя политика их страны, по крайней мере в Азии и Латинской Америке, давала крупные сбои. Эти провалы, однако, были особенно отчетливо видны на Ближнем Востоке.

Еще до вторжения в Ирак стало ясно, что корпоратократия стремительно утрачивает контроль над регионом, а стратегии экономических убийц приводят к обратным результатам. На Ближнем Востоке свирепствовало насилие, все явственнее проявлялись антиамериканские настроения. Даже казавшаяся столь удачной схема Кермита Рузвельта в конечном итоге дала «обратную тягу», когда в 1979 году воинствующие исламисты сбросили шаха Ирана.

Политика поддержки Израиля, проводившаяся США, лишила родины миллионы палестинцев, спровоцировала бесконечный военный конфликт и крайне озлобила весь мусульманский мир. Особенную ярость у исламских фундаменталистов вызывали попытки превратить Саудовскую Аравию в макет общества с западной культурой. Наиболее образованные арабы, которые обучались в Оксфорде и Гарварде, отчетливо видели за всеми этими действиями Америки стремление прибрать к рукам национальное богатство их стран — нефть.

11 сентября 2001 года мечты корпоратократии о том, чтобы, опираясь на сговор с проамериканскими исламскими режимами и израильской армией, сохранить контроль над ближневосточной нефтью, обернулись ужасающим кошмаром.

На эту трагедию Вашингтон отреагировал в своем традиционном духе, что поставило страну под еще большую угрозу. Военное нападение на Афганистан отвратило от США симпатии мировой общественности, а последовавшее за этим вторжение в Ирак еще раз продемонстрировало миру, что США больше пекутся о защите источников нефти, нежели о розыске Усамы бен Ладена.

Что касается долгосрочного эффекта политики США, то она еще больше распалила ярость мусульман, заставляя их тысячами попол-

нять ряды террористов. Помимо этого весь мир увидел, насколько уязвимы Соединенные Штаты и насколько неэффективна их система безопасности.

Сама же страна в результате оказалась в ситуации, по масштабу сравнимой с банкротством. Вся политика США после 11 сентября по сути являла собой последние и наиболее явные примеры провалов в целой череде политических просчетов. Всякое внешнеполитическое действие, интерпретируемое корпоратократией как очередной успех, на деле всегда сопровождалось чувствительными, фактически равнозначными, потерями.

Такие, казалось бы, успешные шаги, как поддержка власти шаха в Иране и королевского дома Ас-Сауд в Саудовской Аравии, правящих династий в Кувейте и Иордании и дружественного по отношению к США президента Египта, а также военная помощь Израилю, в долгосрочном плане принесли явно негативный результат — способствовали укреплению позиций исламских фундаменталистов, росту популярности экстремистской террористической организации «Аль-Каида» и замене умеренных режимов на более радикальные. Террористы-смертники превратились в героев мусульманской молодежи, придавая новый импульс религиозному фанатизму.

Снова погрузился в пучину гражданской войны Ливан, совсем как в пору моего первого приезда в эту страну. Волнения начались в феврале 2005 года, когда бывший премьер-министр Рафик Харири был убит в Бейруте при взрыве заминированной машины. Это преступление спровоцировало общественную истерию и массовые уличные протесты. Новое правительство Ливана, пришедшее к власти на основе демократических выборов, оказалось неспособно обуздать самую мощную силу в стране — шиитскую исламистскую организацию «Хезболла», лидеров которой Вашингтон давно уже окрестил террористами.

Летом 2006 года Израиль нанес серию массированных воздушных ударов по территории Ливана, в результате которых была разрушена значительная часть Бейрута, убиты сотни мирных жителей и прервано сообщение с Сирией. Хотя многие страны мира осудили Израиль за эту безответственную попытку силового давления на правительство Ливана, США продолжали защищать своего союзника. И вновь в мире зазвучала критика в адрес Соединенных Штатов, которые лишний раз доказали, что собственные нефтяные и ком-

мерческие интересы им гораздо важнее, чем спокойствие в мире и стабильность на Ближнем Востоке.

Современные политологи удивляются косности архитекторов американской внешней политики, которым не пошли на пользу уроки вьетнамской войны. А между тем народ Северного Вьетнама заставил американских военных понять, что даже передовая в техническом отношении и щедро финансируемая грозная военная сила не всегда может быть непобедимой. Но почему же спустя четверть века ни Белый дом, ни конгресс США, ни Пентагон так и не смогли усвоить этот урок? Почему столь искушенные политики, стоящие во главе Соединенных Штатов, раз за разом допускают такие грубые ошибки?

Может быть, ответ на этот вопрос заключается в том, что, несмотря на все эти просчеты, (а может, благодаря им?) корпоратократия получает гигантские барыши? Несмотря на военные поражения, военно-промышленный комплекс все равно остается в финансовом выигрыше. Война во Вьетнаме, затем в Афганистане и Ираке, а также сотни разгорающихся по всему миру вооруженных конфликтов позволяют неплохо наживаться американским военным подрядчикам. И если для тех, кто потерял своих близких, а также для страны в целом цена этих войн и конфликтов чудовищно высока, то для корпоратократии они представляют собой источник огромной прибыли.

И все же последствия наших просчетов в Ираке будут куда более страшными по сравнению с нашими ошибками во времена вьетнамской войны.

Вопреки всем попыткам Вашингтона уверить американцев в глобальной опасности эффекта домино — цепной реакции распространения коммунизма в Юго-Восточной Азии — в сущности, это был конфликт регионального масштаба.

Что же касается войны в Ираке, то в сочетании с открытой враждебностью всех стран региона по отношению к Соединенным Штатам, то это уже конфликт более высокого порядка — речь идет о столкновении идеологий. Это не только борьба христианства и иудаизма против ислама, но и своего рода демонстрация отношения общества к самой сути понятия меркантилизма.

Казалось бы, в таких местах, как Дубай, корпоратократия может праздновать победу на этом глобальном референдуме. Но достаточ-

но переключить телевизор на канал, транслирующий новости из Ирана, Ирака, Египта, Ливана, Израиля, Сирии, и вы поймете, что Дубай — это скорее исключение, мираж в пустыне. По мере того как мир приближается к концу первого десятилетия нового века, становится яснее, что корпоратократия столкнула нас в бездну исторического масштаба.

Нигде в мире это не ощущается с такой остротой, как в Африке.

Часть IV

Африка

Современные конкистадоры

«Если ты, парень, когда-нибудь вздумаешь завести детей и захочешь, чтобы они жили в достатке, вылезли из кожи вон, но добейся, чтобы мы получили контроль над Африкой». Это наставление Джорджа Рича позволяло мне жить в мире с собственной совестью и терпимо относиться к присутствию американских консультантов, с которыми мне пришлось жить под одной крышей летом 1974 года, в период работы в Александрии.

Тень могущественного Рича, казалось, незримо сопровождала меня во время экскурсии из Каира в Гизу, к знаменитым пирамидам, теперь же она чуть ли не явственно просматривалась за спиной египетского чиновника, который обращался к нам речью. Он стоял во главе массивного, сделанного из кедра обеденного стола, неуместно большого для элегантной гостиной арендованного нами, американскими консультантами, александрийского особняка.

Из-за своих гигантских размеров он воспринимался как осколок роскоши былых времен, хотя, может статься, и предзнаменованием грядущего. Особняк построил удачливый английский коммерсант, сколотивший состояние на торговле слоновой костью, мумиями и всевозможными диковинными артефактами из древних египетских гробниц, которые пополняли музейные коллекции Европы.

«История свидетельствует, что Египет — это голова собаки, туловище которой — вся остальная Африка», — напыщенно произнес чиновник, расцветая самодовольной ухмылкой. Он обвел глазами всю нашу компанию, расположившуюся за столом, — нас, десятых американцев, прибывших в Египет для разработки проектов водоснабжения, канализации и прочих инфраструктурных систем. Затем тяжело грохнул кулаком по столу. «Сделайте так, чтобы у нашего президента, досточтимого Анвара Садата, был достойный повод раскрыть объятия Америке, и нашему примеру последует вся

Африка. Даешь миру капитализм!» После небольшой паузы он подал знак официанту накрывать на стол.

«Мы — словно конница, — пробормотал сквозь зубы инженер из Колорадо, — которая спешит на помощь осажденному форту».

«Лишь бы не отряд Кастера»*, — задумчиво ответил кто-то, и все засмеялись.

Попытки убедить себя, что Египет — это ключевое звено, потянув за которое мы придадим импульс развитию всей остальной Африки, стали нашим ежевечерним экзерсисом. Мы, американские консультанты, очень гордились своей искусностью и мастерством переводить все что угодно на язык цифр, низводить сложнейшие проблемы до простой статистики, обобщенной в таблицах и выраженной в виде графиков и диаграмм.

Некоторые участники нашей группы имели степень доктора философии (Ph.D.), другие были обладателями уважаемых ученых званий, и лишь я выбивался из общего ряда со своей скромной степенью бакалавра — правда, у меня хватало ума помалкивать, когда затрагивалась эта тема.

Вообще же, все мы как люди, привыкшие руководствоваться доводами разума — что вообще-то свойственно экспертам по экономическому развитию, — располагали достаточным объемом данных, подтверждающих то, во что нам так отчаянно хотелось верить, и убедить себя, что здесь, в Александрии, мы делаем великое дело, приближая наступление новой эпохи для всех африканских стран, благодаря чему уже к началу следующего тысячелетия их нынешние болезненные проблемы останутся в прошлом.

Для большинства участников нашей группы это не выглядело столь уж трудной задачей. Имея перед глазами опыт прежних империй, они, как современные конкистадоры, возложили на себя миссию трансформировать «заблудшие» общества, превратив в некое подобие их собственного. Дикари и варвары могли заслужить спасение, только приняв католическую веру или — учитывая современные реалии — только вступив на путь демократии; только склонившись перед просвещенной властью Цезаря или правителя, а в нынешние времена — президента США.

---

* Кастер, Джордж Армстронг, американский генерал (1839–1876). Возглавляемый им кавалерийский отряд был наголову разбит индейцами в сражении на р. Литл-Бигхорн 25 июня 1876 г. — *Прим. пер.*

Хотя я изо всех сил старался приспособиться, но все больше ощущал себя изгоем. За четыре года работы в MAIN я стал еще циничнее. Едва услышав высокопарные фразы о нашей миссии в Индонезии, Иране, Колумбии или Египте, я тут же распознавал в них религиозный подтекст, знакомый мне еще с детства по речам нью-хэмпширских кальвинистов.

В речах Мака Холла и иже с ним мне явственно слышались отголоски пуританских проповедей преподобного Коттона Матера, главного вдохновителя охоты на ведьм в Новой Англии. Однако мог ли я всерьез верить, что на тех, кто дерзнул принять сторону Советского Союза, обрушится божественный гнев? Неужели святой Петр стоит подле райских врат и с улыбкой раскрывает объятия капиталистам? И если кому-то все же удастся ответить «да» на этот вопрос, означает ли это, что мы сможем уберечься от божественного гнева и застолбить себе местечко в раю?

Каким воображением надо обладать, чтобы принять американский путь развития за свободно-рыночный капитализм? Все, что я видел вокруг, говорило о том, что мелкие провинциальные предприниматели обречены на гибель и им уготована участь жертв крупных корпораций. Такое впечатление, будто мы своими руками пытаемся вернуть последние годы ушедшего XIX века с его неограниченной монопольной властью трестов. Только сейчас этот процесс приобретает глобальный масштаб.

«Но тогда что же я делаю?» — этот проклятый вопрос мучил меня каждую ночь, лишая сна и покоя. Раз за разом я перебирал в памяти события, связанные с теми далекими днями в Бейруте, когда я только открывал для себя Ближний Восток. Я вспоминал мимолетную встречу с Марлоном Брандо, поездку в лагерь беженцев с говорливым Смайли, свои впечатления от увиденного тогда, от специфических, ни с чем не сравнимых звуков, запахов, ощущений.

Боже мой, кажется, это было так давно, а ведь с тех пор прошло всего четыре года.

Я завел привычку прогуливаться после обеда по набережной вдоль Средиземного моря, благо это было всего в нескольких кварталах от нашего особняка. Стоя у самого конца мола, я подолгу наблюдал за нескончаемой чередой темных волн и мыслями уносился в далекие времена Антония и Клеопатры, египетских фараонов,

времена царей, для которых строили огромные усыпальницы-пирамиды, Моисея, уведившего свой народ из египетского рабства...

Я вглядывался в морские дали, словно мог разглядеть призрачные очертания Италии, находившейся как раз напротив, расположенной на востоке Греции, а еще восточнее — земли Финикии, то бишь современного Ливана.

Раздумья о древних империях, затерянных в веках, как ни странно, приносили успокоение моей мятущейся душе.

История человечества и вправду всегда состояла из войн, завоеваний, насилия, жестокости, на фоне которых влачили существование наши предки. А монотонный шелест волн будто убаюкивал, излечивая от душевного разлада. Передо мной снова возникала фигура Джорджа Рича, указывающего на подсвеченную настенную карту в зале заседаний правления MAIN, и вновь я начинал осознавать, что находиться здесь и работать на совесть меня заставляет великая цель — будущее моих пока не родившихся детей.

Во имя их счастья и благополучия я сделаю все возможное, чтобы моя страна крепко держала в руках контроль над Ближним Востоком и Африкой. Забота о потомках, моих потомках — вот что двигало мной. Да еще тот факт, что это наполняет мою жизнь приключениями, что я могу путешествовать по дальним странам, о которых раньше мог только мечтать, — тем более если все это более чем щедро оплачивается.

Проводя на берегу Средиземного моря долгие одинокие вечера, я иногда оборачивался назад, на огни вечерней Александрии. За ними мне виделись громадные просторы Африки. Я представлял, будто это и есть те самые мрачные земли, что описаны Джозефом Конрадом в «Сердце тьмы», — зловещие, гибельные места, где человеческая жизнь подвергается чудовищным опасностям. Мне казалось, что нигде в мире нет таких изуверских форм насилия, как в Африке, нигде понятие «ужас» не имеет такого кошмарного смысла, как здесь.

Как человек, не понаслышке знающий, что такое дебри тропических лесов Амазонки, я понимал, что их не сравнишь с влажными лесами Конго. Это отличие и придавало Африке особую специфичность и непохожесть на другие континенты. С детства я зачитывался рассказами о Тарзана. Какими райскими местами представлялись мне его родные джунгли!

Однако опыт экономического убийцы разбил мои наивные детские представления. Где, позвольте спросить, был смелый герой Эдгара Райса Берроуза, когда на берегах Африки высаживались торговцы невольниками? И если в глазах человечества леса Амазонки — это животворные «легкие» нашей планеты, то леса Конго давно приобрели репутацию самого зловещего места.

Поверьте, я знаю, о чем говорю. Мне доводилось видеть трущобы Латинской Америки, Азии, Ближнего Востока.

В свое время меня ввергли в шок леденящие кровь экспонаты музея инквизиции в Лиме и жуткие свидетельства средневековой жестокости, с какой американская армия обращалась с пленными воинами-апахами. Мне известно, какие зверства творили режим индонезийского диктатора Сухарто и тайная полиция иранского шаха САВАК. И все же, уверен, ничто не может сравниться с насилием и жестокостью, терзающими Африку.

Я отчетливо представлял себе и события прошлых веков, когда этот континент был сценой бесчеловечной охоты на людей, когда их ловили как животных, хватали, вповалку грузили на корабли и переправляли на невольничьи рынки — безжалостно разрывая семейные узы, отнимая грудных младенцев от матерей; сваливали живой груз в тесные трюмы, где в нечеловеческих условиях африканцы сотнями умирали от жажды, голода и болезней; и где живые томились бок о бок с телами умерших.

Пока оторванных от родины, лишенных права называться людьми, ослабевших от болезней, окровавленных и умирающих африканцев продавали как скот на невольничьих аукционах, «цивилизованные» европейцы грабили их земли, уничтожали животных и растительность, сеяли смерть и разрушение. И все лишь для того, чтобы мои предки жирели за счет своих хлопковых плантаций.

Я часто думал об этом. В один из дней, заполненных, как и другие, подобными мыслями, я познакомился с двумя молодыми беженцами из Судана. История их жизни потрясла меня, породив сознание вины, словно я тоже нес ответственность за грехи, которые совершили жестокие охотники за рабами.

Сидящий у Америки на коленях

Как-то я по своему обыкновению стоял, облокотившись на парапет мола, и наблюдал, как местный рыбак выгружает из утлой лодчонки свой дневной улов. Парень и девушка подошли и встали рядом. Я посмотрел на них, они — на меня. Мы обменялись улыбками. Парень сказал: «Здравствуйте, как поживаете? Говорите ли вы по-английски?» Я не удивился — в те дни незнакомые люди довольно часто пытались завести с мной разговор — из любопытства и желания попрактиковаться в английском.

— Да, — ответил я приветливо. — Я из Соединенных Штатов, меня зовут Джон. А вас?

— По-английски мое имя звучит как Сэмми, а это моя сестра Саманта.

Я пригласил новых знакомых в ближайшее кафе, и мы просидели за разговорами несколько часов. Как оказалось, они родом из Южного Судана.

«На севере нашей родины живут мусульмане, — стал объяснять Сэмми, — а на юге, где мы родились, все совсем по-другому». Юноша не хотел вдаваться в детали, но я понял, что он имел в виду — в тех местах сохранился племенной уклад, и каждое племя поклонялось своим богам.

— А вы сами мусульмане? — полюбопытствовал я.

— Да, мы исповедуем ислам, — ответил Сэмми.

Я сразу почувствовал, что он неискренен со мной, но решил не торопить события. И действительно, позже, когда мы познакомились поближе, молодые суданцы сами признались, что, как и их сородичи, продолжают поклоняться «духам земли». На одной из совместных прогулок, когда они показывали мне достопримечательности Александрии, ребята рассказали, почему им пришлось покинуть родные места. Их отца убили, а мать похитили пришельцы из Северного Судана, чтобы продать в сексуальное рабство.

— Нам, можно считать, повезло, — рассказывал Сэмми, — в тот момент мы как раз ходили за водой. Мы слышали, как кричит наша мать. Испугавшись, мы спрятались за камнями.

— Я была ужасно напугана, — добавила Саманта, закрывая лицо руками.

— С тех пор она не может больше плакать, — горестно сказал Сэмми.

Ребятам посчастливилось найти кошелек с небольшой суммой денег, припрятанный родителями на черный день, и они решили переправиться в Египет, а точнее, в Александрию — они слышали, что здесь безопаснее, чем в Каире, да к тому же тут жили их дальние родственники. Им пришлось принять ислам, хотя, как признались брат и сестра, втайне они продолжали поклоняться богам своих предков.

На первых порах родственники дали Сэмми и Саманте кров, а потом помогли устроиться у одной английской четы, содержавшей маленький сиротский приют. За стол и кров брат с сестрой должны были выполнять в приюте кое-какие подсобные и хозяйственные работы.

После первой встречи я стал проводить много времени в обществе Сэмми и Саманты. Обычно мы встречались ближе к вечеру, после того как они справлялись со своими обязанностями в приюте. Я приглашал их посидеть в кафе, а иногда и пообедать в ресторан. Мы совершали долгие прогулки по Александрии, и ребята, как опытные экскурсоводы, показывали мне все интересные места, упоминавшиеся в путеводителях, сопровождали на местные рынки и в самые глухие уголки Александрии, куда иностранцы обычно не заглядывают.

Брат и сестра показали мне и симпатичный ресторанчик с суданской кухней. Несмотря на выпавшие на их долю горести и испытания, они всегда были в хорошем настроении, открыты и приветливы. Для меня общение с ними было желанным отдыхом от поднадоевшего самодовольства моих компаньонов-соотечественников. Тем более что характер моей работы всегда позволял обосновывать частые встречи с двумя суданцами тем, что я таким образом собираю дополнительную информацию для экономического прогноза, который должен был составить.

День ото дня я все больше привязывался к моим суданским друзьям, а вскоре понял, что влюблен в Саманту, и это меня очень

обрадовало. Мысль жениться на Саманте казалась мне все более привлекательной. Мне нравилось представлять, как я заберу их с братом в Штаты, как удивится вся моя родня да и бывшая жена, когда я предстану перед ними рука об руку с молодой африканкой. Когда я поделился с Сэмми своей идеей взять их с собой в Штаты, он, к моему удивлению, не проявил радости и энтузиазма, а лишь страдальчески посмотрел на меня.

— Мы — африканцы, мы должны вернуться к себе в Судан и помочь нашему народу, — сказал он.

— Но как? Чем вы можете помочь?

— Будем бороться за независимость.

— Но ведь Судан уже с 1956 года — независимое государство!

— Это не Судан. Сейчас никакого Судана нет. То, что там есть, — это две разные страны, совсем не то, что пытались создать Англия и Египет.

— Мусульмане — на севере, а на юге — нет.

— Да, именно об этом я и говорю. Север Судана — это Ближний Восток, а юг — Африка.

Это утверждение совершенно расходилось с тем, что внушал мне Джордж Рич. Он говорил, что Египет — это одно, а Судан — совсем другое. Больше всего меня поразило, что раньше я никогда об этом не задумывался.

— А как же насчет Египта? Что это, Ближний Восток или Африка? — пожелал уточнить я.

— Ни то ни другое, — ответил Сэмми.

— Но что же тогда Египет? — искренне удивился я.

— А вам никогда не приходило в голову, что с тех пор, как умер фараон Нектанеб, еще за три века до рождения вашего Христа, и по сей день этой страной никогда не управлял настоящий египтянин?

Слова Сэмми стали для меня настоящим шоком.

— Так где же находится Египет, если не там и не здесь?

— Раньше он всегда был частью Европы.

— А сейчас?

— Сейчас он сидит на коленях у Америки.

Рождение «шакала»

Когда в 1971 году я впервые попал в Бейрут, Джек Корбин был еще подростком. Четыре года спустя, к моменту моего появления в Александрии, это был уже шустрый, непоседливый 19-летний юноша, решивший покинуть отчий дом и осуществить свою многолетнюю мечту — отправиться в Африку. Это решение навсегда и в корне изменило жизнь Джека. Оно превратило его в «шакала». Среди множества заданий, которые ему довелось выполнять, одно было связано с убийством президента некоей африканской страны, имеющей огромное стратегическое значение для всего континента, Именно тогда зародилась наша дружба с Джеком, и длится она уже много лет.

Отец Джека был топ-менеджером, которого дела забросили в Бейрут, поэтому насилие с малолетства стало для Джека привычной чертой повседневной жизни. Еще мальчишкой он частенько сжижал с такими же, как и он, сорванцами на высокой изгороди в одном из пригородов Бейрута, наблюдая за тем, что происходило внизу, на улицах города. В отличие от обычных забав подростков, эта часто позволяла Джеку наблюдать картины жестокого насилия.

Однажды в сильный бинокль он со своими друзьями наблюдал, как трое мужчин избили четвертого, а потом забросили его безжизненное тело в кузов пикапа. В другой раз они видели, как насиловали какую-то женщину, причем на глазах у ее малолетнего сына. А когда преступники ушли, из близлежащих зарослей вылез мужчина и помог этим несчастным дойти до дома.

Затем в Бейруте было объявлено о прекращении огня. Джек с одним из приятелей отправился в город, в кино. После сеанса, когда они выходили из кинотеатра, началась уличная пальба. Это означало, что перемирию пришел конец. Возле здания кинотеатра появился черный мерседес и, покружив, остановился рядом с Джеком и его спутником. Из машины вышли трое мужчин с АК-47.

Они стали тыкать дулами автоматов в Джека и второго парнишку, выкрикивая бранные слова на арабском. Затем затолкали обоих на заднее сиденье, и мерседес рванул с места. Насколько могли понять испуганные мальчишки, эти люди заподозрили в них израильских шпионов. В машине их били прикладами и обещали расстрелять еще до рассвета. Мерседес между тем несся по узким улочкам через населенные арабами трущобы, которых мальчишки вроде Джека всегда предпочитали избегать.

Когда машина наконец остановилась, приятелей приволокли в какой-то дом и поставили напротив человека, важно восседавшего за письменным столом.

«Слава богу, он был из ООП, а не из какой-нибудь воинствующей радикальной группировки, — рассказывал Джек. — Я показал ему билеты в кино, которые сам не знаю почему остались лежать в моем кармане, и он понял, что мы никакие не шпионы. Он даже извинился за своих товарищей, сказав, что те свалили дурака, а потом велел им отвезти нас обратно к кинотеатру».

Это происшествие убедило Джека, что лучше покинуть такое место, как Бейрут. Думаю, любой молодой человек на его месте поступил бы так же. Но в отличие от других Джек бежал не от войны — напротив, он хотел быть к ней поближе. «Я понял, что насилие не пугает меня и что я сам смогу его использовать. Те трое, что похитили нас, вовсе не испугали меня, скорее взбесили, заставив кровь быстрее бежать по жилам», — признался как-то Джек. И он наплавился в Африку.

«Континент был похож на пороховой погреб — самое подходящее местечко, где парень вроде меня может заработать неплохие денежки и вдоволь повеселиться», — он делился со мной этими откровениями, пока мы сидели в патио небольшого ирландского рестораника в южной Флориде.

Шел 2005 год. И хотя события, о которых рассказывал Джек, вроде бы относились к далекому прошлому, они приобретали некоторое современное звучание в свете того факта, что Джек только-только вернулся из Ирака, провернув там какое-то дельце, что нашим военным было категорически запрещено.

«Еще тогда, в Бейруте, я старался следить за событиями, разговаривал с прибывавшими туда наемниками, регулярно читал журнал *Time*, который выписывал отец. Я был в курсе всего, что происходило.

В 1974-м португальцы сделали нечто такое, что изменило путь развития Африки. Благодаря им приоткрылась дверь, и я шагнул в нее».

Я уточнил: «Ты имеешь в виду революцию?», потому что находился по соседству, в Испании, вскоре после того как в Португалии был свергнут диктаторский режим, дружественно настроенный по отношению к США. Это была так называемая «революция капитанов», которую осуществили средние и младшие офицеры португальской армии.

Экономические и военные потери Португалии в период освободительных войн, разгоревшихся в ее африканских колониях, болезни, подточившие силы диктатора и большого друга корпоратократии Антонио Салазара, десятки лет стоявшего во главе страны и порядком одряхлевшего, а также созревший в недрах португальских вооруженных сил военный переворот против его преемника, Марселу Каэтану, превратили Португалию из надежного союзника США в страну, вставшую на путь социализма. Этот провал экономических убийц, один из самых крупных, внушал США серьезное беспокойство.

«Да, ты прав. После “революции капитанов” новое правительство тут же даровало свободу своим бывшим африканским колониям. Внезапно, без всяких предупреждений. Колониальные войска хлынули назад в страну. Сотни тысяч португальцев, поколениями живших в Африке, враз лишились земель, имущества, бизнеса, — словом, всего. Да им и было не до имущества — они думали о том, как спастись самим. Многие бежали тогда в Южно-Африканскую Республику, в Южную Родезию, Бразилию. Кто-то вернулся в Португалию. Бывшие колонии получили то, чего так жаждали, — независимость, но при этом остались одни перед лицом новых трудностей. Конечно, Советский Союз оказался тут как тут, и из кожи вон лез, стараясь заполнить возникший после ухода португальцев вакуум. От момента, когда важнейшие запасы нефти и газа попадут в руки представителей коммунистического лагеря, нас отделяли тогда какие-то дни и даже часы. Тут очень кстати разразилась освободительная война в Южной Родезии против диктатора Яна Смита.

Надо признаться, я, как и Джек, считал, что время, которое мы переживали, предоставляет нам блестящие возможности, чтобы продвинуться в своей профессии: он собирался сделать карьеру

«шакала», а я — экономического убийцы. Я вспомнил, каким форсированным маршем мы двигались к созданию тайной империи в Индонезии, Иране, Латинской Америке, хотя столкнулись с серьезными препятствиями во Вьетнаме, где силы США и Южного Вьетнама терпели поражение, а также в Камбодже и Лаосе, где на гребне борьбы оказались соответственно «Красные кхмеры» и «Патхет Лао», державшие под контролем большую часть территорий своих стран.

Африка же до 1974 года оставалась в нашем пасьянсе закрытой картой. Наблюдался подъем национально-освободительных движений, хотя они часто страдали от раскола, поскольку их лидеры колебались, к какой из мировых держав обратиться за помощью. Многие не желали попасть в объятия коммунистов, но при этом искренне презирали Запад.

Мы, экономические убийцы, напряженно анализировали ситуацию, продумывали возможности и потихоньку выдвигались на позиции. MAIN, например, подготовила себе опорные пункты в Заире, Либерии, Чаде, Египте и ЮАР (хотя на последнюю мы не возлагали особых надежд из-за усиливающегося в мире осуждения режима апартеида).

Старательно работали наши агенты и в таких странах, как Кения и Нигерия. Я же в то время как раз завершил исследование, доказывающее целесообразность строительства огромной плотины через реку Конго как основы для ГЭС, которая питала бы электроэнергией местную добывающую промышленность и позволила бы создать в Центральной Африке промышленные парки.

На этом фоне опрометчивое решение Лиссабона освободить все колонии смешало весь наш расклад. Нарушив сложившийся к тому моменту баланс власти, оно вызвало смятение в Пентагоне и Государственном департаменте. Ожесточенные дебаты по поводу политического курса страны вызвали конфликты в верхах, вылившиеся в череду кадровых перестановок. На место секретаря Госдепартамента Уильяма Роджерса (занимавшего этот пост с 1969 по 1973 год) пришел Генри Киссинджер (1973–1977), а в оборонном ведомстве сменилось несколько министров: Мелвин Лэйрд (1969–1973), Эллиот Ричардсон (1973), Джеймс Шлезинджер (1973–1975), а затем Дональд Рамсфельд (1975–1977).

Хаос и неопределенность усугублялись ослаблением президентской власти, когда Никсон был вынужден уйти в отставку из-за

крупнейшего Уотергейтского скандала, и на посту президента его сменил Джеральд Форд, оказавшийся у власти не по воле избирателей, а из-за скандала вокруг его предшественника. Словом, Вашингтон колебался в выборе адекватной политической реакции на изменившуюся расстановку сил на мировой арене.

Для африканских стран ситуация тоже оказалась беспрецедентной, что повергло многие из новоиспеченных государств в состояние хаоса. В результате многовековой борьбы европейских колонизаторов за раздел сфер влияния на территории Африки появились искусственно созданные государства, границы которых отвечали в первую очередь интересам колонизаторов и никак не отражали этнических и культурных различий населяющих их народов.

При этом колонизаторы никогда не заботились об институционализации государственного и коммерческого секторов своих колоний. Из-за этого они оказались не готовы взвалить на себя бремя независимости, фактически став легкой добычей для нового эксплуататора, который поспешит заполнить вакуум, оставшийся после ухода старого, колониального.

«Из-за нашего промедления Советы ввалились в Африку, как шайка разбойников, — с отвращением произнес Джек. — Даже китайцы умудрились нас опередить. Москва принялась спонсировать Мозамбик, это гнездо марксистского террора, обучать и готовить тысячи бойцов Африканской национально-освободительной армии Зимбабве, посылая эту банду в Родезию убивать фермеров — как белых, так и чернокожих. Замбия кинулась в объятия маоистов и превратилась в базу для рейдов в ту же Родезию. Для меня же эта маленькая страна была несчастным изгоем, которому требовалась помощь. Я отправился туда, чтобы поступить в местную армию».

Джек всегда утверждал, что Южная Родезия в отличие от ЮАР «никогда не пропагандировала твердокаменный апартеид». Война, в которую он ввязался, была по его словам, не борьбой белых и черных, а битвой за выживание Родезии во враждебном окружении, попавшем в орбиту влияния Советов. Именно в Родезии Джек окончательно понял, что свойственно его натуре. Это мнение сформировалось у него в Бейруте, после похищения боевиками ООП.

«Я обнаружил в себе врожденный талант к военному делу. Я вступил в ряды родезийских командос, а потом прошел отбор в Специальную авиадесантную службу — это уже элитные войска.

Подготовка была исключительно жесткой, а служба — еще жестче. Как-то раз, после подрыва мостов на вражеской территории, нам пришлось уходить от погони три недели кряду и, спасая свои жизни, кружить, путать следы, просачиваясь между позициями противника. В день нам приходилось преодолевать по 20 миль, и это, заметь, по гористой труднопроходимой местности, наносить удары из засады и снова идти. При этом никакого обеспечения у нас не было, ни воды, ни провианта. Мы буквально умирали от жажды».

Потом Джек стал рассказывать, как в первый раз убил человека. «Смотрю, из кустов выскакивает черномазый и открывает по мне огонь. Я же сделал всего один выстрел и начисто разнес ему голову. Той ночью никак не мог уснуть, все думал о родных убитого мной человека. Но уже в следующий раз никаких таких мыслей у меня не было — я видел перед собой только врага, который хочет меня уничтожить. Убийства, как и любое дело, с каждым разом даются все проще, превращаясь в обычную рутину».

Когда закончился его контракт в родезийской армии, Джек решил стать наемником. «Возможностей тогда было хоть отбавляй. В 1979 году “освободительные войны” бушевали как минимум в шести странах: в Южно-Африканской Республике, Анголе, Намибии, Замбии, Мозамбике и Родезии». Джек выбрал ЮАР.

Именно в этой стране ему поступило предложение стать помощником «шакала»: так он оказался втянут в одну из самых опасных в его жизни операций, ту самую, что раскрыла тайные незаконные действия американского правительства, о которых понятия не имела американская общественность. Джек был в составе команды, которую направили в одну африканскую страну, чтобы убить ее президента, который не побоялся открыто противостоять самым могущественным силам в Вашингтоне и Лондоне.

«Не-люди» с острова Диего-Гарсия

После введения странами ОПЕК нефтяного эмбарго в начале 1970-х годов и военного фиаско США в Юго-Восточной Азии контроль над ресурсами Африки приобрел особую актуальность, став настоятельной необходимостью. В Вашингтон устремились руководители корпораций и те, кто лоббировал их интересы.

Для давления на власть момент был выбран на редкость удобный: еще не забылись крупные политические провалы администраций Никсона и Форда, а нынешняя, президента Картера, только и заботилась о том, как сохранить лицо в конфликте с Ираном. Все это позволяло рассчитывать на сговорчивость Вашингтона.

Посланцы корпораций стали требовать введения международных законов, гарантирующих им право на неограниченную эксплуатацию природных ресурсов Африки, в особенности нефтяных. Они также настаивали на усилении военного присутствия США в Африке, что гарантировало бы гегемонию США на континенте, защиту транспортных путей и поддержку африканских режимов, сотрудничающих с корпоратократией вопреки воле своих народов.

Аргумент, касающийся необходимости усилить военное присутствие, подкреплялся несомненными успехами в этом регионе Советского Союза и Китая. В прессе появилось множество статей, в которых описывались пагубные последствия внедрения коммунистов в африканские страны. Делались и весьма прозрачные намеки, что Москва и Пекин втайне перебрасывают в Африку военные контингенты, готовя интервенцию в страны, поддержавшие Вашингтон.

По телевидению то и дело мелькали кадры, на которых кубинские партизаны в тренировочных лагерях обучали африканских «террористов». Ходили упорные слухи, будто кубинский лидер Кастро лично направил в Африку пресловутого Че Гевару, специалиста

по партизанской борьбе, для организации атак на принадлежащие американским корпорациям горнодобывающие предприятия.

Давление на Вашингтон достигло беспрецедентной мощи.

Ситуация еще больше обострилась после закрытия судоходства через Суэцкий канал. А поскольку к тому моменту уже появились гигантские супертанкеры, США как никогда ранее стали нуждаться в укрепленном форпосте. Он должен был обеспечить охрану морских путей, которыми после закрытия Суэца нефть поступала с Ближнего Востока в страну: через Красное море и Персидский залив, затем через Аравийское море в Индийский океан, а оттуда вокруг южной оконечности Африки, мимо мыса Доброй Надежды в Атлантику. Вашингтонские политиканы быстро поняли, куда ветер дует, и немедленно урезали финансирование социальных программ, направляя высвободившиеся средства Пентагону. К тому моменту на островах Альдабра, с восточной стороны африканского континента и чуть севернее острова Мадагаскар уже было решено построить гигантскую авиабазу для бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие.

По словам Джека, «она стала бы удачным дополнением к военноморской базе в южноафриканском порту Саймонстаун, рядом с мысом Доброй Надежды. Там, вдали от любопытных глаз, американские атомные субмарины пополняют запасы, чтобы вновь отправиться на патрулирование Южной Атлантики и Индийского океана. Так что авиабаза к северу от Мадагаскара стала бы для нас хорошим подспорьем».

Однако когда проект создания авиабазы принимал конкретные очертания, неожиданно выяснилось, что острова Альдабра являются местом размножения уникального вида гигантских черепах. Не желая распаллять гнев партии зеленых, превращавшейся во все более влиятельную общественную силу, Вашингтон решил перенести строительство авиабазы на Диего-Гарсия, самый крупный атолл в архипелаге Чагос, который раньше входил в состав островного государства Маврикий, а теперь принадлежал Великобритании.

Хотя на Диего-Гарсии не водились редкие виды черепах, благополучие которых могло бы нарушить строительство авиабазы, там проживали 1800 человек, в основном потомки беглых рабов-африканцев.

«Было совершенно недопустимо, — говорил мне Джек, — чтобы по соседству с американской военной базой, напичканной самой современной техникой, жили какие-то посторонние люди».

Вашингтону снова пришлось обратиться к помощи экономических убийц. В 1970 году они провернули сделку, в которой участвовали и агенты разведывательных служб США и Великобритании. Результатом стало давление Лондона на коренных жителей Диего-Гарсии с целью принудить их покинуть родные места. Вся сделка держалась в строжайшем секрете от мировой общественности. Вот что сообщала ВВС.

Британские политики, дипломаты и государственные чиновники развернули кампанию, которая, по их собственному выражению, была призвана «закрепить ложное мнение, что на атолле не было постоянно проживающего населения». Подобная подтасовка фактов имела жизненно важное значение, поскольку по международному законодательству резиденты должны быть признаны как «люди, чьи демократические права должны быть гарантированы»... Таким образом, жители Диего-Гарсии превратились в «не-людей»*.

Многие жители атолла перебрались на соседние Сейшельские острова, а Великобритания между тем сдала «ненаселенный» остров Диего-Гарсия в аренду Соединенным Штатам. В качестве ответного жеста Вашингтон предложил Лондону 11-миллионную субсидию на разработку технологий, связанных с ракетным комплексом «Пола-рис». Что же касается жителей острова Диего-Гарсия, то они получили менее 600 долларов на человека, причем в эту сумму была включена и стоимость их жилищ.

Пентагон приступил к форсированному строительству авиабазы на атолле Диего-Гарсия. Она была рассчитана на базирование бомбардировщиков В-52, а позже — и на новые, невидимые для радаров противника тяжелые бомбардировщики В-2 «стелс». Авиабаза, которая могла бы служить плацдармом для рейдов не только на Ближний Восток, в Индию, Афганистан, Ирак, но и в Африку, должна была стать одним из ключевых элементов построения американской империи.

---

* BBC News, “The Chagos Islands: A Sordid Tale”, Nov. 3, 2000, http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/1005064.stm (по состоянию на 28 августа 2006 г.).

Однако несмотря на все свое стратегическое значение, авиабаза Диего-Гарсия оставалась засекреченной и о факте военного присутствия США у берегов Африки было мало кому известно. Лишь немногие знали, что защита интересов США в этом регионе стала оправданием для одной из самых наглых попыток политического убийства из всех когда-либо совершавшихся «шакалами», состоящими на жалованье у ЦРУ.

Речь пойдет о Сейшельских островах. Первым президентом этой республики, объявившей о своей независимости 29 июня 1976 года, стал Джеймс Менкам. С Вашингтоном и Лондоном он поддерживал контакты с помощью ЮАР, давнего преданного союзника корпоратократии, через которого довел до сведения Вашингтона, что одобряет сделку по Диего-Гарсии. Менкам предложил принять у себя в стране бывших жителей атолла, впрочем, особо не афишируя этот факт. Президент и его ближайшее окружение понимали, какие выгоды сулит лично им соседство американской военной базы. Правда, этот тайный сговор с США вызвал негодование его сограждан.

Среди сейшельцев, которые только что обрели независимость, были очень сильны националистические настроения, именно поэтому островитян возмутили действия президента Менкама. Мало того что он открыто демонстрировал уважение к Соединенным Штатам и Великобритании, так его правительство еще и поддержало незаконное выселение из родных мест их соседей, жителей острова Диего-Гарсия.

Кроме того, сейшельцы опасались, что вновь прибывшие могут занять и без того дефицитные рабочие места и тем самым нарушить сложившееся в стране социальное равновесие. И вот в то время, когда президент Менкам наносил визит лондонским политикам, премьер-министр Франс-Альберт Рене решил действовать.

В ходе бескровного государственного переворота, организованного в 1977 году, Менкам был смещен с поста президента. Взяв власть в свои руки, Рене объявил о реализации программы, которая, по определению ВВС, «была направлена на то, чтобы дать беднейшим слоям населения большую долю национальных богатств»*.

---

* BBC News: "Country Profile: Seychelles", http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/country_profiles/1070461.stm (по состоянию на 28 августа 2006 г.).

Рене также объявил, что жителям Диего-Гарсии разрешается вернуться к себе на родину, и выразил протест против нахождения военной базы США на заднем дворе Африки. От этих заявлений Вашингтон впал в ярость, правда, хорошо замаскированную от американской общественности. Как раз в то время, когда Джек Корбин оттачивал навыки наемника в рядах родезийских командос, корпоратократия составила заговор против Франса-Альберта Рене.

В этих планах отводилось место и мне: если Джек Корбин должен был выступить в роли «шакала», то я — в роли его эквивалента на поприще экономического убийцы. Нам оставалось только ждать, какому варианту воздействия на Рене отдаст предпочтение Вашингтон — уловкам и манипуляциям или физическому устранению.

И хотя меня, в отличие от Джека, так и не привлекли к работе против Рене, я был допущен на секретные совещания по этому поводу, которые показали мне, до какой глубины падения готово пойти правительство США во имя укрепления своей власти.

Принято решение убить президента

Джек Корбин наблюдал за водоворотом событий на Сейшелах из Родезии. Генерал Чак Нобл и его приятели из сфер, которые с легкой руки президента Эйзенхауэра стали называться военно-промышленным комплексом, внимательно следили за ними из Вашингтона.

«Трескотня Рене о помощи убогим и бесправным — это все ерунда», — сказал Чак. Бывший глава Инженерного командования сухопутных войск США во Вьетнаме, он сделал в MAIN великолепный карьерный рывок — за каких-то два года с должности менеджера проекта взлетел до вице-президента фирмы и самого вероятного преемника ее пока еще бессменного генерального директора — Мака Холла.

И хотя Чак Нобл не мог не знать о том, что я в свое время уклонился от призыва на военную службу, предпочтя стать волонтером Корпуса мира, он по каким-то причинам симпатизировал мне и всячески меня опекал. Впрочем, я был уверен, что он видел мои анкеты и тесты при приеме в Агентство национальной безопасности и ценил меня как лояльного, преданного делу экономического убийцу. После того как нам вместе довелось побывать в Аргентине, он стал моим наставником и куратором вместо Бруно Замботти.

Всякий раз, когда мы одновременно оказывались в Вашингтоне, он приглашал меня в закрытый клуб армии и флота. Так было и на этот раз. Мы обедали в компании двух отставных генералов и одного отставного адмирала — все, между прочим, работали на фирмы, постоянно выполнявшие контракты для корпоратократии.

«Рене — это советская марионетка, — развивал свою мысль Чак. — Ему поставили только одну задачу: выкинуть нас с Диего-Гарсии к чертям собачьим и запустить туда русских. Затем к ним

в компанию он пригласит кубинцев, и скоро, глядишь, весь поганый континент станет красным».

На протяжении нашей совместной трапезы эти четверо отставников подробно расспрашивали о моих успехах в Саудовской Аравии, и я в очередной раз восхитился их прагматичностью. В отличие от большинства политиков, они считали, что открытых военных конфликтов следует по возможности избегать. Вообще же, несмотря на то что в конце 1970-х годов политические перевороты и убийства неугодных политических деятелей из числа левых стали патентованным оружием холодной войны, высокопоставленные военные в отличие от политиков в конгрессе и Белом доме были куда более законопослушными.

Возможно, они на собственном опыте убедились, что насилие вызывает еще более жестокое ответное насилие; или опасались, что толерантность к подобным действиям в других государствах в конце концов может обернуться их использованием в собственной стране; или в глубине души они все еще хранили верность клятве защищать демократию.

Между тем отставник-адмирал заметил, что Рене «видать, решил последовать по стопам Альенде и генерала Прата»*.

На реплику адмирала остальные немедленно отреагировали неодобрительными взглядами. «Не стоит заходить так далеко», — пробормотал один из генералов, и разговор зашел о том, каким образом можно склонить Рене на нашу сторону. Мне велели быть готовым в любую минуту вылететь на Сейшельские острова.

Один из генералов направил туда своего юного протеже, как я понял, весьма привлекательного молодого человека, чтобы он соблазнил жену одного из высокопоставленных сейшельских дипломатов. Побывав на нескольких официальных приемах, генерал заметил, что этой 35-летней даме, судя по всему, уже порядком надоел

---

* Убийство генерала Карлоса Прата, командующего чилийской армией, вскоре после устранения самого Альенде, стало провозвестником так называемой «операции Кондор». Она претворялась в жизнь объединенными усилиями шести южноамериканских военных диктатур, которые совместно с «шакалами» приступили к планомерному выявлению и уничтожению подрывных элементов — тех, кто не разделял взглядов ультраправых. Подробнее см. Larry Rohter, “Pinochet Entangled in Web of Inquiries”, *The New York Times*, Feb. 7, 2005, p. A7, www.nytimes.com/2005/02/07/international/07chile.html.

муж, который был вдвое старше ее. К тому моменту я уже знал, что секс как средство шпионажа практиковали не только профессионалы вроде гейш, которые встречались мне в Джакарте.

По моим наблюдениям, этот метод с поразительным успехом используют некоторые из тех, кто посвятил себя служению интересам американской империи. Ведь в пылу страсти забываешь о необходимости хранить секреты. Обычная уловка экономического убийцы — внушить интересующему его объекту любовь или хотя бы вызвать у него сексуальный интерес, а потом умолять поделиться какими-нибудь закрытыми конфиденциальными сведениями, якобы необходимыми для продвижения по службе. «Мне бы хоть что-то об этом узнать, и тогда карьера обеспечена» — примерно так звучит сакраментальная фраза. Есть и более эмоциональный вариант, вроде вопля отчаяния: «Боже, я наверняка потеряю работу, если не помогу шефу разузнать кое-что, так, сущую ерунду о...»

Когда все прочие методы оказываются негодными, неплохие плоды приносит шантаж, и если у жен высокопоставленных чиновников не всегда есть доступ к мужниным деньгам, чтобы заплатить вымогателю, они почти всегда могут служить источником ценной информации.

После делового обеда с генералами и адмиралом последовали встречи с другими персонами в Вашингтоне и Бостоне. И хотя состав присутствующих иногда менялся, их объединяла одна общая характеристика: все они когда-то были военными в больших чинах, а выйдя в отставку, заняли высокие корпоративные должности или проходили соответствующее обучение. Чак тоже был на некоторых из этих встреч, хотя частенько предоставлял мне возможность посещать их одному.

Генерал, чей красивый протеже выполнял на Сейшелах деликатную миссию, был главным действующим лицом раскручивающейся интриги. Он поддерживал тесные связи с островом Диего-Гарсия и обычно выступал инициатором наших совещаний. Генерал держал нас в курсе успехов своего протеже, хотя и досадовал, что они не так впечатляющи, как он ожидал. Дело несколько затягивалось, и хотя дамочка, по его словам, была похотлива, как кошка, она все еще не сдавалась, желая убедиться, что юноша действительно *любит* ее.

Сказав это, генерал ухмыльнулся, кивнув в мою сторону: «Сдается мне, что ваши коллеги, женщины-соблазнительницы, куда быс-

трее добиваются успеха. По крайней мере, со мной у них это получалось быстро. Мне никогда не приходило в голову добиваться любви этих крошек, хотелось лишь побыстрее залезть к ним под юбку. Полагаю, в этом и состоит разница между мужчинами и женщинами. Черт, да я хоть сейчас готов отдать ключи от Пентагона за аппетитную женскую попку».

Наконец настал день, когда юноша добился-таки успеха — «прорыва, которого все мы так ждали», как выразился довольный генерал. Женщина поверила в искренность чувств «засланного» любовника и начала делиться с ним конфиденциальной информацией. Однако это оказалось совсем не то, на что мы так рассчитывали: подкупить Рене, как следовало из ее слов, было невозможно. Хуже того, он планировал предать гласности тайную операцию Вашингтона и Лондона по выселению коренных жителей с атолла Диего-Гарсия.

«Дамочка утверждает, что Рене — исключительно непреклонный человек, да к тому же, возможно, и идеалист, — со вздохом проинформировал нас генерал. — Рене даже как-то упоминал при ней о намерении рассказать общественности о преступном заговоре — да, да, именно эти слова он употребил, — имея в виду ту небольшую уловку Вашингтона и Лондона, при помощи которой Диего-Гарсия представили как остров, на котором никогда и не было этих пары тысяч потомков бывших рабов. Словом, Рене загоняет нас в угол».

Я так никогда и не узнал, как далеко наверх была передана эта информация или сколько человек участвовали в попытке подкупом перетащить на нашу сторону негнибавшего президента Республики Сейшельские Острова. Помимо этого задания я в то время по уши увяз в попытках добиться взаимопонимания (с нашей точки зрения) с президентом Панамы Торрихосом и президентом Эквадора Хайме Рольдосом. Но они никак не желали идти навстречу нашим пожеланиям и поэтому еще до середины 1981 года один за другим погибли в авиакатастрофах, подстроенных руками наемных убийц ЦРУ.

А в ноябре того года экономические убийцы, так и не достигшие своей цели в отношении Рене, были отозваны с Сейшельских островов. Приказ, который, как все мы втайне надеялись, не поступит, наконец прозвучал. Джек Корбин в составе элитной группы наемников вылетел на Сейшельские острова с заданием убить президента Рене.

Угон Boeing-707 авиакомпании Air India

«Наша группа численностью в 40 человек была укомплектована самыми первоклассными “шакалами”, — рассказывал Джек. — Общий сбор назначили в южноафриканском городе Дурбане, куда мы прибыли под видом членов Ancient Order of Froth Blowers, — такая у нас была легенда. Это, как ты знаешь, благотворительное общество любителей поиграть в регби и завсегдатаев пивных, собирающих деньги для детских больниц. Так вот, мы сделали вид, что везем детишкам, живущим на Сейшельских островах, рождественские подарки, — они там в основном католики.

Вообще-то план был очень незатейливый. В Дурбане нам предстояло разбиться на небольшие группы и переправиться в Свазиленд, там опять собраться и вместе лететь рейсом Royal Swazi в Викторию, столицу страны, находившуюся на острове Маэ, а оттуда уж разъехаться по отелям. Потом мы должны были встретиться с перодовой группой, в состав которой входили несколько самым тщательным образом отобранных женщин, — они собирали и просеивали наиболее важную информацию, полученную от местных шишек.

Оружие и экипировка уже были спрятаны в тайнике на острове, поэтому мы не боялись, что в Свазиленде или на Маэ нас прихватит таможня. Для нас это было очень важно. Нам сообщили, что на Сейшелах есть какое-то движение, объединяющее преимущественно местных полицейских, члены которого в случае чего готовы вызволить нас из неприятностей и помочь в качестве проводников. Но в самом разговоре они не участвовали — вся стрельба была возложена на нас.

Реальную опасность представлял лишь танзанийский военный контингент, приглашенный в страну самим Рене и разместившийся

в казармах как раз недалеко от аэропорта. По своему родезийскому опыту я знал, что эти серьезные, сильные, упорные и стойкие бойцы — реальная угроза для нас, особенно потому, что численный перевес был один к пяти-шести не в нашу пользу.

В условленный день, вернее, ранним утром четверо наших должны были пробраться в казарму танзанийцев и, пока те не спохватились, перестрелять основную массу солдат из пулеметов. Это послужило бы сигналом к общему выступлению. Мы должны были двумя группами одновременно захватить местную радиостанцию и президентский дворец и пустить в эфир заранее записанное на пленку обращение бывшего президента Менкама, в котором он объявит о своем возвращении к власти, а потом попросит граждан не покидать своих домов и соблюдать спокойствие.

Между тем в Кении на аэродроме недалеко от Найроби находился готовый к вылету самолет с кенийскими десантниками. После выхода в эфир радиообращения Менкама они должны были вылететь на Сейшелы, чтобы появиться там с рассветом и придать всему делу “африканское лицо” — взять на себя всю вину за жертвы. Пусть все считают, будто переворот — это дело рук самих африканцев. А мы же до прибытия прессы должны были тихо погрузиться на коммерческие рейсы и следовать обратно в ЮАР.

Однако операция окончилась провалом, так толком и не начавшись. Команде “шакалов” не удалось даже подобраться к президентскому дворцу. Тщательно разработанный план дал трещину еще в аэропорту на острове Маэ, когда охранник заметил у одного из членов нашей группы в багаже автомат. Как такое могло случиться? А очень просто: в последний момент перед вылетом некоторым “шакалам” приказали взять с собой оружие. Почему этот парень так беспечно сунул автомат в свою сумку, так и осталось вопросом, над которым еще долгие годы ломали голову организаторы операции».

Но факт оставался фактом: группу раскрыли. Началась ужасающая стрельба. Джек говорил, что это был один из тех редких моментов, когда он всерьез опасался за свою жизнь, почти не рассчитывая вернуться из переделки. Вот тут-то мой приятель и призадумался.

«Нашу группу окружили прямо там, в аэропорту. А у нас было всего ничего боеприпасов — лишь несколько магазинов, что сумели передать нам ожидавшие нас сообщники из местных, да еще пару удалось захватить у охранников аэропорта. Правда, мы пополнили

свой арсенал за счет оружия войск охраны, которые устремились к своим баракам на другом конце аэропорта. Кучка наших было кинулась в казарму танзанийцев, но атака захлебнулась. Стрельба не прекращалась всю ночь. Дело было гиблое, в бой ввязывалось все больше танзанийцев, и мы поняли, что это полный провал».

Один из бойцов группы, оказавшись на диспетчерской вышке аэропорта, услышал, как индийский коммерческий авиалайнер запрашивает разрешение на посадку. Штурман также интересовался, почему на взлетно-посадочной полосе не горят огни. Наемники моментально сориентировались, включили подсветку полосы и дали лайнеру разрешение на посадку, объясняя, что огни не горели «из-за технической неполадки, которую удалось устранить».

«Потом начались переговоры по телефону с представителями сейшельских властей. Они были согласны прекратить огонь, если мы загрузимся в самолет и покинем остров. Большинство из нас склонялось к этому решению, тем более что до рассвета оставалось не более часа и кто-то слышал, что на Сейшелы уже прибыли или направляются к островам военные корабли русских. Лично я не видел другого выхода из сложившегося положения.

Итак, решение было принято. Пока дозаправляли наш Boeing-707, мы перенесли всю амуницию и тело одного из бойцов, убитого в самом начале операции, в грузовой отсек. Некоторые решили тоже там остаться, чтобы не торчать живыми мишенями в иллюминаторах, а остальные все же направились в салон. Когда мы взлетали, выскочившие из укрытия танзанийцы и бойцы охраны аэропорта открыли шквальный огонь, отчаянно пытаясь сбить наш самолет.

Как прощальный привет с Сейшел, воздушное пространство аэропорта прорезали очереди трассирующих пуль. Мы взяли курс на Дурбан. Когда посчитали потери, оказалось, что один убит, а семеро пропали, возможно, схвачены сейшельскими военными и брошены в тюрьму — среди них, кстати, была и одна женщина, наша сообщница.

Когда индийский самолет приземлился в Дурбане, его немедленно окружили бойцы сил безопасности ЮАР. Потом нашим удалось связаться с властями по радио, и командир сил безопасности выяснил, что самолет был угнан его «коллегами». Джек и остальные тут же сдались и были отправлены в тюрьму, но очень скоро их тайно выпустили.

Сейшельское правительство арестовало тех семерых заговорщиков, среди которых была и женщина. Ее вскоре отпустили, зато четверо остальных были приговорены к смертной казни, а двое — к заключению сроком на 10 и 20 лет. Однако правительство ЮАР тут же вступило в переговоры об освобождении арестованных, и в конце концов правительство Республики Сейшельские Острова согласилось выпустить всех шестерых арестантов, за что Претория выложила три миллиона долларов — по 500 тысяч за каждого.

Хотя военная операция на Сейшельских островах окончилась бесславным провалом, корпоратократии она принесла несомненную пользу. Несмотря на то что СМИ широко освещали и угон самолета, и перипетии судебного разбирательства, неприглядная роль США и Великобритании так и осталась за кадром, в том числе и потому, что огонь критики приняла на себя ЮАР. Президент Республики Сейшельские Острова Рене, убедившись в серьезности намерений тех, кто стремился его остановить, стал гораздо покладистее и смягчил свою позицию в связи с ситуацией на острове Диего-Гарсия, а также свое отношение к Вашингтону, Лондону и Претории.

Еще почти 30 лет он оставался у власти, пока в 2004 году Джеймс Мишель, когда-то бывший при нем вице-президентом, не победил на выборах и не занял этот пост на следующие пять лет. Американская авиабаза на острове Диего-Гарсия существует и по сей день, выполняя для США важную роль опорного пункта в Африке, Азии и на Ближнем Востоке.

А в среде «шакалов» с тех пор бытует новая шутка: они говорят, что теперь точно знают, сколько стоит каждый из них, — почти в тысячу раз больше, чем житель острова Диего-Гарсия.

Казнь защитника окружающей среды

Операция на Сейшельских островах до сих пор остается одной из самых драматических попыток покушения на главу государства. Особую интригу ей придает не только большое число задействованных наемников, но и тот факт, что в ходе операции был угнан коммерческий авиалайнер. Более того, она с особой наглядностью доказывает, что подобная тактика применяется корпоратократией лишь в тех случаях, когда экономические убийцы терпят поражение.

В Африке это было далеко не редкостью. Экономические убийцы часто оказывались неэффективны, и потому убийства политических деятелей играли в африканской политике куда более важную роль, чем в других регионах. По большей части такого рода операции проводились тайно, хотя бывали случаи, когда убийство неугодных подавалось мировой общественности под видом законной казни. Самым известным из подобных случаев является «законное» убийство Кена Саро-Вива.

Выходец из племени огони, Кен Саро-Вива был правозащитником, возглавлял общественное движение нигерийцев против эксплуатации их земель нефтяными компаниями. Вот что он сказал в интервью Эми Гудман в эфире пацифистской радиостанции WBAI в 1994 году:

Кен Саро-Вива: Shell Oil Company решила не спускать с меня глаз и следить за каждым моим шагом. Они постоянно следят за мной, желая убедиться, что я не делаю ничего, что могло бы бросить тень на Shell. Так что в этом смысле я человек меченый... В начале этого года, а точнее, 2 января меня со всей семьей на три дня поместили под домашний арест. А все для

того, чтобы воспрепятствовать запланированной акции протеста против Shell: примерно 300 тысяч членов племени огони должны были выйти на манифестацию, обвиняя Shell и прочие международные нефтяные компании в том, что они уничтожают окружающую среду... Все, что они сделали, — это направили ко мне домой представителей военных властей, которые отключили все телефоны, конфисковали пульт для телевизора и держали меня три дня взаперти и без еды.

Позже в том же году правительство Сани Абаха, нигерийского диктатора из числа друзей корпоратократии, вновь подвергло Кена Саро-Вива аресту и суду, который, по мнению многих обозревателей, был чистой инсценировкой, пародией на суд. По его приговору Кен Саро-Вива и восемь его сподвижников 10 ноября 1995 года были повешены.

В 2005 году сын казненного борца за сохранение природы, Кен Вива, выступил в передаче Эми Гудман *Democracy Now!*. Вот что он сказал по поводу отношения своего отца к нефтяной компании Shell:

Кен Вива: Мой отец ни на кого не таил злобу. Это не в характере моей семьи и моего народа — таить на кого-то злобу. Мы убеждены, что Shell является частью проблемы, и она же должна быть частью решения этой проблемы. Мы все еще думаем, что при определенном благородстве и приверженности социальной справедливости ситуацию еще можно выправить. Однако со дня казни моего отца прошло уже почти десять лет... Но за это время ни один из нигерийских военнослужащих из числа тех, кто вторгся на земли огони, кто чинил незаконные расправы, насиловал наших девушек и женщин — лишь бы подавить протест нашей организации, чтобы и дальше выкачивать нефть, — так вот, ни один из этих военных не был арестован...*

Убийства, совершенные руками «шакалов» вроде Джека Корбина или по приговору диктаторских режимов, всегда крайне пагубно сказывались на движениях за социальную справедливость и сохра-

---

* Обе выдержки из передачи «Nobel Peace Laureate Wangari Maathai and Son of Executed Nigerian Activist Ken Wiwa Discuss Oil and Environment» (*Democracy Now!*, Sept. 20, 2005, www.democracynow.org/print.pl?sid=05/09/20/1330227).

нение окружающей среды. Многие из тех, кто ратовал за реформы, предпочитали отступить, пойти на попятный под страхом ареста, пыток и казни, а также беспокоясь за судьбу своих семей и ближайшего окружения. Наивно полагать, что корпоратократия этого не учитывает или использует такие методы, как убийства неугодных, исключительно на африканском континенте.

Сегодня, когда я пишу эти строки, Джек и те, кто вместе с ним принимал участие в сейшельской операции, занимаются своим черным ремеслом в Ираке. Прикрываясь лозунгом «защиты демократии», они проворачивают операции, направленные на защиту собственности американских корпораций, которые получают в Ираке баснословные прибыли.

Подобно экономическим убийцам, «шакалы» состоят в штате частных фирм, которые нанимают Госдепартамент и Пентагон, а то и работают на какую-нибудь нелегальную фирму из тех, что числятся в «черных списках» разведывательного сообщества. В контрактах «шакалов» обычно указывается, что они «обеспечивают безопасность» или осуществляют «управленческое консультирование»*.

А между тем печальная история изнанников с Диего-Гарсии продолжается. В последние годы ушедшего столетия они организовали кампанию за возвращение на родной остров. Эти люди требуют компенсации за 30-летние физические и моральные страдания — за нищету, бесправное положение и жизнь на чужбине, они требуют вернуть им право на их землю.

Сэр Сидней Кентридж, королевский адвокат, один из тех, кто защищает права бывших жителей Диего-Гарсии, назвал сделку, которая лишила их родины, «одним из самых прискорбных и не делающих нам чести эпизодов британской истории». Радиостанция BBC заявила, что это скандал, «связанный с получением от США взяток, расизмом высших государственных чиновников и обманом британским правительством своего парламента и Организации Объединенных Наций»**.

---

* Общие сведения об операции на Сейшельских островах под заголовком «The Seychelles Case» с указанием имен участвовавших в ней наемников (где упоминается и Джек Корбин, только под своим настоящим именем) можно найти в разделе «The Truth Commission Files» по адресу www.contrast.org/truth/html/seychelles.html.

** BBC News, «The Chagos Islands: A Sordid Tale», Nov. 3, 2000, http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/1005064.stm (просмотрена 28 августа 2006 г.).

В 2000 году Лондонский суд «вынес решение, что депортация была незаконной... Однако правительство не одобряет возвращения жителей на остров, поскольку Диего-Гарсия может использоваться как база для нанесения Соединенными Штатами ударов по Ираку»*.

Попытка покушения на президента Республики Сейшельские Острова и фактически незаконное завладение США атоллom Диего-Гарсия относятся к числу самых возмутительных историй нашего времени, особенно потому, что все это делалось под предлогом защиты демократии. И все же, несмотря на трагичность этих событий, они бледнеют перед тем злом, которое творилось — и продолжает твориться по сей день — на остальной части Черного континента.

---

* BBC News, “Diego Garcia Islanders Battle to Return”, Oct. 31, 2002 <http://news.bbc.co.uk./2/hi/africa/2380013.stm> (просмотрена 28 августа 2006 г.).

Самый непонятый континент

Джек был одним из многих экономических убийц и «шакалов», которые искали общения со мной после того, как моя «Исповедь» увидела свет. Хотя корпоратократия вершила свои злые дела на всех континентах, в наших разговорах, как это ни странно, очень часто речь заходила именно об Африке.

Казалось, какая-то неведомая сила вовлекала этих людей, самым непосредственным образом участвовавших в процессах, формировавших исторический облик мира в последние четыре десятилетия, в водоворот событий на этом континенте.

Это и убийство конголезского политического деятеля Патриса Лумумбы, в котором не последнюю роль сыграли США, и поддержка африканских диктаторов вроде Жонаса Савимби в Анголе, Мобуту Сесе Секо и Лорана Кабилю в Конго, Сани Абача и Олусегуна Обасанджо в Нигерии, Сэмюэля Доу в Либерии, а также недавние кровавые события в Руанде, Судане и Либерии. Некоторые из моих собеседников глубоко сожалели о провале предложенного администрацией Билла Клинтона плана «ренессанса Африки», тогда как большинство все же считали эти действия не более чем слабо замаскированными уловками поддержать то одного, то другого очередного беспощадного авторитарного правителя.

Гораздо чаще речь шла об уловке более позднего времени — о том, что администрация Буша прикидывает, как превратить такой, казалось бы, гуманный акт, как списание долгов многим африканским странам, в изощренный трюк в духе экономических убийц, который укрепит власть корпоратократии.

Причины, по которым эти люди, прочитав мою книгу, стали тянуться ко мне, состояли в том, что они тоже чувствовали себя обманутыми — в школах бизнеса и на юридических факультетах университетов им вдалбливали, что ради прогресса иногда приходится

использовать методы, не очень-то сочетающиеся с идеалами демократии, но необходимые для достижения желаемого результата.

А кроме того, это были отлично подготовленные бойцы невидимого фронта, остро нуждавшиеся в работе. Все они в свое время приняли идеологические нормы компаний-работодателей — то ли потому, что это убаюкивало их совесть, то ли потому, что были уверены, что это соответствует их личным интересам, а может, по обеим причинам.

И только сейчас их, как и меня, стали мучить угрызения совести, осознание вины за совершенное когда-то зло. Они желали выговориться, покаяться, поделиться своими историями с благодарным сочувствующим слушателем, а возможно, и сделать хоть что-нибудь, чтобы реабилитировать себя в собственных глазах.

Лучше, чем кто-либо другой, эти люди знали, что граждан Соединенных Штатов систематически вводят в заблуждение и что орудием этого вселенского обмана долгое время служили именно они, герои невидимого фронта. Что бы там ни говорили политики, какими бы данными ни подкрепляли свою риторику, а африканский континент сегодня значительно беднее, чем 30 лет назад, когда я работал в Александрии, Джек Корбин только осваивал азы своей жуткой профессии в Родезии, а многие из наших коллег лишь начинали свою карьеру.

В настоящее время население 43 из 53 стран Африки хронически страдает от голода и низкого уровня доходов, а голод и засуха с безжалостной периодичностью поражают огромные просторы континента.

Иностранные компании беззастенчиво грабят природные ресурсы и, всю пользуясь несовершенством местного законодательства и продажностью чиновников, уклоняются от инвестирования полученных прибылей в местные предприятия, что, в свою очередь, консервирует и без того слабую экономику африканских стран и усугубляет некомпетентность государственной власти. Постоянные экономические неурядицы провоцируют насилие, этнические конфликты и гражданские войны; три миллиона детей ежегодно умирают от голода и болезней, связанных с хроническим недоеданием; средняя продолжительность жизни в Африке едва достигает 46 лет — в США такой показатель был в далеком 1900 году; 45% населения континента составляют люди моложе 15 лет, но им никогда не реа-

лизовать своего человеческого потенциала из-за голода, войн и тяжелых болезней — холеры, желтой лихорадки, малярии, туберкулеза, полиомиелита, ВИЧ/СПИДа. Примерно 30 миллионов африканцев ВИЧ-инфицированы, а из-за СПИДа миллионы детей остались сиротами.

При этом все беды, от которых страдает Африка, возникли не вчера, их корни уходят во времена колониализма, начиная с эпохи Великих географических открытий и вплоть до первой половины XX века.

В этом смысле очень показательны слова, сказанные в 2005 году одним моим бывшим коллегой Джеймсом, ныне менеджером среднего звена во Всемирном банке. Он на свой лад, но очень образно охарактеризовал истоки горькой участи жителей африканского континента: «Моих прапрапрабабушек и прапрапрадедушек вырвали из их родных мест, чтобы продать в рабство сюда, в Америку. Но в отличие от латиносов, азиатов и выходцев с Ближнего Востока, ныне живущих в нашей стране, я лишен возможности проследить свои исторические корни. Я даже не знаю, в какой части Африки жили мои предки, не знаю, на каком языке они говорили».

В истории человечества среди всех жестокостей и зверств работорговля, на мой взгляд, — самое ужасное и разрушительное зло, которое когда-либо одни человеческие существа причиняли другим. Добавьте к этому безжалостное подавление культуры коренных народов Африки, влияние литературы, кино, прочих видов искусства, которые подчас выставляют жителей этого континента недочеловеками, стоящими на низшей ступени развития, да припомните, какие только страны ни посягали на колониальное господство в Африке, как, не стесняясь, рвали ее на части, разделяя, властвуя, хищнически эксплуатируя, — и поневоле придете к горькому выводу: африканский континент был и остается жертвой самого ужасающего, самого жестокого насилия и в то же время самым непонятым регионом планеты.

Если народы и страны Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока связаны историческими узами, то Африка предстает как спутанный клубок своих собственных конфликтов и противоречий, которыми пронизаны ее история, география, культура, религии, политика, ее флора и фауна, природные ресурсы, наконец. Африка стоит особняком в истории человечества, и это отрывает и даже изо-

лирует ее от других народов и стран, превращая континент в легкую добычу для эксплуататоров, внешних и внутренних.

Во многих странах на смену колониальным владыкам прошлого — европейским элитам — пришли владыки местного, африканского, пошиба. Встав во главе государств, освободившихся от колониальных пут, они продолжают использовать старые методы угнетения и подавления, предавая национальные интересы в угоду иностранным компаниям, безудержно и беззастенчиво разграбляющим народы Африки и их исконные земли.

Выявление исторических тенденций, бесспорно, помогает нащупать пути решения насущных проблем Африки; однако списывать все ее беды только на прошлое означает препятствовать поиску реальных практических решений. Все без исключения экономические убийцы и «шакалы», с которыми мне доводилось обсуждать эту проблему, нисколько не сомневаются, что нынешняя специфически африканская бедность стала побочным продуктом американской империи, фундамент которой закладывался после Второй мировой войны.

Как никто другой, экономические убийцы и «шакалы» понимают, насколько важно привлекать внимание общественности к проблемам Африки. Все они в разговорах со мной твердили о своей готовности распространять правду о нынешнем состоянии Африки и его причинах, а также бороться за перемены.

Из-за того что Африка все еще остается самым непонятым континентом, ее часто игнорируют, замалчивают существующие там проблемы — а это, в свою очередь, делает ее уязвимой для дальнейших попыток угнетения и грабежа.

Во время моих выступлений и презентаций нередкой была ситуация, когда в ответ на вопрос, известно ли присутствующим что-либо о Боливии, Венесуэле, Вьетнаме, Индонезии или о какой-нибудь другой стране Ближнего Востока, поднимался лес рук. Но стоило спросить, знают ли они что-нибудь о Нигерии, Анголе или Габоне, как этот лес редел буквально на глазах.

И вовсе не потому, что Африка не представляет для нас, американцев, никакой ценности. Та же Нигерия — пятый по значимости поставщик нефти в Соединенные Штаты, Ангола — шестой, а Габон — десятый. Нигерия занимает девятое место в мире по численности населения, опережая Японию (10-е место) и Мексику (11-е).

Я убежден, что за массовое невежество американцев во всем, что касается Африки, следует винить нашу образовательную систему, а также основные СМИ.

Уверен также, что это делается намеренно, с дальним прицелом: грубо говоря, меньше знаешь — крепче спишь. А поскольку мы ни о чем не ведаем, то и не беспокоимся о том, что творится в Африке. И потому там можно открыто попирать любые правила и установления — на этом континенте это сделать гораздо проще, чем в других частях мира, которые не ускользают от нашего внимания.

Все мы хоть что-то слышали и читали о Боливии, поэтому приходится потратить силы, чтобы убедить нас в том, что Эво Моралес — социалист-радикал, поддерживающий производителей кокаина, а вовсе не общенародно избранный лидер, защищающий национальные интересы своей страны. Однако нет никакой нужды убеждать нас в чем-то, что касалось бы правителей африканских стран, — для нас они такие же «невидимки», как изгнанники с атолла Диего-Гарсия. Этих невидимок можно безнаказанно лишать родины, а их лидеров — бросать в тюрьмы или казнить.

«Всякий раз, приезжая в Африку, я стыжусь, что являюсь гражданином США, — говорил Джеймс. — Африканцы спрашивают, знают ли американцы что-нибудь о них. Слышали ли мы о миллионах детей, которые гибнут в войнах? О маленьких африканцах, которые становятся сиротами и калеками? О природных катастрофах, которые лишают их пропитания, — наводнениях, засухах, нашествиях саранчи? А я не могу сказать им правду, мне стыдно, что мы ничего об этом не знаем. Большинству американцев просто нет до этого дела. Даже афроамериканцам».

Делая это горькое признание, Джеймс в отчаянии спрятал лицо в ладонях. «А знаешь, что самое постыдное во всем этом? Всекие организации, которые рядятся в тогу добрых самаритян, а на деле являются частью игры против Африки. И я говорю не только о Всемирном банке. В это вовлечены и участники некоммерческого сектора — неправительственные организации».

Эта тема — подозрения, что такие учреждения служат инструментами корпоратократии, — часто всплывала в моих беседах с экономическими убийцами и «шакалами». Это поняла и одна юная идеалистка, которая как раз работала на подобную неправительственную организацию.

Неправительственные организации: ставка на консервацию бедности Африки

«Нас что же, просто используют? — задала вопрос Дженни Уильямс, имея в виду свою работу на одну из действующих в Африке неправительственных организаций. — Неужели концепции помощи и развития — это всего лишь инструменты в арсенале Запада, сконструированные не ради благотворительности, а специально для того, чтобы сохранять за собой контроль?»

С Дженни я познакомился, когда моя «Исповедь» готовилась к печати. Тогда она была стажером в издательстве Berrett-Koehler, выпустившем мою книгу в твердом переплете. Дженни подала несколько блестящих идей, а затем отправилась работать в одну из неправительственных организаций, осуществлявших в Уганде и Судане проекты экстренной помощи и развития.

«Я поняла, что сыта по горло неприкрытым лицемерием Запада. Надоело быть кабинетным критиком» — так в электронном послании объясняла мне Дженни свое решение. — Мне хотелось самой побывать там, куда направляется помощь, своими глазами увидеть, куда утекают все эти деньги».

Для меня ее точка зрения представляла особый интерес, потому что, проведя детство в Сан-Диего и окончив в 2004 году Калифорнийский университет в Беркли, Дженни как раз и была одним из объектов идеологического оболванивания средствами массовой информации, которые насаждают идеалы безудержного меркантилизма и выставляют иностранную помощь как главное средство преодоления нищеты в развивающихся странах. Как и моя дочь Джессика, Дженни была представителем нового поколения, которому суждено вести нас в будущее.

Далее в письме, которое она в сентябре 2006 года прислала мне по электронной почте из Уганды, говорилось:

В Африке наиболее отчетливо видны следы вестернизации: в измученных продолжительной засухой северных районах Кении над каждым киоском с напитками реют флаги компании Coca-Cola; молодежь захлестнула волна увлечения дурацкой атрибутикой рэпа и хип-хопа, а старшее поколение предпочитает настоящему ароматному кофе из выращенных у них же в стране кофейных бобов растворимую бурду, уверяя себя и друг друга, что она вкуснее, хотя на самом деле местные продукты им не по карману из-за всяких тарифов и налогов, которыми обложила их корпоратократия.

Не сомневаюсь, что корпорации и так готовы разграбить Африку, не дожидаясь, пока она превратится в механический слепок нашего общества, но вот неправительственные организации всеми силами поддерживают этот процесс, начиная с насаждения стиля руководства и заканчивая щедрой платой специалистам-иностранцам.

Неправительственные организации служат мощным проводником бытующих на Западе культурных, социальных и экономических стандартов, что само по себе создает ощутимый разрыв в уровне жизни их сотрудников и тех людей, которым они приехали помогать. Постоянно ощущая этот разрыв, африканцы пытаются преодолеть его, копируя кто как умеет повадки, поведение и вкусы благополучных иностранцев. Западные ценности приобретают в их глазах куда большее значение, чем идеалы собственной культуры, и это задерживает развитие и без того слабых местных экономических систем.

А вот вам еще один гордиев узел: в северных районах Уганды, где местные повстанцы уже 20 лет ведут кровопролитную войну, уже унесшую 20 тысяч жизней и лишившую крова около двух миллионов угандийцев, неправительственные организации открыто обвиняют в том, что своим присутствием в этом районе они способствуют затягиванию конфликта. Получается замкнутый круг: пока здесь идет гражданская война, эти места считаются зоной чрезвычайного положения, доноры продолжают направлять сюда средства, и неправительственные организации слетаются в такие районы, чтобы окружать заботами людей, которые вынуждены жить в ужасающих

условиях здешних лагерей беженцев. (Одна угандийская радиостанция пошутила, что неправительственных организаций здесь не меньше, чем бода-бода — местных велотакси, которые заполняют улицы каждого угандийского города.)

И так понятно, что угандийцы, живущие в этих лагерях — некоторые по десять и более лет — без источников питьевой воды, элементарной санитарии, образовательных учреждений и продовольственной помощи, которую предоставляют им неправительственные организации, обречены на гибель еще более верную, чем от непрекращающихся боевых действий.

Но сам факт присутствия неправительственных организаций в зоне конфликта позволяет Западу и угандийскому правительству сваливать друг на друга ответственность за происходящее и не предпринимать никаких действий, чтобы положить конец кровопролитным беспорядкам, которые тормозят развитие всего этого региона. Мирные переговоры, открывшиеся здесь летом 2006 года, должны были начаться уже давным-давно.

«Неправительственные организации здесь выполняют роль фигового листка, которым западные правительства прикрывают отсутствие реального дипломатического или политического решения здешних проблем — или свое нежелание их искать, — так сказал мне один мой коллега. — Когда где-нибудь разражается кризис или конфликт, кто первым оказывается на месте действия? Конечно, всякие организации, оказывающие помощь в чрезвычайных ситуациях. Поэтому Запад всегда может сказать: посмотрите, мы не бездействуем, мы помогаем, — даже если на самом деле он не желает решать реальных проблем, которые вызвали кризис».

К несчастью, все упирается не только в апатию Запада или отсутствие у него мотивов разрешать местные конфликты — Запад на самом деле заинтересован в том, чтобы Африка и дальше пребывала в бедности. Простые люди в странах Запада искренне сочувствуют благотворительности, считая, что она приносит пользу, но правительствам и транснациональным корпорациям постоянная нестабильность и нищета африканских государств позволяют получать громадные прибыли.

Их источники — ловкие манипуляции с дешевой рабочей силой, спекуляция недорогими местными сельскохозяйственными продуктами, контрабандный вывоз ценных природных ресурсов, торговля оружием.

Все это возможно из-за коррумпированных национальных политиков, затяжных вооруженных конфликтов и неразвитого гражданского общества, которому не хватает сил и рычагов, чтобы защищать гражданские права населения.

Если бы в Конго было хоть какое-то подобие мира и определенности, иностранным корпорациям было бы куда как трудно, если не сказать невозможно, так нагло эксплуатировать ресурсы этой страны; не будь в Конго повстанческих группировок и племенных конфликтов, не было бы и обширного рынка стрелкового оружия.

Конечно, не все причины бедности и насилия в Африке обусловлены мотивами, которые движут западными правительствами. В том, что африканские страны страдают от слабой государственности и разобщенности, не менее повинны поголовная коррупция в их правящих верхушках и скрытые межплеменные противоречия.

Но я уверена, что, если бы Запад действительно хотел видеть Африку зоной стабильности и устойчивого развития, она давно уже шагала бы по этому пути. А в итоге за те десятилетия, что Запад «помогает» Африке, да при том, что сюда направлены миллиарды долларов, положение континента только ухудшается.

Я глубоко убеждена в порядочности, честности и трудолюбии большинства тех, кто работает в неправительственных организациях, кто искренне хочет помогать неимущим и обездоленным жителям развивающихся стран. Они, точнее, мы выступаем против системы, которую не то что перебороть, но и понять-то трудно. И все же это наша задача. Мы должны изменить эту систему.

Дженни не одинока в своем понимании сути ситуации и стремлении ее изменить. Университетская молодежь и недавние выпускники американских вузов, кажется, лучше понимают проблемы, стоящие перед их поколением, чем в свое время их родители. Путешествуя по миру, они все чаще отказываются от протоптанных маршрутов вроде Парижа, Рима, Афин, а устремляются в Африку, Азию, Латинскую Америку. Они проявляют активность, участвуя в конференциях и съездах вроде Всемирного социального форума, и не боятся общаться с местным населением. Они с удовольствием слушают музыку, танцуют, пьют пиво, влюбляются, но в первую очередь обсуждают мировые проблемы, спорят о своих идеях, строят планы.

Однако есть нечто, к пониманию чего еще не пришли даже самые сознательные представители молодого поколения, которых заботят социальные и экологические проблемы. А именно того, что одна из общепризнанных специфических особенностей современной молодежи — любовь ко всевозможным цифровым и компьютерным технологиям — уничтожает жизни миллионов людей на планете.

Компьютеры, мобильные телефоны и автомобили

Начиная с 1998 года не менее четырех миллионов людей были убиты в стране, которую из приличия называют Демократической Республикой Конго (бывший Заир). Умерли они ради того, чтобы богатые люди могли по сносным ценам приобрести компьютеры и мобильные телефоны. Обретя независимость от бывшей метрополии, Бельгии, в 1960 году, эта страна вскоре попала в сферу влияния Вашингтона.

В заглавной статье одного из номеров журнала *Time* за 2006 год под названием «Самая смертоносная война в мире» прямо указывалось, что «причиной, по которой наемники, посланные бельгийцами и американцами, уничтожили первого избранного премьер-министра страны (Лумумбу), были его укрепляющиеся связи с Советским Союзом»*.

После убийства Лумумбы власть в стране в конце концов перешла к генералу Мобуту Сесе Секо, по словам *Time*, «фаворита США в период холодной войны, который встал во главе одного из самых коррумпированных режимов в истории Африки».

Долгое правление Мобуту было жестоким, отличалось особым размахом коррупции и доставляло множество проблем соседним государствам. В 1996–1997 годы соседние Уганда и Руанда направили в Конго свои войска и свергли Мобуту, посадив на его место руководителя повстанцев Лорана Кабилу. Однако вскоре не без «помощи» его администрации социально-экономическая обстановка в стране резко ухудшилась. Войска Уганды и Руанды вновь вторглись в Конго.

---

* Simon Robinson and Vivienne Walt, “The Deadliest War in the World”, *Time*, June 5, 2006, pp. 40–41, www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1198921,00.html.

Шесть других африканских стран, привлеченные заманчивой перспективой прибрать к рукам богатейшие ресурсы страны, присоединились к двум первым, и началось то, что можно было бы назвать первой африканской мировой войной.

Конечно, в ее развязывании свою роль сыграли этнические, культурные и межплеменные конфликты, однако главной движущей силой этой войны была все же борьба за природные богатства. По выражению *Time*, «недра Конго изобилуют алмазами, золотом, медью, ураном, танталом*».

Эта огромная страна — а по площади она вдвое больше Аляски — располагает богатейшими влажными экваториальными лесами и плодороднейшими сельскохозяйственными землями. Изучая этот регион, я обнаружил, что воды реки Конго обладают огромным гидроэнергетическим потенциалом, которого хватило бы для обеспечения электроэнергией всего континента**.

Без конголезского тантала у нас никогда бы не было такого изобилия продуктов, основанных на компьютерных технологиях (к слову сказать, именно отсутствие этого металла привело к острой нехватке японской компьютерной приставки Sony PlayStation 2 во время рождественских праздников 2000 года). Вояки из Уганды и Руанды могут сколько угодно утверждать, что вторгались на территорию Конго для защиты своих граждан от засевших в приграничных районах повстанцев, однако на деле они зарабатывали миллиарды долларов от контрабандной продажи за границу танталового концентрата, захваченного во время этих рейдов.

Экономические убийцы, «шакалы» и правительственные агенты США, Великобритании и ЮАР постоянно подливают масло в огонь подобных вооруженных конфликтов, потому что это сулит крупные барыши от продажи оружия противоборствующим сторонам. Кроме того, локальные войны полезны корпорациям тем, что позволяют избегать назойливого внимания правозащитных

---

* Там сырье для получения тантала и ниобия называется колтаном — сокращенно от колумбит-танталит; тантал применяется в производстве электронных устройств, например сотовых телефонов и портативных компьютеров.

** Simon Robinson and Vivienne Walt, “The Deadliest War in the World”, *Time*, June 5, 2006, pp. 40–41, www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1198921,00.html.

и природоохранных организаций и уклоняться от уплаты налогов и сборов.

Конго — далеко не единственное место, где происходят подобные вещи. Целый ряд аспектов этого «англоязычного заговора» вскрыла 16 апреля 2001 года конгрессмен-демократ от штата Джорджия Синтия Маккинни во время слушаний в конгрессе США, где она председательствовала. Вот какие обвинения прозвучали в ее вступительном слове:

Многое из того, что вам доведется услышать здесь, не получило широкого освещения в СМИ. Об этом заботятся влиятельные силы — они делают все возможное, чтобы эти факты не стали достоянием гласности.

Расследование деятельности западных правительств и западного бизнеса в постколониальной Африке со всей очевидностью подтверждает стойкую предрасположенность Запада к проявлению жестокости, алчности и вероломства. Это неприемлемое поведение западных держав на африканском континенте нельзя списать на отдельные промахи, личные недостатки или ошибки, свойственные человеческой натуре. Напротив, это часть долгосрочной политики, специально нацеленной на то, чтобы облегчить разграбление природных богатств Африки за счет интересов ее народов...

Главная причина страданий народов Африки — желание Запада, и особенно Соединенных Штатов, дорваться до африканских алмазов, нефти, природного газа и других ценных ресурсов... Запад, и особенно Соединенные Штаты, проводит политику подавления и дестабилизации, руководствуясь не моральными принципами, а неприкрытым желанием обогатиться за счет баснословных природных богатств Африки... Западные страны подстрекают к мятежам против стабильных африканских правительств... активно пользуются таким средством, как физическое уничтожение законно избранных глав африканских государств, и сажают на их место коррумпированных марионеток*.

---

* Cynthia McKinney, “Covert Action in Africa: A Smoking Gun in Washington, D.C.”, April 16, 2001, <http://www.house.gov/mckinney/news/pro10416.htm>; House Committee on International Relations, *Suffering and Despair: Humanitarian Crisis in the Congo: Hearing Before Subcommittee on International Operations and Human Rights*, 107th Cong., May 17, 2001.

ООН давно стремится положить конец кровопролитию в Конго (так, летом 2006 года в этот район был направлен крупнейший контингент миротворческих сил ООН), однако Соединенные Штаты и другие страны «Большой восьмерки» не выказывают никакого желания поддержать ее инициативы. Как отмечает по этому поводу *Time*:

...мир не возражает против того, что Конго истекает кровью. Начиная с 2000 года ООН истратила миллиарды долларов на миротворческую деятельность в этой стране... в феврале ооновские и другие организации помощи, работающие в Конго, запросили 682 миллионов долларов на гуманитарные цели. Однако на данный момент из этой суммы им выделено всего 94 миллиона долларов — по 9,4 доллара на каждого нуждающегося в помощи конголезца*.

Государственные границы не служат преградой от распространения насилия. В соседнем Судане, в районе Дарфур, творится такой же кровавый кошмар. Гражданская война, которая бушует здесь вот уже 20 лет, унесла жизни двух миллионов человек. Ее истоком и глубинной причиной является стремление завладеть самым желанным ресурсом — нефтью. Сам же конфликт уходит корнями в старинную религиозную и этническую рознь, которая получила свежую подпитку в 1980-е и 1990-е годы.

Этот новый виток насилия активно провоцировали и широко практиковали экономические убийцы и «шакалы», маскируя за беспорядками свои попытки установить контроль над нефтяными месторождениями. За последние годы под прикрытием боевых действий и социальных беспорядков не менее четверти миллиона суданцев было похищено с целью продажи в рабство; многие жертвы киднепинга, как мать моих суданских друзей Сэмми и Саманты, попали в сексуальное рабство.

В «цивилизованном» мире многие люди убеждены, что торговля прекратилась еще в XIX веке, но они сильно заблуждаются. Одной из причин того, что мы так мало делаем для помощи суданцам, заключается в стойкой репутации этой страны как полигона для подготовки международных террористов. Именно Судан слу-

---

* Robinson and Walt, “The Deadliest War in the World”, p. 39.

жил прибежищем для Усамы бен Ладена после его высылки из Саудовской Аравии в 1992 году. Более того, эта страна считается местом рождения самой «Аль-Каиды», поэтому для СМИ нет ничего проще, чем заклеить Судан как страну-пособника «оси дьявола».

Конго и Судан могут служить классическими примерами разграбления национальных ресурсов. На фоне непрекращающихся вооруженных конфликтов и нищеты населения процветает система безудержной эксплуатации природных богатств и дешевой рабочей силы и одновременно развращения национальных политиков.

Другая африканская страна, Уганда, являет собой пример более завуалированного подхода к построению тайной империи: Дженни на своем опыте убедилась, как для этой цели используются неправительственные организации.

Однако более шокирующей, чем ее открытия, можно считать историю двух юных американцев, которые записались в Корпус мира, чтобы непосредственно участвовать в деле помощи африканцам. Их история наводит на мысль, что правы те, кто говорит о заговоре между силами, формирующими внешнюю политику США, иностранными правительствами, неправительственными организациями и огромным агропромышленным бизнесом.

Бывшие волонтеры Корпуса мира гарят надежду

На северо-западе Африки есть страна, со всех сторон зажатая сушей и лишенная выхода к морю, под названием Мали. На первый взгляд она представляется тихим спокойным местом, которым мало кто интересуется, — казалось бы, ее игнорируют даже вездесущие строители тайной империи. Однако это впечатление обманчиво, и причина тому — ключевая стратегия корпоратократии в отношении африканского континента.

Мали — бывшая колония Франции, она получила независимость в 1960 году и по государственному устройству является республикой. Треть населения (около 12 миллионов человек) проживает в столице, Бамако. В сельском хозяйстве занято 80% трудоспособного населения. По конфессиональному составу Мали довольно однородна: 90% ее жителей — мусульмане, 9% исповедуют анимизм, а христиане составляют не более 1%. Страна располагает запасами золота, урана, бокситов и других минеральных ископаемых.

Бывший президент Мали Альфа Конари заслужил благосклонность Всемирного банка, согласившись провести пакет экономических реформ, которые оживили экономику, в особенности хлопководство и добычу золота. Особое уважение он снискал тем, что конституционно закрепил запрет занимать президентскую должность три срока подряд. В 2002 году в стране был избран новый президент Амаду Туре, получивший 65% голосов избирателей.

Если во время своих выступлений я спрашивал, знает ли кто-нибудь что-либо о государстве Мали, обычно выяснялось, что таких нет. Но как-то раз, выступая на мероприятии по сбору средств для публичной библиотеки города Довера в штате Вермонт (это недалеко от моего дома в Новой Англии), я встретил молодую пару,

Грэга и Синди, которые не только какое-то время прожили в этой стране, но и искренне любили ее народ.

Позже мы не раз встречались. Молодые люди приезжали ко мне, и мы много времени проводили на террасе моего дома, любуясь Беркширскими горами. История, которую они поведали, не просто вызвала интерес; это был потрясающе волнующий рассказ, в котором переплеталось прекрасное, трагическое и обнадеживающее — все то, что характеризует сегодняшнюю Африку.

Они донесли живой голос Америки до страны и континента, о которых у большинства американцев если и есть какие-то представления, то по большей части смутные и неверные. Они ощущали личную ответственность перед будущими поколениями — своим собственным и своих друзей-малийцев. Это воодушевляло.

Итак, Грэг Флатт впервые попал в страну как доброволец Корпуса мира. Он проработал в Мали с 1997 по 1999 год. В 2000-м вновь вернулся в эту страну, но уже по собственной инициативе, чтобы записать альбом малийской музыкальной группы Zou et Mocar. Песни из этого альбома, который назывался La Sauce, позже не покидали верхних строчек местных музыкальных чартов, а Грэг стал чуть ли не национальным героем Мали. Примерно в то же время, с 1999 по 2001 год, волонтером Корпуса мира в Мали работала и Синди Хеллманн. Они познакомились, когда Грэг записывал альбом.

«Как я могла пропустить такого парня? — смеясь, рассказывала Синди. — Его повсюду узнавали, останавливали на улицах, начинали пританцовывать и изображать игру на гитаре. Детишки бегали за ним, как за Крысоловом из сказки, который завораживал всех своей игрой на флейте».

Через три года Грэг и Синди поженились. Каждый из них в разное время, но по схожим причинам вступил в Корпус мира. Прежде чем строить карьеру у себя дома, в Штатах, они оба хотели повидать мир, ознакомиться с другими странами, их культурой. Они ощущали потребность внести свой личный вклад в дело помощи миру, словно следуя призыву президента Джона Кеннеди, создавшего Корпус мира задолго до их появления на свет. Оба желали лучшего будущего семье, которую каждый надеялся создать, и оба понимали, что это лучшее будущее должно быть даровано всему миру.

Объединял их и устойчивый интерес к сельскому хозяйству. Синди выросла на большой семейной ферме в Индиане; Грэг с детства

любил ухаживать за садом своей матери. В Корпусе мира им настоятельно порекомендовали заняться обучением малийцев приемам сельскохозяйственного труда — это-де будет очень целесообразно. «А мы были столь наивны, что согласились», — прокомментировал Грэг.

Я немедленно ощутил прилив симпатии к этим молодым идеалистам. Из того, что они рассказывали, было легко понять, почему современная империя распространяет свое влияние столь быстрыми темпами и так скрытно. Синди и Грэг вступили в Корпус мира из благородных побуждений. Они, как им казалось, обладают знаниями, которые могут быть полезны другим, и считали, что, сотрудничая с американскими правительственными и международными организациями вроде Всемирного банка, будут содействовать процветанию Африки.

Но очень скоро молодые люди обнаружили, что им отводилась совсем иная роль — расчистить путь для империи нового типа, заложить основы для нового витка эксплуатации. Первые догадки о том, что их нагло обманули, появились, когда ребята прибыли к месту назначения и поняли, что должны обучать людей, во сто крат больше знающих о сельском хозяйстве, чем они сами.

«Малийцы, которых нас прислали обучать, всю жизнь занимались крестьянским трудом, — рассказывал Грэг. — Можно ли представить всю глубину бесстыдства такой правительственной структуры, какой является Корпус мира, если он посылает желторотых юнцов учить опытных земледельцев, как им обрабатывать свою землю? Как мы должны были выглядеть в глазах малийских крестьян?»

Однако невзирая на чувство вины и стыд, который они испытали, оба были убеждены, что эта работа многое им дала. Ребята обогатили себя знаниями о народных традициях малийцев, их языках, музыке, обычаях. А еще они многое узнали о том предмете, которому, собственно, и собирались учить местных жителей — о сельском хозяйстве.

«Мы с Синди решили вернуться в Мали в 2005 году, но уже с другой организацией, Opportunities Industrialization Centers International (OICI), в качестве консультантов по ее программе развития сельского хозяйства Farm Serve Africa (“Сельское хозяйство — на пользу Африке”). Эту организацию финансирует Агентство международного

развития, а ее задача — направлять американских фермеров-добровольцев в африканские страны, чтобы они обучали местных фермеров передовым методам ведения сельского хозяйства».

«Мне казалось, это будет совсем не так, как было во времена работы в Корпусе мира, потому что к тому моменту я уже неплохо представляла, что такое сельское хозяйство. Я была, можно сказать, специалистом. Тем более что мы уже хорошо знали и саму страну.

Но, к своему глубочайшему разочарованию, я поняла, что мы снова стали заложниками обмана, который идет с самых верхов. Я испытывала угрызения совести, будто украла деньги у малийцев, которые могли бы неплохо заработать, обучая своих сограждан куда эффективнее, чем я. Кем я, в сущности, была по сравнению с ними?

Они лучше меня знали местный рынок, особенности местного климата, почв, все, что касается сельского хозяйства. В рамках программы Farm Serve Africa были вложены огромные деньги, чтобы привезти нас сюда: заплатить за авиабилеты, медстраховку, выделить нам суточные на проживание. Считалось, что мы — специалисты, консультанты по вопросам сельского хозяйства. А на самом деле я сидела в малийской деревне, в отчаянии спрашивая себя, что я тут делаю, когда любой крестьянин знает все это лучше меня. На те деньги, которые мне заплатили, любая здешняя семья могла бы безбедно существовать не один год».

Подозрения, что и на этот раз тут что-то нечисто, усилились, когда они узнали о вреде генетически модифицированных продуктов (ГМП) и о тайном сговоре между американскими правительственными агентствами и крупными производителями и продавцами ГМП.

Из-за распространения таких продуктов малийские крестьяне, которые веками возделывали свою землю и всегда сами сохраняли семенной фонд, теперь были вынуждены покупать у иностранных компаний удобрения, пестициды и даже семена.

Как-то вечером крестьяне пригласили нас присоединиться к ним, когда вся деревня собралась у единственного телевизора. Так мы услышали анонс о предстоящей в Бамако конференции противников ГМП. На экране мелькали кадры, на которых малийские крестьяне вышли на улицы, протестуя против распространения генетически модифицированных зерновых культур и в особенности хлопка.

Мы переглянулись и поняли, что должны обязательно принять участие в этой конференции. На следующий же день мы выехали в Бамако. Конференция продлилась целую неделю; обсуждались вопросы, связанные с распространением генетически модифицированных зерновых культур, субсидированием производства хлопка, много говорилось и об африканском аграрном наследии.

Присутствовали фермеры из Мали, Гвинеи, Буркина Фасо, Того, Бенина, Гамбии, а также ученые, активисты, политики. Приводилось множество примеров того, как африканские сельхозпроизводители страдают от несправедливой торговой политики. Участники конференции многое узнали о пагубных последствиях — экономических, экологических, культурных и политических — распространения генетически модифицированной сельхозпродукции*.

Горячо обсуждался тот факт, что американское Агентство международного развития действует заодно с корпорацией Monsanto, протаскивая пересмотр малийского законодательства. Еще до начала конференции нам удалось узнать от людей, работающих в малийском отделении Агентства международного развития, что эта организация совместно с Monsanto пытается закрепить на уровне конституции Мали право на внедрение, продажу и патентование генетически модифицированной сельхозпродукции.

«На самой конференции, — рассказывала Синди, — мы еще многое узнали о том, как негативно сказывается на доходах малийских фермеров то, что США субсидируют своих производителей хлопка. Из-за этого американские фермеры могут продавать его по заниженным ценам, а это сильно подрывает позиции африканских производителей хлопка на мировых рынках. Им приходится год или больше хранить свой хлопок, а потом продавать по бросовым ценам — если они вообще смогут его продать.

Положение усугубляется тем, что наши «эксперты» убеждают местных сельхозпроизводителей сделать хлопок основной товарной культурой, заменив им продовольственные. А для этого местным крестьянам нужно покупать семена, пестициды и гербициды, более современный инвентарь, удобрения. Из-за этого растет их долг перед *Compagnie Malienne pour le Development des Textiles, CMDT*, —

---

* Более подробно см.: Joan Baxter, “Mali’s David v. Goliath GM Struggle”, *BBC News*, Dec. 7, 2005, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4445824.stm>.

местной компанией, которая фактически монополизировала производство и продажу малийского хлопка. Тем более что она является партнером малийского правительства и своего французского собрата, компании *Compagnie Francais pour le Development des Textiles*, которая владеет 60% активов СМДТ».

«Так что американцы не одиноки, — Грэг грустно усмехнулся. — В конце концов, французы занимались таким грабежом еще в те годы, когда мы сами были колонией Англии. Но сегодня наша страна в этом деле, стыдно сказать, обогнала всех. Те, кто участвовал в конференции, гневно осудили правительство США и транснациональные корпорации за их политику манипуляций. Словом, ярость, душераздирающая боль и гнев прямо накаляли атмосферу, аж волосы дыбом вставали».

«Мы с Синди пришли к выводу, что иностранные корпорации способствуют экономическому развитию Мали, преследуя собственные интересы. В свете успехов малийской экономики международные организации развития выглядят доброхотами. Они имеют все основания представлять себя радетелями улучшения жизни простых малийцев. Правда, все эти кампании, которыми они поддерживают свое паблисити, служат ширмой для их истинных намерений, а именно — сохранить контроль над природными и человеческими ресурсами и обеспечить себе ведущие позиции на национальном рынке».

А поскольку экономическое развитие страны обеспечивают корпорации, этот процесс заведомо недемократичен. Малийцы не нуждаются в большинстве программ развития, потому что местное население не допускают ни к участию в их разработке, ни к управлению ими. А результаты внедрения таких программ для простого народа подчас просто губительны, они только ухудшают экономическую и социальную обстановку в стране. Более того, бизнес экономического развития создает многочисленную прослойку высокооплачиваемых иностранных специалистов, которые роскошествуют на фоне общей бедности и живут в совершенном отрыве от тех, кому приехали помогать».

«Кроме того, — добавила Синди, — в США живет и процветает миф об экономическом развитии. Он представляет жителей Африки и других стран третьего мира в виде темных, беспомощных, отсталых и бестолковых народов, неспособных самостоятельно управ-

лять собственной жизнью. Это рождает у американцев ощущение своего превосходства и могущества, а заодно разобщает, делит мир на нас и на них».

Грэг и Синди поделились со мной своей идеей создать фонд настоящему демократического, устойчивого развития с реальным участием народа Мали. Он сосредоточит свои усилия на выращивании экологически чистых сельскохозяйственных продуктов, развитии агрокооперативов и создании условий для справедливой торговли. Они, однако, оговорились, что это станет возможным только при реальном сотрудничестве с простыми малийцами, основанном на глубоком уважении народного опыта и мудрости.

«Такая организация будет платить африканским преподавателям за обучение их сограждан, — подчеркнула Синди. — Средний доход малийца составляет 400 долларов в год. Мы с Грэгом уже подсчитали, что на деньги, эквивалентные расходам на подготовку, обучение, проезд в страну, оплату медицинской страховки и содержание одного добровольца Корпуса мира, мы смогли бы оплачивать труд десятка малийцев, причем вполне сносно по их стандартам. А ведь толку от них будет гораздо больше».

Потом мы еще много говорили о том, как важно различать неправительственные организации, которые служат сохранению в неприкосновенности существующей системы, и те, что преданы идее изменить ее. «В целом честные организации всегда работают непосредственно с местными жителями, — сказал Грэг. — Они говорят на их языке и живут в тех же условиях и на те же деньги, что и самые бедные из них».

В ответ на это я заметил, что самые лучшие неправительственные организации — включая и те, о которых пойдет речь в следующей части, — посвящают себя тому, чтобы заставить корпорации проявлять социальную ответственность путем изменения их внутренних правил и порядка работы. А нам, всем остальным, эти организации помогают понять подоплеку и глубинные последствия нашего жизненного уклада и напоминают о том, что каждый из нас в повседневной жизни обязан предпринимать позитивные действия.

Мы пришли к выводу, что пока «плохие» неправительственные организации служат империи, «хорошие» делают все возможное, чтобы улучшить мир, который нужно передать будущим поколениям.

Решено: пора изменить мир к лучшему

В любом рассказе о том, что происходит в Африке, всегда присутствуют обман и ложь. В любом ее уголке, от Египта и Мали до атолла Диего-Гарсия, ключевыми элементами имперской политики были и остаются манипуляции, грязные уловки и отрицание очевидного.

Эта империя еще безжалостнее, чем ее исторические предшественницы. Она уже поработила больше народов, чем какая-либо другая, и своей политикой и действиями уничтожила больше жизней, чем другие имперские режимы, существовавшие в Риме, Испании, Португалии, Франции, Великобритании, Голландии, и даже больше, чем одиозные диктаторские режимы Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина. Но львиная доля ее преступлений, надежно задрапированная цветистой риторикой, остается сокрытой от глаз общественности.

В этом заговоре лжи активно участвуют наши образовательная система и СМИ. И пока на примере Азии мы постигаем, чем могут обернуться изъяны политики Всемирного банка и МВФ, Латинская Америка указывает дорогу к демократии, а Ближний Восток раскрывает всю глубину провала политики неокOLONIALИЗМА, Африка пытается преподать нам, пожалуй, самый важный урок.

Устремляя взоры на запад, в сторону Америки, Африка, сложив рупором руки — как раз там, где река Нигер несет свои воды в Гвинейский залив, — взывает: узнайте, что творится здесь! Примите наш сигнал бедствия, проявите отзывчивость! Начните действовать!

Африка, как мне кажется, — самая подходящая тема, чтобы завершить ею часть книги, посвященную рассказу об истории современной империи, и перекинуть мостик к заключительной части, где мы обсудим планы, которые помогут изменить создавшееся неприемлемое положение вещей. Африка более других регионов мира

нуждается в неотложных действиях. Ее можно уподобить пресловутой дохлой канарейке в шахте*.

Эта самая шахта — не что иное, как смертельная ловушка. Нам надо выбраться из нее, спасти себя и проложить нашим детям дорогу в мир, который будет устойчивым и стабильным. Для этого мы должны прислушаться к Африке. Это не просто наша обязанность, это категорический императив — раскрыть уши, раскрыть сердца, чтобы услышать мольбы о помощи, доносящиеся с того берега Атлантики:

«Вы живете на маленькой планете, в крохотном тесном сообществе. Помогите мне спасти моих детей, и тем самым вы спасете ваших; они очень похожи, наши дети, ведь все мы — одна семья».

Обирать малийских крестьян, чтобы за их счет обогащались фермеры Индианы, — больше у вас, граждане, не получится, говорит нам Африка. Когда-то этот номер у вас прошел, но времена «национальных интересов» безвозвратно канули в Лету.

Теперь пришло другое время, когда основой процветания будущих поколений стали «глобальные интересы» — интересы всего человечества, в сущности, даже всего сообщества живых существ на этой планете. Все мы — единая семья, и место обитания у нас общее, наша планета.

В нашей семье нет места таким, как Иди Амин, этот «палач Уганды», ангольский диктатор Савимби, конголезские правители Мобуту и Кабила, нигерийские Абача и Обасанджо или либериец Доу, — точно так же, как в ней не было места Адольфу Гитлеру. Мы не желаем больше мириться с утечкой нефти в Нигерии точно так же, как мы выступаем против этого в Калифорнии.

А кто сказал, что рабы в современном Судане — это не так постыдно, как рабы на плантациях Вирджинии два века назад? Подобные идеи постепенно распространяются по всему миру. Осенью 2006 года на всех линиях нью-йоркской подземки появились вот такие плакаты.

---

* В былые времена шахтеры брали с собой под землю клетку с канарейкой. Птиц использовали в качестве «системы раннего предупреждения»: если в процессе добычи угля в шахту начинал поступать ядовитый, но не имеющий запаха газ, то канарейки падали замертво, предупреждая рабочих об опасности. — *Прим. ред.*

DARFUR

500 FAMILY MEMBERS KILLED TODAY AND EVERY DAY

~~Brothers~~ ~~Grandmas~~
~~Mothers~~
~~Daughters~~ ~~Sisters~~
~~Cousins~~
~~Sons~~ ~~Nephews~~
~~Husbands~~ ~~Fathers~~
~~Wives~~ ~~Nieces~~
~~Uncles~~ ~~Aunts~~
~~Grandpas~~

WE ARE ALL AFRICAN

TO HELP: theIRC.ORG

На плакате Милтона Глейзера
написано: Дарфур.
Сегодня здесь убито 500 человек,
и это происходит ежедневно.

В Африке, как в капле воды, отражаются все наши нерешенные проблемы. Она остается последним форпостом беззащитной эксплуатации, и этой сомнительной честью обязана тому, что мы позволили себе впасть в ступор самообмана.

Мы, как наживку, заглатываем потоками изливающейся с телеэкранов рекламу дешевых бриллиантов и дешевого золота. Мы гордимся, что компьютеры и мобильные телефоны становятся все дешевле. Мы бездумно расходует бензин, а потом жалуемся, что все дорожает. Мы безмятежно смотрим на измученные лица шахтеров, которые добывают для нас золото и алмазы; нас не трогают дети, отравленные вредными испарениями от разлившейся нефти. Мы продолжаем жаждать материальных благ, а покров меркантилизма надежно защищает нас от нашей совести.

Только мы забываем, что это пагубная страсть перейдет по наследству к нашим детям. Им и никому другому придется избавлять

Глава 52. Решено: пора изменить мир к лучшему

от нее человечество. Именно им придется излечивать ужасные язвы, которые мы оставляем после себя.

Африка взывает к нам, моля о помощи.

Настало время покончить с бездействием. К счастью, в нашем распоряжении есть все инструменты для того, чтобы изменить тот мир, который мы создали. Все вместе мы встряхнем его, как ковер, залатаем дыры, выметим мусор и передадим нашим детям мир, в буквальном смысле очищенный от скверны.

Часть V

Меняя мир

Четыре ключевых вопроса

17 октября 2006 года будильник в моем доме в западной части штата Массачусетс зазвонил чуть свет: мне надо было успеть на утренний рейс в Сан-Франциско. Там было назначено мое выступление на мероприятии по сбору средств для некоммерческой организации Rainforest Action Network, RAN. Она выступает в защиту тропических лесов и уже убедила ряд самых могущественных глобальных корпораций отказаться от политики их хищнической вырубки. Я поднялся с постели и потащился вниз, чтобы поставить воду для утреннего кофе.

Наполняя чайник, я глянул в маленькое окошко над раковиной да так и застыл, захваченный красотой начинающегося дня. Вдали над горами неспешно вставало солнце, рождая великолепный, яркий осенний день. Такие дни бывают только в Новой Англии, и ничего прекраснее этого зрелища я не видел нигде в мире.

Я поставил чайник на плиту и, пытаясь сбросить остатки сна, направился в гостиную, окно которой выходило на восток. Оттуда картина восхода открывалась во всем великолепии, и я залюбовался красотой простирающихся вдали гор, оживающих под солнечными лучами, и лесистыми склонами, убранными багрянцем осенней листвы.

Вдруг на фоне заснеженного склона я заметил какое-то движение: это стая диких индеек направлялась в далекие края, держа путь вдоль кромки горного хребта. Их было не менее сотни. Они двигались неторопливо, будто в замедленном темпе, их силуэты почти с неестественной четкостью выделялись на фоне неба, напоминая доисторических птиц, как их рисуют в детских мультиках.

Видимо, у окна я простоял довольно долго, потому что, очнувшись, понял, что начинаю опаздывать. Я устремился в душ, по дороге ткнув кнопку радиоприемника. Он был настроен на одну

из местных радиостанций. Откручивая краны, чтобы добиться желаемой температуры воды, я обдумывал свое выступление на мероприятии RAN. Я решил, что следует особо подчеркнуть тот момент, на который всегда делает упор председатель RAN Джим Голлин, — что мы должны работать с корпорациями, а не против них, потому что наша задача — не уничтожить капитализм, а поднять его на уровень более высоких стандартов. Но тут внезапно мое внимание привлекли слова диктора, доносившиеся сквозь шум воды.

«Не пройдет и ста лет, — говорил женский голос, — как Массачусетс лишится красных канадских кленов и вообще осеннего листопада. Согласно последним данным научных исследований, в результате глобального потепления климат в нашем штате станет таким же, как сейчас в Северной Каролине. Так что, — последовал вздох сожаления, — торопитесь насладиться прелестями осени. Кто знает, сколько еще времени они будут нас радовать».

Я застыл, тупо глядя в оконце ванной комнаты. Снаружи возле дома рос роскошный канадский клен. Сейчас его трепал ветер, и ветви жалобно скребли о стену дома. Этот привычный, милый сердцу звук вдруг показался мне зловещим, будто сама смерть стучалась снаружи. Я испытал прилив безысходного отчаяния.

Позже, уже на борту самолета, я попробовал осмыслить, что значит лишиться осенней поры в Новой Англии. До меня стало доходить, что исчезновение такого живописного природного феномена, как багряная осенняя листва, из категории возможных переходит в категорию ожидаемых и научно обоснованных событий. Только сейчас я стал понимать чувства эскимосов, горестно взирающих на то, как тают льды Арктики. Вспомнил тибетских кочевников, которые жаловались нам, что отступает ледник. Многие годы я умом понимал концепцию глобального потепления, но только сейчас стал осознавать, что она лишит меня такого чуда, как осенняя листва, — красоты, которой я не уставал любоваться с детства и которая символизировала мое любимое время года. Неужели теперь и ее ожидает исчезновение? С этим трудно было смириться.

Затем меня посетила другая мысль: явления, которые предсказывают ученые, не обязательно должны произойти в действительности. По крайней мере те, что провоцирует своей деятельностью человек. В наших силах их остановить. Позвольте, но ведь это то самое, что я множество раз говорил в своих выступлениях: чтобы изменить

мир, мы должны изменить корпоратократию; мы больше не можем позволять жалкой кучке людей предопределять нашу судьбу. Мы должны положить конец их атакам на ледяные шапки гор, на ледники, на осеннюю листву — на все те вещи и явления, которые составляют наше наследие.

Глядя в иллюминатор на просторы Соединенных Штатов, на земли, которые возделывали мои предки, за которые проливали кровь, я вдруг с особенной ясностью понял, что все мои истории про экономических убийц, «шакалов», про ужасные события в Азии, Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Африке — это всего лишь истории. Они могут вызывать гордость или гнев, печаль или радость, но все равно они так и остаются рассказами о нашем прошлом. Не более. Пока мы не предпримем шагов, чтобы превратить их в нечто более важное. Пока они не станут уроками, которые дают нам импульс к действиям.

Тот день стал для меня знаменательным. Я твердо решил написать книгу, которая побуждала бы людей во всем мире к действию. Эту книгу. Первые четыре части дались мне довольно легко, но перед написанием этой, заключительной и самой важной, я долго не мог побороть сомнения. Я хорошо представлял, что хочу сказать, но никак не мог придумать, в какую форму облечь свои призывы. Как, в сотый раз спрашивал я себя, подвигнуть мужчин и женщин, пользующихся всеми благами современного комфорта, изменить систему, которая создает этот жизненный комфорт, даже если им известно о существовании такого зла, как экономические убийцы и безжалостные «шакалы», о том, за счет чего в их супермаркетах такие низкие цены? Где найти слова, которые вдохнули бы в них решимость выступить против такой мощной силы, как корпоратократия? Как вдохновить их на действия, которые заставят корпорации считаться с волей людей?

В тот день, направляясь с Восточного побережья США на Западное, бегло прочитывая статьи и рукописи, которые специально взял в дорогу, чтобы не терять времени, я вдруг понял, что все эти вопросы не новы. На протяжении всей истории человечества ответы на них искал каждый, в ком рождалось желание вступить против угнетения и несправедливости. За те несколько дней, что я провел в Сан-Франциско, участвуя в мероприятиях Rainforest Action Network, встречаясь со старыми друзьями, заводя новые знакомства

со сторонниками RAN и родственных ей организаций, я сделал для себя важный вывод: чтобы ответить на мучившиеся меня вопросы, следует найти ответы на четыре других, самых важных.

Первый из них касается оптимизма, иными словами, нам следует решить, достижима ли вообще наша цель. Позволяет ли наше положение надеяться, что нам удастся добиться перемен? Если предположить, что основания для оптимизма у нас имеются, мы можем перейти к следующему вопросу.

А уверены ли мы, что желаем перемен? Конечно, истории про экономических убийц, «шакалов», про страдания людей во множестве уголков планеты берут за живое, но сейчас нам требуется абсолютное доказательство того, что наше недовольство оправдывает те усилия, которых требуют перемены. Это второй вопрос.

А вот и третий: существует ли универсальный принцип, который позволит однозначно оценить, насколько действенны наши усилия? Мы должны убедиться, что не просто желаем навязать другим наши нравственные, религиозные или философские ценности, а имеем намерение создать нечто, что принесет на долгие годы истинное всеобщее благо.

И наконец, четвертый вопрос: что должен делать каждый из нас? Всем нам, и вам, и мне, нужно оценить собственные таланты и чувства. Какие у нас есть варианты, каковы наши индивидуальные желания и насколько они соответствуют нашей общей цели?

В следующих главах мы остановимся на каждом из этих вопросов и в процессе поиска ответов на них будем ориентироваться на реалии мира — исторические и современные. Мы будем говорить с сегодняшними первопроходцами на этом пути, с теми, кто уже задавался этими четырьмя вопросами, нашел на них ответы и приступил к действиям, — это поможет нам сформулировать свои собственные ответы. Мы рассмотрим подходы, которые доказали свою эффективность в прошлом, и те, что действенны в сегодняшнем мире.

В наше время следует быть немного философом и попытаться оценить этические последствия того, что мы привыкли делать не раздумывая. Но при этом следует спуститься на грешную землю и попытаться перевести свои философские выводы в практическую плоскость — только так они могут привести к реальным устойчивым переменам.

Перемены возможны

Предположим, мы полны решимости посвятить себя переменам и не боимся подвергнуть себя риску. Теперь следует убедиться, что перемены в принципе возможны. Есть ли у нас основания надеяться на это?

Множество раз в своих рассказах я упоминал Войну за независимость. И это не случайно. Можно провести много параллелей между ситуацией, в которой мы оказались сегодня, когда нами управляет жестокая рука корпоратократии, и вызовами эпохи, с которыми сталкивались первые американские поселенцы. Сейчас, как и в те далекие времена, крепнет уверенность в необходимости заставить корпоратократию измениться. Но Война за независимость никогда бы не произошла, если бы колонисты не были уверены в возможности одержать победу над метрополией.

В 1755 году они впервые убедились в уязвимости могущественных англичан — это было во время войны с французами и индейцами, в битве на реке Мононгахила (которую еще называют битвой в Глуши). В том сражении принимал участие и Джордж Вашингтон, который служил под началом британского генерала Эдварда Брэддока.

Вашингтон был свидетелем самого крупного разгрома англичан, и это произвело на него огромное впечатление. Возглавлявший английский отряд генерал Брэддок получил смертельную рану, а Вашингтон вышел из сражения героем — теперь колонисты получили законный повод гордиться боевой доблестью своего соотечественника. Более того, поколебалось их уважение к английской армии, до того времени считавшейся непобедимой. Все это послужило толчком к действию. Но многие продолжали колебаться. Помимо местных тори, которые всегда был лояльны по отношению к Англии, большая часть американцев предпочитала выжидать, не принимая ни той, ни другой стороны.

В самом начале Войны за независимость в битве при Банкер-Хилл, произошедшей в 1775 году, американцы сошлись в жестоком бою с англичанами и сумели поколебать их стойкость. Хотя нам не хватило пороха и победа осталась за англичанами, они дорого заплатили за нее: потеряли примерно половину своих людей убитыми и ранеными. Битва при Банкер-Хилл укрепила боевой дух американцев. Дальнейшему подъему морального духа способствовал переход войск генерала Вашингтона через реку Делавэр рождественской ночью 1776 года. Застав противника врасплох, войска Вашингтона разгромили его гарнизон, а следующим днем в Трентоне нанесли внушительное поражение наемникам-гессенцам.

Эта победа привела в ряды Континентальной армии около восьми тысяч добровольцев. Менее чем год спустя, осенью 1777 года, победа колонистов при Саратоге окончательно утвердила превосходство американцев на поле боя. Англичане наконец убедились, что имеют дело с очень упорным противником и что в их интересах признать: в стране произошли перемены. Это стало поворотным моментом в нашей истории и сделало французов нашими надежными союзниками.

Моим собственным эквивалентом Мононгахилы я считаю события конца 1990-х годов и начала нового тысячелетия. Со своей организацией Dream Change мы предприняли несколько экспедиций в глубь амазонских лесов. Каждый раз, пролетая над Амазонией, я замечал все новые следы опустошения. Шуары не переставали твердить мне, что это признаки провала и недостатка дальновидности корпоратократии, что этим она демонстрирует свою неспособность действовать разумно, как англичане во время войны с французами и индейцами. Тогда я начал понимать, что изменить ход событий не просто желательно, — это необходимое условие спасения лесов Амазонки.

Из истории известно, что крах империи ведет к хаосу, войнам и рождению новой империи. С учетом современных реалий войны и хаос вполне могут привести к уничтожению всех известных нам форм жизни. По мне, так как раз настало время спасти от этой угрозы джунгли Южной Америки. Я покидал Амазонию, твердо уверенный, что надо просто найти альтернативный вариант. Но, спрашивал я себя, *возможно ли это?* Я хотел быть твердо в этом уверен.

Кроме организации поездок в Амазонию я еще вел семинары, на которых обучал корпоративных управленцев находить креативные подходы к решению проблем. В моей «студенческой аудитории» были представители самых могущественных компаний мира — Exxon, General Motors, Ford, Harley-Davidson, Shell, Nike, Hewlett-Packard и даже Всемирного банка. Тогда как раз появилось несколько кинофильмов и книг, которые пытались донести идею, что корпорации пользуются теми же, что и граждане страны, правами, дарованными нам 14-й поправкой к Конституции США. Прецедентом в деле *Santa Clara County v. Southern Pacific Railway* (графство Санта-Клара против Южно-Тихоокеанской железнодорожной компании), которое рассматривал в 1886 г. Верховный суд, понятие субъекта защиты было распространено и на юридических лиц, которых нельзя лишать собственности без надлежащей правовой процедуры. С тех пор это действующий принцип законодательства*.

На своих семинарах я акцентировал внимание слушателей на том, что корпорации должны соблюдать те же обязательства перед обществом, что и граждане. По этой логике корпорации должны быть по отношению к обществу добропорядочными и честными гражданами, соблюдающими его этические нормы. Если речь идет о транснациональных корпорациях, то здесь понятие «общество» включает в себя, соответственно, весь мир.

На деле же корпорации — прямой антипод сознательных, достойных и честных граждан. Они подкупают политиков, проталкивая законы, позволяющие им обирать общество в немыслимых, гигантских масштабах, преимущественно за счет того, что избавляют их от необходимости покрывать значительную долю расходов на ведение бизнеса. Эти «внешние эффекты», как называют их экономисты, заботами корпораций вынесены за пределы процесса ценообразования, проще говоря, не учитываются при расчете цен. К «внешним эффектам», за которые общество не получает никакого возмещения, относятся: социальный и экологический ущерб от разграбления ценных природных ресурсов и загрязнения окружающей среды; дополнительное бремя расходов на реабилитацию тех, кто

---

* David Korten, *When Corporations Rule the World* (San Francisco: Berrett-Koehler, 1995). См. Joel Bakan, *The Corporation: The Pathological Pursuit of Profit and Power* (New York: Penguin, 2004) и фильм *The Corporation*, DVD, directed by Mark Achbar and Jennifer Abbott (Zeitgeist Films, 2004).

получил производственные травмы и профзаболевания (компании, не предоставляющие должного медицинского обслуживания и страхования своим работникам, фактически перекалывают его на общество); косвенное финансирование обществом производства и продажи вредных для здоровья и окружающей среды продуктов за счет выдачи лицензий и разрешений; ущерб от захоронения вредных отходов на дне рек и океанов; оплата труда ниже прожиточного уровня, ненадлежащие условия работы; добыча природных ресурсов из общественных земель за плату ниже уровня рыночных цен. Более того, успех бизнеса большинства компаний напрямую зависит от государственных субсидий и налоговых вычетов, от массовой рекламы и лоббистских кампаний, а также от использования транспортно-коммуникационной системы, хотя они оплачиваются из кармана налогоплательщиков. Топ-менеджеры крупных компаний получают откровенно завышенное вознаграждение, а также множество дополнительных льгот, не говоря уже о так называемых «золотых парашютах», — и все эти расходы закон позволяет корпорациям вычитать из их налоговой базы, иными словами, платить меньше налогов.

При надлежащей системе учета все эти «внешние эффекты» учитывались бы при ценообразовании. Тогда самыми дешевыми были бы продукты и услуги, производство которых изначально не вызывает пагубных «внешних эффектов». В остальных случаях потребитель платил бы более высокую цену за товары и услуги, зная, что она включает плату за возмещение причиненного обществу и окружающей среде ущерба. Так что если рыночная экономика была бы по-настоящему «свободной», корпорациям пришлось бы оплачивать весь реальный ущерб обществу, связанный с производством товаров и услуг, а не исключать его, как сейчас, из ценообразования. На деле же корпорации не оплачивают его. А почему? Да хотя бы потому, что никто не обязывает специализированные фирмы по учету требовать от компаний применения надлежащих принципов учета. Они лишь приспособливают их под требования законодательства, которое политики пишут фактически под диктовку корпоратократии.

Таким образом, современные корпорации пользуются такими же правами, что и индивидуальные члены общества, но при этом не несут никаких обязательств, предусмотренных для граждан.

По сути, они получили от общества разрешение на воровство. С экономической точки зрения никаким другим словом это не назовешь. Корпорации обворовывают бедняков и будущие поколения, чтобы еще больше обогатить тех, кто и так богат.

Чем больше семинаров с топ-менеджерами я проводил и чем больше думал обо всем этом, тем больше осознавал, какие это разные вещи — понимать, что мы должны настаивать на кардинальных переменах в поведении корпораций, и убедить людей, что этого можно добиться. Так что такого мы могли бы предпринять сегодня, что было бы сравнимо по масштабу и нравственному воздействию с вдохновившими наших предков победами при Банкер-Хилл, Трентоне и Саратоге? Что мы можем противопоставить могущественным корпорациям?

Ответ я нашел в журнальных статьях, которые прихватил с собой в самолет, направляясь в Сан-Франциско тем октябрьским днем, когда впервые услышал, что из-за смены климата Новая Англия может лишиться своей чарующей осенней поры. Да, тот день поистине стал для меня поворотным — по этой, и по многим другим причинам.

Современные ополченцы

«Доблестные рыцари окружающей среды».

«Ополченцы Конкорд-Бридж*».

«Зеленые партизаны».

Такими эпитетами называли активистов Rainforest Action Network, неправительственной организации, перед которой я должен был выступить. И хотя RAN прославилась тем, что защищает от уничтожения тропические леса, статьи, которые я читал в полете, напомнили мне кое-что еще, о чем я лет пять назад всерьез задумывался, а потом в суете дней как-то позабыл. Так вот, там говорилось, что RAN может служить моделью для более масштабных действий, нежели чисто природоохранные. Причем это были статьи из самых разных журналов — от *Fortune*, этой библии современных корпораций, до буддистского издания *Tricycle: The Buddhist Review*.

В них подробно рассказывалось, как общественные активисты реализуют свое право на свободу слова через гражданское неповиновение, уличные шествия и ненасильственные формы протеста. Активисты RAN организуют манифестации перед зданиями штаб-квартир корпораций, которые безответственно вырубают леса; шествуют с плакатами и даже умудряются развешивать на стенах офисных зданий огромные транспаранты с перечнем самых вопиющих экологических прегрешений, которые допустила данная компания. Помимо этого, они покупают под свои обращения целые газетные полосы, обращаются с письмами к редакторам ведущих газет, но при этом тщательно следят, чтобы их выступления не наносили ущерба ни людям, ни имуществу корпораций.

Вместо конфронтации с топ-менеджерами крупных корпораций сотрудники RAN предлагают им помощь в выработке таких подхо-

---

* Конкорд-Бридж, ок. Бостона — место, где 19 апреля 1775 года состоялось второе сражение в Войне за независимость. — *Прим. пер.*

дов, от которых все стороны были бы в выигрыше. Успехи этой организации наглядно демонстрируют, как «мы, народ», можем побудить корпорации к переменам, сломить волю могущественнейших из могущественных и навязать им нашу. Тем более что перемены, за которые ратует RAN, принесут обоюдную выгоду и самим корпорациям, и обществу в целом.

Под воздействием этих статей я вспомнил одну из кампаний RAN в середине 1990-х годов. Тогда ей удалось убедить такого автомобильного гиганта, как Mitsubishi, изменить политику самой безжалостной хищнической вырубки тропических лесов. Сначала руководство Mitsubishi отклонило инициативы RAN и, напротив, еще более форсированными темпами принялось заготавливать древесину. Убедившись, что Mitsubishi ни в какую не идет на переговоры, RAN предприняла атаки на конкретных представителей корпоративного руководства. Им пришлось лицом к лицу встретиться с основателем и исполнительным директором RAN. Это была жаркая словесная битва, и ее участники подчас переходили к личным выпадам друг против друга.

Но в итоге упорство Mitsubishi было сломлено. 12 ноября 1997 года между RAN, Mitsubishi Motor Sales of America и Mitsubishi Electric America было подписано историческое соглашение, по которому эти дочерние компании корпорации «обязались поддерживать жизнеспособность природной среды и проявлять социальную ответственность». Кроме того, соглашение предусматривало 14 конкретных шагов по достижению соответствия этим требованиям.

Через несколько месяцев после этих событий я присутствовал на конференции, которая проходила на побережье Калифорнии. Как я слышал, в числе примерно трех десятков ее участников будет основатель и исполнительный директор RAN Рэнди Хейз. Я давно хотел познакомиться с этим человеком, который предпринял дерзкое наступление на крупнейшую корпорацию и добился успеха. Он виделся мне современным героем, который следовал по стопам Тома Пейна, Гарриет Табмен*, Мартина Лютера Кинга-мл., Сезара Чавеса**,

---

* Гарриет Табмен — борец против рабства негров в США, героиня негритянского народа. — *Прим. пер.*

** Сезар Чавес — профсоюзный лидер. В 1962 году создал Национальную ассоциацию сельскохозяйственных рабочих. — *Прим. пер.*

Рейчел Карсон* и других выдающихся американцев, которые своим примером заставили нас по-новому взглянуть на себя и повернуться лицом к нуждам мира.

Конференц-центр находился в горах прямо над побережьем Тихого океана. Поэтому вместо того, чтобы поселиться в номере отеля, как предлагали организаторы мероприятия, я решил устроить себе уик-энд на природе, расположившись на одном из самых живописных склонов холма над океаном. Я выбрал небольшой слегка покатый уступ на крутом склоне, прямо над густым ельником, который мохнатым ковром укутывал холм. И хотя меня ожидали неудобства ночевки на уступе, который все же имел некоторый наклон, я решил, что это несущественная плата за возможность, отогнув полог палатки, наблюдать, как внизу океанские волны набегают на скалистый берег. День выдался теплый и ясный, и я решил не тратить много времени на обустройство. Быстро поставив палатку, я разлегся на густой подстилке из сухой хвои и стал наблюдать, как солнечный диск потихоньку карабкается к зениту. Смолистый хвойный дух перемешивался с запахами океана, создавая восхитительно-пьянящий аромат...

Должно быть, я потерял счет времени. Когда же наконец очнулся, оказалось, что прошло никак не меньше получаса. А между тем давно пора было отправляться на первое мероприятие — знакомство с участниками конференции за коктейлями. С большой неохотой я покидал это чудесное место, утешаясь тем, что сейчас наконец увижу человека, которого я считал героем, — исполнительного директора RAN.

В тот момент мне даже в голову не могло прийти, что одновременно со мной на коктейль-пати устремляется его главный антагонист.

Рэнди Хейза я сразу узнал по многочисленным фотографиям, периодически появляющимся в газетах. Я представился, высказал лестную оценку работы руководимой им организации и поздравил с недавней внушительной победой. Между нами завязалась непри-

---

* Рейчел Карсон — биолог и писательница, общественная деятельница, участница движения за охрану окружающей среды. — *Прим. пер.*

нужденная беседа. Рэнди искренне интересовался моей работой в Амазонии. Вдруг он взглянул в сторону входа, и на его лице отразилось удивление. Он извинился и устремился к человеку, который как раз входил в зал. Они пожали друг другу руки и перекинулись несколькими словами. Тут устроители пригласили нас занять свои места, чтобы начать работу. Женщина, которая оказалась в соседнем со мной кресле, наклонясь, прошептала мне на ухо, что тот человек — один из топ-менеджеров Mistubishi. Я с удвоенным интересом принялся наблюдать за ним и Рэнди, однако после первого контакта оба, казалось, избегали общества друг друга.

Следующий день был посвящен интенсивной работе в секциях. Во время обеденного перерыва я пригласил Рэнди сходить к горячему источнику на холмах и там продолжить нашу прерванную накануне беседу. Мы взобрались на вершину холма по узенькой тропке, которая вела к источнику. Уже подходя, мы заметили, что рядом с широкой ванной с низкими краями, над которой поднимался пар от горячей минеральной воды, кто-то был. К нашему несказанному удивлению, это оказался тот самый человек из Mitsubishi. Он, казалось, был удивлен не меньше нашего, но быстро совладал с собой, любезно пригласил присоединиться к нему и добавил: «Отсюда великолепный вид на закат».

Пока мы спускались к ванне, чтобы погрузить ноги в воды источника, я испытывал возрастающее смущение. Здесь, в этом уединенном месте, я оказался единственным буфером между двумя непримиримыми в недавнем прошлом идейными противниками. Как-то они поведут себя? Однако оба были настроены мирно, и мы стали обсуждать работу конференции, дискуссии, которые прошли сегодня в секциях, и других участников, оказавшихся нашими общими знакомыми. При этом все мы старательно избегали любых упоминаний о недавнем конфликте между RAN и Mitsubishi.

Солнце между тем величественно опускалось в океан. Небо из оранжево-розового постепенно стало красным, потом багровым. Мы открыли по новой банке пива и вдвоем с Рэнди уже потягивали освежающий напиток, а наш компаньон все медлил, задумавшись. Но вот он встрепенулся и поднял свою банку, словно бокал. «Хочу сказать вам, Рэнди, кое-что важное», — торжественно провозгласил он.

Рэнди смело взглянул в глаза своему оппоненту. По его лицу было видно, что он не имеет ни малейшего представления, о чем сейчас пойдет речь.

«Хотел бы поблагодарить вас, Рэнди, — продолжал один из топ-менеджеров корпорации Mitsubishi. — И я, и некоторые мои коллеги — топ-менеджеры подумывали изменить политику нашей компании еще задолго до того, как на нас начала нападать RAN. Но мы боялись конфликта с правлением, потому что могли лишиться своих мест. Ваши акции протеста и заявления привлекли внимание общественности к проблеме уничтожения лесов. Конечно, ваш натиск был жестким, и это доставило всем нам много неприятных минут. Но в конце концов вам удалось вызвать нас на прямой разговор. Кое-кто к тому времени уже стал понимать, что наша ответственность не исчерпывается обязательствами перед сегодняшними акционерами, мы несем не меньшую ответственность и перед их детьми, нашими детьми. Вышло так, что RAN открыла нам возможность позаботиться о них». Тут он наклонился к Рэнди, и их банки стукнулись друг о дружку. Я присоединился. «Спасибо вам, Рэнди», — еще раз повторил японец.

Той ночью с Тихого океана налетела гроза. Я проснулся в своей палатке и долго лежал без сна, прислушиваясь к перестуку дождевых капель по брезентовому пологу и размышляя о событиях этого вечера. Слова, произнесенные оппонентом Рэнди, внушали оптимизм. Оказывается, подобно мне в бытность экономическим убийцей, этот корпоративный менеджер и его коллеги давно осознавали, что следует сделать, чтобы повернуть мир к лучшему, но медлили, чувствуя себя в западне системы, требовавшей заглушить голос совести.

Я ведь и сам в те былые времена часто в душе понимал, что поступаю скверно, но все, словно сговорившись, старались внушить мне, что этот путь правильный. Школы бизнеса, международные организации, видные ученые-экономисты — все в один голос твердили, что крупные инфраструктурные проекты — важнейший элемент экономического развития и преодоления бедности. За то, что я послушно следовал этой формуле, меня награждали, отмечали, продвигали по службе, увеличивали штат моих подчиненных. Передо мной открывались самые заманчивые перспективы: власть, секс, внушительные пакеты акций, партнерство, страхование на все случаи жизни — словом, все то, что в нашем обществе олицетворя-

ет успех. Меня приглашали читать лекции в самые престижные университеты мира, главы государств принимали меня как дорогого гостя.

Аналогичные перспективы открывались и перед топ-менеджерами Mitsubishi. Их карьера определялась тем, какого результата добьется их компания, то есть какого размера достигнет краткосрочная прибыль. Дальнейшее продвижение, всевозможные привилегии, медицинское обслуживание их детей — все зависело от цифр в квартальном отчете. Их учили смотреть на мир через призму требований правления. Затем на сцену вышла RAN...

Особенно сильный порыв урагана обрушился на стенки моей палатки. Природа будто вознамерилась навести свой порядок, очиститься от всего лишнего. Мне вспомнились слова, когда-то услышанные от старухи-колдуньи в Андах: «Мир не надо спасать. Миру ничто не угрожает. Спасать надо нас, людей. Если мы не изменим своей жизни, путей, которыми идем, мать-природа просто стряхнет нас с себя, как докучливых насекомых». Палатка сильно задрожала. Поистине ночь выдалась бурная, и я вдруг подумал, что это символ недовольства природы, которое она демонстрирует нам, людям, куда более масштабными катаклизмами: наводнениями, засухами, свирепыми эпидемиями и тающими ледниками.

Внезапно раздался резкий неприятный звук, и на меня обрушился поток воды. Это ослабло и накренилось верхнее полотнище палатки, специально предназначенное для защиты от дождя. Видимо, когда я ставил палатку, то не позаботился о том, чтобы как следует его закрепить. Ругая себя за легкомысленное отношение к устройству ночлега, я похватал пожитки и, включив электрический ручной фонарь, ринулся под проливным дождем в сторону ближайшего жилья. Вскоре я достиг здания, где проводились мероприятия конференции.

К моему глубокому облегчению, там нашлась койка с одеялом и подушкой — словно кто-то заранее решил позаботиться обо мне. Я сорвал с себя промокшую одежду, разложил ее и заснул под шум океанских волн, которые с грохотом разбивались о прибрежные скалы.

Развенчивая миф

Наутро я встал чуть свет и бросился к окну. Солнце только вставало, на небе не было ни облачка. Несмотря на всю прелесть ясного дня, настроение было не слишком веселым: оказалось, что бывалый амазонский путешественник не смог толком поставить палатку! Кое-как напялив на себя еще не высохшую одежду, я тихо прокрался к двери и выскользнул наружу.

Было тепло, лишь свежий бриз с океана напоминал о ночном шторме. Я полез вверх по склону к уступу, на котором стояла палатка. Однако там меня ждал сюрприз — палатка исчезла.

Я замер, хлопая глазами. Может, я напутал, и это не то место? Да нет, вот желтый круг посреди примятой штормом травы. Это явно то место, где я вчера разбил палатку. Но куда же она подевалась? Может, кто-то успел снять ее? Но кто? И зачем? Я выглянул за обрыв, чтобы увидеть кромку берега, расстилавшегося далеко внизу. Ураган поднял громадные волны. Двое отважных серфингистов балансировали на бурунах прибоя. Тут возле самой кромки обрыва мне на глаза попало голубое пятно. Я сразу понял, что это купол моей палатки.

Я поспешил вниз. Поразительно, но она свисала с боковых ветвей ели, так и не оторвавшись от основы. Мне удалось освободить полотнище от веток и втянуть палатку назад на уступ. К моему удивлению, она почти не пострадала — только слегка погнулись алюминиевые стойки да все полотнище измазалось в грязи. Я стал вновь устанавливать ее, теперь уже по всем правилам, проверяя и перепроверя каждое свое действие. Чтобы избежать повторного конфуза, с особой тщательностью закрепил верхнее полотнище. Затем вернулся в здание, нашел ведро и, наполнив его водой, потащил на уступ, чтобы смыть грязь с палатки. Слава богу, никто из участников конференции еще не встал, и мой маневр остался незамеченным.

Я взобрался по тропинке на вершину холма. Дождь почти убил аромат хвои. Опустившись на деревянную скамью, я подставил солнцу спину. Передо мной расстился океан. Глядя на волны, я приступил к «разбору полетов». Прежде всего, думалось мне, я нарушил одну из главных заповедей туриста: устраивая лагерь, всегда предполагай, что может разразиться буря.

Еще будучи экономическим убийцей, я обнаружил, как легко можно игнорировать факты, которые раскрывали истинную суть моей работы, — и с той же легкостью я вчера позабыл заповеди туриста. Все то время, вместо того чтобы делать мир разумнее, безопаснее и сострадательнее, заботиться о преодолении бедности, я своими руками создавал империю и обслуживал интересы корпоратократии. Потом мои мысли перенесли к топ-менеджеру Mitsubishi. Как и множество ему подобных, он предпочел не думать о худшем сценарии развития событий, о том, что хищническая вырубка тропических лесов могла в конечном счете погубить будущее его детей. Думаю, он убедил себя, что чей-то изворотливый ум найдет возможность отсрочить масштабные долговременные последствия безответственного поведения его компании — скажем, за счет использования энергии солнца и ветра, производства автомобилей на гибридном топливе, всякой там гидропонике и прочего. Как большинство из нас, он научился находить оправдание своим действиям.

Глядя на волны, что далеко внизу разбивались о прибрежные скалы, я думал о том, с какой легкостью те, кто посещает мои семинары в Dream Change и участвует в наших вылазках в Амазонию, принимают за данность, что управляющие корпораций в лучшем случае аморальны, а в худшем — порочны, а сами корпорации настолько могущественны, что никому не под силу заставить их свернуть с выбранного пути. Это тоже можно считать заблуждением, своего рода попыткой снять с себя гражданскую ответственность. Если корпорации так могущественны, а их топ-менеджеры так порочны, то нам ничего не остается, как слушать рекламу и убеждать себя, что нам нужны их товары.

RAN и ее активисты развенчали этот миф. Они твердили управляющим корпораций, что надо направить свою изобретательность на благородные цели, использовать ее мудро и в то же время показывать нам, простым смертным, что они не так уж порочны или аморальны, что корпорации не всемогущи, а мы, наоборот, не так

уж бессильны, как думаем. RAN не уставала повторять всем — и управляющим корпораций, и нам — что пора осознать ответственность за собственную жизнь и за весь мир, который мы оставим своим потомкам.

Я поднялся со скамьи, чувствуя прилив сил. Вчерашняя встреча у горячего источника раскрыла мне глаза на новые возможности. Все последующие дни я не столько вникал в темы, обсуждавшиеся на конференции, сколько интенсивно общался с ее участниками, в особенности с теми, кто работает на крупные корпорации. Будучи экономическим убийцей, я хорошо изучил этот тип людей, тем более что сам был одним из них, а потом вел для них семинары, встречался на мероприятиях и коктейлях. Сам факт их присутствия на конференции указывал, что они открыты для поиска альтернативных методов ведения бизнеса.

Но у меня на уме было нечто другое — ряд вопросов, которые позволили бы мне на их примере проверить зародившуюся у меня новую гипотезу. Если я прав и большинство из них — честные люди, искренне желающие оставить своим детям лучший мир, если они в глубине души приветствуют «вмешательство» в бизнес таких сил, как RAN, то открывающиеся перспективы практически безграничны.

Так что я проверял свою гипотезу не только в беседах с корпоративными менеджерами, но и изучая материалы исследований на эту тему. В итоге я пришел к выводу, что хотя среди высших управленцев и встречаются люди, безразличные к жизни и благополучию кого бы то ни было, кроме самих себя, подобных индивидуумов не так много — возможно, такой же процент, что и во всем обществе в целом. Большинство управляющих все же искренне беспокоятся о последствиях своей деятельности и о том, в каком состоянии мир достанется их детям и внукам. Думаю, что когда какая-нибудь организация вроде RAN развешивает на фасаде их офисов свои обличительные плакаты, они в душе испытывают облегчение.

Вскоре после того, как я пришел к этим утешительным выводам, на меня обрушились семейные горести: болезни близких и смерть отца. Я вынужден был ограничить свою деятельность лишь самым необходимым — уже намеченными поездками в Амазонию и семинарами, по поводу которых уже давно была достигнута договоренность. Все остальные проекты пришлось отложить. Но потом настало 11 сентября 2001 года. Побывав на месте трагедии, я посвятил

себя написанию «Исповеди», а ее успех вовлек меня в водоворот гастрольной жизни — я много ездил по стране с выступлениями и презентациями. К размышлениям о глубоких последствиях успешной кампании RAN против могущественной Mitsubishi и об открывающихся перед нами возможностях сломить бастионы корпоратократии я мысленно вернулся лишь в тот осенний день 2006 года, когда летел на очередное мероприятие RAN.

Тогда я с особенной ясностью понял, что, если мы намерены изменить мир, которым правит корпоратократия, нам следует заставить корпорации измениться. И чем больше я раздумывал над этим, тем глубже уверялся, что Рэнди, его персонал и активисты RAN нащупали нечто весьма ценное. Организованные ими пикеты, плакаты, что они развешивают на фасадах офисных зданий, есть не что иное, как современный эквивалент тюков с чаем, которые наши предки в знак протеста утопили в водах Бостонского залива. Так вот, прежде чем завоевать победу у Саратоги, нам тоже следует продемонстрировать свой протест — «выбросить свою порцию чая в воды залива».

Новый капитализм

RAN не относится к тому типу организаций, которые нападают на крупные корпорации и стараются всячески их запугивать. В 2006 году в штате RAN было всего лишь 40 человек, а бюджет не превышал каких-то четырех миллионов долларов в год — поразительно малые силы, если учесть масштаб ее достижений. После той первой поездки я еще несколько раз летал в Сан-Франциско на встречи с сотрудниками и активистами этой организации.

На мой вопрос об уязвимых местах корпоратократии председатель правления RAN Джим Голлин лаконично сформулировал: «Чувствительность к давлению» и добавил: «Мы снова и снова убеждаемся на практике, что корпорации можно заставить изменить главные направления их политики». Джим Голлин бегло говорил по-японски и был одним из первых представителей Запада, которого допустили к работе в штаб-квартире крупнейшей в мире брокерской компании Nomura в Токио. Потом были поездки по всему миру в интересах другого мирового гиганта, инвестиционной компании Morgan Stanley. Впоследствии Джим создал собственную инвестиционную компанию. Так что корпоративный мир он знает изнутри.

«Вы можете убедить компании изменить свою политику, только если проявите гибкость, учтете их конкретные особенности и ситуацию». Свои слова Джим подкрепил примером того, как RAN добились своего от Home Depot. «Им не было никакого дела до наших требований. Они нас в упор не видели. Ну а мы стали постепенно, исподволь нагнетать давление. Организовывали демонстрации в их магазинах и протесты на собраниях акционеров. Один из наших друзей, работающий в системе Home Depot, сообщил нам защитный код, обеспечивающий доступ к внутренней связи в своем магазине. И представьте, оказалось, что в других магазинах код тот же самый. Так вот, в один прекрасный день наши добровольные помощники-

студенты подключились к внутренней связи и передали такое сообщение: “Вниманию покупателей Home Depot! В секции 10 идет распродажа пиломатериалов. Они сделаны из древесины, которую незаконно вырубил в лесах Амазонки. Будьте осторожны, на полу могут быть пятна крови. Вырубка этих лесов лишает коренные амазонские племена их родных мест, истощает почвы и губит нашу планету”. А поскольку мы собрали внушительную группу добровольцев, то смогли сделать это объявление одновременно в 162 магазинах компании. Можете себе представить, как в тот день раскалывались телефоны в штаб-квартире компании в Атланте! После этой акции руководство Home Depot само предложило нам переговоры. А когда они согласились прекратить продажу пиломатериалов из перестойной (старовозрастной) древесины тропических лесов, которым грозит уничтожение, к ним по собственному почину присоединилась другая подобная компания, Lowe’s».

«Я — капиталист, — признал Джим, — а корпорации в сегодняшнем мире являются самой динамичной силой. У них есть власть, у них есть энергия, чтобы инициировать перемены. Лишь от нас зависит, станут ли они это делать. Я верю в активизм*».

Журнал *Fortune* называет RAN «залетевшим в палатку комаром», потому что эту организацию никогда не устрашают размеры тех, кого она атакует. Среди крупных корпораций, которые капитулировали перед требованиями RAN, такие как Kinko’s, Staples, Boise Cascade, Citigroup, Bank of America, JP Morgan Chase, McDonald’s и Goldman Sachs.

В 2003 году Рэнди Хейз передал повседневное управление своей организацией в руки Майка Брюна, хотя продолжает активно работать в совете директоров. Нынешний исполнительный директор ранее занимал должность директора по организации кампаний и успел продемонстрировать свое выдающееся умение строить стратегии. Как рассказал Майк, многие до сих пор не могут понять, как природоохранной организации с годовым бюджетом, едва дотягивающим до четырех миллионов долларов, удастся убеждать корпорации, имеющие многомиллиардные прибыли, изменить свою политику. «Мы — часть глобального движения за справедливость, — поясняет Майк, —

---

* Активизм — доктрина, утверждающая, что деятельность является основой мира; в идеалистической философии. — *Прим. ред.*

часть ненасильственных ударных групп свободно связанной сети, объединяющей экологические и природоохранные организации, социально ответственных инвесторов, просвещенных филантропов и сочувствующих нашим целям инсайдеров». Мы поддерживаем нечто вроде партнерства с такими организациями, как Forest Ethics, Bank-Track, World Wildlife Fund, Friends of the Earth, Amazon Watch, The Pachamama Alliance, The Ruckus Society, Greenpeace, Global Exchange, The Sierra Student Coalition, The Student Environmental Action Coalition, Rainforest Action Group и ряд других. Нас объединяет глубокая надежда на то, что мы *действительно можем* заставить корпоративную Америку измениться», — с улыбкой закончил Майк.

«А почему вы так в этом уверены?» — спросил я.

«На то есть четыре причины. Первая и самая главная — в том, что на нашей стороне правда. Здоровье глобальной экономики и, естественно, качество нашей жизни определяются стабильностью климата, процветанием всего биологического разнообразия, чистотой воздуха и воды. Все это не что иное, как базовые права всех людей. Как написано на наших стикерах для автомобильных бамперов, «на мертвой планете работы нет». Вторая причина — корпоративные управленцы и главы компаний понимают, что это так и есть. Многие из них начинают осознавать, что могут быть не частью проблемы, а частью ее решения. Третье — мы рассматриваем корпорации как потенциальных союзников, мы работаем с ними, помогая находить подходы, которые принесут обоюдный выигрыш; мы подсказываем, как можно изменить их политику и осуществлять ответственное руководство. И наконец, четвертое — мы никогда не сдаемся. Общество в целом сочувствует борьбе за сохранение окружающей среды, а такие общественные группы, как RAN, всегда будут призывать компании к ответственности».

Самое главное — понять, чем дышат топ-менеджеры корпораций, о чем они думают. Вот например, директор по организации глобальных финансовых кампаний RAN Элайз Хог рассказала, что выросла в семье биржевого брокера. Многие, считает она, забывают, что в корпорациях работают живые люди, у которых тоже есть дети, и они беспокоятся о том, каким будет их будущее.

Деятельность RAN приобрела еще более актуальное звучание в 2006 году, когда была начата программа Jumpstart Ford, цель

которой — заставить измениться компании, напрямую не связанные с уничтожением лесов.

Возглавляющая эту кампанию Дженнифер Крилл так объясняет ее суть: «Машины, как известно, потребляют бензин. А значительная доля нефти, из которой его делают, поступает как раз из районов произрастания дождевых лесов. Кроме того, нефть и сама по себе есть один из самых мощных факторов изменения климата планеты, что существенно влияет как на леса, так и на нас, людей». Кроме того, эта кампания подчеркивает тот факт, что цели RAN значительно шире, чем предполагает ее название.

Дженнифер Крилл не сомневается в успехе проекта Jumpstart Ford — потому что каждая организованная RAN кампания приносит ощутимые результаты. «Вопрос не в том, сумеем ли мы добиться успеха, — объясняет она, — а в том, будет ли это сделано своевременно».

Иными словами, если этому не помешает корпоратократия. А она уже действует. Так, Постоянный бюджетный комитет палаты представителей в судебном порядке обязал RAN представить полную информацию, касающуюся всех акций протеста, предпринятых ею начиная с 1993 года. Цель этого расследования, которое лишней раз демонстрирует удобный обоюдovýгодный союз и полное взаимопонимание между большим бизнесом и конгрессом США, — поставить под сомнение статус RAN как организации, пользующейся правом на освобождение от налогов. По словам Майка Брюна, RAN полностью соответствует всем требованиям. 31 мая 2005 года комитету были представлены сотни подтверждающих документов и видеозаписей. «Это отнимает у нас много времени и денег, — с грустью признается Майк. — Мы намерены всячески ограждать финансирующие нас организации от возможных притеснений, поэтому нам пришлось удалить все имена из материалов, которые были переданы комитету. Вот ведь работка. Но мы хотим продемонстрировать, что верим в действенность системы и не думаем, что она хочет нас запугать».

Я попросил уточнить, как Майк относится к действиям Постоянного бюджетного комитета палаты представителей.

Майк некоторое время помолчал, а потом ответил: «Как я отношусь к работе комитета? С одной стороны, это меня бесит; их задача — одергивать компании, которые пытаются подорвать их власть, а во все не нападать на такие группы, как наша, на тех, кто старается

защитить наследие наших детей. С другой — я все же надеюсь, что это еще раз напомнит нашему обществу, что мы, американцы, представляем собой определенную силу, особенно если организуемся и будем выступать единым фронтом. Конгресс не будет просто так цепляться к маленькой некоммерческой организации — разве только ее деятельность сильно досаждают кому-то из власть предержащих».

После посещения Сан-Франциско и встреч с сотрудниками RAN я начал все отчетливее сознавать, что большая группа представителей верхушки нашего общества всерьез опасается деятельности многих неправительственных организаций. Корпоратократия все еще у руля, но уже начинает понимать, что дни ее сочтены.

Перечень претензий к корпоратократии

RAN — лишь одна из всего множества общественных организаций, чьи достижения показывают, что корпорации уязвимы, что их можно и нужно заставлять меняться. В следующих главах я расскажу об успешных методах, при помощи которых неправительственные организации добиваются этой цели. Своими действиями удалось им заставить промышленных гигантов очищать загрязненные отходами реки; прекратить производство аэрозолей, угрожающих разрушить озоновый экран; предпринимать меры по защите исчезающих видов флоры и фауны; принимать на работу представителей меньшинств; отказаться от дискриминации по половому признаку и ввести широкий спектр мер по решению социальных, экологических, гуманитарных вопросов и соблюдению гражданских прав.

Аналогичные методы можно применять для того, чтобы заставить корпорации изменить свои основополагающие цели, превратить их в сознательных ответственных граждан планеты, которые служат интересам общества и природной среды, а не кучке аристократов современного мира.

Мы уже затронули первый из четырех вопросов, которые я считаю самыми важными, — убедились, что наши надежды на перемены не беспочвенны, их можно добиться. Корпорации, как мы увидели, могут подчиняться нашей воле. У нас есть силы и власть, чтобы добиться фундаментальных перемен в том, как организовано наше общество.

Теперь перейдем к следующему вопросу: уверены ли мы в том, что желаем перемен? На примерах событий в Азии, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Африке мы уже увидели ужасные последствия, которыми оборачиваются действия экономических

убийц, «шакалов», военных, применяющих «последнее средство убеждения», — точно так же, как наши далекие предки в свое время увидели всю пагубность политики Британской империи. Теперь мы спрашиваем себя, достаточно ли этих доказательств, чтобы заставить нас наконец действовать.

Еще до того, как разразилась Война за независимость, такие общественные деятели, как журналист Бенджамин Франклин, оратор Патрик Генри, памфлетист Том Пейн отчетливо понимали, насколько важно четко и сжато сформулировать все обиды и несправедливости, которая чинила американцам британская корона. У них не было никаких других способов предоставить обществу железные аргументы, сведения, статистику, подтверждающие это зло. В итоге получился длинный перечень причиненных Британией обид, впоследствии преобразовавшийся в Декларацию независимости. Этот список послужил стимулом, а также и разумным основанием для действия. Наш сегодняшний список прегрешений корпоратократии куда длиннее. Он ежедневно пополняется газетными сообщениями (хотя и неумышленно), материалами и фактами, которые выкладывают в Интернете, а также множеством книг и кинофильмов. Вот список самых вопиющих ее преступлений.

Вот к чему приводят политика и действия корпоратократии...

- Более половины населения мира вынуждено владеть существованием на два доллара в день — примерно такой же уровень дохода жители бедных стран имели и 30 лет назад.
- Более двух миллиардов человек лишены самых основных жизненных благ, в том числе электричества, чистой питьевой воды, санитарии, телефона, права на пользование землей, полицейской и пожарной защиты.
- От 55 до 60% всех проектов, спонсируемых Всемирным банком, терпят провал (по данным Объединенной экономической комиссии конгресса США).
- Стоимость обслуживания внешнего долга стран третьего мира превышает уровень их расходов на здравоохранение или образование и почти вдвое больше, чем суммарный объем ежегодно получаемой ими иностранной помощи. Несмотря на лицемерные заявления о готовности простить им долги, внешняя задолженность стран

третьего мира год от года растет и достигла уже почти трех триллионов долларов. Сомнительный рекорд. Во время акции прощения долгов беднейшим странам (Heavily Indebted Poor Countries) — объявленной в 1996 году совместной инициативы стран «Большой семерки», МВФ и Всемирного банка — было заявлено о готовности списать 80% задолженностей. И что же? С 1996 по 1999 год общий объем платежей по обслуживанию долга стран НРС вырос фактически на четверть — с 88,6 до 114,4 триллиона долларов.

- Если в 1970-х годах активное сальдо торгового баланса развивающихся стран составляло примерно миллиард долларов, то к началу нового тысячелетия оно превратилось в 11-миллиардный дефицит, который продолжает расти.

- Концентрация богатства в странах третьего мира существенно возросла после 1970-х годов, когда реализовывались крупные инфраструктурные проекты, и 1990-х, ознаменовавшихся волной массовой приватизации. Во многих из этих государств 90% частного богатства сосредоточено в руках 1% семей.

- Транснациональные корпорации контролируют огромную долю производственного и торгового секторов развивающихся стран. Так, 40% мировой торговли кофе сосредоточено в руках четырех компаний, а 30 сетей супермаркетов осуществляют до трети всей мировой торговли бакалейными товарами. Горстка нефтяных и прочих добывающих корпораций не только держит под контролем соответствующие мировые рынки, но и диктует свою волю правительствам стран, которым принадлежат эти ресурсы.

- Весь мир еще раз убедился, как алчны крупные корпорации, когда ExxonMobil объявила о новом рекорде прибыли, которая во втором квартале 2006 года достигла 10,4 миллиарда долларов. Это второй по величине показатель в истории бизнеса — абсолютный рекорд составляет 10,7 миллиарда долларов — столько в четвертом квартале 2005 года заработала Exxon. Причем это те два года, когда высокие цены на нефть причиняли беднейшим странам мира наибольшие страдания. Налоговые льготы, торговые соглашения, международное экологическое и трудовое законодательство — все это весьма благоприятствует нефтяным компаниям и фактически субсидирует их бизнес.

- Общий объем федеральных налогов, которые платят американские корпорации, сейчас упал до менее 10% всех бюджетных поступ-

лений, хотя в 2001 году этот показатель составлял 21%, а в годы Второй мировой войны обеспечивал более половины всех доходов американского бюджета. За первые три года нового тысячелетия примерно треть самых крупных и прибыльных корпораций США хотя бы за один год вообще не платила федеральных налогов. В 2002 году корпорации США укрыли от налогообложения примерно 149 миллиардов долларов своих доходов в Ирландии, на Бермудах, в Люксембурге и Сингапуре.

- В сотню самых крупных хозяйствующих субъектов мира входит 51 корпорация, 47 из них базируются в США.

- Не менее 34 тысяч детей в возрасте до пяти лет ежедневно умирают от голода и болезней, которые можно было предотвратить.

- Соединенные Штаты и множество других государств, которые Вашингтон рассматривает как демократические, имеют следующие далеко не демократические характеристики: большой бизнес и правительства манипулируют национальными СМИ; политики слишком многим обязаны спонсорам, щедро финансирующим политические кампании; сама политика вырабатывается, что называется, «за закрытыми дверями», надежно скрывающими от избирателей решения по ключевым проблемам.

- Когда ООН в 1997 году принимала международное соглашение о запрете наземных мин, за него проголосовали 142 участника, и лишь США воздержались. Помимо этого Соединенные Штаты не поддержали и ряд других важных инициатив: отказалась ратифицировать Конвенцию о правах ребенка 1989 года, Международную конвенцию о запрещении биологического оружия и Киотский протокол, присоединиться к статуту Международного уголовного суда.

- Глобальные военные расходы в 2006 году достигли астрономической величины в 1,1 триллиона долларов, причем около половины этой суммы составляют военные расходы США. Это означает, что на каждого гражданина Америки, включая детей, приходится в среднем по 1600 долларов военных расходов.

- В мировом рейтинге свободы слова США опустились с 17-го места в 2002 году на 53-е в 2006-м. «Репортеры без границ» и другие неправительственные организации подвергают Соединенные Штаты жесткой критике за аресты и запугивание журналистов.

- Национальный долг США (объем средств, которые федеральное правительство задолжало кредиторам, имеющим правительственные

и гарантированные правительством долговые инструменты) превышает аналогичные показатели других стран мира. В августе 2006 года он достиг 8,5 триллиона долларов — иными словами, каждому из своих граждан правительство США должно 28,5 тысячи долларов. Ежедневно национальный долг США прирастает на 1,7 миллиарда долларов. Львиную долю этих долгов держат в руках кредиторы Японии, Китая и стран Европейского союза, что делает нас особенно уязвимыми перед ними.

- Внешний долг США (все долги государства и частных лиц нерезидентам, которые должны быть выплачены в иностранной валюте, товарах или услугах) тоже самый высокий в мире. В 2005 году он составил 9 триллионов долларов. (Следует отметить, что Вашингтон использует национальный и внешний долг других стран как средство давления на их правительства, принуждая выполнять требования корпоратократии под угрозой банкротства, экономических санкций и жестоких требований, которыми МВФ обуславливает возможность предоставления им кредитов, хотя сами США являются крупнейшим в мире должником.)

Этот далеко не полный перечень провинностей корпоратократии не оставляет сомнений, что мы должны использовать все имеющиеся в нашем распоряжении средства. Ее прегрешения должны служить нам стимулом и логическим обоснованием для того, чтобы добиваться изменения отвратительных современных реалий, которые созданы корпоратократией. Причем каждым из перечисленных негативных эффектов мы обязаны корпорациям. Добиваясь их изменения, мы сможем изменить мир.

Мы должны настаивать, чтобы корпорации соблюдали принципы демократии и прозрачности. Мы больше не намерены мириться с империалистическим капитализмом, когда горстка богатых принимает все решения и распоряжается всеми деньгами — по большей части тайно от остального мира. Мы решительно потребуем, чтобы корпорации соблюдали, на наш взгляд, самоочевидные принципы, установленные самими священными нашими документами, — справедливости, равенства, сострадания и управления в интересах обеспечения мира и стабильности для будущих поколений.

Мы убедим корпорации, что живем в крошечном мировом сообществе, поэтому им следует установить для себя новые цели,

учитывающие эти реалии. Вместо того чтобы накапливать богатства для немногих избранных, корпорации должны взять на себя заботы о своих служащих, даже после того как они уйдут на покой; они должны честно обслуживать своих клиентов; присматривать за теми, кто снабжает их ресурсами — кто добывает, выращивает, собирает, выплавляет, обрабатывает, выделяет, формует, собирает, — и обеспечивать сохранность сообществ и природной среды, в которой живут все эти люди.

А для этого мы должны отдавать дань уважения всему тому, что связано с воспитанием и заботами о человеке, всему, что олицетворяют женственность и материнство и отказаться от глупой идеи, что наш мир — это мир мужчин, где правит сила. Риан Айслер, автор бестселлера «Чаша и клинок» (The Chalice and Blade) вместе с рядом ученых взялась изучать показатели, позволяющие соотнести положение женщины в обществе и качество жизни этого общества. Основываясь на данных, собранных в 89 странах мира, исследователи установили, что статус женщины в обществе — куда более достоверный показатель общего уровня жизни, нежели такой показатель, как ВВП.

В своей новой книге «Реальное богатство народов» (The Real Wealth of Nations) доктор Айслер пишет: «Там, где женщины имеют более высокий статус и занимают примерно половину постов в правительстве, как, например, в северных странах, государство больше заботится о таких вещах, как всеобщее медицинское обслуживание, охрана детства, специальное образование для родителей и щедрая оплата отпусков по уходу за ребенком... Чем выше статус женщин и больше их влияние в обществе, тем на более высокой ступени по качеству жизни оно находится. И наоборот, если он ниже, стало быть, и уровень жизни такого общества не особенно высок»*.

В общем, всем нам следует проникнуться мыслью, что наше выживание напрямую зависит от умения проявлять сострадание, заботу, любовь и внимание.

Наша крошечная планета быстро идет ко дну подобно «Титанику», но беда не в том, что на всех не хватит шлюпок, а в том, что в данном случае они вообще ни для кого не предусмотрены. Наиболее могущественным институтам планеты, корпорациям, сегодня самое

---

* Dr. Riane Eisler, The Real Wealth of Nations, Ch. 10, p. 9, верстка.

место у помп — они умудрились наскочить на айсберг, пусть теперь исправляют дело, откачивают воду и прокладывают новый курс.

А мы, простые люди, должны поступать рационально и прагматично. Мы должны возвысить голос, чтобы нас услышали. Мы должны потребовать от корпораций демократичности и прозрачности.

Прежде чем переходить к всеобщим принципам и разговору о том, что каждый из нас может сделать на своем месте, давайте поговорим о препятствии, которое часто заставляет нас отступать и отказываться даже от права задавать вопросы. Сам я лицом к лицу столкнулся с этим феноменом на конференции, которая проводилась на одном из островов Атлантического океана. Я обнаружил, как эффективно корпоратократия умеет заставить своих оппонентов замолчать, как успешно она запугивает организации, которым, казалось бы, сам бог велел обуздывать зарвавшиеся компании.

Глядя в лицо нашим страхам

В 2006 году, когда я интенсивно исследовал, как неправительственные организации могут влиять на корпорации, мне захотелось принять участие в серии встреч, которые проводила одна небольшая общественная группа — всего из 23 человек — на острове Мартас-Виньярд, у побережья Массачусетса. Намеченные дискуссии, на мой взгляд, явно переключались с событиями исторического прошлого, напоминая жаркие дебаты колонистов в годы, предшествовавшие Войне за независимость.

Многие в те далекие времена боялись Британии и наряду с лоялистами и местными тории считали опасными активные действия против метрополии. «Британская империя слишком могущественна, — предупреждали они, — мы проиграем и будем наказаны за неповиновение». Для подобного мероприятия место было выбрано идеально — Мартас-Виньярд представляет собой нечто вроде микрокосма, в котором нашли отражение многие реалии современного мира.

Когда-то остров был местом базирования крупной китобойной флотилии. К XVIII веку по своему значению он стал примерно тем же, чем для нас сегодня являются Ближний Восток и Амазония, — главным источником топлива для промышленности Америки и бытовых нужд. И как мы сегодня безоглядно уничтожаем дождевые леса и пустыни в погоне за нефтью, так в те времена безжалостно истребляли китов в погоне за китовым жиром. А потом неподалеку от этих мест, в Пенсильвании, открыли месторождения нефти. Близость альтернативного источника дешевого горючего способствовала упадку китобойного промысла.

В последующие годы Мартас-Виньярд постепенно превратился в популярное место отдыха элиты. Здесь не раз проводили отпуск семьи Кеннеди и Клинтон, а также известные актеры, писатели

и музыканты. Еще раньше на этом острове снимали фильм ужасов «Челюсти». В 2006 году, когда я прибыл на Мартас-Виньярд, там уже были явные признаки экологического неблагополучия, столь характерного для многих уголков мира. На острове чрезмерно разрослась популяция лесных оленей, что способствовало распространению ужасной болезни Лайма, вызываемой паразитирующими на оленях клещами. Перед поездкой мне говорили, что многие обитатели острова уже переболели этой заразой. Так что, как нас предупредили, чтобы не подвергать себя опасности заражения, лучше всего отказаться от прогулок по цветущим лугам и дивным лесам и «восхищаться ими, оставаясь в безопасности кондиционированного салона автомобиля».

Устроителем конференции был один богатый филантроп, а участниками — представители некоммерческих организаций, получающих от него пожертвования. В основном они занимались вопросами охраны окружающей среды, сбережения редких и исчезающих видов растений и животных, защиты гражданских прав, решения гендерных проблем и охраны здоровья.

Всякий раз, как представлялась возможность, я переводил разговор на необходимость положить конец произволу корпораций и призывал участников присоединиться к этому благому делу, приводя в качестве примера успехи RAN. То, что я слышал в ответ, повергло меня в шок. Вот самые распространенные аргументы:

«Топ-менеджерам нельзя доверять».

«Мы стараемся держаться подальше от корпоративного мира. Слишком много коррупции».

«Корпорации очень могущественны. Мы проиграем и будем наказаны».

«Это чрезвычайно опасно. Лучше избегать подобного риска».

«Послушайте, — взывал я, — каждый из вас занят важной работой, но, фигурально выражаясь, вы применяете средство первой помощи, вроде бактерицидного пластыря. А между тем общественные раны обильно кровоточат, и пока мы не начнем лечить болезни, которые их вызывают, иными словами, пока не возьмемся за устранение причин, никакие средства экстренной помощи в мире нам не помогут. Вы правы в своем желании избегать коррумпированной среды корпораций, но наберитесь мужества, чтобы выступить против, продумайте стратегию действий».

Тут к дискуссии подключилась Мона Кадена, заместитель директора отделения правозащитной организации «Международная амнистия» по западному региону: «Мы с этим согласны. В наших рядах 1,8 миллиона участников из 150 стран мира, и нам хорошо известно, какво могущество корпораций. Мы практикуем покупку пакетов акций компаний, которые числятся у нас как самые отъявленные нарушители прав человека, — в достаточном количестве, чтобы иметь право участвовать в собраниях акционеров. Мы добиваемся принятия резолюций, которые обязывают компании соблюдать права человека во всех странах, где есть их предприятия».

Слова Моны пролили бальзам на мою душу. Потом мы еще долго беседовали с ней, любуясь из окна на большое соленое озеро, отделенное от океана узенькой песчаной косой. Мона рассказывала о Тони Крузе, который координирует в калифорнийском отделении «Амнистии» работу с корпорациями. Он открыто обвинил на ежегодном собрании акционеров Google ее соучредителей Сергея Брина и Лэрри Пейджа в поддержке цензуры в Китае. Аналогичные обвинения, и тоже на собрании акционеров, он бросил в лицо главе Yahoo! Терри Семелу и ее основателю Джерри Янгу. Тони Круз настаивал, чтобы эти две компании перестали попустительствовать нарушению свободы слова в Китае.

Помимо словесной атаки «Амнистия» организовала против этих поисковиков онлайн-акцию протеста, в которой участвовало около 40 тысяч человек. «Правда, нам пока не удалось заставить ни одну из этих компаний предпринять реальные шаги в нужном нам направлении, — посетовала Мона, — но мы планируем поместить соответствующую статью в *Business Week* и купить эфирное время на ABC. Мы уверены, что игра стоит свеч. Давление всегда приносит плоды».

Как сказала мне в телефонном разговоре директор программ «Международной амнистии» по бизнесу и правам человека Мила Розенталь, «RAN добилась блестящего успеха. Она провела очень сложную работу, требующую решительности, ведь сотрудникам этой некоммерческой организации приходится заставлять руководство корпораций добровольно брать на себя определенные ограничения в лесозаготовках и других операциях. Вам может показаться, что избранный нами подход реализовать проще. Казалось бы, внесите в решения собрания акционеров резолюции о соблюдении прав человека, и глядишь, компании сами поймут, что от этого все толь-

ко выиграют. На самом же деле мы встречаем упорное сопротивление. Взять хотя бы ExxonMobil...»

Этот нефтяной гигант, самая крупная энергетическая компания в мире, уже имеет длинейший список нарушений прав человека во множестве стран. Атаки на него «Амнистия» решила начать в таких странах, как Камерун, Чад, Нигерия и Индонезия. «Мы убедились, как непреклонна ExxonMobil по отношению к нашим требованиям устранить нарушения прав человека на своих предприятиях, — рассказывала Мила. — Наши люди забрасывали главу корпорации открытками с требованиями, устраивали пикетирование, проводили дискуссии, посвященные соблюдению прав человека, акции протеста. На День св. Валентина всему руководству ExxonMobil были посланы открытки, в которых мы просили их “проявить сочувствие к правам человека”. Мы объединились с акционерами, которые были нашими единомышленниками в этом вопросе.

Совместно с АФТ-КПП (Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов), Пенсионным фондом учителей г. Нью-Йорка, инвестиционным фондом Boston Common Asset Management, Объединенным союзом работников целлюлозно-бумажной, химической и энергетической промышленности, Межконфессиональным центром корпоративной ответственности и компанией Walden Asset Management «Международная амнистия» призвала ExxonMobil «разработать и осуществить на всех своих предприятиях политику соблюдения трудовых прав, которая основывалась бы на Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда, принятой в 1998 году, а потом подготовить отчет для акционеров о практике проведения этой политики». После принятия этой резолюции представители коалиции встретились с администрацией компании и добились от нее соглашения включить в социальный отчет компании заявление о намерении соблюдать основные трудовые права в том виде, в каком они сформулированы Декларацией Международной организации труда. На ежегодном собрании акционеров в 2004 году председатель правления «Международной амнистии» Чип Питтс предупредил администрацию ExxonMobil о том, что коалиция будет следить, как корпорация выполняет свои обещания*.

---

* Материал взят с сайта организации «Международная амнистия» www.amnesty.org. Другие подробности о ее работе см. там же.

Завершая свой рассказ, Мила признала, что «они не добились всего, что намечали, но все же сделали хороший почин. Это было полезным уроком для всех организаций в составе коалиции. Мы убедились, что можем заставить этих парней измениться, одну компанию за другой».

Поначалу я испытал разочарование результатами конференции на Мартас-Виньярд, настолько подействовало на меня капитулянтство ее участников перед угрозами и мощью корпораций. Тем не менее я стал больше уважать «Международную амнистию» и другие правозащитные организации, мысленно сравнивая их с отважными колонистами, которые в Банкер-Хилл не побоялись посмотреть в лицо своим страхам. Выступая против корпораций, такие организации вдохновляют всех нас. Я уверен, что речи Моны могли бы растопить сердца одного-двух тори.

Финансовый рычаг для воздействия на Уолл-стрит

Содружество организаций MoveOn привлекает к политике простых американцев, не имеющих возможности участвовать в политической жизни. Все мы, а нас 3,3 миллиона по всей Америке — от плотников и неработающих матерей, занимающихся воспитанием своих детей, до лидеров бизнеса — работаем вместе, воплощая в жизнь прогрессивные идеи отцов-основателей нашей страны. MoveOn — это средство, способ для занятых, но социально сознательных граждан выразить свою политическую волю в рамках системы, в которой доминируют большой бизнес и большие СМИ*.

MoveOn было образовано в сентябре 1998 года в ответ на требования об импичменте президента Клинтона. Ее основатели Джоан Блейдс и Уэс Бойд считали, что это «досадно распыляет наше внимание», и составили онлайн-петицию, требовавшую «выразить порицание президенту Клинтону и переключиться на насущные проблемы». За первые несколько дней с момента ее появления петицию подписали сотни тысяч пользователей Интернета. И с тех пор MoveOn стала использовать Интернет как форум для своих обращений к обществу. Среди многих целей, на которые MoveOn направляет свои кампании, отмечу следующие:

- положить конец геноциду в суданской провинции Дарфур;
- принять законы, обязывающие фиксировать на бумажных носителях работу автоматических средств для голосования на выборах;

---

* MoveOn, www.moveon.org, по состоянию на момент его посещения, 31 июля 2006 г.

- учредить общественное финансирование политических кампаний, чтобы кандидаты на выборные посты не зависели от корпоративных доноров;
- запретить пытки во всех местах временного содержания и лишения свободы, подконтрольных США;
- обязать Комиссию по вопросам деятельности коммунальных служб ввести установку «солнечных крыш» в концепцию тепло- и энергоснабжения жилья;
- добиться, чтобы общественность была шире осведомлена об опасностях, связанных с угрозами США прибегнуть к «ядерной альтернативе»;
- защищать систему социального страхования;
- воспрепятствовать дальнейшей концентрации СМИ в руках горстки корпораций.

«Нельзя думать, что люди безразличны, просто они понимают, что в одиночку трудно добиться ощутимых результатов, — отмечает исполнительный директор MoveOn Эли Паризер. — Именно поэтому MoveOn добивается, чтобы Вашингтон услышал голос народа. Общими усилиями мы укрепим свои позиции в борьбе с нефтяными и фармацевтическими компаниями и их союзниками в Вашингтоне и заставим их проводить политику, которая вместо погони за внушительным финансовым результатом будет служить интересам большинства».

Неправительственные организации вроде RAN, «Международной амнистии» и MoveOn научились добиваться перемен, используя в качестве инструментов акции протеста, митинги, уличные выступления, развешивание плакатов, рекламные объявления в газетах, рассылку открыток генеральным директорам корпораций, внесение требований в резолюции общих собраний акционеров, письма в редакции СМИ, организацию кампаний по обращениям к политическим деятелям по телефону, сбор подписей под петициями в Интернете и прочие методы, чтобы привлекать внимание к злободневным проблемам и уведомлять корпоратократию о недопустимости ее действий. Успехи этих организаций во многом обусловлены активностью афроамериканского сообщества.

По сравнению с другими общественными группами афроамериканцы играют ведущую роль в ненасильственной борьбе за гражданские права. Ее истоки восходят к временам, предшествующим

Гражданской войне в США. Она активно продолжается и сейчас — усилиями таких объединений, как Конференция южного христианского руководства (Southern Christian Leadership Conference), Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (National Association for the Advancement of Colored People) и других движений в защиту гражданских прав.

История рабства в Соединенных Штатах и борьбы за его отмену и равноправие бывших рабов грандиозна и многогранна, известна и популярна, она одновременно приводит в отчаяние и вселяет надежду. Большинство из нас хорошо знают, что эта борьба стала первым проявлением «ненасильственного гражданского протеста», но лишь немногим известен тот факт, что именно она указала, как использовать Уолл-стрит, чтобы превратить корпоратократию в более общественно ответственную силу. Афроамериканцы достойны уважения не только за то, что они — пионеры ненасильственного гражданского протеста, но и за то, что первыми распознали и продемонстрировали, какой действенной силой обладают финансовые рычаги. Именно они проложили курс, которым следуют сегодня неправительственные организации.

В 1996 году появились сообщения, что сотрудники нефтяной компании Техасо допускают расистские высказывания. Известный правозащитник, священник Джесси Джексон немедленно призвал бойкотировать эту компанию. Он позвонил своему другу Карлу Макколлу, который занимал пост ревизора штата Нью-Йорк, с просьбой присоединиться к пикетам протеста против Техасо. «Джесси, — ответил на это Макколл, — если владеешь миллионом акций, вовсе не обязательно стоять в пикетах». Макколл, который по роду службы осуществлял контроль за инвестициями в штате Нью-Йорк, быстро сообразил, каким мощным рычагом давления он располагает. В чрезвычайно резком по тону письме председателю правления Техасо Питеру Бижурю Макколл выразил озабоченность политикой компании в отношении представителей меньшинств, состоящих в ее штате. Это был сильный ход. Внесудебное урегулирование конфликта обошлось Техасо в 176 миллионов долларов плюс обязательство существенно повысить заработную плату сотням своих сотрудников-афроамериканцев.

Успех этого начинания навел Джексона на мысль основать так называемый «Проект Уолл-стрит». В нем он видел финансовый

механизм, при помощи которого владельцы акций могут использовать свое влияние в интересах общества, Джесси Джексон намеревался также повысить сознательность акционеров-афроамериканцев. Применяя подобную стратегию, Джесси Джексон вместе со своими единомышленниками заставил таких корпоративных гигантов, как Coca-Cola, 7-Eleven, Shoney's, Coors и ряд других, изменить корпоративную политику.

«Если ты акционер, у тебя есть законное право выступать на собрании акционеров, — объяснял Джесси Джексон тонкости своей стратегии, — и из простого инвестора ты превращаешься в совладельца»*.

Этой философии придерживаются многие инвесторы. Давление на пенсионные и взаимные фонды со стороны групп социально ответственных акционеров с требованием вводить санкции против корпораций, отказывающихся проводить экологически ответственную политику или соблюдать гражданские права, давно уже превратилось в норму финансовой жизни. Во время поездок по Соединенным Штатам я часто сталкивался и с проявлениями активной гражданской позиции американского студенчества, которое выступает против корпораций, замеченных в неблагоприятном поведении.

Во многих кампусах студенты особо возмущены нарушением гражданских прав, которые Coca-Cola допускает в отношении служащих своих предприятий во многих странах мира. Среди прочего компанию обвиняют в том, что в Колумбии она нанимала военизированные группировки для устрашения или устранения профсоюзных лидеров. В июле 2006 года восьмимиллиардный пенсионный фонд TIAA-CREF Social Choice Account исключил компанию Coca-Cola из числа своих членов. Об этом на ежегодном собрании акционеров CREF (фонда, управляющего пенсионными счетами служащих небюджетных образовательных и научно-технических организаций) объявил Герберт Элисон, генеральный директор TIAA-CREF, который управляет пенсионными планами университетских

---

* Цитаты из: Thomson Gale, «Black History: Jesse Jackson», www.gale.com/free_resources/bhm/bio/jackson_j.htm (просмотр 27 августа 2006 г.); «On the Issues: Rev. Jesse Jackson on Civil Rights», www.ontheissues.org/Celeb/Rev_Jesse_Jackson_Civil_Rights.htm (просмотр 1 ноября 2006 г.); «How Jesse Jackson's Focus on the Financial Markets Could Make a Difference», LookSmart, www.findarticles.com/p/articles/mi_m1365/is_n3_v29/ai_21227720 (просмотр 1 ноября 2006 г.).

преподавателей, работников медицинских учреждений и деятелей культуры. Это означало отказ от 1,2 миллиона акций Coca-Cola на общую сумму 52,4 миллиона долларов. Среди причин этого шага TIAA-CREF назвал недобросовестность компании в соблюдении трудовых прав работников ее зарубежных разливающих заводов, маркетинг ориентированных на детей газированных напитков и экологические нарушения, связанные с потреблением воды ее предприятиями*.

Совершенно другой подход к использованию финансового рычага изобрела одна некоммерческая организация, защищающая права амазонских племен.

---

* Cal Manjowski «TIAA-CREF Drops Coke from Social Choice Account», Reuters, July 18, 2006, <http://reuters.com/misc/topnews&storyID=2006-0>, www.indiaresource.org/news/2006/1080.html.

Выкупая долги стран третьего мира

Организация Pachamama Alliance (ТРА) была создана после поездки в Амазонию, которую я организовал в 1994 году. В последний день участники экспедиции пожертвовали 118 тысяч долларов на помощь амазонским племенам в защите их земель от посягательств нефтяных компаний. Билл Твист, муж Линн Твист, известной сборщицы пожертвований для некоммерческих организаций, с которой я встречался во время одной из поездок в Гватемалу, вызвался управлять этой кампанией. Впоследствии Билл очень активно работал в качестве председателя правления ТРА.

Судите сами: в 2006 году Pachamama Alliance уже привлекала на эти цели по полтора миллиона долларов в год. Для того чтобы представители разных амазонских племен могли общаться друг с другом, организация закупила для них средства двусторонней радиосвязи и легкий самолет. Помимо этого ТРА привлекала юристов для составления судебных исков против нефтяных компаний, покушающихся на земли коренных племен. Она проводила семинары и распространяла фильмы собственного производства, в которых призывала американцев становиться инициаторами перемен. Потом у ТРА появился план, который стал действительно новаторским.

«А что, если использовать ценность этих лесов — тех, что еще не уничтожены нефтяными компаниями, — чтобы выкупить внешний долг Эквадора?» — задумчиво произнес Билл Твист в один прекрасный день, когда мы с ним ехали через труднопроходимые заросли амазонских джунглей.

Чтобы со всех сторон обсудить эту идею, мы сделали остановку на расчищенном участке джунглей и устроились возле гигантской сейбы (это дерево еще называют хлопковым). Широченный ствол

покоился на мощных изогнутых «лапах» наземных корней, которые, подобно контрфорсам средневековых европейских соборов, надежно держали эту громаду. В самом деле, рассуждали мы, дождевые леса имеют огромное значение для человечества: они поглощают углекислоту и насыщают атмосферу кислородом, влияют на планетарный климат, питают мощные источники пресной воды, являются местом обитания миллионов видов растений, животных, насекомых, птиц и рыб. Флора Амазонии может подарить человечеству препараты, излечивающие рак, СПИД и прочие смертельные недуги.

Потом мы заговорили о внешнем долге Эквадора. Он достигал в те времена астрономической суммы в 18 миллиардов долларов и вдвое превышал размер национального бюджета. Обслуживание этого гигантского долга вымывало из казны средства, в которых нуждались такие сферы, как здравоохранение, образование, жилищное строительство и прочие социальные и экологические программы*.

Я сказал, что львиная доля внешних долгов Эквадора — результат неблагоприятной деятельности экономических убийц, которая была направлена на обогащение нефтяных и прочих американских компаний, и продажности местных чиновников. Это очередное доказательство того, как политика Всемирного банка и МВФ обслуживает интересы корпоратократии за счет народа Эквадора.

«Сейчас Эквадор может расплатиться со своими внешними долгами только за счет продажи сырой нефти нашим компаниям. А это ведет к уничтожению тропических лесов», — заметил Билл и замолчал, разглядывая огромную, размером с хороший блин, бабочку ярко-синей окраски, которая залетела на просеку. Она покружилась возле его плеча, а потом уселась в пышных зарослях бромелии.

«Так вот, — продолжал Билл, — идея в том, чтобы сыграть на огромной ценности этих лесов, естественно, еще не погубленных вырубкой. Это же ценнейший ресурс! Можно убедить общественность, что стоимость таких лесов куда выше, чем нефти, добываемой в районах их произрастания. Использовать их как объект своп-

---

* Central Intelligence Agency, *The World FactBook*, www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ec.html.

сделки: внешний долг в обмен на сохранность природного ресурса. Эквадор возьмет на себя обязательство всячески охранять свои тропические леса, которые обладают жизненно важным значением для всего мира, а в обмен потребует списания своего внешнего долга.

«Грандиозная идея, — оценил я, — но это же чертовски огромные деньги».

«Естественно», — Билл расцвел улыбкой знатока, которая, как я уже знал, означала, что он как никогда серьезен. Способностью масштабно мыслить Билл был обязан блестящему образованию (он окончил Стэнфордский университет) и внушительному опыту работы в сфере управленческого консалтинга, в компании, занимающейся долгосрочной арендой оборудования, и в сфере финансовых услуг.

Тот разговор состоялся у нас в 2001 году. В последующие несколько лет Билл посвятил всю свою недюжинную энергию реализации этой идеи. В августе 2006 года представители ТРА подписали соглашение с двумя эквадорскими министерствами — природной среды, а также экономики и финансов об анализе экономической целесообразности проекта «Green Plan» («Зеленый план»), который мы намечали осуществить в Амазонии.

Соглашение предусматривало финансирование экологически рационального развития региона произрастания тропических лесов, в том числе проведение анализа негативных последствий их эксплуатации нефтяными компаниями и переоценки ценности лесов, а также оценки потенциальных выгод от научных достижений, которые могли бы увеличить спрос на многие виды местных растений и организмов. Полученная таким образом совокупная ценность лесных ресурсов Эквадора позволит всерьез говорить о предложении по их сбережению. Так, если какой-либо массив леса будет оценен в миллиард долларов, то Эквадор может взять на себя обязательства по его сохранению, включая выдачу разрешений на рациональное использование учеными-медиками и представителями других областей науки — в обмен на списание одного миллиарда долларов своего внешнего долга. Будет предусмотрена также система сдержек и противовесов, в том числе обязательства кредиторов и организаций экологического мониторинга не допускать сюда нефтяные компании и прочие субъекты, деятельность которых будет признана разрушающей.

Как член правления ТРА я был свидетелем того, как росла и крепла эта организация — со времени первой неформальной беседы за завтраком в 1994 году она превратилась в общественную силу, способную на равных вести переговоры с эквадорским правительством и нефтяными гигантами. А недавно Билл мне сказал: «“Зеленый план” — это только первый шаг в разработке новых подходов к решению проблемы внешней задолженности. Надеемся, нам удастся разработать модель, которую и другие страны смогут использовать в интересах защиты своих земель от эксплуатации иностранными компаниями. Мы считаем, что это инновационный подход к финансированию устойчивого и равноправного развития».

Помимо всего этого ТРА подготовила около трех сотен пропагандистов-организаторов семинаров «Пробудись к мечте» в пяти странах мира. Их задача — вдохновить людей на изменение нашего мира к лучшему путем каждодневного выбора альтернатив и действий. Вообще же конечная цель ТРА — довести число организаторов-пропагандистов до нескольких тысяч, чтобы уже в ближайшие годы они начали воздействовать на миллионы людей по всему миру. Это часть концепции, предложенной Линн Твист. Вот что она мне сказала: «Мы хотим излечить такие симптомы, как истребление тропических лесов и несправедливость внешнего долга, но при этом понимаем, что главное — вылечить болезнь, проявляющуюся в наших близоруких материалистических взглядах на мир».

Вообще-то мы втроем — Линн, Билл и я — частенько говорили между собой, что необходимо устранить глубинные причины кризиса, который разворачивается на наших глазах. А для этого следует ответить на третий из моих четырех важных вопросов, сформулированных в начале этой части: как, по каким принципам оценивать эффективность наших действий?

У наших предков, первых колонистов, был универсальный принцип, или главная цель: побороть тиранию и завоевать свободу и независимость. И в наше время этот принцип не утратил актуальности. Но учитывая, что в разных частях мира в эти понятия вкладывается подчас совершенно разный смысл, нам нужно нечто более универсальное. В самом деле, такие слова, как *тирания*, *свобода*, *независимость*, можно трактовать по-разному. Как мы уже видели на этих страницах, многим людям в Африке Соединенные Штаты представляются тираном; жители стран Латинской

Америку, Азию и Ближнего Востока в массе своей уверены, что США поддерживают политические режимы, подавляющие их свободу и независимость. Так как же ответить на третий вопрос? Как нам убедить общественность, что мы никому не хотим навязывать своих нравственных, религиозных или философских воззрений, а намереваемся создать нечто, обладающее непреходящей ценностью для всех?

Пять элементов общности

Летом 2006 года я выступал перед студенческой аудиторией Колорадского университета. Следующее утро выдалось солнечным и ясным, чему я порадовался, потому что мне предстояла поездка отсюда, из Боулдера, в Денвер. Двое студентов, Сара Маккан и Джозеф Пеха, который взялись организовать мое выступление в Денверском университете, захали за мной. Сара изучала международные отношения и политические науки и успела уже побывать в Латинской Америке, Африке и Южной Азии. Джозеф тоже специализировался на международных отношениях, а также на изучении испанского языка и искусства. Он провел шесть месяцев в Аргентине, на стажировке в университете Куйо в г. Мендоса.

В машине я сел впереди рядом с Джозефом и стал устраиваться поудобнее, предвкушая удовольствие от комфортного переезда на фоне пейзажей Скалистых гор. Однако Сара и Джозеф совсем иначе представляли себе наше путешествие. С первых минут пути они обрушили на меня град вопросов, в основном о моей работе в качестве экономического убийцы, а также о том, как сейчас я смотрю на то, что делал тогда. Улучшив момент, я поинтересовался, какие у них впечатления о том мире, который мы оставили в наследство их поколению.

«Мрачные предчувствия, — отвечала Сара, — страх. Сейчас самое время нашего становления. Как говорят люди вашего возраста, то, кем мы становимся в 20 лет, определяет всю последующую жизнь. Для нас это звучит ужасно. Мы все думаем, что же будет дальше».

«Это не означает, что мы не желаем строить нашу жизнь или боимся повзрослеть, — включился в дискуссию Джозеф, — просто не хочется участвовать в этой мышиноной возне и тратить следующие 40 лет жизни на то, чтобы карабкаться вверх по карьерной лестнице в какой-нибудь корпорации, а потом впасть в кризис среднего возраста».

Вечером того дня мы сидели в одном денверском ресторане в компании с другими студентами. К нам присоединился и профессор Роберт Принс, старший преподаватель Денверского университета, подобно мне, в 1960-х годах служивший волонтером Корпуса мира. Студенты уважали его не только как вдохновенного педагога, но и как человека, поступающего в соответствии со своими убеждениями, видя в нем достойный образец для подражания.

«Замечательные ребята, — сказал мне профессор Принс. — Они понимают, что происходит в мире, и полны желания изменить его. Боюсь, что наша образовательная система старается постричь всех под одну гребенку, нивелировать, превратить в серую массу. Такие люди, как мы с вами, призваны вдохновить их, подсказать, как направить юношескую энергию на благие дела. Это же кладезь блестящих талантов, только надо придать им должный импульс».

Общий разговор все время вращался вокруг того, что в наследство молодым достается испорченная система. Ребята искренне надеялись, что RAN, «Международная амнистия», MoveOn, The Pachamama Alliance и другие неправительственные организации укажут им, куда направить свои усилия, чтобы исправить неполадки системы. На меня произвели глубокое впечатление их сила духа и решительность.

Когда обед закончился, Сара, Джозеф и еще один парень, их друг Эрик Корнаки, повезли меня в отель. По дороге Эрик делился впечатлениями о том, как изучал работу местного пивного завода, принадлежащего New Belgium Brewing Company из Форт-Коллинса, штат Колорадо. «Это было здорово не только потому, что мне нравится их пиво, — пошутил Эрик, — еще больше мне понравилось, как компания относится к своим людям. Считаю, что это пример того, как надо вести бизнес. — Он переглянулся с остальными и добавил: — Все дело в элементах общности». Затем, повернувшись ко мне, пояснил: «Мы с ребятами выявили несколько признаков, которые роднят все хорошие, добросовестные организации».

«Точнее, их пять, — подключилась Сара. — Это равенство, прозрачность, доверие, сотрудничество и процветание для всех, кто там работает. В сущности, это и есть основные элементы демократии». Потом ребята наперебой рассказывали, что многие компании из числа тех, которые они изучали, сумели встроить эти принципы в свои бизнес-планы. Они встречали множество подобных компаний,

от завода по производству кафельной плитки в Аргентине до продовольственных кооперативов на Среднем Западе.

Случилось так, что студенты Денверского университета сформулировали ответ на тот самый пресловутый третий вопрос насчет универсального принципа. Как-то раз после этой поездки, причем в самом неожиданном месте, ко мне обратились с предложением двое студентов. Их пронизательность меня просто поразила.

Времена, когда открываются возможности

Я получил приглашение выступить с докладом на ежегодном съезде общественной организации «Ветераны за мир», который в 2006 году проводился в Сиэтле. Сама идея обратиться к людям, которые на полях сражений рисковали жизнью за свою страну, а теперь требовали мира, глубоко меня тронула. Многие из них на войне лишились конечностей или получили другие тяжкие увечья, как физические, так и моральные. Как они сейчас относятся к тому, что творится в мире?

Во время перелета в Сиэтл я читал гранки книги, которую готовилась издать моя добрая знакомая Ллин Робертс. Книга называлась «Хорошие воспоминания» (The Good Remembering) и содержала богатства народной мудрости, которые автор по крупицам собрала в разных уголках мира. Особенно сильное впечатление на меня произвел следующий пассаж:

Мы живем в знаменательные времена, когда открываются самые невероятные возможности. Раскрывая газеты, мы ощущаем, что сыты по горло всевозможными кризисами, о которых кричат заголовки газет. Однако известно, что кризисы и хаос могут быть составной частью прозрений и перемен, потому что зачастую предоставляют нам самые неожиданные варианты выбора, которые раньше были скрыты от наших глаз. Времена вроде нынешних просят нас внимательно относиться к сигналам, которые мы получаем.

Этот отрывок как нельзя лучше подходил в качестве резюме к моим раздумьям о роли неправительственных организаций, которые стараются убедить корпорации стать сознательными гражданами планеты, и о топ-менеджерах, предпринимающих в ответ на это

позитивные действия. Несомненно, сегодня и есть те самые «знаменательные времена, когда открываются возможности». Я вдруг понял, как важно донести до ветеранов эту добрую весть.

В Сиэтле я общался с ветеранами, посетил вечерний прием, побывал на вечере поэзии, где каждый мог со сцены прочитать свои стихи, заглянул и на многие другие мероприятия, организованные в рамках съезда. За пивом я познакомился с женщиной, которая отдала американской армии 21 год своей жизни, но подала в отставку, не в силах смириться с тем, что мы во второй раз вторглись в Ирак. Я слушал печальную балладу в исполнении ветерана, лишившегося на войне обеих ног. Бывшие воины встретили бурей аплодисментов слова «Я пожертвовал обеими ногами, чтобы Джордж Буш и Дики Чейни могли поливать нефтью свои суперделикатесы».

Я очень хорошо понимал чувства ветеранов — то была смесь разочарования, гнева и желания исправить зло, которое они вынужденно причинили. Вообще я предпочитаю не готовиться заранее к выступлениям. Так было и здесь — мне хотелось, чтобы слова, которые я скажу этим людям, шли от сердца. Я не боялся высказать публично то сокровенное, что было в душе, напротив, больше всего желал прямого разговора.

Когда я вышел на сцену огромного зала и взгляделся в лица ветеранов, во мне родилось чувство глубокого единения с этими людьми. Это чувство родства вытеснило все негативные чувства, которые я когда-то испытывал к военным. Куда-то испарилась былая ярость, которую я, молодой студент Бостонского университета, испытывал во времена вьетнамской войны, стоя в пикетах и не давая солдатам грузиться на корабли в военной гавани Бостона. Улетучился гнев против тех, кто сбрасывал бомбы на мирных жителей Панамы. Осталось только глубокое сочувствие к людям, которых корпоратократия цинично эксплуатировала в своих целях. Несмотря на все бывлые разногласия, это были мои братья и сестры. Пускай в прошлом они, как и я, по несознательности или недомыслию творили зло, зато теперь объединились в организацию «Ветераны за мир», чтобы требовать прекращения войн. Глубокий эмоциональный отклик во мне вызывали мощь и парадоксальность самой идеи — что солдаты, которые привыкли убивать, собрались ради того, чтобы требовать мира.

Сейчас я уже не смогу воспроизвести того, что говорил в тот вечер. Помню, что призывал присутствующих хорошенько вдуматься

в слова Лин Робертс — что кризисы мостят дорогу к переменам. Я просил их не обвинять во всем одну только администрацию президента Буша, а понять, что наш истинный враг, корпоратократия, — это нечто большее, чем просто тот или иной президент.

Я рассказывал о неправительственных организациях, мужественно борющихся за перемены в обществе, приводил пример добровольцев RAN, которым удалось заставить корпоративного гиганта Home Depot вести себя более социально ответственно. Я пытался убедить ветеранов поверить в свои силы, в то, что их организация имеет достаточно влияния, чтобы создать мир, о котором они мечтали, надевая военную форму и присягая защищать демократию. Потом я поймал себя на том, что произношу слова, которые часто обращаю к своим слушателям.

«Чтобы мои внуки росли в спокойном, жизнеспособном и стабильном мире, надо, чтобы каждый ребенок в Африке, Латинской Америке, Азии и на Ближнем Востоке рос в стабильном, жизнеспособном и спокойном мире». Произнося эти слова, я вдруг осознал, что озвучиваю еще один элемент универсального принципа.

Когда, покинув после выступления сцену, я направлялся подписывать для желающих свои книги, ко мне подошли двое молодых ребят. Одна из женщин-организаторов пыталась их оттеснить, указывая, что ко мне уже собралась большая очередь.

Однако упрямых юнцов это не остановило. Они все же подошли и назвали свои имена: Джоуэл Брэй и Тайлер Томпсон, второкурсники соответственно старшей средней школы в Олимпии, штат Вашингтон, и подготовительной школы при Сизтлском университете. Ребята сказали, что они уже прочитали книгу «Исповедь экономического убийцы» и это убедило их начать действовать.

Пока мы вместе пробивались сквозь толпу, один из них говорил, что его очень взволновали последние слова моего выступления. «Это ведь будут даже не внуки, а мои дети! Это самое важное, что мы должны сейчас понять. У наших детей не будет будущего, если его не будет у всех детей», — сказал он мне.

Пока я подписывал экземпляры книги, Джоуэл и Тайлер стояли позади меня, терпеливо ожидая, когда я смогу уделить им внимание. Наконец я освободился. Джоуэл тут же принялся рассказывать, что они с Тайлером организовали клуб под названием Global Awareness and Change («Глобальное осознание и перемены»).

«Вернее, два параллельных клуба, каждый в своем городе, — принялся объяснять Тайлер, — мы решили, что так нашим школам и городам будет проще организовывать совместные мероприятия и привлекать больше народу. Несколько недель мы потратили на планирование и уже связались с сотнями людей и организаций, которые ставят перед собой такие же цели, что и мы. Многие студенты и преподаватели в наших школах уже решили нас поддержать».

«До сих пор все, к кому мы обращались, реагировали положительно и даже с энтузиазмом, — снова вступил Джоуэл. — Похоже, каждый хочет внести посильную лепту. Мы уже решили, что будем работать над многими проблемами — в области политики, экологии, социологии, экономики. Но потом под влиянием вашей «Исповеди» и фильма, снятого по книге Альберта Гора «Неудобная правда», мы решили сосредоточиться на двух направлениях — экономике и экологии, а заодно разобраться, как они взаимосвязаны».

«Мы, конечно, понимаем, что вы крайне заняты, но позвольте прислать вам по электронной почте письмо о том, что мы делаем», — скромно попросил Джоуэл и протянул листок бумаги, чтобы я записал свой адрес.

Спустя несколько дней после возвращения из Сизтла я нашел в электронном почтовом ящике послание от Джоуэла и Тайлера. Вот что в нем было.

Заявление о миссии

Global Awareness and Change (GAC) — это клуб, который ставит своими целями добиваться осознания глобальных проблем, изменять ситуацию к лучшему и в конечном счете находить им решение. Современный мир сегодня сталкивается с множеством социальных, политических, экономических и экологических проблем; последствия каждой из них проявятся еще при нашей жизни.

Более того, для того чтобы не только найти решение этих проблем, но и претворить их в жизнь, необходимо заручиться помощью и поддержкой всего нашего сообщества. Цель GAC — рассказывать людям об этих проблемах и в то же время принимать активное участие в их решении. Только объединив свои усилия, и никак иначе, мы сможем остановить механизмы, которые сами же и запустили. И ставка здесь — сама возможность нашего выживания.

Меня искренне порадовала сознательность и целеустремленность этих вчерашних школьников. Отраднo, что нашей образовательной системе не удалось-таки одурманить их, отвлечь от насущных проблем мира и загнать в накатанную колею тестов, домашних заданий, оценок, вступительных экзаменов и погони за престижной работой — всего того, что могло их испортить. Их не оболванило телевидение и не парализовал страх.

Несмотря на молодость, эти двое ребят уже достигли глубокого понимания жизни. Они точно знали, что ставкой в их начинании является «сама возможность выживания», потому что не их детям и не их внукам, а им самим придется испытать на себе последствия всего того, что натворило и теперь оставляет после себя наше поколение. И никакие решения не воплотятся в жизнь, если не будут охватывать своим действием весь мир. А самое важное — ребята верили в свои силы, в то, что добьются успеха.

Перечитав их письмо, я пришел к выводу, что в универсальный принцип, который я все пытаюсь сформулировать, непременно надо включить их решимость привлечь к сотрудничеству всех и каждого. Туда же должны войти и принципы социальной, экологической и экономической справедливости, которые отстаивают неправительственные организации. А еще обязательно надо включить те пять элементов общности, о которых говорили мне студенты Денверского университета.

Следует учесть и то, с чем согласится любая женщина, — чтобы дети росли в атмосфере защищенности и заботы. Этот принцип, пожалуй, не должен быть нравственным или религиозным — пусть лучше будет прагматичным, пусть отражает действительно универсальное пожелание, близкое каждому человеку, да, в сущности, и каждому живому существу. А еще он должен быть простым, чтобы легко запоминался. Я перевернул распечатанное на принтере письмо Джоуэла и Тайлера и написал:

Универсальный принцип — это приверженность делу создания стабильного, жизнеспособного мира без войн и насилия для всех людей на Земле.

Очень соблазняла мысль приписать что-нибудь насчет признания того факта, что ни один ребенок не унаследует такого мира, если он не станет наследием всех детей планеты. Однако, решил я, это и так

следует из написанного. Потом захотелось добавить слова о растениях, животных и вообще о природе в целом, но я подумал, что это и так подразумевают эпитеты *стабильный* и *жизнеспособный*. Все же лучше, чтобы такое важное послание было кратким и простым.

Мы обязаны создать стабильный, жизнеспособный мир без войн и насилия для всех людей на Земле.

Еще до Денвера и Сиэтла я считал наше время важным моментом истории. Однако впечатления от общения с университетской молодежью, с ветеранами войн, которые теперь выступают за их прекращение, с активистами неправительственных организаций, а также моя собственная идея о необходимости превратить империалистический капитализм в демократический — все это убедило меня, что нынешние времена — *самый важный* момент в истории.

Мы уже осознали, что наше общество неблагополучно, что наши лидеры процветают за счет царящих в нем нестабильности и неравенства, что мы подвергаемся эксплуатации, и все же нас продолжают уверять, что мы не несем за все это ответственности. Наши сомнения и неуверенность выливаются в один вопрос, который звучит практически на каждой моей презентации. Я считаю его самым главным вопросом нашего времени.

Самый главный вопрос нашего времени

«Прежде чем задать вопрос, хочу сказать, что согласна с вами», — произнесла в микрофон, который был установлен в центральном проходе между рядами, женщина лет тридцати-сорока. У нее были рыжевато-каштановые волнистые волосы и загадочная улыбка, чем-то напомнившая мне Мэрил Стрип. Ее ярко-голубая блуза и широкие бежевые брюки подошли бы и учительнице, и юристу, и актрисе, и просто домохозяйке.

«Чтобы изменить мир, мы должны убедить корпорации изменить свои цели; они должны переключиться с обслуживания интересов горстки богатых на служение всем нам, чтобы сделать нашу жизнь лучше, а также защищать окружающую среду и все сообщества, в которых живут люди». Она подарила присутствующим очаровательную улыбку и добавила: «С этим я абсолютно согласна».

Тут я начал понимать, к чему ведет эта прелюдия. Женщина собиралась задать вопрос, который возникает на всех моих выступлениях и волнует всех слушателей. Это был четвертый вопрос из моего списка, и на него непременно следовало найти ответ.

Ожидаемый мною поворот событий не заставил себя ждать: женщина хлопнула себя по бедрам и воскликнула: «А я-то, лично я что могу сделать для этого?» — и посмотрела на меня вызывающе.

«А вот и он», — проворчал я себе под нос и уже нормальным голосом громко поблагодарил даму за ее вопрос.

В начале путешествия по стране с презентацией своей книги я все не мог понять, у всех ли людей и всегда ли возникает такой вопрос или это особенность тех, кто пережил времена Гитлера, первой атомной бомбы, войны во Вьетнаме, Уотергейта, 11 сентября и войны

в Ираке? Всегда ли мы ощущали себя такими слабыми и беспомощными? Или это особенность наших дней?

Размышляя на эту тему, я почти всегда вспоминаю своего деда. Во времена Великой депрессии он был владельцем небольшой мебельной фабрики в одном из сельских районов Нью-Хэмпшира. И хотя я не застал его в живых, мое детство, можно сказать, прошло под сенью его доброй памяти. Как гласят семейные предания, дед никогда не принимал важных решений, не посоветовавшись со своими работниками. Он говорил, что его детям не видать хорошей жизни, если самые бедные из членов местной общины не будут жить хорошо, и стал помогать ей выживать в условиях депрессии.

Как и остальные местные предприниматели, мой дед решил, что нельзя тратить нажитый капитал, чтобы еще больше разорять бедняков, скупая за бесценок их дома и фермы. Вместо этого они стали развивать местную экономику, создавая рабочие места для тех, кто лишился заработка: лесорубов, плотников, дворников, жестянщиков, ткачей, мебельщиков. При этом никто никогда не называл моего деда добрым самаритянином. Его вспоминали только как человека мудрого, который понимал, что его еще не родившихся внуков ждет светлое будущее только в том случае, если таковым же оно будет и у внуков соседских фермеров и работяг.

Еще я думал о своем отце. Он тоже мог не размышлять о событиях, которые потрясали мир, о войне например. Отец мог бы рассуждать примерно так: Гитлер, конечно, деспот и злодей, но он далеко, в Европе, и между нами пролегает целая Атлантика. Ну и что с того, что он уничтожает евреев, — мы-то ведь не евреи, нам ничего такого не грозит. Разве мой отец не мог решить, что все это его не касается, и жить спокойно или в крайнем случае пойти обучать переводчиков — он ведь был преподавателем английского. Но вместо всего этого отец записался добровольцем на флот и сопровождал конвои нефтеналивных танкеров через Атлантику, что было делом чрезвычайно опасным.

А еще я думал о суфражистках, о профсоюзных лидерах, о борцах за гражданские права, о тех, кто протестовал против войны во Вьетнаме, о молодых девчонках, которые вставляли цветы в дула солдатских винтовок, о студентах, которые ложились под гусеницы танков в Москве и Пекине. Многие эти события остались в далеком прошлом, а некоторые из них произошли, когда я уже был взрослым человеком.

Все это возвращало меня к раздумьям о сегодняшних событиях, о том, как смелые мужчины и женщины вставали на пути бульдозеров в Орегоне, защищая от вырубки местные леса; как колумбийские фермеры приковывали себя к изгородям, чтобы нанятые корпорациями наемники не могли согнать их с собственных земель.

Я вспоминал спортсменов, которые отказывались выступать в спортивной одежде фирм, которые используют потогонную систему на своих фабриках; о тех, кто поет песни протеста; кто карабкается на здания, чтобы вешать обличительные плакаты; кто покупает только в тех кооперативах, которые бережно относятся к окружающей среде и проявляют социальную ответственность; о тех, кто предпочитает частные магазины супермаркетам, принадлежащим корпорациям; о тех, кто подобно моей дочери добровольно отказывается от блестящей карьеры, посвящая себя делу, которое дает намного больше, чем просто деньги. И ведь все это происходит сегодня. Так откуда же этот страх, эта неуверенность?

Вот что я ответил рыжекудрой женщине в голубой блузе и бежевых брюках: «Знаете, я часто слышу этот вопрос и все же не понимаю, почему его так часто задают. Разве мы — вы и я — не живем в стране, которая всегда гордилась собой как оплотом демократии? Тем, что мы, американцы, — люди действия?» Потом я рассказал про своих отца и деда. «Не думайте, что вы одиноки, — продолжал я, обводя взглядом слушателей, — скольким из вас хочется задать мне тот же вопрос? Скольким из вас хочется узнать, что лично они могут сделать, чтобы наша жизнь стала лучше?»

В ответ поднялся целый лес рук. Я повернулся к рыжекудрой женщине — она явно испытала облегчение, что не одинока в своих сомнениях, и кивнула мне головой. «Так почему же вы считаете, что ничего не можете сделать? — снова обратился я к ней. — Подсказка: у корпоратократии есть союзник, который лишает вас силы».

Женщина удивленно подняла брови. Потом на ее лице снова появилась загадочная улыбка Мэрил Стрип. «Мы сами», — предположила она робко.

«Верно. Корпоратократия не может отнять у нас силу, если мы сами ей этого не позволим».

Женщина в смущении стала отступать от микрофона, видимо, решив, что все уже сказано. Но тут ей в голову пришла более удачная

мысль, и она, вернувшись, с улыбкой сказала: «Хорошо, я повторю. Что я могу сделать?»

«Заберите назад свою силу, верните себе свою власть. И убедите всех, кого знаете, сделать то же самое».

Поверх ее головы я вновь оглядел аудиторию. «Если вам так хочется сказать: “Ах, как все это сложно, разве можно повлиять на корпорации, на правительство? Они же так могущественны, и у меня нет никакого шанса добиться реальных перемен. Остается только приспособливаться”, — в этом месте я сделал паузу, чтобы присутствующие осознали мои слова. — Но тогда не забудьте добавить: “Слава богу, что наши отцы-основатели в 1770-х не думали так же, как мы сейчас, — что британская корона слишком могущественна, а они слишком слабы, чтобы ей противостоять”».

Дальше я повторил то, что обычно говорю на всех выступлениях: нам следует хорошенько усвоить, что отцы-основатели, стоявшие у истоков нашего государства, по сути, добровольно сунули голову в петлю. Они выступили против самой могущественной в мире империи, которая считала их предателями, бунтовщиками, террористами. Им грозило повешение. Но разве это их остановило? И сегодня мы восхищаемся мужеством этих людей, как и отдаем должное моему отцу и всем людям его поколения, которые остановили Гитлера. Мы преклоняемся перед их благородством, готовностью идти на жертвы.

Мы тоже должны быть мужественны. И благородны. Мы должны проявить желание платить более высокую цену за бриллианты и золото, за компьютеры и мобильные телефоны. И настаивать, чтобы труд тех, кто добывает и производит все это, оплачивался по справедливости, чтобы этим людям доступны были медицинское обслуживание, страхование.

Мы должны показать, что готовы больше платить за товары, которые произвели компании, справедливо относящиеся к своим сотрудникам, и игнорировать дешевые, сделанные на потогонных фабриках. Мы должны ездить на малолитражных автомобилях, более экономных с точки зрения потребления бензина, ограничить потребление электроэнергии да и вообще потребление. Мы должны защищать окружающую среду и сохранить на Земле все биологическое многообразие.

Настоятельное требование сегодняшнего дня — добиться, чтобы каждый человек глубоко осознавал, что любое предпринимаемое им

действие, любой приобретаемый им продукт оказывают влияние на других людей и на условия их проживания. Сегодняшний образ жизни каждого из нас является частицей того огромного целого, что предопределяет будущее наших детей и наследие наших внуков. Как и те, кто в прошлом шел на жертвы во имя нашего будущего, мы должны быть готовы жертвовать — в том числе и самой жизнью — ради того, чтобы оставить потомкам мир, который был бы по крайней мере не хуже того, что достался нам от родителей.

Все люди разные. Я знаю, как легко об этом забыть, — корпоратократия не жалеет сил, чтобы убедить нас, что все мы одинаковы, за исключением того, что одни покупают продукт А, а другие отдадут предпочтение бренду В. Но все мы знаем, что люди влияют друг на друга. Вспомните хотя бы тех, кто работает в RAN, «Международной амнистии», The Pachamama Alliance, MoveOn и подобных организациях. Вспомните людей, которые сыграли важную роль в вашем становлении как личности.

Я вырос в сельском районе штата Нью-Хэмпшир и в детстве даже не подозревал, что в некоторых южных штатах афроамериканцам разрешалось ездить только в задней части автобуса, пока мне не рассказала об этом женщина по имени Роза Паркс. Помню, вокруг нашего дома были настоящие заросли ядовитого плюща. Щедро распыливая ДДТ на его листья, мы не отдавали себе отчета, что убиваем не только этот сорняк, но и рыбу в реках, птиц в лесу, белок и множество других биологических видов.

А потом Рейчел Карсон написала свою «Безмолвную весну», и эта книга заложила основы глобального движения в защиту окружающей среды. Зачинателем другого общественного движения, политического, стал сенатор Юджин Маккарти, который ниспроверг одного из могущественнейших президентов нашей страны, Линдона Джонсона. И хотя сам Маккарти так никогда и не стал президентом, он снискал уважение народа своей бескомпромиссной борьбой за прекращение войны во Вьетнаме.

А Мартин Лютер Кинг-младший и его жена Коретта показали нам, как могущественна может быть мечта. Они прорвались сквозь расовые барьеры — и не только здесь, в США, но и в Южной Африке и многих других уголках мира.

Отец воспитал меня в духе глубокого уважения принципов, заложенных в Декларации независимости, а мама поощряла мое

желание писать статьи в школьную газету и часами слушала, как я репетирую свои выступления в школьном дискуссионном клубе. Думаю, я никогда не написал бы эту книгу, если бы не ощущал моральную поддержку родителей.

Все эти мысли я изложил моим слушателям. Потом взглядом поискал в зале рыжеволосую женщину в голубой блузе. Она уже сидела на своем месте.

«Вы работаете?» — спросил я, глядя на нее. Она утвердительно кивнула. «А можно вас спросить, кем?»

«Я — учительница».

«Удивительно подходящая для нашего дела профессия, — заметил я. — В третьем классе моя учительница миссис Шнар позволила мне выступить против школьных драчунов, а потом учила меня, что свои убеждения нужно всегда защищать точно так же, как свое тело. В колледже на втором курсе преподаватель английского языка Ричард Дэвис привил мне мысль, что перо — более могущественное оружие, чем клинок. Годом позже преподаватель истории Джек Вудбери ознакомил нас с книгами, которые убедили меня, что сильные мира сего тоже уязвимы. “Монархи, — говорил он, — тоже люди. У них тоже есть сердце, как у вас и у меня. Оно тоже чувствует, страдает. Монархи могут быть или вознесены к вершинам власти — или свергнуты”».

Рыжекудрая женщина снова подошла к микрофону. Стоявший возле него мужчина, первый в очереди желающих высказаться, подвинулся, уступая ей место. «Думаю, что всегда знала это, — начала женщина. — Но иногда мне кажется, что проще об этом забыть. Я — учитель. И теперь буду учить, по-настоящему учить».

Час пробил

Какой соблазнительной кажется нам сегодня мысль потребовать стандартных правил решения проблем! Это как раз то, чему нас неустанно учит корпоратократия. Если болит голова, примите белую таблетку, если мучает зависть — розовую. Никаких сомнений в правоте признанных авторитетов. Ответы на все вопросы знает учитель. Или священник. Или политик. Босс. Генеральный директор. Президент.

Шаблонные решения, стереотипы, строгое соблюдение предписанных правил, боязнь хоть в чем-то отклониться от нормы — все эти заранее установленные, предопределенные действия ввергли нас в пучину бед. Мы можем сколько угодно льстить самим себе, уверяя себя, что живем в рациональном обществе, где все поставлено на научную основу. Но горькая правда заключается в том, что мы просто приняли на веру тезис императора, что он один знает ответы на все вопросы. Это ложь.

Недавно у одного моего друга сильно прихватило сердце, и он попал в больницу. После операции врач сообщил ему, что «медицина не может с полной уверенностью утверждать, что обострение произошло из-за неправильной диеты, но такая возможность реальна». В результате мой друг изменил диету.

На мой взгляд, мы, в глобальном масштабе, находимся сейчас точно в таком же положении. Вот показательный факт: наше правительство не желает вносить изменений в природоохранное законодательство, пока не будут представлены абсолютно точные доказательства того, что глобальное потепление вызвано действием углекислого газа, который образуется в результате хозяйственной деятельности человека. Видите? Абсолютно точные доказательства. Интересно, кто способен их представить?

На протяжении всей истории люди, которых мы сегодня уважаем, стремились нарушить статус-кво. Мы преклоняемся перед Гали-

лео Галилеем, Жанной д'Арк, Молли Старк*, Томасом Эдисоном, Симоном Боливаром, Джоном Салком**, Хелен Келлер***, перед Ганди и далай-ламой. Признавая их заслуги, давайте все же вспомним, кем все они были. Простыми людьми, как вы и я. Они тоже знали, что такое страх и мужество, печаль и радость. Конечно, они добились выдающихся достижений, но каждый на своем пути сталкивался с препятствиями, возможно, казавшимися тогда непреодолимыми. Но они продолжали двигаться вперед, экспериментировать, упорствовать и — говоря современным языком — добиваться поставленной цели.

Не существует шаблонных решений, но есть множество людей, которые вдохновят нас на поиски наших собственных. Об этих людях я написал в своей книге — от молодых суданцев до выходца из индейского племени, ставшего президентом страны; от добровольцев, работающих в Корпусе мира, до основателей неправительственных организаций; от студентов колледжа до университетских профессоров, писателей и создателей фильмов.

Это люди, которым небезразлично, что думают те, кто живет рядом с ними, те, кто участвует в работе местной станции Национального общественного радио. Оглянитесь вокруг. Они везде.

А теперь посмотрите в зеркало. Видите? Вы тоже один (или одна) из них.

Вы меняете мир. Каждый день. То, что вы делаете, тем или иным образом влияет на всех живущих рядом с вами. Очень важно понимать это и настроить себя так, чтобы всегда действовать осознанно и позитивно, — так, чтобы мир становился лучше. Посвятите каждый свой день делу создания стабильного, жизнеспособного мира без войн и насилия для всех, кто живет на нашей планете.

Я всегда говорю своим слушателям: «Если вы просите меня сказать, что делать, значит, вы просите меня поступить точно так же, как корпоратократия. Но ведь вы не хотите этого. У каждого из вас

---

* Молли Старк — жена генерала Джона Старка, победителя битвы у Бенningтона в 1777 г. Устроила в своем доме госпиталь, где стала сестрой милосердия и лечила раненых солдат, которые воевали под началом ее мужа. — *Прим. пер.*

** Джонос Салк — создатель вакцины от полиомиелита. — *Прим. пер.*

*** Хелен Адамс Келлер (1880–1968) — известная деятельница Американского общества слепых, автор ряда книг. — *Прим. пер.*

есть собственные мысли, чувства и таланты, совсем непохожие на мои собственные. Хотя существует, конечно, ряд конкретных шагов, которые можно предпринять. Это простые вещи, и вы наверняка о них знаете. Если вы будете делать столько добрых дел, сколько сможете, это подарит вам чувство удовлетворения, а заодно еще на шаг приблизит жизнеспособное будущее». Вот несколько примеров.

Что можно сделать

- Не поддавайтесь соблазну восстановить душевное равновесие при помощи шопинга; лучше бегайте трусцой, медитируйте, читайте или найдите себе какое-нибудь другое занятие.
- Делайте покупки осознанно, только в том случае, если вам действительно нужно то, что вы собираетесь приобрести; покупайте те продукты, упаковка, ингредиенты и методы производства которых поддерживают жизнеспособность и сбережение природы.
- Старайтесь как можно дольше пользоваться всеми вещами, которые у вас есть.
- Делайте покупки в комиссионных магазинах и магазинах для бережливых, чтобы повторно использовать вещи, еще годные к употреблению.
- Протестуйте против соглашений о «свободной» торговле и против фабрик с потогонной системой.
- Пишите письма крупным корпорациям, таким как Monsanto, De Beers, ExxonMobil, Adidas, Ford, General Electric, Coca-Cola и Walmart, которые эксплуатируют работников и наносят ущерб окружающей среде. Объясняйте им, почему вы не желаете покупать их товары.
- Пишите письма благодарности таким компаниям, как Home Depot, Kinko's, Citicorp, Starbucks, Whole Foods и т. п., которые сотрудничают с RAN, «Международной амнистией» и другими неправительственными организациями.
- Сократите потребление бензина и природного газа.
- Поменяйте машину на более экономичную с точки зрения потребления бензина, переезжайте в меньший по размеру дом, уменьшите свой гардероб — словом, сократите все свои материальные запросы.

- Направляйте пожертвования неправительственным организациям, радиостанциям и прочим группам, которые преследуют справедливые цели.
- Посвятите работе в этих организациях свое время и свою энергию.
- Поддерживайте местных предпринимателей.
- Высказывайте магазинам свое пожелание, чтобы они покупали больше товаров у местных производителей и поставщиков.
- Делайте покупки на местном сельскохозяйственном рынке, у местных фермеров.
- Пейте водопроводную воду (если потребуется, заставьте вашу водопроводную компанию улучшить качество воды), но только не покупайте воду в бутылках.
- Отдавайте свой голос за здравомыслящих людей в школьных советах, в органах местного самоуправления, в комитетах и комиссиях, за справедливые постановления и законы, за честных политиков.
- Выставляйте свою кандидатуру на выборные должности.
- Заставляйте тех, кто пользуется вашими деньгами, — банк, пенсионный фонд, взаимный фонд, финансовые компании — делать инвестиции в социально и экологически ответственные предприятия.
- Публично выступайте на форумах.
- Вызовитесь провести в ближайшей к вам школе беседу с учениками о вашем любимом предмете (о пчеловодстве, вышивании, теннисе — да о чем угодно). Используйте свое общение с молодежью, чтобы расшевелить ее, пробудить от спячки, заставить задавать вопросы.
- Вызывайте окружающих на обсуждение «внешних эффектов», реальной цены таких вещей, как загрязнение окружающей среды, плохие, тяжелые или опасные условия работы, разрешенные корпорациям налоговые льготы, субсидирование государством тех или иных видов деятельности, помогающих корпорациям набивать карманы, а также прочих экологических, социальных и политических факторов, которые должны учитываться в затратах корпораций и тем самым — в ценах на их товары и услуги (об этом мы говорили в главе 54). Убедите своих собеседников, что, не оплачивая эти неучтенные корпорациями затраты, мы тем самым грабим будущие поколения.

Боритесь за «налогообложение» внешних эффектов, то есть за более высокие цены на газ, предметы одежды, электричество — только пусть эта разница пойдет на исправление социального и экологического зла, причиненного в процессе производства соответствующих товаров и продуктов.

Предложите организовать семинары в местной библиотеке, в книжном магазине, в клубе или при церкви.

Дополните этот список сами, а потом ознакомьте с ним всех своих знакомых.

Все перечисленные в списке дела так или иначе воздействуют на корпоративных и политических лидеров. Освободить человечество от стальных тисков этой империи мы сможем, только устранив седьмой ее признак, а именно — лишив власти самого императора, то есть корпоратократию. Мы должны трансформировать корпорации, эти инструменты контроля, сосредоточенные в руках корпоратократии, — только таким путем нам удастся создать контуры того мира, который мы хотим оставить в наследство нашим детям. Мы имеем право, мы обязаны потребовать от корпораций, чтобы они стали достойными сознательными гражданами, покончили с имперскими методами и начали наконец действовать в духе законов демократии.

Пусть ваши действия — то, как вы распоряжаетесь деньгами и то, за что отдаете свой голос, — несут мощное послание, что люди, облеченные властью и призванные управлять организациями, должны посвятить себя делу создания стабильного, жизнеспособного мира без войн и насилия.

Мне часто задают такие вопросы: «Что же, значит, вы просите меня больше платить за футболки, которые я ношу? Не ходить в магазины Wal-Mart? Покупать там, где профсоюзы заставляют компании устанавливать более высокие цены?» Далее следуют сетования: «Но я работаю изо всех сил, у меня дети. Я не могу позволить себе идти на такие жертвы».

На это я обычно отвечаю: «Я не прошу вас жертвовать будущим ваших детей. Просто убедитесь, что продукты, которые вы выбираете, произведены социально ответственными компаниями, бережно относящимися к окружающей среде. Wal-Mart не удовлетворяет этим критериям, по крайней мере не всем. Пусть лучше у вас будет меньше футболок, можно же носить дольше те, которые есть. Пом-

ните и о том, что иногда вы переплачиваете и за те продукты, которые сделаны на потогонных фабриках. Товары Nike не слишком дешевы. Сделайте так, чтобы “хорошие” компании и магазины знали, почему вы выбираете их продукцию. А “плохие” пусть знают, почему вы не покупаете у них».

Это, последнее, чрезвычайно важно. Мы должны общими силами распространять на всю планету новые послания. Пусть те, на кого влияют наши действия, узнают о причинах наших поступков и о чувствах, которые мы испытываем. Процветание корпоратократии строится на обмане и замалчивании. Мы должны разоблачить ее ложь.

Вспомните про убийства и коррупцию, о которых рассказано на предыдущих страницах. Разве эти факты не заставляют вас содрогаться? Продолжая жить и покупать несознательно, вы способствуете тому, что подобные истории продолжают, вы, проще говоря, поддерживаете экономических убийц и «шакалов».

Мальчишкой, живя в штате Нью-Хэмпшир, я мечтал родиться в 1700-е годы, чтобы участвовать в Войне за независимость. Сегодня я признателен судьбе, что живу в нынешние времена. Я знаю, что мы с вами сегодня вступаем в одно из величайших начинаний, которые когда-либо разворачивались в нашей стране, в одно из самых увлекательных приключений в мировой истории.

Я хотел бы сделать специальное обращение к тем, кому сегодня за 50. «Многим из вас уже не надо страшиться увольнения, — утверждаю я. — Ваши дети выросли и покинули родительское гнездо. Теперь самое время сказать миру свое слово. Разогните спину, поднимите голову. Станьте наставниками молодых. Встряхните злы правлений. Приступайте к действиям и наслаждайтесь».

А молодым я скажу: «Кто-то из вас может поступить на работу в корпорации и инспирировать перемены изнутри. Других же работа в престижной компании будет развращать; им следует бороться снаружи — участвуя в деятельности неправительственных и прочих подобных организаций. Вам и только вам решать, что для вас самое лучшее. А самое главное, сумейте понять, что успех определяется не размерами вашего дома, не престижностью марки автомобиля или наличием собственной яхты — он приходит тогда, когда вы удовлетворены собой, тем, что поступаете правильно».

Призываю всех присоединяться к активистам общественных организаций. Гражданские движения на протяжении всей нашей исто-

рии имели ключевое значение для нашей демократии — вспомните хотя бы «Сынов свободы» во времена Войны за независимость. А сейчас они нужны, как никогда раньше.

Списки организаций, к работе которых вы можете присоединиться, приводятся в приложениях А и В. Вы можете найти и другие, скажем, через Интернет: поиском по ключевым словам, которые отражают самые сильные ваши надежды и мечты. Выбирайте, какая или какие вам по вкусу.

Принимайте участие в электронных кампаниях, акциях, демонстрациях, пожертвуйте им десять долларов или десять тысяч долларов, вызовитесь участвовать в телефонных опросах или просто попросите их внести вас в свои рассылки — пусть знают, что вы есть, что вы разделяете их взгляды и хотите больше узнать об их работе.

Мы располагаем всеми ресурсами, которые необходимы, чтобы сделать мир стабильным, жизнеспособным и спокойным. Нас обеспечила ими корпоратократия. В этой книге я коснулся всего того, что сегодня является источником нашего недовольства, — образовательной системы, коммуникационных, транспортных и финансовых сетей, природных и прочих ресурсов, научных данных и технологических инноваций.

Все это поможет нам решить проблемы мира. Мы можем сделать так, чтобы в будущем дети не умирали от голода и болезней, можем обеспечить всех элементарными удобствами, сократить разрыв между богатством и бедностью, добиться, чтобы корпорации платили справедливую долю сообществам, в которых действуют. Но главное для этого — и вы, и я должны подняться, чтобы с нами начали считаться.

Корпоратократия процветает не только за счет обмана и замалчивания, но и из-за нашей пассивности. Она рассчитывает на то, что мы так и будем пребывать в летаргии, воспринимать ее рекламу как откровения, бездумно скупать все подряд и закрывать глаза на то, что она уничтожает нашу планету. Этому надо положить конец. Каждый из нас обязан проснуться. Только действия позволят нам гарантировать, что наши дети и внуки унаследуют мир, который не будут разрывать ненависть, страдания, войны и терроризм.

Лично вы обладаете огромной властью; важно, чтобы вы дали выход своим чувствам, направили их в то русло, которое более всего соответствует вашим талантам, и начали действовать. И конечно,

вы должны поступать так, как подсказывает вам сердце, а не по чьей-то указке. Надо просто сделать шаг вперед.

Оптимистичен ли я? Несомненно. Да и как может быть иначе, если мне известно о существовании тысяч организаций, успешно добивающихся перемен, о работниках корпораций, которые только ждут толчка, чтобы начать поступать правильно, о миллионах невоспетых героев, отдающих свои средства и время на благие дела? Кем, как не оптимистом, я должен быть, если знаю наверняка, какой огромной силой влияния мы с вами обладаем?

За последние сто лет мы, американцы, уповали на то, что называли «прогрессом». Мы мечтали об огромных городах, где автомобиль пришел на смену лошади, где электричество освещает наши дома и приводит в действие гигантские предприятия, где мы холодной зимой лакомимся свежими овощами и фруктами. Каждый день мы посвящали себя делам, которые должны были претворить в жизнь эти мечты. Мы много говорили на эту тему, писали книги, делали фильмы и телепередачи, воспевающие наши мечты. Мы призывали всех присоединиться к нам.

Однако, захваченные этой повседневной горячкой, мы не заметили, как позволили кучке людей эксплуатировать нас и наш мир. Они мечтали об империи и использовали все свои информационные ресурсы, чтобы убедить нас, что их империя и есть настоящая демократия, защитник угнетенных и радетель о здоровье планеты. Какими-то неведомыми путями и незаметно для нас наши мечты превратились в оживший ночной кошмар.

Мы позволили этому случиться, и теперь мы же способны это остановить. Как мы сейчас понимаем, наши настоящие мечты — избавить себя от бедности и вести более здоровую, достойную жизнь. Стремясь освободить улицы наших городов от заторов, создаваемых конными экипажами, и обеспечить в зданиях самую элементарную санитарию, желая большего комфорта и разнообразия пищевого рациона, мы придумали для себя мечты, которые поначалу очень даже удовлетворяли нашим желаниям.

Но только на время. Сейчас мы видим, что корпоратократия обманом навязала нам методы, которые иначе как своекорыстными и разрушительными не назовешь. А мечты, в которые она заставила нас верить, обделяют миллиарды людей. Во имя их исполнения корпоратократия уничтожает природу целых регионов вместе с их

флорой и фауной, она угрожает нам самим, нашим потомкам, самому существованию нашей планеты.

Сегодня наша страна удовлетворяет всем семи признакам империи, которые мы рассмотрели в прологе. Это не только совсем не то, чего нам хотелось, но и, в сущности, прямо противоречит нашим главным принципам. Мы желаем чего-то более важного и существенного, нежели безудержное потребление и комфорт, который создают наши современные города, автомобили, заводы и торговые пассажи. Наша мечта — о жизни, о мире во всем мире, о стабильности, о жизнеспособности планеты, о том, чтобы родители передали своим детям самые священные наши идеалы.

Многие современные реалии и наши возможности определяются тем, как мы воспринимаем мир. Суть проблем, которые мы, люди, сами создали в этом мире, а также их решений сформулировала выпускница средней школы г. Хэдли, штат Массачусетс, Сэйра Эллин Херрик. Девушка слышала напутственную речь, которую я произнес в 2006 году на выпускном вечере в ее школе, когда она еще училась в предпоследнем классе. Следующей осенью Сэйра написала такое эссе.

В первый раз весь мир целиком я увидела во втором классе, на географической карте. Океаны были голубого цвета, а страны — желтого, зеленого и розового. Такой облик Земли формировался у людей на протяжении сотен лет.

Но однажды я хочу увидеть нашу планету такой, какая она есть, — такой, какой она представляется не кому-то другому, а именно мне. Я хочу увидеть наш земной шар, несущийся в темноте космоса, словно из иллюминатора космического челнока. Я хочу убедиться в том, что границы и названия стран, которые напечатаны на карте, — не более чем наши выдумки.

Осознав преходящий характер нарисованных человеком границ, которые нас разделяют, мы сможем понять, как на самом деле тесно связаны друг с другом все мы, живущие на этой планете. Пусть все то правдивое, что нам показывают и чему нас учат, останется с нами навсегда. Но все же я думаю, что наша задача как нарождающегося мирового сообщества состоит в том, чтобы переосмыслить хотя бы основные предубеждения, осознать, что они собой представляют и какое воздействие на нас оказывают.

Глава 65. Час пробил

Только тогда мы сможем приступить к действиям, которые обеспечат выживание будущих поколений.

Настало время предпринимать эти действия. Мы обладаем всем необходимым, чтобы реализовать наше новое видение. В нашем распоряжении все ресурсы, сети, системы. В последние годы мы осознали и то, что у нас есть воля. У нас — у вас и у меня — есть все нужные для этого инструменты.

Пробил час — настало время изменить мир.

Приложение А

Организации, упомянутые в тексте

Amnesty International

<http://www.amnesty.org>

Cinema Libre Studio

<http://www.cinematlibrestudio.com>

Democracy Now!

<http://www.democracynow.org>

Dream Change

<http://www.dreamchange.org>

Ecova-mali

(основана Грегори Флатом, Синтией Хеллман и Сири Диалло, которые выступают за устойчивое развитие в Мали)

<http://www.ecovamali.org>

Educating for Justice

(основана кинодокументалистами Джимом Киди и Лесли Кретцу, которые жили в Индонезии вместе с рабочими компании Nike),

<http://www.educatingforjustice.org>

Sweat, the film depicting conditions of Nike workers:

<http://www.sweatthefilm.org>

Global Awareness and Change Club (GAC)

(основан студентами-второкурсниками Джоуэлом Брэм и Тайлером Томпсоном)

<http://www.dreamchange.org>, см. «Dream Change Projects»

Global Dialogue Center, The

<http://www.globaldialoguecenter.com>

MoveOn

<http://www.moveon.org>

Pachamama Alliance, The

<http://www.pachamama.org>

Rainforest Action Network

<http://www.ran.org>

Приложение В

Отправной пункт подхода к живой демократии

Франс Мур Лаппё,

автор книги «Диета для маленькой планеты» (Diet for a Small Planet) и «Передний край демократии: наш выбор — спасти свою страну, претворяя в жизнь демократию» (Democracy's Edge: Choosing to Save Our Country by Bringing Democracy to Life)

Инициативы сотен тысяч граждан по всей стране трансформируют само понятие демократии в практику реальной жизни.

Связавшись с этими людьми и почерпнув их опыт, вы непременно найдете возможность, чтобы подключиться к борьбе за уничтожение порочного круга разрушения. В своей книге «Передний край демократии», вышедшей в 2006 году, я попыталась обобщить уроки деятельности этих людей. Джон Перкинс любезно предложил мне поделиться с его читателями данными об организационных и других ресурсах, которые содержатся в упомянутой мною книге. В приведенном ниже списке перечислены лишь те организации, что более или менее соответствуют теме книги Джона. Более полные данные можно найти в моей книге «Передний край демократии».

Приглашаю также посетить наш сайт <http://www.democracysedge.org/>, где вы найдете дополнительные ссылки. По многим из них имеются информационные бюллетени, на которые вы можете подписаться, и перечни полезных публикаций. По другим ссылкам вы найдете программы обучения. Милости просим, обращайтесь и вдохновляйтесь!

Приглашаю вас посетить сайт American News Service (мою ленту новостей 1990-х годов), где имеется доступ к онлайн-овому архиву, содержащему 1600 не утративших своей актуальности рассказов о том, как граждане борются за решение самых животрепещущих проблем нашей жизни — от улучшения системы здравоохранения до реформирования тюрем. Вот адрес: <http://www.smallplanetinstitute.org/ans.php>.

Организации, занимающиеся экологическими и социальными проблемами национального и международного уровня

Association of Community Organizations for Reform Now (ACORN)

Tel.: (877) 55ACORN

Web site: <http://www.acorn.org>

Bioneers

Tel.: (877) BIONEER

Web site: <http://www.bioneers.org>

The Gamaliel Foundation

Tel.: (312) 357-2639

Web site: <http://www.gamaliel.org>

Industrial Areas Foundation (IAF)

Tel.: (312) 245-9211

Web site: <http://www.industrialareasfoundation.org>

National People's Action (NPA)

Tel.: (312) 243-3038

Web site: <http://www.npa-us.org>

National Training and Information Center (NTIC)

Tel.: (312) 243-3035

Web site: <http://www.ntic-us.org>

Pacific Institute for Community Organizations (PICO)

Tel.: (510) 655-2801

Web site: <http://www.piconetwork.org>

Организации, содействующие дальнейшей демократизации политической системы

Center for Responsive Politics

Tel.: (202) 857-0044

Web site: <http://www.opensecrets.org>

Center for Voting and Democracy

Tel.: (301) 270-4616

Web site: <http://www.fairvote.org/irv>

Приложение В

Clean Elections Institute, Inc.

Tel.: (602) 840-6633

Web site: <http://www.azclean.org>

Common Cause

Tel.: (202) 833-1200

Web site: <http://www.commoncause.org>

InstantRunoff.com

Tel.: (312) 587-7060

Web site: <http://www.instantrunoff.com>

League of Independent Voters/League of Pissed-Off Voters

Tel.: (212) 283-8879

Web site: <http://www.indyvoter.org>

League of Women Voters

Tel.: (202) 429-1965

Web site: <http://www.lwv.org>

Public Campaign

Tel.: (202) 293-0222

Web site: <http://www.publiccampaign.org>

Public Citizen

Tel.: (202) 588-1000

Web site: <http://www.citizen.org>

Working Families Party

Tel.: (718) 222-3796

Web site: <http://www.workingfamiliesparty.org>

Организации, содействующие дальнейшей демократизации экономики

The Alliance for Democracy

Tel.: (781) 894-1179

Web site: <http://www.thealliancefordemocracy.org>

American Independent Business Alliance (AMIBA)

Tel.: (406) 582-1255

Web site: <http://www.amiba.net>

As You Sow Foundation

Tel.: (415) 391-3212

Web site: <http://www.asyousow.org>

Bi-Mart

Tel.: (800) 456-0681

Web site: <http://www.bimart.com>

Business Alliance for Local Living Economies (BALLE)

Tel.: (415) 348-6254

Web site: <http://www.livingeconomies.org>

Center for Working Capital

Tel.: (202) 974-8020

Web site: <http://www.centerforworkingcapital.org>

Citizens Trade Campaign

Tel.: (202) 778-3320

Web site: <http://www.citizenstrade.org>

Clean Clothes Connection

Tel.: (207) 947-4203

Web site: <http://www.cleanclothesconnection.org/search.asp>

Coalition for Environmentally Responsible Economies (CERES)

Tel.: (617) 247-0700

Web site: <http://www.ceres.org>

Co-Op America

Tel.: (800) 584-7336

Web site: <http://www.coopamerica.org>

Corporate Accountability International

Tel.: (617) 695-2525

Web site: <http://www.stopcorporateabuse.org>

The Corporation

Web site: <http://www.thecorporation.com>

Приложение В

Domini Social Investments

Tel.: (800) 762-6814

Web site: <http://www.domini.com>

Dow Jones Sustainability World Index (DJSI World)

Zurich, Switzerland

Tel.: (+41-1) 395-2828

Web site: <http://www.sustainability-index.com>

Ecological Footprint Quiz

Web site: <http://www.myfootprint.org>

E. F. Schumacher Society

Tel.: (413) 528-1737

Web site: <http://www.schumachersociety.org>

Fair Labor Association

Tel.: (202) 898-1000

Web site: <http://www.fairlabor.org>

Fair Trade Resource Network

Tel.: (202) 234-6797

Web site: <http://www.fairtraderesource.org>

GreenMoney Journal

Tel.: (800) 849-8751

Web site: <http://www.greenmoney.com>

Greenpeace, Inc.

Tel.: (800) 326-0959

Web site: <http://www.greenpeaceusa.org>

IdealsWork.com

Web site: <http://www.idealswork.com>

Institute for Local Self-Reliance

Tel.: (612) 379-3815

Web site: <http://www.ilsr.org>; www.newrules.org

Interfaith Worker Justice (IWJ)

Tel.: (773) 728-8400

Web site: <http://www.iwj.org>

International Labor Organization

Tel.: (202) 653-7652

Web site: <http://www.us.ilo.org>

Justice Clothing

Tel.: (207) 941-9912

Web site: <http://www.justiceclothing.com>

National Center for Employee Ownership (NCEO)

Tel.: (510) 208-1300

Web site: <http://www.nceo.org>

National Cooperative Business Association

Tel.: (202) 638-6222

Web site: <http://www.ncba.coop>

Natural Step

Tel.: (415) 318-8170

Web site: <http://www.naturalstep.org>

No Sweat Apparel

Tel.: (877) 992-7827

Web site: <http://www.nosweatapparel.com>

Program on Corporations, Law and Democracy (POCLAD)

Tel.: (508) 398-1145

Web site: <http://www.poclad.org>

ReclaimDemocracy.org

Tel.: (406) 582-1224

Web site: <http://reclaimdemocracy.org>

Redefining Progress

Tel.: (510) 444-3041

Web site: <http://www.rprogress.org>

Приложение В

Social Accountability International (SAI)

Tel.: (212) 684-1414

Web site: <http://www.cepaa.org>

Social Investment Forum

Tel.: (202) 872-5319

Web site: <http://www.shareholderaction.org>

Sustainable Connections

Tel.: (360) 647-7093

Web site: <http://www.sconnect.org>

TransFair USA

Tel.: (510) 663-5260

Web site: <http://www.transfairusa.org>

Trillium Asset Management

Tel.: (800) 548-5684

Web site: <http://www.trilliuminvest.com>

Unionwear

E-mail: resource@unionwear.com

Web site: <http://www.unionwear.com>

United Nations Global Reporting Initiative (GRI)

Amsterdam, Netherlands

Tel.: (+31-0-20) 531 00 00

Fax: (+31-0-20) 531 00 31

Web site: <http://www.globalreporting.org>

United Students Against Sweatshops (USAS)

Tel.: (202) 667-9328

Web site: <http://www.studentsagainstsweatshops.org>

United Students for Fair Trade

E-mail: linam@gwu.edu

Web site: <http://www.usft.org>

Verité

Tel.: (413) 253-9227

Web site: <http://www.verite.org>

Walden Asset Management

Tel.: (617) 726-7250

Web site: <http://www.waldenassetmgmt.com>

White Dog Café

Tel.: (215) 386-9224

Web site: <http://www.whitedog.com>

Workers Rights Consortium (WRC)

Tel.: (202) 387-4884

Web site: <http://www.workersrights.org>

**Организации, содействующие более демократическому,
устойчивому подходу к вопросам продовольствия**

American Community Garden Association

Tel.: (877) 275-2242

Web site: <http://www.communitygarden.org>

American Corn Growers Association

Tel.: (202) 835-0330

Web site: <http://www.acga.org>

Community Food Security Coalition

Tel.: (310) 822-5410

Web site: <http://www.foodsecurity.org>

EarthSave International

Tel.: (800) 362-3648

Web site: <http://www.earthsave.org>

Food First/Institute for Food and Development Policy

Tel.: (510) 654-4400

Web site: <http://www.foodfirst.org>

Global Resource Action Center for the Environment (GRACE)

Tel.: (212) 726-9161

Web site: <http://www.gracelinks.org>

Приложение В

Heifer International

Tel.: (800) 422-0474

Web site: <http://www.heifer.org>

Local Harvest

Tel.: (831) 475-8150

Web site: <http://www.localharvest.org>

National Campaign for Sustainable Agriculture

Tel.: (845) 361-5201

Web site: <http://www.sustainableagriculture.net>

National Cooperative Grocers Association

Tel.: (251) 621-7675

Web site: <http://www.ncga.coop>

National Farm to School Program

Tel.: (323) 341-5095

Web site: <http://www.farmtoschool.org>

National Gardening Association

Tel.: (800) 538-7476

Web site: <http://www.kidsgardening.com>

Organic Consumers Association

Tel.: (218) 226-4164

Web site: <http://www.organicconsumers.org>

Организации, занимающиеся преобразованием медиасреды

Alliance for Community Media

Tel.: (202) 393-2650

Web site: <http://www.alliancecm.org>

Allied Media Projects

E-mail: info@alliedmediaprojects.org

Web site: <http://www.clamormagazine.org/allied/about.html>

Center for Digital Democracy

Tel.: (202) 986-2220

Web site: <http://www.democraticmedia.org>

Center for International Media Action

Tel.: (646) 249-3027

Web site: <http://www.mediaactioncenter.org>

Center for Media & Democracy (Publisher of PR Watch)

Tel.: (608) 260-9713

E-mail: editor@prwatch.org

Web site: <http://www.prwatch.org>

Fairness and Accuracy in Reporting (FAIR)

Tel.: (212) 633-6700

Web site: <http://www.fair.org>

Media Access Project

Tel.: (202) 232-4300

Web site: <http://www.mediaaccess.org>

MediaRights

Tel.: (646) 230-6288

Web site: <http://www.mediarights.org>

Media Tenor

Tel.: (212) 448-0793

Web site: <http://www.mediatenor.com>

Microcinema International

Tel.: (415) 864-0660

Web site: <http://www.microcinema.com>

Openflows Networks, Ltd.

Tel.: (416) 531-5944

Web site: <http://openflows.org>

Reclaim the Media

E-mail: universaldeclaration@reclaimthemedias.org

Web site: <http://www.reclaimthemedias.org>

Third World Majority

Tel.: (510) 682-6624

Web site: <http://www.cultureisaweapon.org>

Интерактивные СМИ и новые источники информации

AlterNet

Web site: <http://www.alternet.org>

Coalition of Immokalee Workers/Radio Conciencia

Tel.: (239) 657-8311

Web site: <http://www.ciw-online.org>

Common Dreams News Center

Web site: <http://www.commondreams.org>

Free Press

Tel.: (866) 666-1533

Web site: <http://www.freepress.net>

Free Speech TV

Tel.: (303) 442-8445

Guerrilla News Network/GNN.tv

Web site: <http://www.guerrillanews.com>

Hometown Utilicom (public Internet utility)

Tel.: (610) 683-6131

Web site: <http://www.hometownutilicom.org>

Independent Media Center

Web site: <http://www.indymedia.org/en/index.shtml>

In the Mix

Tel.: (800) 597-9448

Web site: <http://www.pbs.org/inthemix>

The Meatrix

Web site: <http://www.themeatrix.com>

Pacifica Radio

Tel.: (510) 849-2590

Web site: <http://www.pacifica.org>

Thin Air Radio

Tel.: (509) 747-3807

Web site: <http://www.thinairradio.org>

Tompaine.com

Web site: <http://www.tompaine.com>

TruthOut

Web site: <http://truthout.org>

Организации, занимающиеся вопросами образования

Big Picture Schools

Tel.: (401) 781-1873

Web site: <http://bigpicture.org>

Center for Collaborative Education

Tel.: (617) 421-0134

Web site: <http://www.ccebos.org>

Coalition of Essential Schools

Tel.: (510) 433-1451

Web site: <http://www.essentialschools.org>

Educators for Social Responsibility

Tel.: (617) 492-1764

Web site: <http://www.esrnational.org>

Forum for Education and Democracy

Tel.: (740) 448-3402

Web site: <http://www.forumforeducation.org>

Institute for Student Achievement

Tel.: (516) 812-6700

Web site: <http://www.studentachievement.org>

KIDS Consortium

Tel.: (207) 784-0956

Web site: <http://www.kidsconsortium.org>

School Mediation Associates

Tel.: (617) 926-0994

Web site: <http://www.schoolmediation.com>

Приложение В

School Redesign Network
Tel.: (650) 725-0703
Web site: <http://www.schoolredesign.net>

YouthBuild USA
58 Day Street
Somerville, MA 02144
Tel.: (617) 623-9900
Web site: <http://www.youthbuild.org>

Организации, занимающиеся поддержанием общественного диалога

Conversation Cafés
New Road Map Foundation
Tel.: (206) 527-0437
Web site: <http://www.conversationcafe.org>

Meetup, Inc.
Tel.: (212) 255-7327
Web site: <http://www.meetup.com>

National Coalition for Dialogue and Deliberation
Tel.: (802) 254-7341
Web site: <http://www.thataway.org>

September Project
E-mail: info@theseptemberproject.org
Web site: <http://www.theseptemberproject.org>

Study Circles Resource Center
Tel.: (860) 928-2616
Web site: <http://www.studycircles.org>

Организации, занимающиеся правовыми проблемами

Justice Policy Institute
Tel.: (202) 363-7847
Web site: <http://www.justicepolicy.org>

Men Against Destruction-Defending Against Drugs and Social Disorder (MAD DADS)

Tel.: (904) 388-8171

Web site: <http://www.maddads.com>

National Association for Community Mediation

Tel.: (202) 667-9700

Web site: <http://www.nafcm.org>

National Youth Court Center

Tel.: (859) 244-8193

Web site: <http://www.youthcourt.net>

Sentencing Project

Tel.: (202) 628-0871

Web site: <http://www.sentencingproject.org>

Time Dollar USA

Tel.: (202) 686-5200

Web site: <http://www.timedollar.org>

Приложение С

Список рекомендуемой литературы

- Cohen, Ben, and Mal Warwick. *Values-driven Business: How to Change the World, Make Money, and Have Fun*. San Francisco: Berrett-Koehler, 2006.
- Derber, Charles. *Regime Change Begins at Home*. San Francisco: Berrett-Koehler, 2004.
- Eisler, Riane. *The Real Wealth of Nations: Creating a Caring Economics*. San Francisco: Berrett-Koehler, 2007.
- Farmer, Paul. *Pathologies of Power: Health, Human Rights, and the New War on the Poor*. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Floyd, Esme. *1001 little Ways to Save Our Planet: Small Changes to Create a Greener, Eco-friendly World*. London: Carlton Books, 2007.
- Garrison, Jim. *America as Empire: Global Leader or Rogue Power?* San Francisco: Berrett-Koehler, 2004.
- Goodman, Amy, with David Goodman. *The Exception to the Rulers: Exposing Oily Politicians, War Profiteers, and the Media That Love Them*. New York: Hyperion, 2004.
- Hammel, Laury, and Gun Denhart. *Growing Local Value: How to Build Business Partnerships That Strengthen Your Community*. San Francisco: Berrett-Koehler, 2007.
- Henderson, Hazel, and Daisaku Ikeda. *Planetary Citizenship: Your Values, Beliefs and Actions Can Shape a Sustainable World*. Santa Monica, CA: Middleway Press, 2002.
- Henry, James S., and Bill Bradley. *The Blood Bankers: Tales from the Global Underground Economy*. New York: Four Walls Eight Windows, 2003.
- Hiatt, Steven, editor, with an introduction by John Perkins. *A Game as Old as Empire: The Secret World of Economic Hit Men and the Web of Global Corruption*. San Francisco: Berrett-Koehler, 2007.
- Kabat-Zinn, John. *Coming to Our Senses: Healing Ourselves and the World Through Mindfulness*. New York: Hyperion, 2005.

- Korten, David. *When Corporations Rule the World*. San Francisco: Berrett-Koehler, 2001.
- Lappé, Frances Moore. *Democracy's Edge: Choosing to Save Our Country by Bringing Democracy to Life*. San Francisco: Jossey-Bass, 2006.
- Mander, Jerry, and Edward Goldsmith, eds. *The Case Against the Global Economy and for a Turn Toward the Local*. San Francisco: Sierra Club Books, 1996.
- Palast, Greg. *The Best Democracy Money Can Buy*. New York: Plume, 2004.
- Roberts, Llyn. *The Good Remembering: A Message for Our Times*. New York: O Books, 2007.
- Rodriguez, Felix L., and John Weisman. *Shadow Warrior: The CIA Hero of a Hundred Unknown Battles*. New York: Simon and Schuster, 1989.
- Rossi, M. L. *What Every American Should Know About the Rest of the World*. New York: Plume, 2003.
- Stiglitz, Joseph E. *Globalization and Its Discontents*. New York: W. W. Norton, 2003.
- Twist, Lynne. *The Soul of Money: Transforming Your Relationship with Money and Life*. New York: W. W. Norton, 2003.
- Zinn, Howard. *People's History of the United States: 1492 to Present*. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2005.

Об авторе

Джон Перкинс — автор книги «Исповедь экономического убийцы», потрясающего разоблачения глобальной коррупции, книги, которая свыше года входила в списки бестселлеров *New York Times* и уже переведена на более чем 30 языков. Джон Перкинс — основатель и член правления двух некоммерческих организаций, Dream Change и Pachamama Alliance, цель которых — пробудить общественное сознание и построить для будущих поколений стабильный, жизнеспособный мир без войн и насилия. Д. Перкинс читает лекции и преподает в университетах четырех континентов, в том числе в Гарварде, Уортоне и Принстоне. Он активно участвует в общественной жизни и борется за справедливое разрешение экологических и социальных проблем.

<http://www.johnperkins.org>

Предметный указатель

А

- Абача, Сани 319, 322
Агентство международного
развития 32, 198, 236, 237,
241–243, 245, 250, 254, 341
Агентство национальной
безопасности 69, 70, 310
Азиатский банк развития 32
Альенде, Сальвадор 113, 142, 146,
153, 175, 311
Амазония 30, 52, 53, 93, 97, 98, 100,
127, 132, 145, 354, 361, 380, 391, 392
Амин, Иди 345
Арбенс, Хакобо 118
Армас, Карлос Кастильо 119
АФТ-КПП 383
Ачех, провинция 67, 71, 75, 76, 77, 78

Б

- Бачелет, Мишель 176, 194
Блейдс, Джоан 385
Ближний Восток 98, 155, 195, 215,
220–225, 227, 229, 230, 232, 234, 235,
238, 240, 242, 243, 246, 249, 251, 253,
254, 262, 265, 271, 272, 275, 276, 277,
279, 281, 284, 286, 293–295, 298,
306, 307, 317, 324, 325, 344, 351, 373,
380, 393, 400
Бойд, Уэс 385
Боливар, Симон 189, 212, 411
Боливия 127, 130–137, 140–142, 144,
156, 161, 163, 165, 169, 170, 171–174,
188–190, 192–194, 210–211, 212,
325, 326

- Брандо, Марлон 235, 293
Брин, Сергей 382
Британия 24, 202, 231, 252, 374, 380
Брэй, Джоуэл 400
Брюн, Майк 369, 371
Буш, Джордж 77, 124, 148, 154, 155,
161, 162, 169, 179, 180, 181, 189,
190, 191, 275, 322, 399, 400

В

- Васкес, Табаре Рамон 175
Венесуэла 127, 151–155, 161, 162, 165,
177, 182, 194, 195, 199, 201, 203,
212, 325
Война за независимость 30, 353, 354,
358, 374, 380, 415, 416
Восточный Тимор 69, 70
Всемирный банк 12, 13, 16–19, 25,
32, 50, 57–59, 78, 104–106, 107,
110–112, 120, 127, 136, 139, 142,
147, 152, 159, 162, 163, 165, 166,
168, 173, 188, 189, 195, 198, 221,
234, 255, 256, 324, 326, 337, 339,
344, 355, 374, 375, 391
Всемирный социальный форум 163,
175, 176
Вьетнамская война 286
- ### Г
- Гватемала 31, 117–119, 120, 125, 142,
144, 146, 147, 176, 193, 213, 390
Гевара, Че 132, 133, 305
Генри, Патрик 374

Предметный указатель

Гитлер, Адольф 345, 405
Голлин, Джим 350, 368
Гутьеррес, Лусио 162, 189

Д

Дарфур, провинция 335, 346, 385
Движение за свободный Ачех 76–78
Джакарта 29, 33, 37, 39, 41, 63, 65–67,
82, 109, 312
Джексон, Джесси 387, 388
Джефферсон, Томас 30
Джонсон, Линдон 408
Добер, Джейк 224, 282
Доу, Сэмюэль 322
Дьем, Нго Дин 31

З

Замботти, Бруно 224, 248, 263, 264,
266, 310
Зибечи, Рауль 202

И

Израиль 202, 221, 224–226, 228,
231–233, 243, 247, 251, 260, 268,
270, 271, 273, 276, 277, 281, 284,
285, 287
Индонезия 19, 31–33, 37, 41, 47,
50–54, 57–60, 62–65, 67, 69–73,
75–77, 80, 82, 84, 86, 89, 103, 105,
110, 120, 168, 176, 198, 229, 236,
238, 293, 302, 325, 383, 421
Иран 31, 32, 120, 146, 154, 155, 176,
202, 220–222, 225, 229, 243, 244,
246, 249, 261–263, 265, 270–273,
275, 280, 281, 284, 285, 287, 293,
302, 305

К

Кабила, Лоран 322
Кадена, Мона 382
Камминг, Йан 136
Карсон, Рейчел 360, 408
Касем, Абдель Керим 31, 146, 232,
233, 275

Кастро, Фидель 113
Кермит, Рузвельт 220–222, 284
Киди, Джим 61, 421
Кинг-младший, Мартин Лютер 408
Кирхнер, Нестор 175
Киссинджер, Генри 70, 239, 302
Китай 59, 71, 89, 94, 99, 105, 110, 111,
113, 196, 281, 283, 305, 377, 382
Клинтон, Билл 73, 77, 184, 322, 380,
385
Колумбия 16, 82, 144, 154, 201, 202,
212
Комиссия по ценным бумагам
и биржам 168
Корбин, Джек 299, 309, 310, 313, 320,
323
Корпоратократия 11, 15, 20, 23, 24,
29, 57, 71, 73, 78, 79, 101, 102, 107,
110, 130, 132, 134, 139, 142, 143,
146, 147, 151, 152, 156, 157, 166,
170, 172, 175, 176, 179, 184, 188,
192, 193, 195, 196, 200, 201, 214,
219, 220–223, 226, 227, 244, 274,
277, 278, 281, 283–286, 301, 305,
308–310, 317–320, 322, 326, 328,
337, 351–354, 356, 365–368, 371,
373, 374, 377, 379, 391, 399, 400,
406, 408, 410, 411, 414–417
Корпус мира 16, 30, 39, 50, 53, 131,
132, 144, 146, 237, 310, 336–339,
343, 396
Кочабамба 165, 168–170, 193
Кретцу, Лесли 61, 421
Крилл, Дженнифер 371
Кувейт 155, 221, 229, 246, 250, 274,
281, 285

Л

Ладен, Усама бен 281, 284, 335
Латинская Америка 113, 127, 129,
136, 139, 142, 144, 148, 153, 155,
156, 177, 190, 194–196, 200, 202,
210, 214, 215, 295, 324, 330, 344, 393
Ливан 228–237, 276, 285, 287, 294
Линера, Альваро Гарсиа 193

Лосада, Гонсало Санчес де 188
 Лула 155, 156, 162, 175, 177, 181
 Лумумба, Патрис 31, 322, 332
 Лхаса 99, 103, 106, 108

М

Маккарти, Юджин 408
 Маккинни, Синтия 334
 Макколл, Карл 387
 МВФ 16, 18, 57–59, 72, 104–107, 110,
 111, 133, 135, 147, 152, 153, 156,
 159, 163, 165, 173, 189, 195, 200,
 221, 234, 247, 344, 375, 377, 391
 Межамериканский банк развития 136
 Международная организация
 труда 383
 Международный фонд сохранения
 Лёсера 78
 Менкам, Джеймс 308, 315
 Министерство финансов США 226
 Мишель, Джеймс 317
 Моралес, Эво 130, 171–173, 188–194,
 210–213, 326
 Мохаммед Моссадык 31, 220
 Мучала, Беатрис 183–187

Н

Найт, Фил 86
 Насер, Гамаль Абдель 242
 Национальное общественное радио
 США 78
 Непал 62, 90, 98, 108, 272
 Нобл, Чарльз 168, 310
 Норвега 113, 180, 197, 203

О

Обасанджо, Олусегун 322

П

Паласио, Альфредо 189
 Паризер, Эли 386
 Пейдж, Лэрри 382
 Пейн, Томас 30, 40, 144

Пехлеви, Мохаммед Реза 221
 Пиночет, Аугусто 176
 Питтс, Чип 383

Р

Рене, Франс-Альберт 308
 Рич, Джордж 248–250, 254, 258, 262,
 291, 294, 298
 Робертс, Ллин 12, 398, 400
 Розенталь, Мила 382
 Рольдос, Хайме 142, 157, 158,
 204–208, 274, 313
 Роча, Мануэль 172, 190

С

Савала, Хайме Галарза 206, 207
 Садат, Анвар 225, 247, 256, 259, 291
 Саро-Вива, Кена 318, 319
 Саудовская Аравия 18, 21, 169, 223,
 225–227, 229, 246, 273, 276, 281,
 285, 311, 335
 Северная Корея 113
 Семел, Терри 382
 Сесе Секо, Мобуту 322, 332
 Сирия 224, 225, 230, 232, 233, 246,
 247, 270, 272, 276, 285, 287
 Сперлинг, Эхуд 145, 213
 Сталин, Иосиф 32, 344
 Сулавеси 52, 53, 55, 69, 84
 Сухарто, Хаджи Мохаммед 32, 50,
 53, 66, 69–73, 75, 80–82, 84, 134, 295

Т

Тангеранг 63, 64
 Твист, Билл 200, 390
 Твист, Линн 125, 390, 393
 Толедо, Алехандро 196
 Томпсон, Тайлер 400
 Туре, Амаду 337

У

Уотергейт 404

Ф

Фокс, Висенте 196
Форд, Джеральд 70, 303
Франклин, Бенджамин 374

Х

Харамильо, Пепе 117, 120–130, 213, 214
Харири, Рафик 285
Хейз, Рэнди 359, 360, 369
Хименес Бело, Карлос Фелипе 70
Хог, Элайз 370
Холл, Мак 241, 242, 245, 249, 293, 310
Хосе Рамос-Орта 70
Хусейн, Саддам 124, 154, 233, 273–275
Хэнд, Джудит 101

Ц

Цетанг 90, 91, 103
Цзиньтао, Ху 196

Ч

Чавес, Уго 151–156, 161, 162, 173, 177, 189, 190, 194, 199, 200, 212, 261, 359

Ш

Школа двух Америк 203, 274
Шуары 93, 100, 101, 144, 149, 150, 157–159

Э

Эквадор 39, 120, 127, 131, 132, 142, 144–146, 148, 153, 156, 157, 159, 161–165, 168, 189, 190, 194, 197, 200, 204–209, 212, 213, 237, 313, 390–392
Элисон, Герберт 388
Эстенссоро, Виктор Пас 133, 142

Я

Янг, Джерри 382

В

Bechtel 165, 168–170, 173, 193, 273
Business Week 382

С

CityplaceBoston Common Asset Management 383
COBEE 135, 141
Coca-Cola 328, 388, 412

Д

Dag Hammarskjöld Foundation 177
Democracy Now! 12, 70, 77, 194, 319, 421
Dream Change 12, 150, 157–159, 354, 365, 421, 439

Е

ExxonMobil 375, 383, 412

F

Ford 355, 412
Fortune 358, 369
Freeport-McMoRan 83, 88

G

General Motors 355
Global Awareness and Change 400, 401, 421
Global Awareness and Change, GAC 400, 401, 421
Google 382

Н

Harley-Davidson 355
Heavily Indebted Poor Countries 375
Hewlett-Packard 355
Home Depot 368, 400, 412

I

Intercontinental Indonesia 32, 47, 48, 51, 65, 109, 224, 282

J

Jumpstart Ford, проект 370, 371

L

Leucadia 135, 136, 138, 142, 143, 171

M

MAIN 29, 32, 50, 167, 221, 224, 226,
238, 241, 248–250, 253, 258, 262,
263, 274, 282, 283, 293, 294, 302, 310

Mitsubishi 359, 361–363, 365, 367

Mitsubishi Electric America 359

Mitsubishi Motor Sales of America 359

MoveOn 385, 386, 396, 408, 422

N

Newmont 84, 88

New Belgium Brewing Company 396

Nike 60–66, 86–88, 355, 415, 421

Nomura 368

O

Opportunities Industrialization Centers
International 339

P

Pachamama Alliance 12, 150, 151, 157,
200, 370, 390, 396, 408, 422, 439

R

Rainforest Action Network, RAN 349,
350, 352, 358–363, 365, 366–373,
381, 382, 386, 396, 400, 408, 412

S

SAMA 21, 227, 228, 274

SAP 72, 105, 133–135, 147, 163

Shell Oil Company 318, 319, 355

SWEC 80, 88, 117, 120, 121, 127

T

Texaco 387

The Pachamama Alliance (TPA) 12,
150, 151, 157, 200, 370, 390, 392,
393, 396, 408, 422, 439

TIAA-CREF 388, 389

Tricycle The Buddhist Review 358

U

United Fruit 118–120

W

Walden Asset Management 383, 430

Y

Yahoo! 382

ПЕРКИНС ДЖОН

*Тайная история
американской
империи*

*Экономические убийцы
и правда о глобальной коррупции*

Технический редактор *Н. Лисицына*
Корректор *О. Ильинская*
Компьютерная верстка *Е. Сенцова*
Художник обложки *В. Петрухин*

Подписано в печать 29.01.2008. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 28 печ. л. Тираж 7000 экз. Заказ №

Альпина Бизнес Букс
123060, Москва, а/я 28
Тел. (495) 980-53-54
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru